СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ XLI, 1893 г. Апрѣль, Май и Іюнь.

стр.

I. КОНСТАНТИНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ТРУТОВСКІЙ (Некрологъ). **Н Шугурова**. . . . . 1—VI

II. РОДІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ ДМИТРАШКО, ПОЛКОВНИКЪ ПЕРЕЯСЛАВСКІЙ. **А. Стороженка**. . . . . 1—28

III. ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МАЛОРОССІЮ АКАДЕМИКА ГИЛЬДЕНШТЕДТА И КН. ДОЛГОРУКАГО. *(Окончаніе)*. **Л. Синицкаго**. 29—49

IV. ЗАМѢТКИ И ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ АФАНАСІѢ ВАСИЛЬЕВИЧѢ МАРКОВИЧѢ. **Дмитрія Марковича**. . . . . 50—77

V. НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ БЫЛОЙ ЖИЗНИ ДУХОВЕНСТВА ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ. *(Окончаніе)*. **В. Храневича** . 78—97

VI. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА ГРИГОРІЯ АНДРЕЕВИЧА ПОЛЕТИКИ. (1750—1784 г.). *(Продолженіе)*. 98—119, ... 209—227, 491—506

VII. ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АВТОНОМА АКИМОВИЧА СОЛТАНОВСКАГО. . . . . 120—133, 292—307, 474—490

VIII. РАСКОПКИ НА КНЯЖЕЙ ГОРѢ ВЪ 1892 г. **Ник. Бѣляшевскаго**. . . . . 134—142

стр.

IX. САНИ ВЪ ПОХОРОННОМЪ ОБРЯДѢ. (Къ рисунку). **Ник. Бѣляшевскаго.** . . . . . 143—148

X. ЛЕГЕНДА О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ. **Н. Ѳ. Сумцова** . . . . 195—208

XI. ГАЙДАМАЦКІЯ ДВИЖЕНІЯ XVIII СТ. И МОНАХИ КІЕВСКИХЪ МОНАСТЫРЕЙ. (Изъ исторіи отношеній православнаго южно-русскаго духовенства къ гайдамацкимъ движеніямъ). **Гр. Моз** . . . . . 228—242

XII. БЫЛА-ЛИ НА ОСТРОВѢ ТОМАКОВКѢ ЗАПОРОЖСКАЯ СѢЧЬ. **Л. Падалки** *(Съ картой)* . . . . . 243—262

XIII. КЪ ВОСПОМИНАНІЯМЪ ОБЪ АФ. ВАС. МАРКОВИЧѢ. **Н. Ш — ва.** . . . . . 263—271

XIV. МАЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ОДЕЖДА. Нѣжинскій уѣздъ. **Н. Степового.** *(Съ рисункомъ)* . . . . . 272—284

XV. ИВАНЪ АНДРЕЕВИЧЪ ПОЛЕТИКА. **И. А. Полетики.** . . . 285—291

XVI. АВАНТЮРА XVI ВѢКА. *(Окончаніе слѣдуетъ)* . . . 357—383

XVII. «ЗАМЧИСЬКО». (Разсказъ). **Ѳ. Кудринскаго** . . . . . 384—397

XVIII. ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ДНЕВНИКА ПОЛТАВСКАГО ПОМѢЩИКА. (1834 — 35 гг.). . . . . 398—427

XIX. БЕРДИЧЕВСКАЯ ЯРМАРКА. (Изъ воспоминаній шляхтича, относящихся къ 1823 году). **О. Л.** . . . . . 428—458

XX. ПОРЧА УКРАИНСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ. **Р. Л. Н.** 459—473

XXI. В. М. ЮЗЕФОВИЧЪ. (Некрологъ). . . . . 507—508

XXII. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи начальнаго обученія въ Харьковѣ, въ нач. этого вѣка. **А. Л.** б) Изъ уголовной хроники XVIII в. в) Челобитная монаха К. Печерской Лавры (1773 г.). **А.** г) Жалованная грамота гр. Ф. К. Браницкому на Бѣлоцерковское староство (1774,

стр.

дек. 13). **В. Щербины.** д) Θеофилъ Ленартовичъ. (Некрологъ). **А. Стороженка.** е) 25-лѣтіе московской этнографіи и первый этнографическій концертъ. ж) Новые историко-статистическіе матеріалы по Полтавщинѣ. **В. Василенка.** з) Письмо Алексѣя Петровича Стороженка къ Андрею Александровичу Краевскому. и) Библіографическая справка. і) Особый способъ напоминать о себѣ начальству. Сообщ. **Н. В. Стороженко.** к) Письмо Θ. Булгарина о Гоголѣ. л) Жалованная грамота кн. Станиславу Понятовскому на староство богуславское (1777 г. августа 18). м) Страничка изъ моихъ воспоминаній. **Степана Носа.** н) Духовное завѣщаніе гр. А. В. Браницкой. Сообщилъ **В. Щербина.** о) Имя автора «Героичныхъ стиховъ о славныхъ военныхъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ». **Ю. Тиховскаго.** п) Преданіе о борцахъ. **Ив. М—ра.** р) Когда и какъ кіевскій магистратъ установилъ номера для извощиковъ и денежный сборъ съ нихъ. **А. А.** с) Замѣтка о П. П. Гулакъ-Артемовскомъ. **Гулака Артемовскаго.** т) Народное преданіе о болотѣ «Замглай». **Іосифа Ж—аго.** у) Вирша объ освобожденіи крестьянъ. **В. Я.** ф) Отчетъ о пожертвованіи на премію имени А. А. Потебни . . 149—168, 308—325, 509—530

XXIII. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Опытъ русской исторіографіи В. С. Иконникова. **Н. В.** б) Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Томъ IV. **И. Каманина.** в) Петровъ Н. И. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I. **А. Л.** г) Списокъ книгъ, касающихся юга Россіи и вышедшихъ въ концѣ 1892 г. д) И. А. Хойновскій. Раскопки великокняжескаго двора древняго города Кіева, произведенныя въ 1892 году. **Е.** е) Статистика въ области діалектологіи (А. А. Дикаревъ. Воронежскій этнографическій сборникъ). **К. Михальчука.** ж) Памятная книжка воронежской губ. на 1893 г. **А. Степовича.** з) 1) Каталогъ предметовъ малорусской старины и рѣдкостей коллекціи В. В. Тарновскаго. Выпускъ I 2) Шевченко—живописецъ и граверъ. В. Н. Горленка. («Трудъ» — приложеніе ко Всемірной Иллюстраціи 1893 г. № 4. **И. Ш—ва.** и) Проф. И. А. Сикорскій. Психопатическая

стр.

эпидемія 1892 года въ Кіевской губерніи. Кіевскія универ. извѣстія 1893 г. **И. В.** . . . . 169—196, 326—356, 530—638

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневникъ генеральнаго подскарбія Якова Марковича (стр. 49—96).

2) Библіографическій указатель статей, помѣщенныхъ въ «Кіев. Стар.» за первое десятилѣтіе. 17—64

ОБЪЯВЛЕНІЯ . . . . . 1—4

Константинъ Александровичъ Трутовскій.

(НЕКРОЛОГЪ).

17 марта, какъ видно изъ только что полученной редакціею телеграммы, скончался въ обоянскомь уѣздѣ Константинъ Александровичъ Трутовскій, о чемъ, конечно, пожалѣютъ всѣ, кому дороги интересы искусства, а мы въ особенности: въ лицѣ Константина Александровича мы потеряли симпатичнаго художника, который въ теченіе очень многихъ лѣтъ свою дѣятельность посвящалъ главнымъ образомъ художественному изображенію малорусской народной жизни и котораго потому можно было назвать по преимуществу украинскимъ жанристомъ.

Краткія біографическія свѣдѣнія о жизни покойнаго, вмѣстѣ съ перечнемъ его картинъ, были помѣщены въ статьѣ нашей: „К. А. Трутовскій и его картины и рисунки изъ малорусскаго быта", напечатанной въ Кіевской Старинѣ 1889 г. № 5—6. Послѣ того, біографическія свѣдѣнія о Трутовскомъ, съ приложеніемъ его портретовъ, были помѣщены въ журналѣ „Сѣверъ" за тотъ же 1889 г. № 37, въ статьѣ „Наши художники—живописцы", и въ изданной въ 1890 году книгѣ Ѳ. И. Булгакова: „Наши художники на академическихъ выставкахъ" (томъ II, страницы 210—215).

По поводу понесенной утраты, отчасти напомнимъ, а отчасти дополнимъ сообщенныя нами свѣдѣнія.

Происходя изъ слободско-украинскихъ дворянъ, К. А. Трутовскій родился 28 Января 1826 г. въ г. Курскѣ, а дѣтство провелъ въ имѣніи своего отца—въ ахтырскомъ уѣздѣ

харьковской губерніи. Воспитывался онъ сначала въ Харьковѣ въ частномъ пансіонѣ Зимницкаго, откуда въ 1839 г. поступилъ въ Николаевское инженерное училище въ Петербургѣ [1]). Окончивъ курсъ инженерной академіи (тогда—„офицерскіе классы“) въ 1845 г. и будучи, согласно собственному желанію, оставленъ въ качествѣ репетитора при названномъ училищѣ, К. А. Трутовскій, наслѣдовавъ наклонность къ рисованію отъ своего отца (служившаго въ военной службѣ), сталъ посѣщать классы академіи художествъ, гдѣ считался ученикомъ Ѳ. А. Бруни. Продолжая занятія въ ней до 1850 г., Трутовскій вышелъ въ этомъ году въ отставку и переселился въ ахтырскій уѣздъ въ имѣніе отца. Константинъ Александровичъ часто любилъ вспоминать и разсказывать о томъ, какъ очаровала его тогда Малороссія послѣ продолжительнаго отсутствія изъ нея. Тамъ же опредѣлились его художественныя вкусы и его дальнѣйшая дѣятельность. Полюбивъ малорусскіе типы, онъ всю жизнь остался вѣренъ имъ, воспроизводя ихъ въ безчисленномъ множествѣ картинъ и рисунковъ.

Женившись въ 1852 году на племянницѣ жены Сергѣя Тимофеевича Аксакова С. А. Самбурской, К. А. Трутовскій послѣ этого очень сблизился съ С. Т. Акаковымъ [2]), который, какъ видно изъ писемъ его, недавно напечатанныхъ въ „Русскомъ Художественномъ Архивѣ (1892 г., выпуски 2—4), самымъ симпатичнымъ образомъ относился къ таланту Трутовскаго, давалъ ему совѣты и старался своимъ вліяніемъ поддержать и поощрить его въ занятіяхъ искусствомъ.

Такъ послѣ появленія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ статьи скульптора Н. А. Рамазонова о первыхъ картинахъ Трутовскаго, Аксаковъ въ письмѣ отъ 13 марта 1854 г. пи-

---

[1]) Въ то же время, когда въ этомъ училищѣ воспитывались извѣстные писатели Ѳ. М. Достоевскій и Д. В. Григоровичъ, а также извѣстный генералъ Тотлебенъ.

[2]) По матери своей К. А. Трутовскій и самъ былъ въ родствѣ съ женою С. Т. Аксакова Ольгою Семеновною: онъ приходился ей двоюроднымъ внукомъ; такимъ образомъ онъ женился на своей троюродной теткѣ: на этой свадьбѣ С. Т. Аксаковъ былъ посаженнымъ отцемъ, И. С. Аксаковъ и А. С. Хомяковъ—шаферами, а Н. В. Гоголь, по порученію О. С. Аксаковой, покупалъ для этой свадьбы образъ.

салъ Константину Александровичу: „Статья Рамазонова доставила мнѣ большое удовольствіе: кромѣ того, что она написана умно, кромѣ того, что мнѣ пріятно видѣть достойную оцѣнку вашего таланта,—меня порадовала искренность художника, который съ радостью привѣтствовалъ появленіе другаго художника; тутъ конечно нѣтъ уже никакихъ другихъ побужденій, ни дружескихъ связей, ни желанія угодить какому-нибудь третьему лицу. Я за эту статью полюбилъ Рамазонова, и если буду имѣть случай, то непремѣнно съ нимъ познакомлюсь. У васъ возникали, милый мой родной, иногда сомнѣнія на счетъ обширности и серьезности вашего таланта; восхищеніе наше и нашихъ знакомыхъ диллетантовъ искусства не могли разсѣять сомнѣній взыскательного художника. Но я думаю, что теперь признаніе самихъ художниковъ и ихъ высокая оцѣнка должны удостовѣрить васъ, что въ будущемъ ожидаютъ васъ блистательные утѣхи. И такъ съ Богомъ въ путь! Искусство—ваше назначеніе".

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ Аксаковъ, получивши картину отъ Трутовского, писалъ ему: „У васъ художническая натура, и это слышно во всемъ, даже въ простомъ описаніи незначущаго предмета. Ваша картинка, милый мой Константинъ Александровичъ, обдѣланная въ легенькія рамки, стоитъ передъ моими глазами на письменномъ столѣ. Не одинъ разъ случалось, что я садился за него въ непріятномъ расположеніи духа; но взглянувъ на мельничное колесо, сухой каузъ и плотину, на дрожащую свѣтомъ воду,—я задумывался, забывался и непремѣнно тишина и спокойствіе овладѣвали моимъ духомъ. Да, эта картинка такъ хороша, что я еще не зналъ ей цѣны, когда вы подарили мнѣ ее. Политипажи ваши [1]) доставляютъ намъ большое удовольствіе и нерѣдко развеселяли насъ, чѣмъ-нибудь озабоченныхъ или огорченныхъ. Ваши дѣдушка и бабушка долго мерещились мнѣ, какъ лица Гоголя

[1]) Письма свои къ Аксакову Трутовскій иногда сопровождалъ рисунками, которые быстро набрасывалъ перомъ. Пишущему эти строки также случалось получать отъ Трутовскаго письма съ такими же иллюстраціями къ нимъ.

изъ Мертвыхъ душъ. Пишите, трудитесь и совершенствуйте вашъ талантъ, котораго у васъ по истинѣ такъ много".

Интересно, что за много лѣтъ до появленія картинъ и рисунковъ Трутовскаго на сюжеты изъ сочиненій Гоголя, еще когда Трутовскій въ письмѣ своемъ только сообщалъ Аксакову о предположеніи своемъ иллюстрировать „Вечера на хуторѣ близъ Диканки", Аксаковъ въ письмѣ отъ 5 сентября 1852 г. писалъ по этому поводу слѣдующее: „Вижу я, какъ полна душа ваша Гоголемъ! Я понимаю васъ. Хотя я не былъ уже молодымъ человѣкомъ, когда явился Гоголь, но помню, въ какой восторгъ привела меня *Диканька*. Даже гораздо позднѣе мнѣ случалось читать самое смѣшное изъ Гоголя и заливаться слезами. „Диканька", безъ сомнѣнія, уступающая во многомъ другимъ творческимъ произведеніямъ Гоголя, за то рѣшительно превосходитъ ихъ свѣжестью, ароматомъ юности, такъ сказать, которымъ дышатъ въ ней каждая картина, каждое слово. Мнѣ очень хочется самому вновь, Богъ знаетъ въ какой разъ, прочесть или прослушать Диканьку, но померъ Гоголь,—имя друга нашего такъ еще болѣзненно, что никто не рѣшается испытать это впечатлѣніе, и еще болѣе боятся за меня [1]). Трудитесь, другъ мой! Не смущайтесь тѣмъ, если иногда карандашъ не соотвѣтствуетъ душевному представленію и требованію вашему, въ такомъ случаѣ оставьте на время работу; это значитъ, что, втайнѣ для васъ самихъ, какіе-нибудь другіе образы мѣшаютъ ясности тѣхъ, которые вы хотите изобразить. Вы, по преимуществу, художникъ Гоголя, особенно для сценъ, совершающихся на югѣ Россіи. Я такъ и думаю и ношу увѣренность въ душѣ моей, что вашъ талантъ проявится во всемъ блескѣ въ малорусскихъ сценахъ Гоголя".

Изъ той же переписки видно, что въ пятидесятыхъ годахъ Трутовскому хотѣлось издать малорусскій альбомъ [2]), вслѣд-

[1]) Это письмо писано чрезъ полгода послѣ смерти Н. В. Гоголя, который скончался 21 февраля 1852 г.

[2]) Это—еще одна изъ тѣхъ неосуществившихся попытокъ издавать малорусскіе альбомы, о которыхъ мы говорили въ помѣщенной въ февральской книгѣ Кіевской Старины за этотъ годъ замѣткѣ: „Неосуществившееся изданіе малорусскаго альбома".

ствіе чего онъ чрезъ М. П. Погодина въ 1853 г. послалъ свои рисунки въ петербургское Общество поощренія художествъ, предлагая составить альбомъ изъ сценъ малорусской жизни съ тѣмъ, не найдетъ ли общество возможнымъ пріобрѣсть и издать этотъ альбомъ. Въ отвѣтъ на это, Погодинъ получилъ отъ Ѳ. И. Прянишникова [1]) отношеніе слѣдующаго содержанія: „На почтеннѣйшее письмо вашего превосходительства отъ 31 минувшаго октября, объ оказаніи содѣйствія отставному инженеръ-поручику Трутовскому въ заказѣ ему альбома малороссійскихъ сценъ, имѣю честь увѣдомить, что присланные рисунки я представлялъ въ засѣданіе комитета общества поощренія художествъ, бывшее 5-го сего ноября, изъ которыхъ гг. члены комитета, хотя и видѣли бойкость кисти и юморъ, но, по неоконченности работъ этихъ, не могли рѣшиться въ настоящее время заказать ему вышеозначенный альбомъ и предоставили г. Трутовскому представить въ общество, какъ образецъ, рисунокъ въ величину предполагаемаго альбома, дабы комитетъ могъ видѣть какъ форматъ этого альбома, такъ и оконченность изображенія, при семъ увѣдомить о количествѣ листовъ. Возвращая при семъ ящикъ съ рисунками, прошу принять“ и т. д.

Посылая Трутовскому копію этого отношенія, С. Т. Аксаковъ 9 декабря 1853 г. писалъ по этому поводу слѣдующее: „Возвращенію ихъ (т. е. рисунковъ) я очень обрадовался, потому что очень боялся, какъ бы ихъ тамъ не затаскали и даже не затеряли, но отношеніемъ я очень недоволенъ. Конечно, комитетъ долженъ имѣть предварительныя свѣдѣнія о числѣ предполагаемыхъ рисунковъ и объ ихъ размѣрѣ, но какой оконченности они хотятъ и что разумѣютъ подъ этимъ словомъ? Чѣмъ должны быть сдѣланы рисунки: акварелью, тушью, или карандашемъ? Все это не ясно и не извѣстно. Я непремѣнно попрошу Погодина, чтобы онъ частнымъ образомъ переписался съ Прянишниковымъ и спросилъ его на чистоту: что это такое, отказъ ли подъ видомъ проволочки, или неизбѣжная формальность. Смѣшно было бы въ первомъ случаѣ посылать имъ еще

[1]) Извѣстный собиратель картинъ, галлерея котораго поступила послѣ въ Румянцевскій музей.

рисунокъ. Я вѣдь знаю эти комитеты: въ нихъ есть всегда какой-нибудь самозванецъ-диллетантъ искусства, котораго другіе слушаютъ, а потому отъ нихъ мало бываетъ толку".

Какъ извѣстно, предполагавшійся альбомъ не былъ изданъ, и мы думаемъ, что Прянишниковъ и другіе члены комитета общества поощренія художниковъ не особенно сочувственно отнеслись къ предложенію Трутовскаго именно потому, что онъ тогда былъ еще неизвѣстный художникъ, который ни разу не выставлялъ своихъ картинъ и о которомъ въ печати не было сказано ни одного слова.

Въ слѣдующемъ 1854 году Трутовскій получилъ отъ академіи художествъ, за впервые присланные имъ въ академію картины, званіе свободнаго художника, а въ 1861 году—званіе академика. Въ этомъ же (т. е. 1861) году онъ вторично женился на внучатной племянницѣ А. С. Грибоѣдова О. И. Лисицыной. Съ 1871 по 1881 годъ Трутовскій стоялъ во главѣ управленія московскимъ училищемъ живописи и ваянія въ качествѣ его инспектора, а послѣ того поселился въ обоянскомъ уѣздѣ, гдѣ и умеръ.

По поводу завѣдыванія московскимъ училищемъ живописи и ваянія мы вспоминаемъ, что покойный не одинъ разъ говорилъ съ нами о томъ, какъ бы хорошо было, еслибъ въ Кіевѣ было въ такихъ же размѣрахъ устроено училище живописи и ваянія и какъ бы пріятно ему было трудиться для такого училища.

Послѣ помѣщенія нами въ Кіевской Старинѣ вышеупомянутой замѣтки о Трутовскомъ и его картинахъ изъ малорусскаго быта, Трутовскій самъ сдѣлался сотрудникомъ Кіевской Старины, помѣстивъ въ сентябрьской книгѣ за 1889 годъ статью: „Изъ воспоминаній о поѣздкахъ по Малороссіи" съ пятью рисунками къ ней. Послѣ того, въ письмахъ своихъ къ пишущему эти строки Трутовскій, сообщая о томъ, что Кіевская Старина такъ интересуетъ его, что многія книги онъ читаетъ ничего не пропуская, „отъ доски до доски", писалъ, что онъ хотѣлъ бы еще чѣмъ-нибудь быть полезнымъ для Кіевской Старины. Судьба не судила, чтобъ это желаніе исполнилось,

Миръ праху честнаго труженика и симпатичнаго человѣка!

Н. Шугуровъ.

Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко, полковникъ переяславскій.[1]

Лѣтомъ 1665-го года, по тогдашнему въ Брацлавскомъ полку или воеводствѣ, а по нынѣшнему въ южной части Подольской губерніи, появился изъ-за Днѣстра искатель приключеній, сразу обратившій на себя всеобщее вниманіе. Гдѣ онъ родился и въ какой семьѣ, опредѣлить крайне трудно, хотя, судя по тому, что въ теченіе всей жизни онъ писалъ свое крестное имя не въ календарной формѣ *Родіонъ*, а въ юго-славянской народной *Райче* или *Райча*, и что при подписяхъ онъ ставилъ его по венгерскому обычаю, существующему и нынѣ, всегда послѣ фамиліи,—можно думать, что по національности онъ принадлежалъ къ венгерскимъ сербамъ. Изъ подписей на нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ этого человѣка видно, что отца его звали *Григоріемъ*. Что касается фамильнаго прозвища *Дмитрашко* или *Думитрашко*, то оно встрѣчается въ Валахіи и Молдавіи въ XVII-мъ вѣкѣ неоднократно. Такъ, напримѣръ, жупанъ и великій стольникъ Думитрашко подписался на завѣщаніи угровалашскаго воеводы Яна-Матвѣя Басараба, составленномъ въ г. Торговищѣ на р. Яломницѣ въ пользу монастыря Напратіи 20-го ноября 1645-го года [2]). Нѣсколько позднѣе, въ 1673-мъ году. какой-то Думитрашко былъ взятъ въ плѣнъ Татарами и поставленъ отъ нихъ

[1]) Настоящій очеркъ представляетъ собою отрывокъ изъ предпринятаго нами изслѣдованія о всѣхъ лицахъ, занимавшихъ полковничій урядъ въ Переяславскомъ полку за все время его существованія (1648—1782).

[2]) См. Шафарика Pamatky dřevního písemnictví Jihoslovanův. Vyd. 2. 1873. Стр. 116.

господаремъ въ Молдавію вмѣсто Петрацея [1]). Волошскій господарь Думитрашко упоминается еще въ 1675-мъ году [2]). Очень можетъ быть, что нашъ Дмитрашко состоялъ съ этими Думитрашками въ какомъ-нибудь родствѣ. Въ такомъ случаѣ его происхожденіе опредѣляется яснѣе: онъ принадлежалъ, очевидно, къ сербскому семейству, переселившемуся изъ Венгріи въ придунайскія княжества и занявшему здѣсь довольно вліятельное положеніе. Знаменитый современникъ нашего Дмитрашка гетманъ Петръ Дорошенко считалъ его Волохомъ, т. е. уроженцемъ Валахіи, и, характеризуя его, какъ дѣятеля, говорилъ, что ему прирождена свойственная Волохамъ страсть сѣять смуту—„волоская баламутня“ [3]).

По профессіи Родіонъ Григорьевичъ былъ воинъ, въ военномъ ремеслѣ онъ искалъ для себя источника славы и богатства и, очевидно, что его привела въ Подолію жажда вмѣшаться въ тѣ кровопролитныя схватки, которыя, со смерти Богдана Хмельницкаго, вотъ ужъ болѣе восьми лѣтъ (1657—1665) то и дѣло вспыхивали на поляхъ Украины между Москвой, Польшей и Татарской Ордой или, вѣрнѣе, между жалкими орудіями московской, польской и татарско-турецкой политики,—искателями гетманской булавы. Ни любви къ родинѣ, ни стремленія къ благоустройству ея быта, ни какихъ-либо политическихъ идеаловъ не находимъ мы въ тогдашнихъ малорусскихъ дѣятеляхъ, за исключеніемъ развѣ одного—гетмана Петра Дорошенка [4]); одно только личное честолюбіе и ненасытная жажда къ обогащенію заставляли ихъ подвергаться опасностямъ войны и добиваться того положенія, которое наиболѣе могло удовлетворить этимъ инстинктамъ по тогдашнему порядку вещей,—гетманскаго сана. Въ Кіевщинѣ и въ Подоліи въ это время сѣялъ смуту нѣкто Степанъ Опара, желавшій попасть на гетманство при помощи Поляковъ, въ Чигиринѣ сидѣлъ непоколе-

[1]) См. Ригельманъ, Лѣтописное Повѣствованіе о Малой Россіи. М. 1847, ч. II, стр. 140—141.

[2]) См. Акты Ю. З. Р. XII, стр. 235, 239.

[3]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 124.

[4]) См. характеристику Дорошенка у Костомарова, Руина, 1882. стр. 512.

бимый въ своемъ стремленіи къ политической независимости и самобытности Малороссіи Петръ Дорошенко, а на лѣвой сторонѣ Днѣпра гетманомъ отъ Москвы былъ Иванъ Брюховецкій, бывшій „джура“, по нынѣшнему адъютантъ, Богдана Хмельницкаго, а теперь бояринъ царя Алексѣя Михайловича.

Чтобы занять сколько-нибудь видное мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ, необходимо было не только отличаться личною храбростью, но и опираться на значительную военную силу. Нашъ искатель приключеній позаботился объ этомъ и привелъ съ собою изъ придунайскихъ княжествъ 500 человѣкъ „товарищества хоругвей волоскихъ“, какъ тогда выражались, а вѣрнѣе сказать—разнаго сброда, преимущественно, вѣроятно, изъ южныхъ славянъ, хотя въ тѣ времена всѣ пришельцы въ Малороссію изъ-за Днѣстра безъ отношенія къ ихъ этнографическому происхожденію носили названіе „Волоховъ“ [1]). Распоряжаясь этой вооруженной толпой, онъ могъ разсчитывать получить извѣстное значеніе въ глазахъ тогдашнихъ дѣятелей. Оставалось только рѣшить вопросъ, которая изъ борющихся сторонъ имѣетъ болѣе шансовъ на побѣду при окончаніи военнаго состязанія, и къ которой, слѣдовательно, выгоднѣе примкнуть. Природный умъ и знаніе обстоятельствъ подсказали Дмитрашку, что въ концѣ концовъ побѣдитъ Москва, и вотъ онъ начинаетъ служить ей, не связавши еще себя формальной присягой на вѣрность Московскому царю. Тогдашній Брацлавскій полковникъ Василій Дворецкій съ самодовольствомъ сообщаетъ объ этомъ царскому воеводѣ въ Кіевѣ князю Никитѣ Львову въ письмѣ отъ 21-го августа 1665 г.: „Хотя я не присягалъ его царскому пресвѣтлому величеству, но при вѣрѣ и умрети готовъ есмь при достоинствѣ его царского пресвѣтлого величества, и съ тѣми заодно, яже со мною суть: Дмитрашко, полковникъ, Константинъ, полковникъ Подольскій, Евтифѣй, полковникъ пѣхотный, не такъ, какъ тѣ кривоприсяжцы“ [2]).

Первой значительной услугой, которую оказалъ Дмитрашко избранной имъ сторонѣ, былъ перехватъ въ августѣ 1665-го

[1]) См. Dr. Antoni I. Sylvetki historyczne. Serya VIII, 1892, str. 392.

[2]) См. А. Ю. З. Р. V, стр. 307.

года писемъ, отправленныхъ Опарою къ польскому королю, при чемъ онъ далъ татарамъ и козакамъ, везшимъ эти письма, „поученіе грозное“ въ Ладыжинѣ (въ гайсинскомъ уѣздѣ подольской губерніи) и „пословъ Опариныхъ... ни единаго не живилъ и всѣхъ ко Аврааму пустилъ“ [1]). Слѣдующей услугой была продолжительная оборона отъ гетмана Дорошенка важнаго въ стратегическомъ отношеніи мѣстечка Рашкова надъ р. Днѣстромъ въ нынѣшнемъ ольгопольскомъ уѣздѣ подольской губерніи [2]).

Матеріальная сила и умѣнье пользоваться обстоятельствами скоро отдали въ распоряженіе Дмитрашка Брацлавскій полкъ, и онъ свилъ себѣ въ мѣстечкѣ Рашковѣ крѣпкое гнѣздо, присвоивъ себѣ и титулъ полковника Брацлавскаго. Фактически онъ, вѣроятно, не выполнялъ по отношенію къ осѣдлому и трудящемуся населенію края служебныхъ обязанностей правителя, какимъ бывалъ всегда въ позднѣйшее время малороссійскій полковникъ. Да и нечѣмъ было управлять тамъ, потому-что край отъ постоянныхъ войнъ превратился почти въ пустыню.

Въ скоромъ времени Дмитрашко счелъ нужнымъ подвинуться съ своей дружиной поближе къ предѣламъ Московскаго государства, отъ котораго онъ могъ ожидать наградъ за свою кровавую службу. Позднею осенью 1665-го года (въ концѣ ноября) онъ пришелъ въ г. Каневъ, а оттуда въ г. Переяславъ. Для зимней стоянки Дмитрашко выбралъ почему-то нынѣшній глуховскій уѣздъ черниговской губерніи. Хотя онъ въ это время принесъ уже присягу на вѣрность московскому государю, однако Брюховецкій не довѣрялъ ему и просилъ у царя разрѣшенія отправить Дмитрашка на службу въ Смоленскъ, но царь совѣтовалъ гетману лучше отправить его обратно за Днѣпръ въ Подолію для защиты отъ непріятелей тамошнихъ городовъ. Брюховецкій распорядился иначе: весною 1666-го года онъ послалъ Дмитрашка съ полкомъ наказать городъ Гомель, отпавшій какъ разъ въ это время отъ Москвы. По возвращеніи изъ Гомельскаго похода Брюховецкій указалъ Дмитрашку съ его кон-

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. VI, стр. 25.

[2]) См. А. Ю. З. Р. VI, стр. 53, 166.

нымъ полкомъ расположиться на квартиры въ окрестностяхъ Остра, Козельца, Борисполя и Воронькова, „чтобы оттуду себѣ и кормъ имали, а непріятелей, естьли которые на сю сторону Днѣпра итти имѣли, подстерегали и отпоръ давали“ [1]). Въ октябрѣ 1666-го года на Переяславскую сторону Днѣпра дѣйствительно вторгнулись Татары и приверженцы Дорошенка. Козацкіе полковники, вѣрные Брюховецкому и Москвѣ, въ томъ числѣ и Дмитрашко, дали имъ бой подъ Переяславомъ, при чемъ много знатныхъ людей съ обѣихъ сторонъ было убито, а раненый Дмитрашко попался въ плѣнъ. Но вѣрно недолго оставался онъ въ рукахъ враговъ, потому-что всего черезъ годъ, осенью 1667-го года, мы встрѣчаемъ его опять на лѣвой сторонѣ Днѣпра въ г. Золотоношѣ, которую онъ для чего-то укрѣпляетъ и окапываетъ глубокими рвами. Для зимовки своего „товарищества хоругвей волоскихъ“ онъ выбралъ на этотъ разъ окрестности Батурина и Бахмача, въ нынѣшнемъ конотопскомъ уѣздѣ черниговской губерніи. Козаки его вели себя, какъ разбойники, разоряли крестьянъ, били и мучили ихъ, забирали у нихъ деньги и движимость, вслѣдствіе чего крестьяне не могли вносить податей по окладнымъ книгамъ въ царскую казну и „отъ того... денежному и хлѣбному сбору чинитца недоборъ большой“ [2]).

Осень 1667-го года осталась для Дмитрашка знаменательною полосою жизни, по двумъ событіямъ: въ эту осень онъ принялъ на себя урядъ переяславскаго полковника, остававшійся вакантнымъ съ іюля 1666-го года, послѣ убійства въ Богушковой Слободѣ (золотоношскаго уѣзда) полковника Данила Ермоленка козаками его-же полка, и въ эту-же осень онъ женился на вдовѣ казненнаго въ Борзнѣ 18 сентября 1663-го года нѣжинскаго полковника Василія Никифоровича Золотаренка, имѣвшей отъ Золотаренка сына Степана и дочь Анну. Съ этого времени и до конца жизни Дмитрашко остался постояннымъ жителемъ Переяславщины. Центромъ, какъ для жительства, такъ

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. VI. стр. 136.

[2]) См. А. Ю. З. Р. VII, стр. 12.

и для управленія Переяславскимъ полкомъ, онъ выбралъ мѣстечко Барышевку, руководствуясь, вѣроятно, тѣмъ соображеніемъ, что здѣсь онъ будетъ независимѣе отъ царскаго воеводы, чѣмъ въ г. Переяславѣ, гдѣ постоянно проживалъ послѣдній во главѣ отряда московскихъ ратныхъ людей. Въ Барышевкѣ онъ выстроилъ себѣ собственный домъ, а невдалекѣ отъ нея въ лѣсахъ среди болотъ, образуемыхъ двумя маленькими рѣчками Березанкой и Сухоберезицей, онъ завелъ себѣ хозяйственный хуторъ „Бакумовку“. Впослѣдствіи Бакумовская усадьба была укрѣплена валомъ и рвомъ и сдѣлалась родовымъ гнѣздомъ Дмитрашковъ.

Когда гетманъ Брюховецкій задумалъ измѣнить Москвѣ, то кажется, что ему сочувствовалъ и Дмитрашко. По крайней мѣрѣ онъ принималъ участіе въ тайной радѣ, созванной Брюховецкимъ, чтобы обсудить выгодность этой измѣны. Смерть Брюховецкаго (въ іюнѣ 1668-го года) поставила, какъ видно, Дмитрашка въ затруднительное положеніе: ему не хотѣлось приставать къ Дорошенку, хотя послѣдній и манилъ его къ себѣ, но и въ отношенія къ Москвѣ вкралось нѣкоторое недоразумѣніе. И вотъ Дмитрашко держится особнякомъ: пригласилъ къ себѣ 20.000 татаръ, стоитъ съ ними лагеремъ въ нынѣшнемъ козелецкомъ уѣздѣ черниговской губерніи подъ с. Басанью и подходитъ по временамъ къ Кіеву, приглядываясь, нельзя-ли отнять его у Москвичей [1]).

Между тѣмъ лѣвобережная старшина начала хлопотать въ Москвѣ, чтобы ей было разрѣшено выбрать вмѣсто убитаго Брюховецкаго новаго гетмана, и остановилась на черниговскомъ полковникѣ Демьянѣ Игнатовичѣ Многогрѣшномъ. Когда вѣсть объ этомъ дошла до Дмитрашка, то онъ счелъ нужнымъ посовѣтоваться о своемъ положеніи съ пріятелемъ—нѣжинскимъ полковникомъ Филиппомъ Уманцемъ и написалъ ему 11 января 1669-го года изъ Барышевки письмо слѣдующаго содержанія: „Мнѣ зѣло ласкавый пане полковникъ нѣжинскій, пріятелю мой желателный и брате! Предложивъ тебѣ мое, пану и брату, взаимъ обыкновенное поздравленіе, и съ того зѣло утѣшаюсь, егда

[1]) См. А. Ю. З. Р. VII, стр. 109, 122.

вижу тебя, пана и брата, купно же его милости пана гетмана Сѣверского, его царского пресвѣтлого величества, Демьяна Игнатовича къ себѣ ласкавую склонность и пріятелское желателство, изъ котораго меня писаніемъ своимъ обослати и во всемъ до святаго дѣла предъ себя воспріятого, въ немъ же Господь Богъ васъ да поблагословитъ, вѣсно чинити изволяешь; для чего, чтобъ и впредь меня по такому желателству своему не преноминалъ, такъ радъ бы есмь душею моею къ такому, реку, святому дѣлу подъ его царского пресвѣтлого величества оборону подобіемъ вашимъ приклонитися и желателнымъ быти такъ пану гетману, какъ и тебѣ, пану и брату, яко и прежде сего; толко мнѣ того недостаетъ, что не вѣдаю, есть ли панъ гетманъ Сѣверскій уже впрямь есть отъ васъ и ото всей черни войска запорожского, какъ покойный Брюховецкой, за позволеніемъ его царского пресвѣтлого величества, на сей сторонѣ обранъ на гетманскій чинъ, или Дорошенка по прежнему слушати надобно намъ? И для того, мой брате, прошу: изволь мнѣ о всемъ совершенно вѣдомо учинить. При чемъ вы одержаватися будете, а я, за воспріятіемъ вѣдома, буду вѣдать, какъ въ томъ дѣлѣ поступить. А нынѣ пребываю желателнымъ твоимъ, брата моего пріятелемъ и слугою“ [1]).

Вѣроятно, разъясненія Уманца удовлетворили Дмитрашка, потому-что въ началѣ февраля 1669-го года въ Барышевской соборной церкви онъ торжественно присягнулъ вновь на вѣрность московскому государю со всѣмъ „товариствомъ и посполствомъ“ Переяславскаго полка въ присутствіи присланнаго изъ Кіева отъ боярина Шереметева Павла Аристовича Глѣбова. Объ этомъ подробно разсказываетъ самъ Дмитрашко въ письмѣ изъ Барышевки отъ 9 февраля 1669-го года къ бѣлгородскому намѣстнику князю Григорію Григорьевичу Ромодановскому [2]). Въ Москвѣ оцѣнили вѣрность Дмитрашка, и 19 апрѣля ему была выслана благодарственная царская грамота. Между тѣмъ Дорошенка страшно разсердилъ переходъ Дмитрашка на сторону Много-

---

[1]) См. А. Ю, З. Р. VIII, стр. 61.

[2]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 80—81.

грѣшнаго, и онъ посылалъ нѣсколькихъ преданныхъ людей, чтобы обманнымъ образомъ арестовать переяславскаго полковника и доставить его въ Чигиринъ; но это не удалось. Не удалась также и попытка приверженца Дорошенка есаула Тимофея Шулики овладѣть Барышевкой и захватить Дмитрашка силою, хотя это обстоятельство сильно безпокоило послѣдняго и лишило его возможности явиться на раду въ Глуховъ (6 марта 1669 г.) для утвержденія въ гетманствѣ Многогрѣшнаго [1]).

Съ фактомъ избранія Многогрѣшнаго не сразу примирились въ Малороссіи, и нѣкоторые города и мѣстечки продолжали признавать власть Дорошенка [2]) Къ числу послѣднихъ принадлежало и мѣстечко Вороньковъ въ нынѣшнемъ переяславскомъ уѣздѣ, которое еще зимою 1668—1669 г. приняло къ себѣ гарнизонъ изъ заднѣпровскихъ козаковъ и знать не хотѣло власти Многогрѣшнаго и Москвы. Въ маѣ мѣсяцѣ 1660-го года Дмитрашко съ 5000-мъ отрядомъ двинулся изъ Барышевки къ Воронькову; чтобы взять его приступомъ и избить приверженцевъ Дорошенка. Но вороньковскіе козаки храбро защищались, дѣлали постоянныя вылазки, Дмитрашко самъ былъ раненъ изъ пищали въ бокъ на вылетъ и долженъ былъ отступить и расположиться въ с. Глубокомъ въ 3-хъ верстахъ отъ Воронькова [3]), Кажется, что Вороньковъ такъ и не былъ взятъ. Между тѣмъ Дмитрашко, радуясь за благополучный для жизни исходъ полученной раны, поѣхалъ въ началѣ іюня поклониться святынямъ Кіево-печерской лавры—„по обѣщанію моему опасенія ради бывшаго“, какъ говоритъ онъ въ письмѣ къ гетману Многогрѣшному изъ Барышевки отъ 9 іюня [4]). Затѣмъ онъ ходилъ съ отрядомъ покорять мятежные Ромны, но и этотъ походъ окончился неудачно. Роменскіе козаки говорили: „буде гетманъ Демьянъ Игнатовичъ съ войскомъ и великаго государя съ ратными людми придетъ подъ Роменъ самъ, и они де ему сдадутца, а Дмитрашку де они не сдадутца“. „И Дмитрашкова де полку

[1]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 122.
[2]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 121.
[3]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 212, 213, 230, IX, стр. 22.
[4]) См. А. Ю. З. Р. VIII, стр. 262—263.

козаки, поимавъ подъ городомъ животину, отошли къ Воронкову", добавляетъ современникъ [1]).

Въ августѣ мѣсяцѣ Дмитрашко сопровождалъ изъ г. Остра въ г. Кіевъ александрійскаго патріарха Паисія [2]).

Въ январѣ 1670 г. онъ поѣхалъ къ гетману Многогрѣшному въ Батуринъ съ извѣстіемъ, что Орда взяла въ плѣнъ Юрія Хмельницкаго [3]). Здѣсь Дмитрашко прожилъ до самой весны. Апрѣля 17-го у гетмана былъ обѣдъ. „А въ тѣ поры", говоритъ очевидецъ, „пріѣхали къ гетману всѣхъ городовъ сеѣ стороны Днѣпра полковники, опричь полтавского и миргородского, поздравлять гетмана съ праздникомъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ. И гетманъ тѣмъ полковникомъ и старшинѣ говорилъ: слышитъ де онъ и многіе къ нему вѣсти доносятца, что де его гетмана всѣхъ городовъ козаки мало любятъ, а будетъ же де и впрямъ его гетмана мало любять, и они бъ де били челомъ великому государю о обраніи иного гетмана и клейноты онъ войсковые уступитъ тому, кого они себѣ гетманомъ оберутъ; а будетъ де онъ покамѣсть гетманомъ будетъ, и онъ своевольниковъ будетъ усмирять, покамѣсть его мочи будетъ, на томъ де онъ великому государю присягалъ, и не такъ бы де, что Ивашка Брюховецкій, какъ Іуда Христа предалъ, такъ и онъ великому государю измѣнилъ; а онъ де гетманъ обѣщался за великого государя умереть, чтобъ де впредь и по немъ роду его слава была. А покамѣстъ де тѣмъ своевольникомъ и не крутитца, а опричь де великого государя дѣтца имъ негдѣ. И слыша то отъ гетмана переяславской полковникъ Дмитрашко, ударяся о столъ, говорилъ со слезами: полно де имъ ужъ тѣхъ гетмановъ обирать, и за тѣми гетманами крови христіянской литца! будемъ толко себѣ одного великого государя имѣть неотступно, а своеволниковъ укрочать" [4]).

Вторую половину 1670-го года и большую часть слѣдующаго 1671-го года Дмитрашко провелъ у себя въ Барышевкѣ,

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 23.
[2]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 54.
[3]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 158.
[4]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 187.

зорко наблюдая за тѣмъ, что дѣлается по ту сторону Днѣпра у Дорошенка, и постоянно выслушивая разныхъ лицъ, приходившихъ оттуда. О новостяхъ онъ сообщалъ иногда письменно гетману Многогрѣшному.

Осенью 1671-го года падчерицу Дмитрашка Анну Золотаренкову сваталъ братъ гетмана Григорій Дорошенко. Въ письмѣ изъ Канева отъ 28-го октября къ женѣ Дмитрашка онъ проситъ скорѣе отвѣчать на его предложеніе и въ концѣ нѣжно добавляетъ: „Дѣвицѣ Аннѣ любовь мою при поволности обыкновенной препосылаю и усердно желаю счастливого повиданья съ нею“ [1]). Кажется, что бракъ этотъ не состоялся по политическимъ соображеніямъ.

Между тѣмъ отношенія Дмитрашка къ гетману Многогрѣшному становились все болѣе и болѣе натянутыми. Можетъ быть, сватовство Григорія Дорошенка на падчерицѣ Дмитрашка показалось гетману подозрительнымъ. Дмитрашко съ своей стороны озлоблялся противъ гетмана и не слушалъ его распоряженій. Гетманъ приглашалъ его пріѣхать къ нему въ Батуринъ, но онъ заперся у себя въ Барышевкѣ и говорилъ окружающимъ: „какъ де гетманъ сгубилъ Сомка и Золотаренка, также де и надъ нимъ хочетъ учинить, и для де того онъ и не ѣдетъ къ нему“. Подъ защиту Барышевскихъ укрѣпленій бѣжали къ Дмитрашку жители многихъ мѣстечекъ и селъ Переяславскаго полка. Тогда гетманъ рѣшился наказать ослушника, отставилъ его отъ полковничества и двинулся съ войскомъ по направленію къ Барышевкѣ, чтобы взять Дмитрашка въ плѣнъ силою. 14-го октября 1671-го года гетманъ выступилъ уже изъ Нѣжина. Между Нѣжиномъ и Барышевкой онъ встрѣтилъ ѣдущаго въ Москву сербскаго митрополита и просилъ его поѣхать въ Барышевку и уговорить Дмитрашка покориться. Но Дмитрашко не поддался на эти увѣщанія, готовился къ отпору, созвалъ въ Барышевкѣ раду и уговаривалъ Барышевцевъ отбиваться отъ гетмана. Но тутъ его постигло разочарованіе: Барышевцы отказывались сражаться. Напрасно онъ обѣщалъ,

[1]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 459.

что, по его приглашенію, явятся на подмогу и король польскій, и коронные гетманы, и Ханенко. Барышевцы не слушали этихъ рѣчей и требовали, чтобы Дмитрашко ѣхалъ мириться съ Многогрѣшнымъ. Онъ было уступилъ и поѣхалъ, но потомъ раздумалъ и съ дороги вернулся обратно. Тогда Барышевцы заперли передъ нимъ городскія ворота и не пустили его въ городъ. Дмитрашко заплакалъ съ досады, но тѣмъ не менѣе поѣхалъ на встрѣчу гетману въ Басань, взявъ съ собою и жену. Свиту его составляли двѣсти человѣкъ козаковъ „двора его кумпаніи". Гетманъ Многогрѣшный не принялъ повинной отъ Дмитрашка. Онъ велѣлъ заковать въ цѣпи полковника и прибывшихъ съ нимъ сотниковъ, а „кумпанію козаковъ его велѣлъ по полкамъ разобрать за варту" (арестовать). На его мѣсто полковникомъ переяславскимъ онъ назначилъ бунчужнаго своего Константина Стрыевскаго. Самого-же Дмитрашка гетманъ повезъ съ собою въ Батуринъ, гдѣ продержалъ закованнымъ подъ карауломъ еще двѣ ночи, а послѣ того, по просьбѣ греческихъ митрополитовъ, освободилъ, но велѣлъ ему проживать въ Батуринѣ, не предчувствуя, что этимъ онъ готовитъ себѣ гибель [1]). Сначала отношенія между Многогрѣшнымъ и Дмитрашкомъ какъ-будто наладились; однажды онъ былъ даже „на банкетѣ" у Дмитрашка и говорилъ собравшейся здѣсь старшинѣ: „Видите ль де вы, какая ко мнѣ великого государя неизреченная милость: по указу его царского величества присланъ де ко мнѣ полковникъ Григорій Неѣловъ съ полкомъ, а у него де стрѣлцовъ въ полку 1000 человѣкъ [2]). Потомъ Многогрѣшный услыхалъ, будто московское правительство имъ недовольно и хочетъ назначить на его мѣсто гетманомъ полковника Солонину. Тогда онъ началъ съ досады непомѣрно пьянствовать и однажды въ пьяномъ видѣ изрубилъ саблею у себя въ свѣтлицѣ явившагося къ нему Дмитрашка, такъ-что послѣдній долго послѣ того болѣлъ отъ ранъ въ Батуринѣ [3]). Дмитрашко не

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 578, 579, 582, 792, 793.

[2]) См. А. Ю. З. Р. I.Xc, тр645.

[3]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 643.

могъ простить этого гетману и началъ усиленно добиваться его сверженія. Онъ сталъ разсказывать, что Многогрѣшный вошелъ въ переговоры съ Дорошенкомъ; что онъ собирается измѣнить царю и поступить подъ власть турецкаго султана; что онъ его, „особливе запровадивши до своея комнаты, до присяги приводилъ, обѣцуючи полковництво переяславское назадъ привернути, толко жебы противно его царскому пресвѣтлому величеству поднялся воевать; для чого чотири полки, лубенскій, миргородскій, полтавскій и переяславскій до Думитрашка, абы въ комендѣ его зоставали, ординовалъ; въ тымъ, для лѣпшое пріязни, свой сагайдакъ и шаблю, которимъ бы непріятеля звитяжалъ, благословилъ и даровалъ“; что онъ его „передъ сырною недѣлею“ позвалъ къ себѣ, снялъ со стѣны икону пресвятыя Богородицы и „кланяясь до земли присягалъ и говорилъ: не измѣни мнѣ, куме, мнѣ самого царя есть указъ Москву рубить“ [1]). Конечно, очень трудно провѣрить теперь, насколько справедливы были рѣчи Дмитрашка, и не были-ли онѣ клеветой, придуманной нарочно для того, чтобы уничтожить непріятнаго начальника. Въ непродолжительномъ времени Дмитрашко дожилъ до той счастливой минуты, когда въ ночь съ 12-го на 13-е марта 1672 года старшины Петръ Забѣла, Иванъ Домонтовичъ, Иванъ Самойловичъ, Карпъ Мокріевичъ, Филиппъ Уманецъ, Петръ Рославецъ и стрѣлецкій голова Григорій Неѣловъ отправились вмѣстѣ съ нимъ въ гетманскія хоромы, арестовали гетмана, надѣли на него цѣпи и отправили въ Москву, какъ измѣнника. Дмитрашко изъ Батурина поспѣшно отправился въ Курскъ увѣдомить о низложеніи гетмана князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго и просить его о присылкѣ въ Батуринъ московскихъ ратныхъ людей для защиты старшины отъ возможныхъ нападеній со стороны приверженцевъ низложеннаго гетмана. Въ Москву онъ не сопровождалъ арестованнаго гетмана, а уѣхалъ 24-го марта 1672-го года къ себѣ въ переяславскій полкъ [2]), чтобы захватить въ свои руки отнятую было у него въ пользу Константина Стрыевскаго полковничью власть.

[1]) См. А. Ю. З. Р. IX, 673, 676 754, 757.

[2]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 725.

Въ іюнѣ того-же года Дмитрашко явился на раду въ Козацкую Дуброву (село въ путивльскомъ уѣздѣ курской губерніи, недалеко отъ границы черниговской губерніи) для избранія новаго гетмана—Ивана Самойловича. Когда формальность выборовъ была окончена, то онъ и кіевскій полковникъ Солонина взяли Самойловича подъ руки и поставили его на столъ, а обозный Петръ Забѣла съ другими полковниками поднесли гетману булаву и укрывали его знаменемъ и бунчукомъ. На радѣ въ Козацкой Дубровѣ Дмитрашко получилъ отъ московскаго государя за вѣрность, обнаруженную въ дѣлѣ Многогрѣшнаго, подарки: одинъ сорокъ соболей цѣною въ 60 рублей, одну пару соболей цѣною въ 10 рублей и 10 аршинъ гладкаго атласа [1]). На присяжномъ листѣ и подъ статьями, принятыми на радѣ, Дмитрашко почему-то не подписался собственноручно; его подпись сдѣлана такъ: переясловской Дмитряшко Райча; въ его мѣсто руку приложилъ его жъ полку казакъ Кирило Бувайло [2]). Между тѣмъ изъ прилагаемаго къ настоящей статьѣ факсимиле его подписи и изъ извѣстія, что 30-го января 1673-го года онъ писалъ письмо въ Сосницу къ гетману Ивану Самойловичу „своею рукою, волоскимъ писмомъ“ [3]), мы знаемъ, что онъ былъ грамотнымъ. Для объясненія этой странности остается предположить, что Дмитрашко во время Козацко-дубровской рады на владѣлъ еще рукою послѣ ранъ, нанесенныхъ ему за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ бывшимъ гетманомъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ.

Зиму 1672 — 1673 гг. Дмитрашко проводилъ дома въ Барышевкѣ, слѣдя по обыкновенію за тѣмъ, что дѣлается по ту сторону Днѣпра у Дорошенка, и дѣлясь своими свѣдѣніями съ гетманомъ и съ московскими воеводами въ Малороссіи. Въ январѣ 1673-го года гетманъ Самойловичъ приглашалъ его пріѣхать въ Сосницу повидаться съ нимъ и съ ѣхавшимъ изъ Москвы въ Кіевъ княземъ Трубецкимъ. Дмит-

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 952.

[2]) См. А. Ю. З. Р. IX, стр. 907.

[3]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 160.

рашко отвѣчалъ письмомъ отъ 30-го января, въ которомъ онъ между прочимъ объясняетъ, почему не можетъ пріѣхать: „хотя бы и самые болшіе имѣлъ домашніе недосуги, и тѣ бы всѣ на сторону, для привѣтствованія и встрѣчи такъ высокопочтенные и у великаго государя нашего, его царского пресвѣтлого величества, знатные особы его милости господина боярина и воеводы кіевского, князя Юрья Петровича Трубецкого, отставивъ, не столко на второе, отъ милости твоей господьской ко мнѣ въ Барышевку присланное писмо, но и на прежней листъ къ отцу Симеону Адамовичю, протопопу нѣжинскому и иченскому, о томъ же писанный, поспѣшеніемъ съ охотою моею, чего себѣ отъ души желаемъ, радъ бы есмь до боку милости твоей государьской учинити; но какъ я напомянулъ въ писмѣ моемъ о моемъ неспособномъ здоровьѣ, и о великой болѣзни ножной, и отъ тоя болѣзни избы перетти не могу, удержало меня, и нынѣ тою жъ скорбію лежу“. Но зато онъ обѣщалъ, что „боярина де и воеводъ встрѣтитъ онъ съ полкомъ своимъ отъ Кіева въ ближнихъ мѣстехъ“ [1]). Обѣщаніе это не осталось пустымъ словомъ, и онъ проводилъ князя Трубецкаго до самаго Кіева, куда они прибыли 13-го февраля. Здѣсь на слѣдующій день видѣлся съ Дмитрашкомъ московскій дипломатическій агентъ, подъячій Семенъ Щоголевъ, посланный съ цѣлію уговаривать каневскаго полковника Якова Лизогуба и другихъ полковниковъ отступить отъ Дорошенка, а самого Дорошенка, если онъ поддастся на это,—отступить отъ султана. Дмитрашко разсказывалъ Щоголеву, что Лизогубъ живетъ съ нимъ въ дружбѣ и хотѣлъ сватать за своего сына падчерицу его Анну Золотаренкову, но что гетманъ Дорошенко съ митрополитомъ Тукальскимъ отговорили Лизогуба отъ этого намѣренія, ссылаясь на то, что Дмитрашки—люди богатые и спесивые, будутъ пренебрегать имъ; что сынъ Лизогуба женился на дочери гетмана Дорошенка въ январѣ (1673 г.) и Дорошенко съ конвоемъ въ 1.000 человѣкъ пріѣзжалъ въ Каневъ на свадьбу; и что онъ, Дмитрашко, постарается переманить Лизогуба на московскую

[1]) См. Л. Ю. З. Р. XI, стр. 122—126.

сторону, тѣмъ болѣе, что Лизогубъ не доволенъ бракомъ своего сына и говоритъ: „такое со мною учинилось, чего моя душа никогда не желала“ [1]). Щоголевъ остался очень доволенъ своими разговорами съ Дмитрашкомъ и подарилъ ему отъ имени царя двѣ пары соболей. Дмитрашко принялъ подарокъ съ благоговѣніемъ, благодарилъ великаго государя за милость, кланялся до земли и, смотря на образъ пресвятой Богородицы, говорилъ: „По Господѣ Бозѣ вся надежда на него великого государя, и за его государскую премногую милость о всякихъ его государскихъ дѣлахъ радѣти и за его великого государя умирати готовъ“ [2]). Послѣ того Дмитрашко уѣхалъ въ Барышевку, условившись позвать туда Щоголева, когда онъ снесется съ Лизогубомъ. 19-го февраля Дмитрашко прислалъ уже въ Кіевъ козака, приглашая Щоголева ѣхать въ Барышевку, „не мѣшкая“. Здѣсь Щоголевъ выслушалъ 28-го февраля длинное показаніе побывавшаго у Лизогуба грека Павла Ростанова и велъ съ Дмитрашкомъ продолжительные политическіе разговоры, сводившіеся къ тому, что, по мнѣнію Дмитрашка, если московскій государь хочетъ добиться спокойствія въ Малороссіи и присоединенія праваго берега Днѣпра, то онъ долженъ съ наступленіемъ весны (1673 г.) собрать какъ можно бо́льшее войско и предпринять вмѣстѣ съ гетманомъ походъ въ Крымъ, ударить на татаръ дома, въ ихъ землѣ, и такимъ образомъ лишить ихъ возможности поддерживать Дорошенка и его сторонниковъ; такой походъ, въ случаѣ побѣды, повлечетъ за собою паденіе Дорошенка, отвлечетъ турокъ отъ вмѣшательства въ малороссійскія дѣла и дастъ возможность добиться отъ Польши, которая будетъ бояться испытать участь Крыма,— уступки Кіева съ воеводствомъ въ вѣчное обладаніе Москвы. Это мнѣніе могло интересовать Щоголева, какъ выраженіе политическихъ взглядовъ мѣстныхъ людей, но положительныхъ результатовъ поѣздка его не принесла [3]).

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 162—63.

[2]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 163—164.

[3]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 186—195.

Прекрасныя отношенія къ московскому правительству не помѣшали Дмитрашку хлопотать въ Польшѣ о томъ, что особенно могло его интересовать при его богатствѣ и политическомъ значеніи,—о дворянствѣ. Дворянство, въ смыслѣ сословія людей благороднаго происхожденія, существовало только въ Польшѣ, и вотъ Дмитрашко обратился туда за дворянской грамотой. Нѣтъ надобности предполагать, что Дмитрашко измѣнялъ ради этого московскому царю и передавался Польшѣ, и что „нобилитація“ являлась наградой за измѣну. Напротивъ, мы думаемъ, что онъ никогда не рѣшился бы на подобный шагъ, живя въ мѣстности, тяготѣвшей къ Москвѣ, и имѣя много выгодъ отъ службы московскому правительству. Въ пріобрѣтеніи польскаго дворянства онъ видѣлъ просто средство выдѣлиться изъ толпы и хлопоталъ о немъ такъ, какъ въ наше время хлопочутъ иные о полученіи иностранной орденской ленточки. Такое предположеніе тѣмъ болѣе правдоподобно, что сеймъ въ Варшавѣ, на которомъ было утверждено за Дмитрашкомъ шляхетное достоинство, происходилъ въ январѣ 1673 года (съ 4-го числа) [1]), а королевская грамота, удостовѣряющая это пожалованіе, датирована 25-мъ февраля того-же года [2]), т. е. что всѣ формальности облеченія Дмитрашка шляхетствомъ имѣли мѣсто какъ разъ въ то время, когда самъ онъ былъ занятъ сопровожденіемъ князя Трубецкаго въ Кіевъ и переговорами съ подъячимъ Семеномъ Щоголевымъ и, слѣдовательно, не могъ принять никакого личнаго участія въ хлопотахъ по этому дѣлу. Очевидно, что онъ поручилъ эти хлопоты другому лицу. По этому предмету есть два извѣстія. Нѣкій Степанъ Куницкій, котораго обвиняли въ томъ, будто онъ ѣздилъ въ Польшу выхлопатывать шляхетство для себя и для Дмитрашка, на допросѣ въ Батуринѣ показывалъ: „не вѣдомо, для чего тамъ Дмитрашка, подданного царского величества и желателного господину гетману нашему, господа рѣчь посполитая шляхтичемъ учинили и я де объ немъ тамъ не билъ челомъ, будто де тамо братъ его

[1]) См. Vol. Legum, изд. 1860, т. V, стр. 79.

[2]) См. Русскій Архивъ, 1875, т. II, стр. 403, ст. А. М. Лазаревскаго.

двоюродной отъ нѣколиканадесяти лѣтъ въ корунѣ полской былъ,будто тотъ билъ челомъ“ [1]). Въ упомянутой выше королевской грамотѣ отъ 25 февраля 1673 г. сказано, что „клейнотъ шляхетства полского“ даруется Дмитрашку „за особливою рекомендаціею благороднаго Михайла Ханенка, гетмана войскъ нашихъ запорожскихъ“. Какъ бы то ни было, Дмитрашко сдѣлался шляхтичемъ, а „благородный Александръ Кладнѣцкій, ротмистръ придворной коругвы козацкой“ допустилъ его „до гербу своего *Сасъ*“, потому-что гербомъ „всякому шляхтичу полскому защищать и украшать себя надлежитъ“. Это обстоятельство очень удивило современниковъ. „Зѣло и мы съ господиномъ гетманомъ пріудивляемся“, пишетъ нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ къ боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, „что господа поляки, имѣя съ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ поприсяженое перемирье, подданныхъ его великого государя шляхтичами чинятъ... Не отъ чего иного, токмо отъ зависти то господа поляки учинили, оболгивая всѣхъ насъ къ царскому величеству, и тому нѣчему вѣрити, государь Артемонъ Сергѣевичъ“ [2]).

Съ весны 1674 года начался походъ соединенныхъ гетманскихъ и московскихъ силъ противъ чигиринскаго гетмана Дорошенка и союзныхъ съ нимъ турокъ и татаръ. Дмитрашко, какъ храбрый и опытный военачальникъ, около 10 лѣтъ служившій уже вѣрно московскому государству, поставленъ былъ во главѣ отдѣльнаго отряда съ титуломъ наказнаго гетмана. Ему были даны полки: переяславскій, полтавскій, миргородскій, гадяцкій и лубенскій, а на правомъ берегу Днѣпра, куда онъ отправлялся, приказано ему было сойтись съ тамошними полками: черкасскимъ, каневскимъ, уманскимъ и торговицкимъ, да съ охочими полками. Всего козацкаго войска подъ командой Дмитрашка собралось до 20.000. Къ этому отряду присоединилось два московскихъ полка съ 15-ю пушками подъ начальствомъ полковника рейтарскаго строя Беклемишева. Въ маѣ

---

[1]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 332.

[2]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 332–333.

мѣсяцѣ войско это стало лагеремъ въ окрестностяхъ м. Смѣлой (въ нынѣшнемъ черкасскомъ уѣздѣ кіевской губ.). Далѣе Грабянка повѣствуетъ [1]): „Въ тое-жъ время вийшолъ зъ Криму въ двадесяти тисячахъ Орди нѣкій Солтанъ на-ново Дорошенку въ помочъ, и согласившися зъ Андреемъ Дорошенкомъ, даби подъ Смѣлою всячески розбити Дмитрашка, вземши полки Сердюковъ, Компанѣю и Чемереси, идоша подъ войско тайно, и не доходя Дмитрашка, нечаянно найдоша подъ Орловцемъ на полки случившіеся: гадяцкій, уманскій, торговицкій, на нихъ же Андрей Дорошенко и Солтанъ, всѣми своими войски нечаянно нападше, крѣпко удариша. Но помощію Божіею, мужественно чрезъ долгій часъ отбивающимся, не возмогоша что дѣлати; а тимъ временемъ, Дмитрашко, получивъ о стрелбѣ нѣкую вѣсть, яко найскорѣе, комонно зъ войскомъ тамо-жъ приспѣлъ и татаръ понадъ Ташликомъ и Дорошенка тако поразили, что даже густимъ трупомъ на чтири милѣ поле услали и многихъ татаръ и козаковъ живихъ взяша“. Этотъ бой извѣстенъ у современниковъ подъ названіемъ сраженія подъ Орловцемъ (нынѣ селеніе черкасскаго уѣзда). По однимъ извѣстіямъ происходило оно въ маѣ, по другимъ—9-го іюня.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1674 года гетманъ Самойловичъ съ княземъ Ромодановскимъ перешли черезъ Днѣпръ и подступили къ Чигирину. Дмитрашка съ бывшими при немъ полками они отправили „на защищеніе края поднѣстрянскаго“ [2]), такъ какъ до нихъ дошли вѣсти, что „непріятель креста святаго, се есмь татары и турки, изъ Волоскіе земли на сю сторону Днѣстра подъ городы украинскіе подбѣгаючи, тотъ край пустошитъ и въ людехъ упадокъ чинитъ“. Походъ начался въ концѣ іюля. Въ началѣ августа Дмитрашко сталъ лагеремъ надъ р. Горнымъ Тикичемъ, около с. Буки, въ нынѣшнемъ уманскомъ уѣздѣ кіевской губерніи, и послалъ своего наказнаго Войцу Сербина съ 2.000 козаковъ къ р. Бугу въ подъѣздъ. Войца перешелъ р. Бугъ у Ладыжина, соединился съ полковникомъ Мурашкою и разбилъ

---

[1]) См. Лѣтопись Грабянки, Кіевъ 1854, стр. 214—15.

[2]) См. А. Ю. З. Р. XI, стр. 545.

скопище турокъ и татаръ. Пятсотъ непріятелей нашли смерть на полѣ брани, а пятнадцать знатныхъ турокъ попалось въ плѣнъ. Но тогда подступили большія силы турокъ и татаръ и осадили отряды Мурашки и Войцы Сербина въ Ладыжинѣ (гайсинскаго уѣзда подольской губ.). Въ день Преображенія (6-го августа) козаки Войцы Сербина вырвались изъ городка, переправились черезъ р. Бугъ, убѣжали въ расположенный противъ Ладыжина лѣсъ и черезъ два дня соединились съ главнымъ отрядомъ Дмитрашка. Узнавъ отъ нихъ о превосходствѣ непріятельскихъ силъ, Дмитрашко отступилъ сначала къ Лысянкѣ, а затѣмъ къ Корсуню. Самойловичъ, узнавъ объ отступленіи Дмитрашка, сталъ хлопотать въ Москвѣ о присылкѣ подкрѣпленій. Между тѣмъ Мурашка заперся въ Ладыжинѣ, выдержалъ продолжительную осаду и, наконецъ, погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ подъ ударами превосходнаго силами непріятеля.

Хотя Самойловичъ съ Дмитрашкомъ находились въ какомъ-то свойствѣ, однако въ концѣ 1674-го года между ними вышли, вѣроятно, какія-нибудь недоразумѣнія, и Дмитрашко былъ лишенъ полковничества, потому-что на письмѣ отъ 13 января 1675-го года къ гетману переяславскимъ полковникомъ подписанъ уже Войца Сербинъ [1]). Такимъ образомъ Дмитрашко почти семь лѣтъ (1667—1674) занималъ полковничій урядъ. Маленькій перерывъ въ его управленіи полкомъ былъ только зимою 1671—1672 гг., когда онъ былъ арестованъ гетманомъ Многогрѣшнымъ и былъ временно замѣненъ бунчужнымъ Константиномъ Стрыевскимъ.

Съ этого времени Дмитрашко не возвращался болѣе на полковничій урядъ, но зато занялъ выдающееся положеніе, какъ знатный войсковой товарищъ. Главный вѣсъ давало ему, конечно, его богатство. Не даромъ гетманъ Дорошенко говорилъ о супругахъ Дмитрашкахъ, что они люди богатые и спѣсивые, когда отговаривалъ каневскаго полковника Якова Лизогуба отъ намѣренія женить сына на падчерицѣ Дмитрашка Аннѣ Золотаренковой. Частью путемъ „заимки“, частью покупкою и захватомъ у каза-

[1]) См. А. Ю. З. Р. XII, стр. 21-22.

ковъ [1]) собралъ онъ въ своихъ рукахъ огромное пространство земли въ нынѣшнемъ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губерніи, на которомъ расположились селенія: Семеновка, Березань, Недра, Парышковъ, Лукаши, Лукьяновка, оба Круполя (Великій и Малый), Войтово, Пилипчичи, Ярешки, Лехновка, Малая Березанка и Жуковка. Въ настоящее время въ дачахъ этихъ селеній по даннымъ генеральнаго межеванія числится 59.207 десятинъ земли. Если изъэтого количества исключить около 20.000 десятинъ земли козачей, которая и въ XVII вѣкѣ принадлежала уже козакамъ, то окажется, что Дмитрашко владѣлъ пространствомъ въ 40.000 десятинъ. Центромъ этихъ владѣній былъ хуторъ „Бакумовка". Частью этихъ земель пользовались „посполитые" крестьяне Дмитрашка и зато отбывали въ пользу владѣльца „панщину" и доставляли ему извѣстное количество живности и сельскихъ продуктовъ („чиншъ) [2]). На другой свободной части выпасывались принадлежавшія владѣльцу стада рогатаго скота, овецъ и лошадей. Въ лѣсахъ, которыми густо поросли берега протекавшихъ по владѣніямъ Дмитрашка рѣчекъ, Недры и Березанки, располагались владѣльческія пасѣки, служившія въ тѣ времена источникомъ большихъ доходовъ. Все это недвижимое имущество давало, конечно, возможность своему владѣльцу и собрать значительные денежные капиталы въ „червонцахъ" и „талярахъ", по тогдашнему порядку денежнаго обращенія, и снабдить свой домъ всякаго рода движимостью въ видѣ одеждъ, посуды, оружія, сбруи и проч. Кромѣ того не мало вещей пріобрѣталъ, вѣроятно, Дмитрашко во время своихъ походовъ по праву войны. Есть извѣстіе, что онъ занимался также торговлею съ греческими купцами [3]) и, конечно, торговые обороты также увеличивали его благосостояніе. Но кромѣ богатства, Дмитрашка выдвигали впередъ и его личныя качества: храбрость, боевая опытность, проницательный умъ и знаніе политическихъ отношеній.

---

[1]) См. Лучицкій, Сборникъ матер. для исторіи земель и угодій, Кіевъ, 1884, стр. 17—27, 149—154, особенно стр. 153.

[2]) См. Лазаревскій, Посполитые крестьяне, Черниговъ 1866, стр. 34—35.

[3]) См. Мотыжинскій Архивъ, Кіевъ 1890, стр. 129.

Все вышеизложенное дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ, что Дмитрашко не могъ примириться съ оффиціальнымъ устраненіемъ отъ служебной дѣятельности и началъ стремиться къ низверженію того человѣка, отъ воли котораго зависѣло это устраненіе, т. е. гетмана Самойловича. Онъ былъ гордъ и высоко цѣнилъ себя, а потому находилъ, что онъ можетъ быть гетманомъ съ такимъ же правомъ, какъ и Самойловичъ. Этимъ объясняется участіе его въ двухъ заговорахъ противъ Самойловича, въ 1676-мъ и въ 1682-мъ гг.

Заговоръ 1676 года составился изъ слѣдующихъ лицъ: нѣжинскаго протопопа Семеона Адамовича, генеральнаго писаря Карпа Мокріевича, полковниковъ Петра Рославца, Лазаря Горленка и нашего Дмитрашка. Заговорщики имѣли въ виду убить гетмана и приверженную къ нему старшину („пана судію и пана бунчучнаго“), отложиться отъ Москвы и выбрать новаго гетмана. Относительно Дмитрашка одинъ изъ участниковъ, протопопъ Симеонъ Адамовичъ, показывалъ на слѣдствіи: „Дмитрашко мѣючи зо мною сполне на все совѣтъ, далъ на томъ слово и говорилъ мнѣ, що я его милость пана гетмана потрафлю застрѣлити съ пистолета, у войску; повторе, онъ же Дмитрашко хвалився—ити въ Запороги и тамъ бунтовати“. Относительно будущаго, по тому-же показанію, были слѣдующія предположенія: „Привѣвши всѣ тіе наши намѣренія до скутку, на томъ постановились ми, же южъ не подъ царского величества рукою, но съ ханомъ кримскимъ житы, якъ Хмельницкій живъ; а вже тое вчинили бысми, хоть Дорошенко, хоть Дмитрашко, хоть Рославецъ мѣвъ бы быти гетманомъ, то подъ ханскою рукою жити“. Заговоръ этотъ не имѣлъ для Дмитрашка никакихъ послѣдствій [1]).

Второй заговоръ задуманъ былъ, повидимому, Поляками съ помощью только Дмитрашка. Единственнымъ уличителемъ его являлся Барышевскій поповичъ „Хвеcько“ (Федоръ), который, какъ на первомъ допросѣ 5 декабря 1682 г. въ присутствіи Переяславской полковой старшины, такъ и на второмъ

[1]) См. Мотыж. Арх. стр. 118—121.

допросѣ 22 января 1683 г. въ присутствіи присланныхъ отъ гетмана Самойловича особыхъ уполномоченныхъ разсказывалъ слѣдующее:

„Оставивши домъ отца, я пошелъ учиться въ Кіевъ, а изъ Кіева съ студентомъ Иваницкимъ пострaнствовалъ во Львовъ, а оттуда съ Константиномъ Меѳодіевичемъ зашелъ въ Краковъ и тамъ видѣлъ погребеніе умершаго короннаго гетмана князя Дмитрія (Вишневецкаго?). Въ Краковѣ я поступилъ на службу къ слугѣ новаго короннаго гетмана Яблоновскаго—Станишевскому, съ которымъ былъ въ Теребовлѣ и подъ Бучачемъ. Когда однажды я увидѣлъ, что коронный гетманъ, отправляя Кучинскаго въ полѣсскіе города по военнымъ дѣламъ, далъ ему связку писемъ къ Дмитрашку съ приказаніемъ передать ихъ черезъ Искрицкаго въ собственныя руки Дмитрашка, на котораго, какъ выражался гетманъ, отъ короля польскаго „не лихій вѣтръ повѣваетъ“, то я поблагодарилъ Станишевскаго за службу, пристaлъ къ Кучинскому и поѣхалъ съ нимъ въ Дымеръ (мѣст. Кіевскаго уѣзда), а оттуда мы объѣхали вмѣстѣ всѣ города, въ которыхъ были порученія. Письма къ Дмитрашку были переданы Кучинскимъ Искрицкому, а Искрицкій передалъ ихъ мнѣ и строго приказалъ, чтобы я, выбравши время, отдалъ ихъ въ собственныя руки Дмитрашку. Наканунѣ отъѣзда моего въ Барышевку за ужиномъ у Искрицкаго сидѣли Семенъ, тамошній пѣхотный полковникъ, и Софроній, монахъ Межигорскаго монастыря; разговаривая съ ними о положеніи дѣлъ за Днѣпромъ, Искрицкій сказалъ: „удивляюсь я немало, что Дмитрашко до сихъ поръ тамъ не заколотитъ; мы такъ въ немъ увѣрены, что каждый часъ этого ожидаемъ“. Когда я пріѣхалъ въ Барышевку, то не засталъ Дмитрашка дома; барышевскій сотникъ послалъ меня разыскивать пана полковника, и я, выѣзжая изъ дому, писемъ съ собою не взялъ, а завернулъ ихъ въ платокъ и спряталъ въ отцовской хатѣ въ стрѣху. Пана полковника мы нашли за Десной въ с. Куковичахъ, и онъ сталъ меня спрашивать, не привезъ-ли я какихъ-либо писемъ. Въ то время я не сознался относительно писемъ, и меня отправили къ господину гетману. Въ скоромъ времени я

вернулся опять въ Барышевку, засталъ Дмитрашка дома и вечеромъ въ субботу 19-го ноября, выбравши подходящее время, я вручилъ ему письма. Получивши ихъ, Дмитрашко строго приказалъ мнѣ никому ничего о нихъ не говорить, потому-де, что дѣло это—уголовное; „если я услышу, что ты что-нибудь разболталъ объ этихъ письмахъ, то я собственноручно отрублю тебѣ голову", добавилъ Дмитрашко поповичу. Того-же вечера въ субботу Дмитрашко выѣхалъ на ночь въ Бакумовку".

Показаніе поповича „Хвеська", хотя и не опровергнутое Дмитрашкомъ, даетъ только указаніе на какія-то сношенія Дмитрашка съ поляками, но нисколько не выясняетъ, какіе именно замыслы имѣлъ Дмитрашко противъ гетмана Самойловича. Подобнаго показанія было-бы недостаточно для обвиненія человѣка въ измѣнѣ, если-бы не существовало закоренѣлой вражды Самойловича къ Дмитрашку. Но въ данныхъ условіяхъ обвиненіе сочтено было доказаннымъ, и угодливый гетману судъ приговорилъ Дмитрашка къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы. Приговоръ суда былъ посланъ изъ Переяслава на утвержденіе гетмана въ Батуринъ, а между тѣмъ Дмитрашку данъ былъ извѣстный срокъ на устройство домашнихъ дѣлъ. 31-го января 1683 г. получена была конфирмація отъ гетмана и казнь назначена была на понедѣльникъ 5-го февраля [1]). Какъ удалось вывернуться Дмитрашку изъ этого критическаго положенія и избѣжать смертной казни, мы не знаемъ. Можно только представить себѣ, въ какой мѣрѣ разгорѣлась въ немъ съ этого времени ненависть къ виновнику всѣхъ пережитыхъ тревогъ—гетману Самойловичу! Тѣмъ не менѣе прошло еще четыре года, прежде чѣмъ судьба помогла Дмитрашку свести свои счеты съ ненавистнымъ гетманомъ.

Съ весны 1687 г. начался такъ называемый первый крымскій походъ подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Голицына. Малороссійское войско соединилось съ московскимъ на поляхъ между р. р. Орелью и Самарою. Въ числѣ участниковъ похода, какъ знатный войсковой товарищъ, былъ и Дмитрашко·

[1]) См. Мотыж. Арх. стр. 123—129.

Изъ изслѣдованія покойнаго Н. И. Костомарова „Руина“ извѣстны всѣ подробности этого похода [1]). Достаточно выяснено, что Самойловичъ явился очистительной жертвой за чужія ошибки и что на него свалили вину за всѣ тѣ бѣдствія, которыя претерпѣло соединенное малороссійско-московское войско отъ зноя, безводья, степныхъ пожаровъ и т. д. Когда негодованіе противъ гетмана достигло высшей степени, князь Голицынъ приказалъ привести его къ себѣ въ шатеръ. Дмитрашко, находившійся тутъ-же, хотѣлъ ударить гетмана саблей, но князь Голицынъ остановилъ его и сказалъ: „онъ приведенъ сюда, чтобы судить его, а не для того, чтобы убивать его безъ суда, незаконно“. Сначала бояринъ сообщилъ гетману въ короткихъ словахъ, въ чемъ его обвиняютъ, а затѣмъ, несмотря на то, что гетманъ все отрицалъ и выражалъ готовность оправдаться передъ судомъ, объявилъ, что такъ какъ онъ неугоденъ войску, то отрѣшается отъ гетманскаго уряда. Гетманъ былъ посаженъ подъ караулъ и Дмитрашко могъ наслаждаться паденіемъ своего самаго заклятаго врага.

25 іюля 1687 г. въ лагерѣ на Коломакѣ избранъ былъ новый гетманъ—Иванъ Степановичъ Мазепа. Со свойственною ему вкрадчивостью онъ постарался привлечь на свою сторону такого храбраго и опытнаго дѣятеля, какимъ былъ Дмитрашко. Но хорошія отношенія сохранялись, кажется, не долго. Менѣе чѣмъ черезъ годъ по вступленіи въ должность гетмана, Мазепа послалъ его въ Москву, яко-бы съ порученіями, а на самомъ дѣлѣ, чтобы отъ него избавиться. Здѣсь видѣлъ его знаменитый генералъ Патрикъ Гордонъ и разсказываетъ о немъ въ своемъ дневникѣ слѣдующее: „18 мая 1688 г. прибылъ въ Москву переяславскій полковникъ Дмитрашко по поводу одного пустаго проекта; онъ былъ хорошо принятъ и передъ нимъ очень притворялись. Между тѣмъ въ засѣданіи Тайнаго совѣта было рѣшено задержать его въ Москвѣ, чтобы лишить его возможности поднять возстаніе противъ Мазепы и возбудить безпорядки, такъ какъ онъ былъ очень дѣятельный человѣкъ и не

[1]) См. Руина изд. 1882, стр. 665 и слѣд.

былъ особенно хорошо расположенъ къ гетману. 19 іюня переяславскій полковникъ Дмитрашко противъ всякаго ожиданія былъ отпущенъ. Гетманъ написалъ, что для предотвращенія безпорядковъ на Украинѣ его слѣдуетъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ задержать въ Москвѣ. Однако онъ нашелъ средство открыть себѣ обратный путь. И въ Москвѣ считали благоразумнымъ возможно болѣе полковниковъ сдѣлать независимыми отъ гетмана (Мазепы) и не дозволять, чтобы нынѣшній гетманъ (Мазепа) опять получилъ такое значеніе и такую силу, какими пользовался предыдущій (Самойловичъ) [1]).

Возвратившись домой въ Переяславщину, Дмитрашко съ помощью племянника своего Марка Дмитрашка принялся мстить одному также изъ злѣйшихъ враговъ своихъ, бывшему передъ избраніемъ Мазепы оффиціальнымъ полковникомъ Переясловскимъ (1682—1687), Леонтію Полуботку. Онъ посылалъ своихъ людей разбивать пасѣки Полуботка, разорять строенія въ его дворахъ, забирать рыбу изъ его рыболовень, захватывать его воловъ и лошадей, вывозить муку изъ его мельницъ и т. д. Во главѣ посылаемыхъ людей становился иногда племянникъ его Маркъ Дмитрашко, который и заслужилъ за это названіе „грабителя и на чужіе домы нападателя“. Леонтій Полуботокъ обратился къ защитѣ гетмана Мазепы и послѣдній послалъ генеральнаго судью, Михаила Вуяхевича, съ нѣкоторыми другими лицами въ Переяславъ разобрать жалобы Полуботка на Дмитрашковъ. Обвиненія противъ нихъ подтвердились, и судъ 18 декабря 1688 г. присудилъ, чтобы Дмитрашки вознаградили Полуботка за причиненные ему убытки. Въ случаѣ неисполненія судебнаго приговора они должны были заплатить въ войсковую казну „тисячу талярей вини“ [2]).

Съ этого времени Родіонъ Дмитрашко сходитъ съ политическаго поприща. И времена измѣнились, и старость не располагала уже къ прежней удалой, безпокойной жизни. Какъ спутники старости, пришли религіозное настроеніе, и стремле-

[1]) См. Tagebuch des generals Patrik Gordon. Veröff. durch Posselt 2. B. SpB. 1851, S. 218, 220.

[2]) См. Мотыж. Арх. стр. 130—135.

ніе богоугодными дѣлами загладить грѣхи жизни и подготовить примиреніе съ Богомъ въ загробномъ мірѣ. Поэтому съ этихъ поръ встрѣчаются только извѣстія о немъ, какъ о строителѣ и благодѣтелѣ храмовъ. Въ концѣ 1680-хъ годовъ по какимъ-то связямъ съ Золотоношей онъ обстроилъ вновь, находящійся въ 4-хъ верстахъ отъ нея, Красногорскій монастырь [1]), а въ началѣ 1690-хъ годовъ соорудилъ онъ церковь у себя въ Бакумовкѣ, нынѣ упраздненную. Въ музеѣ церковно-археологическаго общества при Кіевской Духовной Академіи хранятся двѣ громадныя иконы изъ иконостаса этой церкви съ слѣдующими любопытными надписями: на одной иконѣ значится—„(Ив)ан Миславскій року Божого ахчг (1693) мѣсяца"..., на другой—„жертвою пана Радиона Думитрашка—Райчя за пана (Ни)колая старости Березанскаго Михаила Палиенка сотника" [1])...

Умеръ Родіонъ Дмитрашко около 1705 года глубокимъ старикомъ послѣ сорока-лѣтней кипучей дѣятельности въ предѣлахъ Малороссіи (1665—1705) [3]).

Хотя онъ былъ женатъ два раза—въ первый разъ, какъ разсказано выше, на вдовѣ казненнаго нѣжинскаго полковника Золотаренка, а во второй—на какой-то Анастасіи Максимовнѣ, но собственныхъ дѣтей у него не было. Наслѣдниками его имени и состоянія явились, послѣ смерти его вдовы, сыновья его племянника Марка Дмитрашка, Алексѣй и Дмитрій. Отъ нихъ пошли позднѣйшіе Дмитрашки, присоединившіе, по недоразумѣнію, крестное имя своего двоюроднаго дѣда *Родіонъ* въ сербской народной формѣ *Райча* или *Райче* къ фамильному прозвищу, такъ какъ они, очевидно, не знали, что подпись его *Дмитрашко Райча* объясняется только привычкой къ венгерскому обыкновенію писать имя послѣ фамиліи. Самъ Родіонъ Григорьевичъ Дмитрашко считалъ, вѣроятно, болѣе правильнымъ называться *Дмитровичемъ* и, называясь *Дмитрашкомъ*, дѣлалъ только уступку малорусской средѣ, въ которой жилъ; по крайней мѣрѣ на сохранившемся до настоящаго времени

---

[1]) См. Максимовичъ, Собр. соч. т. II, 1877, стр. 378.

[2]) См. Извѣстія церк. арх. Общества за 1879 г., Кіевъ 1880, стр. 80.

[3]) См. Рус. Арх. 1875, II, стр. 404.

перстнѣ его съ гербовою печатью вокругъ герба выгравирована надпись: *Радіонь Дмітровичь.*

Оцѣнивая общественную дѣятельность Дмитрашка, мы не должны, конечно, смотрѣть съ точки зрѣнія нашихъ теперешнихъ идеаловъ, а обязаны взглянуть на нее глазами его современниковъ. Съ тогдашней точки зрѣнія онъ былъ несомнѣнно не только умнымъ и дѣятельнымъ, но и полезнымъ для общества человѣкомъ. Изъ многихъ частностей его жизни видно, что онъ былъ крѣпко убѣжденъ въ необходимости для малорусскаго народа сліянія съ Москвой, чтобы послѣдній могъ сохранить основу своей жизни— православную вѣру, и глубоко ненавидѣлъ гетманскій режимъ, который открывалъ широкій просторъ для всевозможныхъ личныхъ честолюбій и интригъ. Эти убѣжденія раздѣляла вся масса малорусскаго народа, и кто проводилъ ихъ въ жизнь, тотъ, безъ сомнѣнія, являлся человѣкомъ полезнымъ и могъ разсчитывать на популярность. Если онъ сносился иногда съ поляками и добивался отъ нихъ нѣкоторыхъ выгодъ, напр. шляхетства, то при этомъ онъ не поступался своими коренными убѣжденіями, а пользовался только оплошностью поляковъ, чтобы ихъ перехитрить, или съ ихъ помощью насолить какому-либо непріятному человѣку. Жажда наживы, мстительность по отношенію къ врагамъ и страсть къ кознямъ, которыя такъ непріятно поражаютъ насъ въ Дмитрашкѣ, были настолько присущи людямъ того грубаго и расшатаннаго въ нравственномъ отношеніи вѣка, что за нихъ нельзя осуждать въ частности Дмитрашка. Здѣсь онъ не составлялъ только исключенія въ лучшую сторону.

Мы знаемъ теперь важнѣйшія жизненныя занятія героя нашего очерка: военные походы, сношенія личныя и письменныя съ тогдашними политическими дѣятелями, борьба съ личными врагами и, наконецъ, имущественныя и торговыя дѣла съ ихъ сдѣлками, разсчетами и пр.—заполняли его, такъ сказать, рабочее время. Затѣмъ оставался еще досугъ. Часть его уходила на „банкеты“ съ обильными возліяніями Бахусу, какъ это было въ обычаѣ того времени, когда держались поговорки Владиміра Св. „Руси есть веселіе пити“ и пили подолгу и

неумѣренно. Но Дмитрашко не принадлежалъ къ „піякамъ“, какъ тогда выражались. Съ другой стороны онъ былъ настолько малограмотенъ, что врядъ-ли имѣлъ библіотеку и могъ читать что-либо, кромѣ Часословца, Псалтири и другихъ богослужебныхъ книгъ. Между тѣмъ въ немъ, какъ и въ другихъ людяхъ того времени, должны были быть извѣстныя эстетическія потребности, которыя влекли-бы ихъ къ наслажденію поэзіей, музыкой и пѣніемъ. Я полагаю, что потребностямъ этимъ удовлетворяло слушаніе пѣвцовъ думъ—кобзарей. Для Дмитрашка подобное провожденіе времени должно было быть особенно привычнымъ, такъ какъ у него на родинѣ въ Сербіи *пјевач* составлялъ всегда необходимый элементъ общественной жизни [1]). Вѣроятно, въ его *компаніи* на ряду съ *довбишами*, о которыхъ дошло до насъ случайное извѣстіе [2]), были и кобзари, можетъ быть изъ тѣхъ-же омалороссившихся сербовъ, которые въ числѣ 500 человѣкъ *товариства хороівей волоскихъ* пришли съ Дмитрашкомъ изъ Молдавіи въ 1665-мъ году. При этой гипотезѣ легко объясняются нѣкоторыя сербскія вліянія, которыя замѣтны въ малорусскихъ думахъ. П. И. Житецкій въ своихъ цѣнныхъ „Мысляхъ о малорусскихъ думахъ“ (Кіев. Стар. 1892—1893 гг.) разъяснилъ намъ, какъ малорусское эпическое творчество вытекло изъ нравственныхъ потребностей народа и какъ въ него вторгся школьный элементъ; теперь же для насъ приподымается нѣсколько завѣса надъ вопросомъ, почему малорусскія думы такъ далеки отъ великорусскихъ былинъ и такъ родственны сербскимъ *пјесмамъ*. Но объ этомъ въ другомъ мѣстѣ [3]).

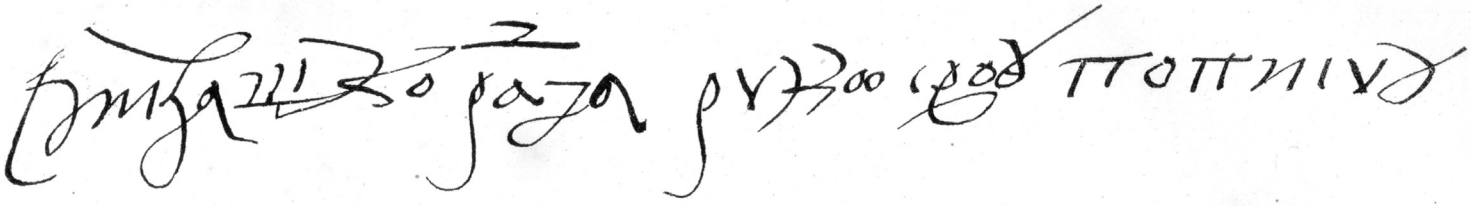
А. Стороженко.

---

[1]) См. Введеніе въ сочиненіе Дозона L'épopée serbe, Paris 1888.

[2]) См. М. Бориспольскій, Кіевъ 1892, стр. 77—79.

[3]) Къ нашей статьѣ прилагаются: 1) факсимиле подписи Родіона Дмитрашка на присяжномъ листѣ 1682 г. на вѣрность наслѣдникамъ царя Федора Алексѣевича 2) снимокъ съ его печати на перстнѣ, сохранившемся у одного изъ потомковъ его племянника Марка. Посреди печати гербъ Сасъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а вокругъ приведенная выше надпись. Для сравненія прилагается и настоящій гербъ Сасъ.



Снимки съ подписи Родіона Дмитрашка, съ его печати на перстнѣ и съ герба Сасъ.

Путешествія въ Малороссію академика Гильденштедта и кн. И. М. Долгорукаго.[1]

(ОКОНЧАНІЕ).

V.

Крупныя помѣщичьи хозяйства.—Крестьянскіе доходы и повинности.—Общія замѣчанія о краѣ.

Какъ посѣщеніе главнаго города нѣжинскаго полка дало Гильденштедту поводъ представить описаніе украинской торговли, такъ пребываніе въ Батуринѣ, городѣ того-же полка, познакомивъ его съ имѣніями графа Разумовскаго, позволило ему дать *очеркъ крупнаго помѣщичьяго хозяйства въ Малороссіи.*

Съ 21 октября по 7 ноября 1774 г. прожилъ Гильденштедтъ въ Батуринѣ и эти дни заняты были у него описаніемъ различныхъ плуговъ, употребляемыхъ въ Малороссіи, а также осмотромъ хозяйственныхъ приспособленій и работъ въ графскихъ имѣніяхъ, при чемъ большую помощь оказалъ ему управляющій Разумовскаго майоръ Отто фонъ-Гоффштейнъ, лифляндецъ родомъ.

„Въ Батуринѣ, разсказываетъ нашъ путешественникъ, находится экономическая канцелярія графа Разумовскаго, съ Гоффштейномъ во главѣ, завѣдывающая всѣми украинскими имѣніями графа, раздѣленными на 9 округовъ, въ каждомъ изъ которыхъ имѣется по главноуправляющему [2]).

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1893 г., № 3.

[2]) Какъ извѣстно, въ это время бывшій гетманъ Малороссіи „нѣсколько поневолѣ“, по выраженію А. А. Васильчикова, долженъ былъ жить въ Петербургѣ и, не имѣя возможности лично управлять своими южными помѣстьями, поручилъ это дѣло сыну своему Алексѣю, постоянно жившему въ Москвѣ, а лѣтомъ посѣщавшему

Округи эти или, какъ называютъ ихъ здѣсь, волости слѣдующія: 1-я *Почепская*, крестьяне, принадлежащіе къ ней, живутъ въ городкѣ Почепѣ на Судости и въ близъ лежащей мѣстности въ стародубскомъ полку; 2-я *Бакланская*, крестьяне живутъ въ Баклани, тоже на Судости, и въ окрестностяхъ; 3-я *Шептаковская* въ Шептакахъ и въ ихъ округѣ; 4-я *Ропская*, крестьяне этой волости живутъ въ городкѣ Ропскѣ и въ его округѣ. Четыре вышеназванныя волости принадлежатъ къ стародубскому полку. 5-я *Карловская*, крестьяне живутъ въ городкѣ Карловкѣ и его округѣ, причислены частью къ полтавскому полку, частью къ Екатерининской провинціи. Помѣстья вышеперечисленныхъ 5 волостей, съ ихъ крестьянами, были подарены Государыней графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, а послѣ смерти его, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, перешли къ графу Кириллѣ Григорьевичу, бывшему гетману [1]). Остальныя 4 волости еще раньше принадлежали Кириллѣ Григорьевичу, получившему ихъ отъ казны. Это: 6-я *Батуринская*, крестьяне ея живутъ въ Батуринѣ и окрестностяхъ, принадлежатъ къ нѣжинскому полку; 7-я *Быковская*—въ городахъ Быковѣ и Козельцѣ и вокругъ нихъ въ переяславскомъ и кіевскомъ полкахъ, 8-я *Яготинская*—въ Яготинѣ и въ окрестностяхъ, въ переяславскомъ полку, и 9-я—*Гадяцкая*—въ Гадячѣ и округѣ его въ гадяцкомъ полку. По ревизіи 1764 г. рабочій персоналъ (между 15 и 60 годами) подданныхъ графа ислислялся: въ Батуринской волости—5605, въ быковской—4849, яготинской—2398, гадяцкой—9797 душъ.—Эти люди живутъ по различнымъ город-

малоросійскія имѣнія отца. „Управленіе ими, говоритъ Васильчиковъ, шло неудовлетворительно. Графъ Алексѣй не имѣлъ рѣшительно никакихъ способностей къ хозяйственнымъ занятіямъ. Онъ постоянно увлекался изъ одной крайности въ другую, не довѣрялъ людямъ и при этомъ вѣчно находился подъ вліяніемъ какого нибудь пройдохи". („Семейство Разумовскихъ" Васильчикова, т. II, стр. 25).—Послѣ такого отзыва, пожалуй не въ пользу Гоффштейна можетъ служить то обстоятельство, что графъ Алексѣй высоко цѣнилъ его (см. письмо А. К. къ отцу отъ 5 Апрѣля 1774 г., стр, 354—356 т. I „Сем. Раз.)"; но изъ разсказа Гильденштедта не видно, чтобы Гоффштейнъ былъ „пройдохой".

[1]) Это не совсѣмъ точно. Волости Шептаковская и Бакланская были дарованы графу Кириллѣ Григорьевичу еще при жизни Алексѣя Григорьевича, указомъ Императрицы Елисаветы отъ 17 февраля 1760 г.

камъ и селамъ, въ перемежку съ козаками, горожанами и подданными различныхъ другихъ дворянъ. Всѣ они имѣютъ собственныя земли, которыя могутъ воздѣлывать по своему усмотрѣнію, какъ хотятъ, но не могутъ продавать. Они вольны выйти изъ подчиненія, но при этомъ теряютъ свои земли и дома. Благодаря такимъ порядкамъ, при видимой свободѣ крестьянъ, въ дѣйствительности, въ отношеніи пользованія ею, они сильно стѣснены.

Экономія владѣетъ собственными землями, состоящими изъ полей, луговъ и лѣсовъ и разбросанными повсюду; въ удобныхъ мѣстахъ его устроены такъ называемые хутора, гдѣ частью гонятъ водку и варятъ пиво, частью занимаются земледѣліемъ, ведутъ молочное хозяйство, держатъ конскіе заводы, разводятъ овецъ. Для этихъ экономическихъ работъ крестьяне должны выставлять работниковъ, нести такъ назыв. *панщину*. Обыкновенно каждый работаетъ на помѣщика 2 дня въ недѣлю".

Чтобы дать понятіе объ украинскомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ, которое, по словамъ Гильденштедта поставлено въ имѣніяхъ графа лучше, чѣмъ гдѣ-бы ни было въ Малороссіи, онъ приводитъ нижеслѣдующія даныя о посѣвѣ и урожаѣ 1772 г. (въ четвертяхъ):

	Въ Батуринской волости.		Въ Быковской.		Въ Гадяцкой.		Въ Яготинской.	
	Посѣяно.	Собрано.	Посѣяно.	Собрано.	Посѣяно.	Собрано.	Посѣяно.	Собрано.
Озимая рожь.	445	1624	181	1641	256	1617	380	1826
Яровая „	1¾	9	—	—	—	—	—	—
Озимая пшен.	18	87	20	161	18	182	7	50
Яровая „	47	226	½	15	35	257	6	67
Ячмень . . .	158	925	206	1009	105	682	371	1973
Овесъ	769	3701	712	2021	306	1832	452	1863
Гречиха . . .	178	459	69	198	40	242	81	326
Горохъ . . .	8	32	2	19	—	—	2	15
Просо	16	190	15	168	16	185	17	196
Ленъ.	5	22	6	35	—	—	1½	5¾
Конопля. . .	23	184	23	139	21	76	8	44
Макъ	—	—	⅛	23	—	—	⅛	9½

Посвятивши затѣмъ нѣсколько словъ разсмотрѣнію приведенной таблицы и упомянувши о томъ, что полей въ Малороссіи никогда не унаваживаютъ, Гильденштетдъ указываетъ на важность, въ видахъ будущей торговли на Черномъ морѣ, поощренія, со стороны правительства, земдѣлія въ южныхъ частяхъ Украины: введеніе лучшихъ плуговъ и удобреніе полей, что легко было-бы сдѣлать правительственнымъ учрежденіямъ, сильно подняло-бы урожайность.

Количество скота въ 4-хъ упомянутыхъ волостяхъ (Батуринской, Быковской, Гадяцкой и Яготинской) въ 1769 г., когда маіоръ Гоффштейнъ вступилъ въ должность, было слѣдующее: взрослыхъ воловъ—553, молодыхъ—886, старыхъ коровъ—465, молодыхъ—448; овецъ—6951, пчелиныхъ ульевъ—1159. Въ 1772 г.—взрослыхъ воловъ—968, молодыхъ—1265; старыхъ коровъ—702, молодыхъ—705; овецъ—11469, пчелиныхъ ульевъ—1912. На конскихъ заводахъ—800 племенныхъ кобылицъ и 5000 лошадей.

Всѣ доходы съ графскихъ имѣній въ этихъ 4 волостяхъ, съ земледѣлія, скотоводства, рыбныхъ ловель, мельницъ, шинковъ, лѣсовъ и суконной фабрики въ Батуринѣ, въ 3-хъ лѣтіе 1766—1768 г. въ общемъ равнялись 111438 р. Благодаря Гоффштейну, въ слѣдующее трехлѣтіе, 1769—1771 г., доходы поднялись до 176826 р., причемъ въ число этихъ доходовъ не засчитано 23006 четвертей различнаго хлѣба и указанное увеличеніе количества рогатаго скота, овецъ, пчелъ.

Винокурни гр. Разумовскаго расположены въ Стародубскихъ лѣсахъ (и въ это дѣло Гоффштейнъ внесъ улучшенія). Отсюда водка развозится по шинкамъ въ остальныя графскія имѣнія. Въ немногихъ деревняхъ, сплошь заселенныхъ графскими подданными, нѣтъ другихъ шинковъ, кромѣ графскихъ. Но въ городахъ со смѣшаннымъ населеніемъ вольной продажей вина занимаются и другіе помѣщики, а также казаки. Въ городскихъ имѣніяхъ ведро водки продается по различнымъ цѣнамъ, смотря по ея крѣпости. Держатъ водку 3-хъ сортовъ: 33-хъ градусную, ведро ея стоитъ 90 к., 50—градусную 1 р. 20 к. и 66—градусную 1 р. 50 к.

Пивоварни есть лишь въ немногихъ мѣстахъ, такъ какъ въ Украинѣ пьютъ больше водки, чѣмъ пива.

Давши затѣмъ описаніе пивоварни на хуторѣ Парасушка въ 20 верстахъ отъ Батурина, Гильденштедтъ переходитъ къ описанію графской сушильни для хлѣба, рѣдкости въ своемъ родѣ, такъ какъ, по наблюденію путешественника, обыкновенно въ Украинѣ хлѣбъ молотятъ, не высушивая его, даже не давъ просохнуть предварительно на воздухѣ. Молотятъ цѣпами въ клуняхъ или на гумнѣ. Сѣно складываютъ въ кучки въ 100 или 200 копъ (въ копѣ около 5 пудовъ). Кучамъ сѣна придаютъ призматическую, рѣдко коническую форму.

На графскомъ хуторѣ Заруковна, въ 20 верстахъ къ югу отъ Батурина, прекрасно поставлено молочное хозяйство, но стойла для скота выплетены изъ ивняка и покрыты соломой. Въ началѣ ноября дойныхъ коровъ начинаютъ кормить сѣномъ, воламъ-же даютъ лишь солому; въ серединѣ марта рогатый скотъ выгоняютъ на луга. Лучшія коровы даютъ здѣсь не больше 4-хъ квартъ или русскихъ штофовъ въ день: 2 утромъ и 2 вечеромъ. За цѣлый годъ въ среднемъ корова даетъ 1 пудъ масла, что стоитъ здѣсь 2 р. 50 к., и 2 пуда творогу, по 2 к. за 1 фунтъ. Для сбиванія масла на графской молочной фермѣ употребляется спеціальный приборъ, описаніе котораго дано въ текстѣ путешествія; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи сливки сбиваютъ въ масло руками, обыкновенно-же и въ Малороссіи, и въ Великороссіи масло не бьютъ, а топятъ: глиняный горшокъ со сливками помѣщаютъ въ истопленную печь, масло подымается вверхъ, вода остается внизу, и, послѣ охлажденія, свернувшееся масло снимаютъ съ поверхности воды. Творогъ изъ скисшаго снятаго молока продаютъ свѣжимъ подъ именемъ сыра; только изрѣдка готовятъ изъ него прессованный сыръ, который называется тогда манорика. (?) Сыръ, который осаждаютъ изъ нескисшаго молока при помощи рубцовъ телятъ или ягнятъ, называютъ по украински гляганка, а порусски—качкавалъ.

Рогатый скотъ на графской фермѣ, также какъ и большей частью во всей южной Украинѣ, сѣровато-бѣлаго цвѣта и крупнѣе русскаго бураго и чернаго рогатаго скота.—Что касается

овцеводства, то графъ держитъ частью украинскихъ или черкаскихъ, частью силезскихъ овецъ (Гильденштедтъ даетъ описаніе тѣхъ и другихъ). Шерсть стригутъ только разъ въ годъ—весной, а иногда и дважды, въ томъ и другомъ случаѣ овца даетъ $2^1/_2$—3 пуда шерсти въ годъ. Стойла для овецъ представляютъ собою плетневые загоны, неплотно прикрытые соломенной крышей.—Лучшій конскій заводъ графа—въ 30 верстахъ отъ Батурина.

Упомянувъ о своемъ осмотрѣ пчеловодства на хуторѣ Парасушка и давъ описаніе ульевъ и способа сохраненія пчелъ зимой, путешественникъ переходитъ къ графскимъ садамъ. Лучшіе изъ нихъ—въ Батуринѣ, въ Подлипномъ—въ 30 верстахъ къ ю.-в. отъ Батурина, въ Парасушкѣ—рядомъ съ Бахмачемъ и въ Яготинѣ. Въ Подлипномъ есть плантація шелковичныхъ деревьевъ изъ 630 шт., а въ Яготинѣ изъ 1434. Шелковичныхъ червей еще не разводили, но уже все готово, чтобы начать это дѣло.

Говоря о рыболовствѣ въ графскихъ имѣніяхъ, Гильденштедтъ описываетъ различные способы рыбной ловли, не отличающіеся и отъ нынѣ практикующихся въ Малороссіи. Затѣмъ онъ перечисляетъ четвероногихъ [1]) и пернатыхъ, водящихся въ лѣсахъ, и останавливается на описаніи охотничьихъ пріемовъ при охотѣ за дичью, между прочимъ при охотѣ за тетеревами.

Далѣе путешественникъ даетъ списокъ полезныхъ растеній въ этой мѣстности, между прочимъ красящихъ. „Здѣсь часто находятъ *Galium Rubioides* (подмаренникъ, марена), которымъ простонародье пользуется въ качествѣ красной краски, еще чаще *Genista tinctoria* (дрокъ), которую употребляютъ частью какъ желтую краску, частью въ декоктѣ для предотвращенія бѣшенства, послѣ укушенія собакой, и *Serratula tinctoria* (серпуха, бодячекъ)—также желтая краска. Genista и Serratula пользуются и на графской суконной фабрикѣ въ Батуринѣ, Galium-же Rubi-

[1]) На Сеймѣ, возлѣ Батурина, по показанію Гильденштедта, водится выдра, Lutra, малая—Lutreola и бобръ. Но о Castor Moschatus здѣсь, какъ и на остальныхъ притокахъ Днѣпра, никто не слыхалъ.

oides нѣтъ, а красятъ въ красный цвѣтъ крапомъ, который уже совершенно готовымъ покупаютъ въ Москвѣ по 11 р. 50 к. за пудъ. Готовую вайду и индиго также покупаютъ въ Москвѣ, по цѣнѣ 72—120 р. за пудъ. Необходимые для окраски квасцы продаются на украинскихъ ярмаркахъ по 4—5 р. за пудъ.

На суконной фабрикѣ графа—11 станковъ, на 10 ткутъ сукно, на одномъ—грубую байку. Ширина сукна на станкѣ—3 арш., основа—на 2650 ниткахъ, длина куска—40 аршинъ. Два ткача, приставленные къ каждому станку, получаютъ за кусокъ сукна 3 р. 40 к. (тратятъ они на него 3—4 дня). Мальчикъ, наматывающій при станкѣ нитки на чурки, получаетъ съ куска сукна 20 к., за наборъ основы—50 к. съ куска, за ческу шерсти—4 к. съ фунта, за пряжу—3 к. Ткутъ большимъ (5 фут. въ діаметрѣ) маховымъ колесомъ и маленькимъ веретеномъ. Для пряденія пользуются услугами дѣтей обоего пола, выпрясть въ день они могутъ не болѣе полуфунта пряжи. Сукно окрашиваютъ въ различный цвѣтъ: синій, красный, зеленый, сѣрый, коричневый, фіолетовый. Лучшее, окрашенное въ синій цвѣтъ, сукно стоитъ 1 рубль за аршинъ.

Очень усердно заняты пряденіемъ женщины изъ украинскаго простонародья. Это почти единственное занятіе ихъ отъ 12 лѣтъ и до глубокой старости. Прядутъ веретеномъ; шерсть и конопляную кудель натыкаютъ на гребень и затѣмъ сучатъ нитки и наматываютъ на веретено; льняную кудель обматываютъ вокругъ небольшаго стерженька и уже изъ такихъ мотковъ сучатъ нитки, наматывая ихъ на веретено. Прядильнаго колеса, какъ и во всей внутренней Россіи, здѣсь не знаютъ. 4 фунта очищенной конопли въ Батуринѣ стоитъ 5 коп., 4 ф. пряжи для грубаго полотна на рубахи—14 к., 4 ф. еще болѣе грубой пряжи—для полотна на мѣшки и шаровары—8 к.

Украинки прядутъ, хотя и рѣдко, весьма тонкую льняную пряжу, изъ которой приготовляютъ ткань въ родѣ марли, идущую на головные платки.—Изъ льняной пряжи женщины сами ткутъ полотно на рубахи, шаровары, скатерти, полотенца, мѣшки. Изъ шерстяной пряжи ткутъ разноцвѣтную рѣдкую ткань на плахты; кусокъ ея въ 3 арш. длиной и $^1/_2$ шириной стоитъ 80 к.

Ткутъ также грубое сукно, частью изъ бѣлой, частью изъ темнокоричневой шерсти и неокрашеннымъ употребляютъ на мужескія и женскія свиты.

Только знатные и богатые покупаютъ для своихъ свитъ на фабрикахъ и въ лавкахъ синее, зеленое и красное сукно.

Кожу рогатаго скота дубятъ для выдѣлки сапогъ, но кожа получается очень плохая.

Графъ Разумовскій осенью 1774 г. поручилъ англичанамъ устроить кожевенный заводъ близъ дер. Устье въ 20 верстахъ къ западу отъ Батурина. Такого рода фабрику Гильденштедтъ находитъ совершенно умѣстной на Украинѣ, но неудачно, по его мнѣнію, было задумано устройство зеркальной фабрики близъ Батурина, неудачно потому, что въ краю этомъ нѣтъ ни необходимыхъ для производства матеріаловъ, ни даже достаточнаго количества лѣса. Фабрику пришлось закрыть, послѣ того какъ истрачено было на нее большое количество денегъ. Зеркальныя пластины, приготовленныя для пробы, на воздухѣ принимали молочный цвѣтъ и были непрозрачны, что объясняется вѣроятно излишнимъ прибавленіемъ къ стекляной массѣ щелочныхъ солей.

Въ заключеніе разсказа объ имѣніяхъ графа Разумовскаго, Гильденштедтъ даетъ описаніе *Батурина*:

На ровной возвышенности, на высокомъ крутомъ лѣвомъ берегу Сейма лежитъ старая, окруженная неправильнымъ валомъ крѣпость, съ 1687 по 1708 г. бывшая резиденціей гетмана Мазепы. Съ тѣхъ поръ какъ, по повелѣнію Петра, крѣпость эта была разрушена въ 1708 г., она до сихъ поръ остается въ запустѣніи. Посрединѣ ея—кирпичная церковь, также пришедшая въ ветхость и развалившаяся. Въ этой-же крѣпости находится входъ въ подземные ходы, имѣющіе 1 саж. ширины, болѣе 1 саж. высоты и 15 длины; въ концѣ продольныхъ ходовъ есть боковые такой-же длины. Ходы эти, называемые мѣстными жителями „лѣхами“, выкопаны въ глинистой почвѣ и не обложены камнемъ; въ былыя безпокойныя времена они служили для храненія городскаго имущества. Такіе „лѣхи“ есть и въ другихъ мѣстахъ Украины, особенно возлѣ Яготина.

Вокругъ старой крѣпости расположены обывательскіе дома, ихъ до 400; всѣ плохо построены и малы; между ними—3 церкви. Въ немногихъ, имѣющихся въ Батуринѣ, мелочныхъ лавкахъ продаютъ обыкновенные товары, въ пятницу и воскресенье—базарные дни, а 3 раза въ годъ бываютъ ярмарки. Жители—частью казаки, частью графскіе подданные.

Близко къ обывательскимъ домамъ примыкаютъ графскія постройки, между которыми проходитъ дорога изъ Кіева въ Москву. По одной сторонѣ ея—садъ, деревянный дворецъ, нѣсколько меньшихъ деревянныхъ зданій для кухни и прислуги; съ другой стороны—2 каменныхъ запасныхъ магазина, а по бокамъ послѣднихъ—нѣсколько деревянныхъ зданій для жилья и конюшенъ.

Все окрашено въ желтую краску, незамѣтно никакой роскоши, многое пришло въ большую ветхость [1]). Во дворцѣ есть графская библіотека, тысячи въ 2 томовъ, главнымъ образомъ по изящнымъ наукамъ; большая часть книгъ на французскомъ языкѣ, лишь немного—на русскомъ, еще меньше—на нѣмецкомъ, англійскомъ и италіанскомъ.

Еще раньше, чѣмъ въ Батуринѣ (именно 16 сентября), Гильденштедтъ былъ въ другомъ графскомъ имѣніи *Карловкѣ*, сперва принадлежавшей Миниху, послѣ же конфискаціи имущества послѣдняго подаренной имп. Елисаветой Алексѣю Разумовскому, отъ котораго (послѣ его смерти) имѣніе перешло къ Кириллу Григорьевичу. При описаніи Карловки Гильденштедтъ нѣсколько больше, чѣмъ при общемъ описаніи имѣній, остановился на повинностяхъ и доходахъ подданныхъ графа.

„Жители отъ каждаго семейства поставляютъ цѣлый годъ работника по 2 дня въ недѣлю (пѣшаго или съ запряжкой во-

---

[1]) Гр. Кирилла Григорьевичъ намѣревался было поправить свой дворецъ и въ письмѣ отъ 5 апрѣля 1774 г. Алексѣй Кириллычъ отговариваетъ отца отъ намѣренія починить „столь великій и черезъ мѣру пространный домъ“, гдѣ „какъ крышку, такъ и почти всѣ стѣны, полы и печи доведется дѣлать новые“, а предлагаетъ вмѣсто этого изъ остатковъ стараго дома „собрать спокойнѣе и удобнѣе домъ на лучшемъ по соизволенію вашему мѣстѣ“ („Семейство Разумовскихъ“, т. I, стр. 354).

ловъ, смотря по требованію) для земледѣльческихъ и всякихъ домашнихъ работъ. 4 семейства вмѣстѣ должны доставить возъ сѣна и выставить для жатвы особыхъ работниковъ. Въ казну съ Карловки поступаетъ 400 руб., платежи эти жители (ихъ 300 семействъ) раздѣляютъ между собою такимъ образомъ, что съ нѣкоторыхъ идетъ всего 20 коп., съ другихъ—до 4 рублей.

Средства къ жизни жители получаютъ отъ скотоводства и земледѣлія. Они держатъ много свиней, нѣкоторые до 20 и не меньше 2 на каждый домъ, въ среднемъ на домъ приходится по 6 шт. 3-хъ лѣтняя еще неоткормленная свинья стоитъ здѣсь 2 талера или 2 р. 40 к. Откормленныхъ свиней бьютъ въ началѣ ноября, сало ихъ служитъ для питанія зимой; только немногихъ откармливаютъ и въ теченіе зимы, большею частью бьютъ поросятами. Рогатаго скота у каждаго хозяина есть по нѣсколько штукъ, у нѣкоторыхъ число ихъ доходитъ до 50. Дома въ Карловкѣ почти всѣ плетневые, только немногіе цѣликомъ изъ дерева; расположены на правой сторонѣ Орчика, на подъемѣ. Топятъ въ домахъ соломой и тростникомъ, чаще сухимъ пометомъ. На возвышеніи находится небольшое 4-хъ угольное укрѣпленьице, церковь и барскій домъ. Вокругъ Карловки много вѣтряныхъ мельницъ".

Упоминая подъ 22 сентября о *Яготинѣ*, Гильденштедтъ говоритъ, что здѣсь лучшая во всей Украинѣ гребля, устроенная гр. Разумовскимъ.

Очень понравилась эта гребля и князю Долгорукому, видѣвшему ее въ 1817 г. „Всего больше плѣнили меня, говоритъ онъ, мельница и плотина: она продолжается версты на $1^1/_2$ и ее можно прямо назвать une belle chaussée. Что мудренаго? Нѣсколько тысячъ козаковъ положили ей основаніе, а додѣлывали англичане. Гетманъ Малороссіи былъ маленькой полубогъ, особливо-же когда вспомнишь, что къ этому званію онъ присоединялъ титулъ фаворита Елисаветы, то найдешь все, что здѣсь видишь, очень натуральнымъ".

Яготинъ князю пришлось видѣть лишь изъ коляски, такъ какъ управляющій графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, которому тогда принадлежало это имѣніе, „не менѣе какъ чи-

новникъ VI класса", оказался человѣкомъ очень грубымъ, не разрѣшилъ остановиться „ни въ которомъ флигелѣ графскомъ", и нашему путешественнику не показалъ, да вообще „никому не кажетъ всѣхъ подробностей этого сокровища природы". Но и мимоѣздомъ Долгорукому было пріятно взглянуть на Яготинъ, особенно говоритъ онъ: „проѣхавши мимо кургановъ, напоминающихъ проказы Хмельницкаго, Дорошенка и Мазепы, обрадуешься всѣмъ сердцемъ монументу золотыхъ временъ, возникшихъ изъ малороссійскихъ междуусобій"—При всемъ восхищеніи великолѣпіемъ Яготина, Долгорукій находитъ его неумѣстнымъ, такъ такъ, по его соображенію, великолѣпныя зданія строятся изъ тщеславія, а „здѣшнимъ панамъ некогда ѣздить смотрѣть на чужіе фонтаны и галлереи".

Былъ Долгорукій и въ Батуринѣ и при томъ въ оба свои путешествія, въ 1810 и 1817 гг., хотя болѣе обстоятельно разсказываетъ о немъ лишь въ 1810. Тогда его вниманіе обратили на себя дома графа: одинъ—деревянный (о которомъ мы уже говорили выше), хотя онъ и „обнаженъ всѣхъ своихъ прелестей, но по огромности своей и количеству покоевъ, достоинъ и по нынѣ примѣчанія"; другой—каменный 3-хъ-этажный, съ широкимъ балкономъ и колоннадой.—Въ имѣніи 16 т. душъ, даетъ оно до 200 тысячъ доходу.

Въ то время (1810 г.) имѣніе принадлежало графу Андрею Кирилловичу Разумовскому, а вѣдалъ всѣми дѣлами англичанинъ, сынъ покойнаго управляющаго имѣніями фельдмаршала. Андрей Кирилловичъ далъ своему управляющему неограниченныя полномочія: силою „вѣрющаго письма", присланнаго графомъ изъ Вѣны, онъ „имѣетъ право на всякія распоряженія, можетъ даже для изворотовъ хозяйственныхъ продавать и закладывать". Управляющій обязанъ лишь посылать графу годовые отчеты въ доходахъ и расходахъ. Но „отчетъ сей состоитъ, безъ всякихъ мелочныхъ подробностей, въ показаніи крупныхъ статей сбора и издержекъ. Расходы по дѣламъ въ присутственныхъ мѣстахъ совершенно лежатъ на его совѣсти; затѣмъ чистый барышъ переводится въ Вѣну. Графъ Андрей Кирилловичъ такъ привыкъ ему вѣрить, что онъ ничего болѣе не требуетъ

а все аппробуетъ. Есть-ли такая довѣренность дѣлаетъ много чести англичанину, который черезъ 40 лѣтъ ее не употребилъ во зло и всегда больше и больше оной удостоивался, то не меньше, смѣю думать, похвально и для помѣщика-вельможи, что, испытавъ качества повѣреннаго своего, не мучитъ его мелочьми, не дрожитъ изъ копѣйки и не прѣетъ надъ расходными книгами бумагъ".

За свои труды управляющій получаетъ десятую долю съ чистаго графскаго дохода. „Въ прошедшемъ году ему дошло взять тысячъ съ 16; кромѣ того столъ, услуга, погребъ, освѣщеніе, квартира, все графское и все съ большою роскошью: какое прекрасное состояніе!"

Говоритъ Долгорукій о „разныхъ заведеніяхъ" Батурина: о заводѣ, гдѣ дѣлаютъ „славныя восковыя свѣчи, а также недавно начали лить короткіе огарки нарочно для ночниковъ"; тѣхъ и другихъ мало продаютъ, потому что графъ Андрей Кирилловичъ затребовалъ къ себѣ въ Вѣну до 400 пуд. свѣчъ; объ овчарномъ заводѣ, въ 40 верстахъ отъ Батурина, гдѣ, по слухамъ до 1200 испанскихъ овецъ; наконецъ, о суконной фабрикѣ о 50 станкахъ (появившихся теперь вмѣсто прежнихъ 11, о которыхъ разсказываетъ Гильденштедтъ)—„на иныхъ точется солдатское сукно, а на другихъ тонкое. Для храненія ихъ устроенъ особый магазинъ, изъ котораго сукна выпускаются на вольную продажу". (Это была, говоритъ Бодянскій въ своемъ примѣчаніи къ этому мѣсту путешествія Долгорукаго, первая суконная фабрика въ нынѣшней черниговской губерніи, устроенная въ 1756 году).

Говоря о Батуринской Воскресенской церкви, гдѣ похороненъ послѣдній гетманъ Малороссіи, Долгорукій замѣчаетъ о немъ: „онъ умеръ по-философски и самъ назначилъ мѣсто своего погребенія. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ кончиною, онъ поручилъ англичанину, отцу нынѣшняго управителя, вырыть ему въ церкви могилу. Болѣзнь препятствовала ему долго самому ее осмотрѣть. Онъ спросилъ иностранца: „Зробывъ мнѣ хату?" Графъ любилъ весьма нарѣчіе своей родины и часто въ Батуринѣ мѣшалъ его въ разговоръ свой. Узнавши, что яма

готова, самъ ее осмотрѣлъ и одобрилъ. Не всякой вельможа такъ равнодушно спустится въ землю!“

Англичанинъ оказался гостепріимнымъ хозяиномъ и угостилъ Долгорукаго на славу. За обѣдомъ пѣлъ графскій хоръ въ 12 человѣкъ, обучавшихся пѣнію у Бортнянскаго (это былъ остатокъ капеллы [1]), которую держалъ кн. Андрей Кирилловичъ въ бытность свою посломъ въ Вѣнѣ). Князю особенно понравились малорусскія пѣсни. Онѣ его „совершенно обворожили“; „въ малороссійскихъ пѣсняхъ, говоритъ онъ, я всегда находилъ что-то томное, унылое, что идетъ прямо до души: они запѣли меня до слезъ!“

Съ чувствомъ признательности вспоминаетъ объ этомъ пріемѣ Долгорукій и въ 1817 г., когда уже англичанина не было въ живыхъ, а имѣніемъ управлялъ нѣмецъ, сильно разгнѣвавшійся на своего помощника, подпоручика Котляревскаго, оказавшаго, въ отсутствіи нѣмца, любезный пріемъ Долгорукому. „Есть-ли бы, говоритъ Долгорукій, экономъ ранѣе меня пріѣхалъ въ Батуринъ, съ нами-бы, уповательно, повторилась Яготинская встрѣча“.

Изъ наблюденій Долгорукаго, сдѣланныхъ имъ во 2-е посѣщеніе Батурина, интересно лишь упоминаніе объ измѣненіи цѣнности серебряныхъ денегъ. „Здѣсь я нашелъ, говоритъ онъ, большую перемѣну въ звонкой монетѣ: серебро ниже мѣди; за мѣдныя деньги за 15 к. такой купишь хлѣбъ, котораго менѣе 20 к. не отдадутъ за серебряныя“.

Болѣе подробно, чѣмъ о Батуринѣ, въ это путешествіе (1817 г.) Долгорукій говоритъ о *Пестовщинѣ*, польскихъ заводахъ гр. Петра Кирилловича Разумовскаго, гдѣ управляющимъ

---

[1]) Андрей Кирилловичъ былъ страстнымъ меломаномъ и отличался тонкимъ музыкальнымъ чутьемъ; послѣднее качество особенно цѣнилъ въ немъ близкій къ князю композиторъ Гайднъ. Больше всего Андрей Кирилловичъ любилъ такъ называемую камерную музыку и содержавшійся на княжескія средства Вѣнскій „квартетъ Разумовскаго“ знаменитъ въ исторіи музыки. См. объ этомъ, а также о вліяніи Андрея Кирилловича на музыкальное развитіе Бетховена и объ услугахъ, оказанныхъ княземъ Вѣнѣ въ музыкальномъ отношеніи, стр. 455—456, т. III „Семейства Разумовскихъ“. А. А. Васильчикова.

былъ англичанинъ, получавшій „кромѣ разныхъ мѣстныхъ выгодъ, ничего не стоющихъ помѣщику, 1000 руб. денегъ". Постройки для жилья здѣсь посредственныя: „видно, что графъ не бывалъ здѣсь никогда и впередъ не будетъ. А для лошадей его много строенья поставлено. Послѣ обѣда англичанинъ водилъ насъ въ манежъ, казалъ лучшихъ лошадей, и на одной, сѣвши самъ верхомъ, перескакивалъ черезъ палку, во весь галопъ, довольно высоко. Я не стану говорить о красотѣ лошадей, потому что, по цѣнѣ, должны быть онѣ прекрасны. Та, на которой онъ свои штуки намъ показывалъ, стоитъ, по его словамъ, 1500 руб. Какая страшная цѣна! Какъ ни хвали ее, а все не больше, какъ скотина, которая и того не выработаетъ, что кляча простая русская въ возу, у орловскаго ямщика, цѣною рублей въ 70, доставитъ ему барыша въ одну зиму. Прихоть на все налагаетъ свою таксу".

Въ другомъ помѣстьи того-же графа Петра Кирилловича, Долгорукій ходилъ смотрѣть фабрики: „суконную, коверочную и шпанскихъ овецъ; здѣсь также и свѣчи восковыя дѣлаются, старинный промыселъ этой фамиліи".

Изъ имѣній, принадлежавшихъ другимъ малорусскимъ фамиліямъ, Гильденштедтъ болѣе подробно останавливается на *Федоровкѣ* на Хоролѣ, о которой онъ сообщаетъ слѣдующее:

„Въ Федоровкѣ 386 домовъ и 1800 душъ м. п., принадлежитъ она фамиліи Апостоловъ и съ рукой Екатерины Павловны Апостоловой перешла къ полковнику Кондрату Павловичу Битяковскому. Послѣдній 8 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ 1766 г.) построилъ здѣсь красивый барскій домъ. Жители платятъ въ казну по 1 р. 2 к. съ каждаго двора. Кромѣ того отсюда набираютъ работниковъ для крѣпостныхъ работъ и на ямщину. Работникъ для крѣпостныхъ работъ или такъ называемый лопатникъ получаетъ за лѣто 7 руб. и снабжается отъ общины платьемъ и лошадью. Отъ 200 домовъ поставляется всего 1 работникъ.—На владѣльца жители должны работать, когда онъ потребуетъ, пѣшіе и конные; другихъ повинностей по отношенію къ нему они не несутъ. Доходы владѣльцу при-

носятъ— земледѣліе, существующее на счетъ крестьянскаго труда, разведеніе рогатаго скота и лошадей, а также шинки.— У здѣшнихъ обывателей много пчелъ; ульи весной ставятъ среди кустовъ, лѣтомъ на поляхъ, особенно гречишныхъ. Мѣстный медъ, а также и воскъ, отличаются темнокраснымъ цвѣтомъ. Пудъ воска стоитъ 12 руб., ведро (равное двумъ казеннымъ ведрамъ) нечистаго меда—4 руб. Рожь и пшеница обыкновенно приносятъ урожай всего самъ 3. Богатѣйшіе крестьяне рѣдко высѣваютъ больше 3-хъ четвертей; у такого крестьянина самое большее—4 пары воловъ, такъ что ихъ достаточно лишь для его плуга. Больше всего дохода здѣшнимъ крестьянамъ даютъ овцы. Немного лѣтъ тому назадъ овца стоила всего 70 к., теперь за нее платятъ 1 рубль.—Ленъ и коноплю сѣютъ лишь для домашняго обихода, ячмень—почти совершенно нѣтъ, овса— лишь немного, больше всего пшена и гречихи".

Въ раковинахъ, въ большомъ количествѣ попадающихся въ Хоролѣ, часто находятъ хорошія жемчужины, цѣлое собраніе которыхъ показывала Гильденштедту полковница Битяковская.

На томъ-же Хоролѣ, въ 10 верстахъ отъ Миргорода, Гильденштедтъ посѣтилъ село *Хомутецъ*, принадлежавшее Апостоламъ. Въ селѣ обратилъ на себя его вниманіе хорошій барскій домъ и садъ съ теплицами, въ саду—виноградъ, шелковица, волошскіе орѣхи, персики, абрикосы, бергамоты, различные роды грушъ, яблокъ, сливъ и вишенъ.

Къ бывшимъ владѣніямъ Апостоловъ принадлежала также *Сухарабливка*, гдѣ особенное вниманіе Гильденштелта привлекла мельница. „Здѣсь, говоритъ онъ, есть мельница на Пселѣ, о 18 поставахъ, двигающихъ 12 мельничныхъ камней и 6 толчей. Мельница была постоянно въ ходу даже въ это сухое лѣто. Каждый камень въ сутки перемалываетъ 50 мѣшковъ зерна или 12 четвертей, изъ которыхъ за помолъ идетъ $^1/_{10}$. Поэтому доходъ съ нея очень значителенъ, чѣмъ и объясняется то, что за это село недавно заплочено 18000 рублей полтавскимъ купцомъ Руденко (Rudinka), купившимъ его у Апостоловъ.

Разсказываетъ Гильденштедтъ и о нѣкоторыхъ изъ имѣній

тогдашняго правителя Малороссіи, графа П. А. Румянцева, больше всего о селахъ Вишенькѣ и Черешенькѣ.

„Село Вишенька, въ 80 домовъ, принадлежитъ графу Румянцеву, которому было подарено казной вмѣстѣ со многими другими селами. Жители села—малороссы и принадлежатъ къ черниговскому полку.—Въ нижнемъ концѣ, сейчасъ-же возлѣ деревни, уже 3 года живутъ меннониты—60 человѣкъ обоего пола и разнаго возраста. Прежде они жили въ Молдавіи, куда бѣжали изъ Трансильваніи вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій. Всѣ они нѣмцы. Въ Молдавіи они просили защиты у гр. Румянцева, и онъ отослалъ ихъ въ свое имѣніе. По меннонитскому обычаю, всѣ они составляютъ одно семейство. Графъ далъ имъ поле, луга и немного лѣса. На 3 года они были избавлены отъ всякихъ повинностей; по истеченіи этихъ 3-хъ лѣтъ, они, также какъ и другіе, живущіе въ графскихъ имѣніяхъ крестьяне, за 12 дес. поля и 6—луга (что составляетъ здѣсь обычный полный надѣлъ крестьянскаго семейства) должны ежегодно платить 8 р. 40 к. Если они возвратятъ всю полученную ими ссуду, графъ предоставляетъ имъ полное пользованіе своей свободой.—У нихъ я нашелъ прекрасный пеклеванный ржаной хлѣбъ, очень хорошее масло и хорошій яблочный сидръ. Есть между ними знакомые съ винодѣліемъ. Нѣкоторые изъ этихъ меннонитовъ—земледѣльцы, другіе—ремесленники (ткачи, горшечники, кузнецы, каретники, сапожники).Домашнюю утварь и платье они приготовляютъ себѣ сами; кромѣ того занимаются продажей изготовляемой ими глиняной посуды и тонкаго полотна, аршинъ котораго (шириной тоже въ аршинъ) стоитъ 25—35 коп.

Въ верстѣ отъ Вишеньки лѣтъ 5 тому назадъ построенъ увеселительный дворецъ гр. Румянцева—Черешенька“. На стр. 406—407 Гильденштедтъ даетъ подробное описаніе этого дворца и перечисленіе всѣхъ службъ при немъ.

Изъ заводовъ, принадлежавшихъ графу Румянцеву, Гильденштедтъ упоминаетъ о парусной фабрикѣ, первой въ Украинѣ, находящейся въ Топалѣ, въ стародубскомъ полку.

Кромѣ описанія хозяйства въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, мы находимъ у Гильденштедта также и нѣсколько общихъ замѣчаній о положеніи земледѣлія и скотоводства въ цѣлыхъ полкахъ. По поводу южныхъ полковъ Гильденштедтъ разсказываетъ слѣдующее:

„Въ Полтавщинѣ разводится мало пшеницы; на послѣдней часто появляется загарина и въ большомъ количествѣ примѣшанъ куколь. Первое зависитъ, кажется, отъ неумѣлой сушки, благодаря которой здѣсь почти вся пшеница отдаетъ затхлостью, второе—отъ недостатка чистыхъ сѣмянъ пшеницы. Избытокъ куколя неизбѣжно придаетъ черный цвѣтъ пшеничной мукѣ и испеченому изъ нея хлѣбу. Поэтому полтавской пшеницѣ предпочитаютъ бѣлгородскую, такъ какъ послѣдняя не содержитъ сорныхъ травъ и даетъ бѣлую муку, почему ее часто покупаютъ сами полтавцы... Если бы дѣло велось надлежащимъ образомъ, то на жирной глинистой украинской почвѣ пшеницу можно было-бы разводить съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Россіи“.

„Въ лубенскомъ и переяславскомъ полку лишь изрѣдка вокругъ деревень и домовъ устраиваютъ плетни, въ лубенскомъ—изъ орѣшника, въ переяславскомъ—изъ березы. Обыкновенно-же жилища, деревни, поля окружаютъ рвами и небольшими земляными валами, назыв. „царина“, чтобы оградить ихъ отъ скотины. Чаще всего существуютъ одни валы, безъ рвовъ, съ пологимъ уклономъ въ сторону поля и почти отвѣсные въ сторону дороги, высотою въ 3 фута. Этотъ родъ огражденій болѣе долговѣченъ, при рвахъ-же они сползаютъ. На дорогахъ, ведущихъ на поля черезъ эти валы, цѣлое лѣто караулятъ бѣдняки, которые за это во время жатвы получаютъ по снопу съ каждаго воза.—Для пастбищъ въ этомъ округѣ мало свободной земли, такъ что скотъ пасется на паровыхъ поляхъ и среди порослей кустарника. Поэтому рогатый скотъ здѣсь хуже, чѣмъ въ полкахъ миргородскомъ, полтавскомъ и на украинской линіи. Здѣшнія лошади также очень малы и слабы и быстро устаютъ въ дорогѣ. Но въ то же время въ лубенскомъ и переяславскомъ полкахъ у крестьянъ гораздо больше лошадей, чѣмъ въ пол-

кахъ миргородскомъ и полтавскомъ. Для разведенія овецъ возвышенныя сухія поля полтавскаго и миргородскаго округа гораздо удобнѣе сырыхъ мѣстностей переяславскаго и лубенскаго полковъ".

Такія-же общія замѣчанія Гильденштедтъ посвящаетъ и сѣвернымъ полкамъ—Стародубскому и Черниговскому.

„Земледѣліе въ стародубскомъ полку имѣетъ больше сходства съ русскимъ, чѣмъ съ украинскимъ. Выжиганіе для удобренія почвы производится лишь изрѣдка, унаваживаніе тоже не часто. Сѣютъ здѣсь много конопли, гречихи и овса, ржи мало, ячменя, пшеницы и проса совсѣмъ не сѣютъ. Хлѣбъ сушатъ въ овинахъ, пашутъ русской сохой, запряженной одной лошадью. Коноплю свозятъ зимой къ Двинѣ, а оттуда весной по водѣ отправляютъ въ Ригу. Въ стародубскомъ краю очень много винокуренъ, такъ что отсюда снабжается водкой большая часть Украины. Въ лѣсахъ стародубскихъ выжигаютъ немного поташу, смолы и дегтю".

„Въ черниговскомъ полку сѣютъ много ржи, гречихи и овса, но мало пшеницы, ячменя, проса и конопли, а еще меньше льна. Удобреніе полей мало употребительно, также мало извѣстно сушеніе немолоченнаго хлѣба. Въ южной части пашутъ большими украинскими плугами о 4 волахъ, въ сѣверной—плугомъ, совершенно похожимъ на русскую соху. Въ ней дѣлаютъ только небольшія измѣненія и пашутъ 2 волами (двойнякъ), но употребляется и соха безъ всякихъ измѣненій (соха косунья), которой пашутъ на 1 лошади".

Упомянувъ, что изъ лѣсистыхъ стародубскаго и черниговскаго полковъ вся Украина снабжается телѣгами и деревянной утварью, Гильденштедтъ затѣмъ описываетъ водный путь, по которому сплавляли мачтовыя деревья изъ стародубскихъ лѣсовъ (во время Гильденштедта такихъ деревьевъ уже почти совершенно не осталось); приводитъ соображенія о возможности соединенія Днѣпра съ Двиной, Волги съ Дономъ; даетъ техническія подробности относительно полученія поташа и смольчуга въ стародубскихъ лѣсахъ. Затѣмъ говоритъ о ежегодной недостачѣ хлѣба у жителей стародубскаго полка, особенно живущихъ по

Ипоти, и указываетъ по этому поводу на необходимость ограниченія винокуренія и улучшенія луговодства, путемъ очищенія луговъ и осушенія болотъ.

Разъ мы заговорили объ общихъ замѣчаніяхъ, дѣлаемыхъ Гильденштедтомъ, то позволимъ себѣ привести и тѣ замѣчанія, которыя онъ въ качествѣ путешественника, совершившаго свой путь на почтовыхъ, посвящаетъ почтѣ. Упомянувъ о своемъ намѣреніи, по выѣздѣ изъ Кіева, ѣхать по почтовой дорогѣ черезъ Нѣжинъ, Батуринъ, Глуховъ, Сѣвскъ и Калугу до Москвы, Гильденштедтъ продолжаетъ: „на этой дорогѣ находятся почтовыя станціи, изъ которыхъ каждая содержитъ 40 лошадей. По сенатскому повелѣнію отъ 5/IV 1772 г. за каждую версту платится по 1 коп. съ лошади, при чемъ въ казну идетъ лишь 1/2 к. Кромѣ того, почто-содержателю ежегодно выплачивается изъ канцеляріи по 30 руб. за пару лошадей, а канцеляріи собираютъ эти деньги съ жителей. За это вознагражденіе почто-содержатели должны содержать лошадей и ямщиковъ“.

На другой день по выѣздѣ изъ Кіева (11/X) Гильденштедтъ, при описаніи Козельца, упоминаетъ о предметѣ, близко интересующемъ всѣхъ, совершающихъ длинное путешествіе на лошадяхъ. „Здѣсь, какъ почти во всѣхъ городахъ и селахъ на дорогѣ изъ Кіева въ Глуховъ, есть постоялые дворы, гдѣ путешественники для себя и своихъ лошадей могутъ найти ночлегъ, пищу и питье. Гдѣ разстояніе между деревнями велико, тамъ помѣщиками устроены постоялые дворы при дорогѣ“.

Особенно понравилась Гильденштедту каменная гостинница, построенная, по распоряженію гр. Румянцева, въ Дѣвицѣ, 6-й почтовой станціи отъ Кіева. Нижній этажъ этой гостинницы предназначался для простонародья, верхній—для „чистой“ публики.

„Здѣсь, говоритъ Гильденштедтъ, путешественникамъ представляются такія удобства, которыя очень рѣдко, даже почти совершенно нельзя найти въ Россіи“.

Общія замѣчанія и даже болѣе общія, чѣмъ замѣчанія Гильденштедта, такъ какъ они посвящены не какой-нибудь ча-

сти Малороссіи, а всему краю, дѣлаетъ и Долгорукій. Замѣчанія эти невеселаго свойства.

„Прощаясь съ Украиной, я, говоритъ князь, кончу разсказъ мой о ней послѣднимъ замѣчаніемъ. Сколько я примѣтилъ, смотря и слушая, Малороссія не гордится счастіемъ, не смотря на благодѣянія къ ней натуры. Политическое солнце ея не столько согрѣваетъ, сколько свѣтило небесное. Она изнурена, терпитъ разныя тягости и чувствуетъ вполнѣ потерю свободныхъ ея вѣковъ. Ропотъ глухой, но почти общій,и я вственныя примѣты многихъ неустройствъ тѣмъ болѣе меня удивили, что Малороссія имѣла всегда на первыхъ ступеняхъ престола чадъ, вскормленныхъ ею отъ самой юности".

Одною изъ такихъ тягостей, о которыхъ говоритъ Долгорукій, были „тѣсныя квартиры". Вотъ „изъясненіе", какое даетъ путешественникъ этому „новому тактическому слову".

„Подъ словомъ *тѣсныя квартиры* разумѣется временное, иногда долго, иногда кратко, пребываніе воинства по селеніямъ. Въ старину бывали лагери: полки въ нихъ выступятъ и живутъ своими колоніями, не тревожа никого.

Нынѣ приведутъ ихъ въ города или деревни и разставятъ такъ, что на каждой дворъ придется человѣкъ по 8 и больше постояльцевъ. Лагерей уже почти нѣтъ нынѣ. Такимъ образомъ въ самое то время, когда убирается хлѣбъ, налетѣли рыцари въ окрестныя деревни для спеціальныхъ осмотровъ и ученій бригадныхъ. Дома нѣтъ никого изъ хозяевъ, остаются въ избахъ однѣ старухи, или недужныя, или младенцы въ люлькахъ и дѣвочки. Тутъ-то водворится шайка солдатъ. Можно вообразить, какъ хорошо хозяевамъ отъ гостей. Первые терпятъ и молчатъ, благодаря еще тѣхъ пришельцевъ, кои не отваживаются на злодѣянія и наглыя обиды, и ужъ за куръ, пшено и борщъ не стоятъ. Мнѣ разсказывали, что одному солдату вздумалось всякой день окачиваться водой, и бѣдная баба, у которой онъ стоялъ, не могла натаскаться ея изъ-подъ горы на гору; другому солдату могла прійти мысль другого рода, а хозяева все одни и тѣ-же. Вотъ что называется тѣсныя квартиры!"

Заканчивая сообщеніемъ этихъ общихъ замѣчаній о краѣ какъ настоящую статью, такъ и вообще обзоръ „разсказовъ о Малороссіи путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка“, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи— выразить искреннюю признательность А. М. Лазаревскому, снабдившему насъ почти всѣмъ матеріаломъ, и профессору П. Я. Армашевскому, любезному содѣйствію котораго мы обязаны полученіемъ сочиненія Гильденштедта.

Л. Синицкій.

Г. Кіевъ.
29 Сентября 1892 года.

Замѣтки и воспоминанія объ Афанасіѣ Васильевичѣ Марковичѣ.

Помнится мнѣ (такъ давно это было, кажется въ 1858—59 году).. я впервые услышалъ отъ отца о дядькѣ Панасѣ, какъ звали его у насъ дома. Отецъ показалъ письмо и передалъ матери; мать пришла въ восторгъ: какъ я рада, что увижу Машу и Афанасія! Давненько не видали ихъ, замѣтилъ отецъ,— должно быть, уже остепенился... я радъ ему, очень радъ... И начали обсуждать, куда помѣстить дядька Опанаса, ибо его ждали; онъ писалъ, что скоро будетъ съ женою и съ сыномъ Богдасемъ.

Жили мы тогда вдали отъ села, за греблею и за помѣщичьей винницей въ Черниговской губерніи. За винницею раскинулся только что разведенный садъ, дальше нашъ домъ съ огромнымъ дворомъ и въ немъ громадныя сосны, а за заборомъ лѣсъ сосновый; дворъ какъ-бы ухватилъ часть чуднаго загадочнаго лѣса. Этотъ лѣсъ меня всегда поражалъ таинственностью. Казалось, что вотъ—вотъ онъ заговоритъ, что шопотъ его перейдетъ въ мелодичный разговоръ. Да простится мнѣ: вспомнилъ, какъ дядька ждали, вспомнилъ комнату, въ которую его помѣстили—и рой, назойливый рой воспоминаній заслоняетъ все, что нужно писать, и толкаетъ писать то, что никому не нужно, а что хочется писать. Нѣтъ лучше воспоминаній, какъ воспоминія дѣтства!

Вспоминается мнѣ эта комната, длинная, узкая, двумя окнами во дворъ-лѣсъ; громадная печь заняла четверть ея; по стѣнамъ стоятъ сосновыя полки съ массою книгъ; столъ у окна и диванъ у стѣны. Это батьковъ кабинетъ; на этомъ диванѣ

онъ цѣлыми днями лежалъ, читалъ, читалъ и читалъ; на этомъ диванѣ зародилась и во мнѣ первая мысль.... здѣсь мечталось! Въ комнатѣ тепло натоплено, воздухъ насквозь пропитанъ ароматнымъ запахомъ сосновыхъ стѣнъ, срубомъ сложенныхъ, не обшитыхъ; окна замерзли изящными, причудливыми узорами, и только верхушки стеколъ свободны и пропускаютъ цѣлый столбъ луннаго свѣта; а ниже—сквозь замерзшую часть лучи преломились, играютъ синими и зелеными мягкими оттѣнками и снѣжинки ярко блестятъ. Тишина поразительная,—дѣтская далеко, отецъ въ канцеляріи въ мезонинѣ. Лежу я, малый мальчикъ еще, на диванѣ и мечтаю: я вижу лѣсъ, днемъ его видѣлъ, и онъ живой предо мною.

Это руки, думалось мнѣ; не вѣтви, а руки, и на нихъ не снѣгъ, а рукава большой бѣлой рубахи; сосны шепчутъ: это люди были и замерзли.... Но вотъ звонко, рѣзко слышенъ лай одной собаки; ужаснымъ трубнымъ звукомъ эхо пронеслось по лѣсу; за нею подняли полувой, а затѣмъ и лай, „музыку завели"—гончіе, а вотъ и вся стая съ ревомъ бросилась къ забору, перепрыгнула черезъ него и залилась звонкомъ въ лѣсу.. У меня сердце бьется, мнѣ нравятся эти звуки, я знаю ихъ, люблю и боюсь. Я знаю, что волки подошли, и стая собакъ пошла за ними; мнѣ хочется встать, выглянуть въ окно, но это ужасно страшно!

По лѣстницѣ сверху слышенъ топотъ бѣгущихъ и голосъ отца: Ефимъ, трубу не забудь!—Взялъ—отвѣчаетъ. Это отецъ и Ефимъ, писарь, азовскій казакъ, бѣгутъ съ ружьями, надѣясь выбѣжать по просѣкѣ „на впереймы" волку.

Дверь захлопнулась, шаги бѣгущихъ по морозному снѣгу, скрипъ отъ нихъ все меньше слышенъ.... замолкъ... и только едва, едва долетаетъ музыка гончихъ глухо, далеко. И я мыслями несусь въ лѣсъ за отцомъ, живо мнѣ чудится грозный шопотъ лѣса; я живо вижу отца и Ефима; вотъ они бѣгутъ и стали, прислушиваются, голоса стаи собакъ ближе и ближе, она уже не лаетъ, а визжитъ, поетъ; въ кустахъ что-то мелькаетъ—и вылетаетъ громадный волчище... Я его представляю себѣ ужаснымъ, онъ бросается на отца, онъ можетъ его укусить,

онъ укусилъ его.... и мнѣ страшно, страшно становится, я закрываю глаза и кричу:“ мама! мама! Но мамы нѣтъ, и я радъ еще полежать и помечтать, но о волкѣ думать не буду. Часы, старые фамильные часы, чикаютъ: тикъ—такъ, тикъ—такъ, и я подстраиваю пѣсню подъ это тиканье.... тикъ—такъ, тикъ—такъ считаютъ часы такъ звонко, пріятно, но они все медленнѣе стучатъ, вотъ уже нѣкоторые звуки я пропускаю, мнѣ слышатся они рѣже и рѣже,—свѣта уже нѣтъ, туманъ глаза застилаетъ, вѣки съ трудомъ поднялись разъ, другой—и смежились.

Лай собакъ, стукъ въ ворота разбудилъ меня, и я въ ужасѣ вскочилъ и сѣлъ на диванѣ. Стукъ сталъ еще сильнѣе; ворота заскрипѣли; послышалось позвякиваніе почтоваго колокольчика и, наконецъ, визгъ полозьевъ подъ окномъ. Черезъ минуту въ передней раздался чей-то хохотъ. Это смѣялся бархатный баритонъ. Такого смѣха я никогда въ жизни не слыхалъ: задушевный, веселый, беззаботный и заразительный смѣхъ.

„А що не ждалы? Адже ось и мы! Тоню, голубко!“ кричалъ голосъ къ матери, „Василю—брате!“ къ отцу... Я догадался, что это пріѣхалъ дядько и выглянулъ въ двери. Въ большой передней я увидѣлъ что-то громадное (пишу, какъ мнѣ тогда представлялось). Дядько въ сивой высокой шапкѣ и шубѣ, весь сѣдой отъ мороза, цѣловался съ отцемъ. Здѣсь-же развертывали бережно какой-то узелокъ: тамъ, оказалось, спалъ мой двоюродный братъ Богданъ, лѣтъ 4—5; далѣе освобождали изъ массы платковъ тетку Марью Александровну, уже тогда извѣстную Марко—Вовчокъ. Какъ меня увели спать, я не помню; но ночью я просыпался нѣсколько разъ отъ звуковъ громкаго голоса и порывистаго смѣха дядька.

Все это живо я помню; помню лице и фигуры дорогихъ людей. Дядько Опанасъ былъ высокаго роста, брюнетъ, съ небольшими усами; носъ его, довольно крупный, шелъ къ нему, если можно такъ выразиться; каріе глаза постоянно измѣняли выраженіе; лицо въ высшей степени подвижное: то дѣлалось грознымъ, и я боялся его въ тѣ моменты, то вдругъ прояснялось такъ быстро, что перехода отъ сурового къ веселому не-

возможно было замѣтить, при самой напряженной наблюдательности, и это выраженіе покрывалось раскатистымъ душевнымъ смѣхомъ. Лицо дѣлалось такое доброе, что глядя на него нельзя было не любить его, не улыбаться вмѣстѣ съ нимъ. Чрезвычайно подвижной, дядько Опанасъ всей фигурой своей, всѣмъ существомъ могъ увлечь и, казалось, былъ созданъ для увлеченія окружающихъ. Тетка Марья Александровна, которую я помню только по наружному виду, ибо второй разъ въ жизни своей не видѣлъ, отличалась отъ Афанасія Васильевича всѣмъ, рѣшительно всѣмъ: блондинка съ сѣрыми красивыми глазами, ровными, плавными и покойными движеніями: въ моменты рѣзкихъ порывовъ дядьки Опанаса она смотрѣла на него широко раскрытыми глазами, не улыбаясь. Я помню ее высокою, съ большою русою косою... Но всѣхъ болѣе удивилъ меня Богдась. Мы были воспитаны въ панскихъ привычкахъ. Мама—полу-испанка, полу-нѣмка, няня нѣмка, отецъ, говорившій всегда по русски,—вели насъ такъ, какъ и всѣхъ панскихъ дѣтей: учили приличіямъ, одѣвали по-нѣмецки—и вдругъ я вижу Богдася: волоса свѣтлой головки острижены коротко въ кружокъ, одѣтъ былъ въ „вышиваной“ сорочкѣ, заложенной въ штаны, подпоясанный и босой; говоритъ только по-украински. Совершенный мужичекъ, казалось мнѣ. Этотъ мальчичекъ моложе меня, мало подвижной, но личико измѣнялось такъ-же быстро, какъ и у отца, и такъ-же быстро озарялось улыбкою.

Точно и опредѣленно помню слѣдующій эпизодъ. Сидимъ мы съ Богдасемъ на окнѣ, и я его просвѣщаю. По дорогѣ ѣдутъ крестьяне изъ лѣсу и везутъ лѣсъ на саняхъ. Отецъ мой былъ лѣсничимъ, и я постоянно слышалъ и видѣлъ, какъ лѣсные объѣздчики задерживали крестьянъ съ похищеннымъ лѣсомъ. Я и говорю Богдасю: „—Вонъ мужики ѣдутъ, они украли лѣсъ и везутъ домой“!

Розговаривавшій съ отцемъ дядько Опанасъ сразу оборвалъ разговоръ и, подойдя ко мнѣ, грозно заговорилъ:

— Шо ты сказавъ, шо сказавъ?

Заикаясь я отвѣтилъ: „мужики краденый лѣсъ повезли“.

— Мужыки?! Хто тебе вчивъ? яки мужыки? Такого слова немае, забудь его! Словомъ „мужыкъ“ люде лаються. Не му-

жыкъ, а крестьянынъ, селянынъ, хлиборобъ, гречкосій. Памятай и николы не кажы „мужыки"—це лайка, а лаяться грихъ, Богъ бытыме, гримъ убье!.. А звидки ты знаешь, що крадене, що лисъ не купованый, а краденый? Це вже грихъ набильшій на чесного хлибороба сказать: крадене везе, укравъ! И пошелъ дядько меня разносить... Вступился отецъ, началъ по обыкновенію, подтрунивать надъ Опанасомъ за его народолюбство, сталъ доказывать, что лѣсъ всегда крадутъ и не красть нельзя. Братья кричали, горячились; но я чувствовалъ великій стыдъ, я чувствовалъ, что дядько правъ. Съ той поры до сегодняшняго дня я только ругаюсь словомъ „мужикъ".

Тогда же отецъ затѣялъ „выставку"—„комедію", по словамъ матери, камедію, которой она не любила. По просьбѣ отца, мать садилась за рояль, а кругомъ располагались: отецъ, сестра Елена, я, сестры—Варвара, Маруся и на фортепіано сажалась годовая Соня; мать брала аккордъ, отецъ давалъ тонъ и запѣвалъ прекраснымъ теноромъ „Ой не гораздъ запорожци"; мы всѣ подхватывали—и лилась чудная пѣсня куплетъ за куплетомъ. Хоръ нашъ получилъ подкрѣпленіе въ лицѣ чуднаго баритона дядьки Опанаса. Затѣмъ сѣлъ за рояль дядько Опанасъ и запѣлъ. Онъ такъ просто, задушевно, съ такою выразительностію и глубокимъ чувствомъ передавалъ одну за другою народныя украинскія пѣсни, что мать, музыкантша съ высокоразвитымъ музыкальнымъ вкусомъ, не выдержала и расплакалась. Тетка обратила вниманіе Опанаса, и онъ моментально бросился на колѣни передъ мамою: „Тоню! Сеструню, голубонько! Що се ты?" На отца пѣніе тоже произвело впечатлѣніе: онъ зажурился, повѣсилъ голову, потомъ, желая скрыть свое смущеніе, неудачно сталъ свистать и ушелъ. Изъ дверей выглядывали Горпына, Гапка и на главномъ фонѣ баба, моя няня, утирала слезы. (Баба эта, по словамъ матери, героиня одного изъ разсказовъ Марко Вовчокъ). Но вотъ дядько вскочилъ, по его приказу появился тазъ, вмѣсто бубна, кочерга съ кольцами, колокольчики; дядько собираетъ насъ всѣхъ дѣтей, раздается мажорный аккордъ и дядько запѣлъ:

Ой я тоби моя мамо, перекиръ нароблю,
Повну хату козакивъ наведу,
Та ще жъ тоби моя мамо перекорыще
Повну хату и кимнату
Та ще й дворыще!

Мы всѣ подхватываемъ, и начинается адская музыка. Опанасъ съ увлеченіемъ, грозно насупивъ брови, переходитъ изъ тона въ тонъ, мы всѣ съ нимъ поемъ, кричимъ, визжимъ. Тазъ гремитъ, кочерга брезчитъ, колокольчики звенятъ! „Годи!“—закричалъ онъ, и все лицо его отъ подбородка до корня волосъ озарилось улыбкой, и онъ сталъ хохотать неистово, увлекательно.

— „Чулы? Ха, ха, ха! Отце какофонія! Ха, ха, ха!“—заливался онъ.

Мама забыла о слезахъ, закрывала уши, отецъ хохоталъ, бабы въ восторгѣ взирали на Опанаса, а мы, дѣти, пришли въ энтузіазмъ: визжали, кричали до одуренія.

Пріѣздъ дядьки былъ въ то время, когда онъ, кажется, только что былъ освобожденъ изъ ссылки изъ г. Орла. Это было за нѣсколько дней до Рождества и, благодаря ему, въ первый разъ мы слышали колядки, щедривки и представленія съ козой, и все это съ поясненіями дяди Опанаса.

„Риздвяне Свято“ всегда ждалось особенно усердно. Таинственность самого праздника, предварительное знакомство о рожденіи Божественнаго младенца, окруженнаго ореоломъ гоненій, кроткій ликъ Матери, торжественная встрѣча праздника въ домѣ производила на насъ, дѣтей, поражающее впечатлѣніе. Вся семья наша и по сей день встрѣчаетъ этотъ праздникъ и всѣ мы, нынѣ старики считаемъ лучшимъ воспоминаніемъ, воспоминаніе о праздникѣ Рождества Христова. Народъ, или проще крестьяне, въ поэтической Украинѣ чествуютъ Рождество Христово особенно торжественно.

Помню ..... дня за 3—4 до праздниковъ днемъ и поздно вечеромъ видны костры на льду рѣки. Вокругъ костровъ толпятся люди. Это „шмалятъ кабановъ“; такъ и хочется бѣжать туда, къ мальчикамъ, но этого нельзя, насъ не пускаютъ. Но вотъ мы видимъ въ окно во дворѣ приготовленія: поваръ нашъ Прохоръ съ двумя подручными возятся. Видимъ, что изъ сарая

тащатъ кучи соломы, несутъ ведра, лохань; маленькія саночки повезли на задній дворъ, а минутъ черезъ десятъ на саняхъ повезли уже заколотаго кабана, и всѣ направляются къ рѣкѣ. Наконецъ пускаютъ и насъ. Я съ сестрами летимъ за саночками, а Прохоръ идетъ важно, окружаетъ себя торжественностью, говоритъ съ разстановкою, не смѣется, какъ обыкновенно, и не шутитъ. Хлопци Василь и Пылыпъ тащатъ сани; стыйчикъ (присылаемый изъ казенныхъ крестьянъ вѣстовымъ) несетъ ведра и лоханку...

Кабанъ, его препарированіе, шматованье, очистка, соленіе, копченіе, колбасы и проч.—это цѣлый культъ.

— „Прохоръ, голубчикъ, да какой онъ большой!“ кричимъ мы.

— „А то-жъ вы думали, що малого будемъ колотъ на таке свято?“ иронически отвѣчаетъ Прохоръ. И мнѣ стыдно, что такую глупость сказалъ! Въ самомъ дѣлѣ, развѣ малого кабана можно колоть въ этакій праздникъ?! И такъ мнѣ это непріятно: Пилипъ смѣется; а что это за язвительный этотъ Прохоръ? Желая попасть въ тонъ, я замѣчаю: „а у Оверка можетъ и кабана не будетъ“. Но Прохоръ презрительно отмалчивается.

На рѣкѣ уже 5—6 костровъ: идетъ „шмаленіе“ кабановъ; я съ гордостью взираю на нашего; онъ въ ряду другихъ царитъ своею величавостью.

—„Раскладуйте солому ривнесенько, и „его“ кладить; да не руште дуже, не вертить его, бо уся кровъ вытече. Зъ чого я тоди кровьяну кишку зроблю?“—командуетъ Прохоръ, и пока исполняютъ его приказаніе, онъ идетъ здороваться къ другимъ групкамъ, отправляющимъ культъ кабана. Рядомъ Оверко, дальше вдова—такъ безъ фамиліи, просто вдова; а дальше Смоловикъ, съ однимъ глазомъ „бо другій жинка рогачемъ выбыла“; къ нимъ присталъ „кривый Явхимъ“—„чередныкъ“, и дальше все извѣстные, но какъ будто и незнакомые люди. Лица у нихъ другія: торжественно-спокойно-довольные. Смоловикъ кажется съ двумя глазами, Явхимъ какъ будто и не „крывый“, онъ не кричитъ, какъ обыкновенно на коровъ: „куды ряба? А щобъ ты здохла! щобъ тебе вовкъ лупывъ!“ и проч. Съ такимъ

удовольствіемъ стоимъ мы и смотримъ на всѣхъ этихъ людей. Морозъ щиплетъ за пальцы ногъ и рукъ, за носъ; западъ уже яркокрасный отъ заходящаго солнца, дымъ изъ трубъ идетъ прямою струйкою. Вотъ уже начинаютъ свѣтиться огни въ нѣкоторыхъ домахъ; уже и Гершко вышелъ изъ шинка и сталъ на горбикѣ надъ рѣкой и хитро улыбается; уже и Прохоръ замѣтилъ: „свиняче ухо выйшло! Іуда предатель!“ а мы еще не дошли до самаго интереснаго момента. Кабанъ ошпаленъ, облитъ водой, вычищенъ, лоснится, отъ него паръ идетъ, его накрываютъ соломою и Прохоръ садится на него верхомъ. „Сидайте!“ командуетъ Прохоръ, и мы всѣ садимся и по командѣ подпрыгиваемъ и вновь грузно садимся. „Це—щобъ сало добре одъ мяса одставало“. Все кончено, и мы идемъ назадъ. Уже стемнѣло, дымъ разстилается и на морозномъ воздухѣ хорошо пахнетъ, скрипятъ ворота, на улицѣ никого уже не видно изрѣдка только запоздалая „молодыця“ спѣшитъ съ рѣки зъ видрами, изящно колыхаясь подъ тяжестью ноши, да вереницей отъ проруби идутъ шершавые кони, а за ними солидный хлопецъ, этакъ лѣтъ 6, 7, подгоняетъ послѣднюю отставшую шкапу...

Тогда-же, предъ Рождествомъ, два крестьянина привезли съ хутора масло, свинное сало, куръ и „прядыво“. Люди эти входили въ комнаты, извинялись, что' мало привезли, жаловались на недостатки. На вопросъ отца, отчего оброкъ не доставили, они отвѣтили цѣлымъ рядомъ земныхъ поклоновъ, извиненій. Меня ребенка это до крайности удивило: къ намъ никогда никто не возилъ никакой живности и все было или свое, или покупалось на базарѣ въ Шостенскомъ пороховомъ заводѣ. Конечно, за разъясненіемъ этого я обратился къ моему другу нянѣ, именовавшейся „бабой“ (я до сихъ поръ не знаю, какъ было ея имя; „баба“ или „Пылыпова маты“—тутъ и все: имя ея и званіе).

— Та хыба-жъ вы не чулы? Тожъ папа „купывъ“ тихъ мужыкивъ и землю купывъ, отъ воны ему и вынни возыты усячыну.

— Якъ, бабо, купывъ, хибъ-жъ то кони?

— Бачу, Мытя, що вы ще дурненьки; то кони, а то люде... Якъ купывъ, значить що можна насъ куповаты.

— А що жъ воны возятъ и що то за „оброкъ"?

— Имъ папа отдавъ землю, отъ воны и платять гроши и возять за землю.

Эти объясненія меня не удовлетворяли, и я какъ-то обратился къ дядькѣ Опанасу.

— „Дядя! Развѣ людей продаютъ"?

— Продаютъ, какъ скотовъ, какъ лошадей, не по правдѣ это. Цего, Мытю, коханый мій, уже скоро не буде. Це грихъ великій: воны роблять, працюють, а мы йимо те, що воны заробляють...—Скоро, скоро сонечко засвитыть, хмары розійдутця и люде вильны будуть...

— Скоро, да не очень! У насъ на бумагѣ все скоро, замѣтилъ батько, и жаркій споръ загорѣлся между отцомъ и дядькомъ. Въ чемъ былъ споръ, я не понималъ; но на всю жизнь остались мнѣ въ памяти приходившіе два крестьянина, робкіе, тихіе, кланяющіеся въ землю, просящіе, и на ряду съ этимъ мнѣ представляется ярмарокъ, конная, цыгане смотрятъ въ зубы лошадямъ, и почему-то казалось, что на томъ-же базарѣ, гдѣ-то въ другомъ углу продаютъ крестьянъ. Мнѣ очень хотѣлось спросить, смотрятъ-ли и крестьянамъ зубы, а потомъ стыдно было, храбрости не хватило спросить.

Какъ я говорилъ, всѣ сдѣлали уступку дядѣ Опанасу: мама, чистеха страшная, слѣдившая за чистотою половъ, приказала вечеромъ послать рядна, насъ одѣли въ шапки и пальто, что-бы мы не простудились, а въ залъ ввалилась толпа хлопцевъ. Всѣ чинно расположились и стали пѣть колядки. Мнѣ казалось, что они очень громко, но прекрасно поютъ. Дядько, весь серіозность, что-то объяснялъ своей женѣ, теткѣ Марусѣ, и ея чудные, сѣрые глаза, такіе-же покойные, уставились на него. Дядько долго продержалъ эту толпу и записывалъ ихъ пѣсни, а когда они ушли, поставилъ ноты на фортепіано и пропѣлъ намъ. Я былъ пораженъ, какъ это онъ точно и хорошо записалъ.

Позже пришли дивчата и снова повторилась та-же исторія; потомъ пришли съ козою. Мы сначала ужасно испугались, но замѣтивъ, что у козы только пара ногъ въ громадныхъ чоботахъ, успокоились, и дѣти были въ восторгѣ; а дядько Панасъ своей женѣ и мамѣ разсказывалъ и объяснялъ значеніе козы и пѣсенъ.

Все время перваго пребыванія дядьки, перваго въ памяти моей, онъ ходилъ по селу и что-то записывалъ; какъ впослѣдствіи оказалось, это были пѣсни, повѣрья, пословицы и поговорки, давшія позже такой богатый матеріалъ въ книгѣ Номиса.

Вспоминая о нашихъ двухъ крѣпостныхъ хуторянахъ, я не могу не вспомнить и того часа, когда пришли всѣ наши дворовые крѣпостные изъ церкви, гдѣ имъ читали Высочайшій манифестъ 19 февраля. Крѣпостныхъ было у насъ—Дмитро, мой сверстникъ, крестникъ матери, сирота; баба моя съ сыномъ Пылыномъ и семья повара Прохора, состоявшая изъ жены его Гапки, его матери-бабы („Прохорова маты“) и дѣтей—Горпыны и Васыля. Такимъ образомъ, глава всѣхъ былъ Прохоръ, величайшій философъ. Не могу отказать себѣ въ удовольствіи (да проститъ мнѣ читатель это ненужное отступленіе) представить Прохора. Онъ происходилъ изъ села Кулажынецъ пирятинскаго уѣзда, нашего родового имѣнія, въ то время уже проданнаго; воспитанъ среди помѣщичьяго, крѣпостническаго величія дѣда Василія Ивановича Марковича. Прохоръ былъ въ числѣ 30 поваренковъ и несъ высоко знамя своей профессіи, вспоминая съ торжественностью былое великолѣпіе блюдъ и отношеній. Скубленіе за чубы, порки жестокія, выливаніе неудачныхъ соусовъ на головы виновниковъ поваровъ и тому подобныя воздѣйствія и украшенія крѣпостныхъ отношеній,—все это исчезло изъ памяти его, замерло, и осталось только лучшее, что его тогда сильнѣе всего поражало: многочисленность дворни, великолѣпіе выѣздовъ, оркестры, хоры своихъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Поэтому онъ къ родителямъ моимъ, жившимъ сравнительно бѣдно, относился только толерантно, съ оттѣнкомъ нѣкоего презрѣнія. Не могу забыть его анекдотовъ. Бывало прибѣжишь на кухню, поздороваешься съ Прохоромъ, а онъ насупивъ грозно брови:

— А вы чого сюды? Отъ заразъ папынци скажу... Гапка давай ганчирку! повьяжешь панычеви на шыю,—угрожаетъ онъ. Но мы его знаемъ—онъ шутитъ.

Считая свое искусство важнымъ, Прохоръ бывалъ глубоко обиженъ, если ему поручали другое дѣло. Онъ безбожно ворчалъ: „я поваръ, мое дило у кухни“ и проч. Помню презабавную исторію. Кучеръ заболѣлъ, и потому Прохору было приказано запрягать лошадей и ѣхать. „Що? Що таке? Я поваръ, а не кучеръ, щобъ я на тихъ скаженыхъ коняхъ ихавъ?“

— „Ну, ну не разсуждай! Живо запрягай“, раздался властный голосъ отца, и Прохоръ пошелъ въ конюшню. Послѣ криковъ отца, повторявшихся раза четыре, черезъ часъ или полтора мы увидѣли такую картину: тройка лошадей запряжена, но такъ, что коренникъ на пристяжкѣ, лѣвая пристяжная въ корню, а правая на пристяжкѣ на лѣво; Прохоръ въ курткѣ, колпакѣ поварскомъ и фартухѣ собирается садиться на козлы.

„Это что такое? Перепречь лошадей. Что это ты осломъ садишься въ колпакѣ? кричитъ отецъ.

— Я у своему мундури. Я поваръ, а не кучеръ—мрачно возражаетъ Прохоръ.

Тѣмъ не менѣе лошадей перепрягли, Прохоръ напялилъ армякъ, но длинныхъ рукавовъ не собралъ, а концы ихъ обратилъ въ перчатки. „Нё, лукава! А вовкъ тебе лупы, нё!—дергалъ онъ возжами и подкатилъ къ крыльцу. Замѣчательно: горячія вятки, какъ будто были загипнотизированы спокойствіемъ Прохора. Отецъ уже сѣлъ было въ тарантасъ, какъ замѣтилъ, что подъ подушкой на козлахъ что-то наложено: Прохоръ не сидитъ, а весь наклонился впередъ и полустоитъ.

— Что это у тебя тамъ такое напихано?

— Якъ що? Усе, що треба...

— Щожъ тоби треба? А ну показуй.—

Подняли подушку—и о ужасъ! Тамъ двѣ веревки, молотокъ, клещи, гвозди и кусокъ старой подошвы.

— Начорта ты это всё набралъ?

— Ото яки чудни! Въ дорози все пригодытьця, у дорози усе треба: не дай Боже, що зломаетьця. Но взрывъ смѣха отца

и насъ всѣхъ положилъ конецъ его разсужденіямъ: дорога, завѣдомо для Прохора, была до Шостки всего три версты. Но упорство Прохора на этомъ не окончилось; выѣхавъ со двора, на приказъ отца: „на право“, онъ упорно поворачивалъ налѣво, говоря „я поваръ, а не кучеръ, я не знаю, що воно право и ливо“; а въ лѣсу умудрился раза два такъ заѣхать, что то одна пристяжная, то другая забѣгали за дерево, рвали повода, и тройка останавливалась при усиленномъ осаживаніи Прохоромъ и восклицаніяхъ тпру! А щобъ ты лопнула. Бачъ яка! Га?! Отце коняка! Вовкъ тебе лупы и проч.

Странно, но Прохоръ, самъ происходя изъ „хлиборобовъ“, относился съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ крестьянамъ; „мужло“, „мурло“ называлъ онъ ихъ; а выходя на огороды, онъ, заложивъ руки за спину, ходилъ около работающихъ и посмѣивался, „копай, копай мужло! Зовсимъ якъ червякъ писля дощу: у землю зарывся!“

— Та вы бъ, Прохоръ Ивановичъ и сами бъ покопали, земля маты наша.

„Що, що? щобъ я за землю брався?! Ащо бъ ты не диждавъ, щобъ я свои руки поганывъ! А якъ же писля того *биштекъ*, або *безе* робытыму?“ И „мужло“, сраженное наповалъ такой аргументаціей и особенно словами „биштекъ“ и „безе“, постыдно умолкало.

Странно, говорю, такое отношеніе къ землѣ; оно очевидно было наносное, хотя, впрочемъ, коренное впослѣдствіи всплыло таки. По объявленіи „воли“, о которой наши люди знали за годъ ранѣе, былъ призванъ Прохоръ.

— Ну чтожъ, Прохоръ, слышалъ, читалъ про волю?

— Чувъ, читалы.

— Вотъ ты и вся твоя семья отъ сего часу вольные. Хотите оставайтесь у насъ, не хотите—ищите себѣ другого мѣста.

— Такъ, я чувъ и знаю: куды хочешь, туды и йды, и якъ хочешь: чи зъ торбынкою, чи безъ торбынки,—съострилъ Прохоръ, но отецъ оставилъ это безъ вниманія.

— Я тебѣ и ранѣе жалованье платилъ, но если этого мало, скажи свои условія и „згодымося, а якъ не згодымося, то до другихъ станешъ“—говорилъ отецъ.

— Воно конечне: я можу и у васъ и у другихъ стать. Знаю, що й у грапа стану. Мени що? Мени жалованье не велика штука; у насъ, слава Богу, доволи всего, спасыби вамъ. Тилько я думаю не про гроши, або мисце яке, а я думаю, якъ воно зъ *землею* буде?

— Якою землею?

— Отъ тоби и якою? А дежъ я земли визьму?

— А де хочешь, хиба я знаю.

— Такъ... Ни, уже земли вы мени дайте....

— Отъ тоби и маешъ?! А я-жъ де визьму земли? у мене у самого немае.

— Це мени усе ривно... А я безъ земли не можу. Подумайте жъ сами: якъ же я на старисть? Що жъ я безъ земли?

— Не розумію я, Прохоре, чого ты хочешъ; або ты здуривъ, або що...

— Та таки жъ здуривъ!... А хочъ и здуривъ, а вы мени земли дайте... я такы у васъ служытыму, бо куды-жъ я пиду? А земли вже якъ соби хочете...

— Ты всегда былъ глупъ, а теперь совѣмъ съ ума спятилъ,—горячился отецъ. Пойми же ты, что получаетъ землю тотъ, кто землю обработывалъ, и помѣщикъ долженъ дать,— а ты не обработывалъ, и земли у меня нѣтъ. Что-же я куплю для тебя землю?

— Того я не знаю. А вотъ що; мій батько оброблявъ землю?

— Ну, оброблявъ, такъ що-жъ зъ того?

„А ему дадено землю?

— Якъ же ему дать—винъ, царство ему небесне, уже покійныкъ.

„Не про те ричь: ему належала земля? належала,—ну, значить, и мени належыть. Хиба я своею волею у поваряхъ? може й я-бъ хлиборобствовавъ. Вы якъ соби хочете, а мени земли дайте.

Видя, что всѣ разговоры ни къ чему не поведутъ, отецъ взялъ изъ цвѣточнаго горшка земли, завернулъ въ бумажку и подалъ Прохору.

— Якъ земли, то и земли. Отъ все, що маю, того и тоби частыну виддаю. А теперь ступай себѣ!

Прохоръ взялъ эту землю, спряталъ въ карманъ и совершенно серьезно замѣтилъ:

„Ну и за це спасыби.... и вышелъ.

Тѣмъ не менѣе, должно быть была доля правды въ требованіи Прохора, ибо отецъ купилъ ему усадьбу, и онъ черезъ годъ переселился въ неё и занялся огородничествомъ: „у мужлу одъ воли повернувся“, —говорилъ онъ про себя, посмѣиваясь въ усы.

Освобожденіе крестьянъ у насъ дома ничѣмъ болѣе не выразилось; всё потекло по старому, только отецъ совершенно исчезалъ изъ дому по цѣлымъ недѣлямъ, ѣздилъ, суетился, готовилъ и произносилъ „спичи“,—онъ считался ораторомъ.

Какъ отразилось освобожденіе крестьянъ на другихъ, и что мною замѣчено, не входитъ въ программу настоящихъ замѣтокъ.

Дядько Опанасъ, такъ горячо ждавшій этого великаго часа, немедленно вступилъ въ должность непремѣннаго члена съѣздовъ мировыхъ посредниковъ по назначенію отъ правительства въ черниговской губерніи.

Марья Александровна еще, кажется, съ 1859 г. жила въ Парижѣ. Почему они жили врозь, я не знаю; но твердо знаю, что дядько Опанасъ страшно тосковалъ, и любимая его тема разговоровъ со мною, гимназистомъ 2-го класса въ 1860 году, это разговоры о сынѣ Богдасѣ, о его ученьѣ и письмахъ его.

Изъ этого періода моей жизни я только помню его пріѣзды на съѣздъ въ Новгородъ-Сѣверскій. Несмотря на массу работы и занятій, онъ успѣлъ составить любительскій спектакль и поставить „Наталку Полтавку“.

Я жилъ тогда на квартирѣ у добрѣйшей, благороднѣйшей Марьи Самойловны Синдаровской. Эта замѣчательная по своей душевной чистотѣ женщина, какъ и большинство въ Новгородъ-Сѣверскѣ въ то время, говорила чистымъ прекраснымъ малорусскимъ языкомъ; какъ она ни старалась говорить по-русски,

но изъ этого ничего не выходило. Дядько познакомился съ нею и въ первый же визитъ заявилъ, что она „Терпелыха".

— Що вы, Опанасъ Васильевичъ! Я, я Терпелыха?

„Та вы-жъ, вы така Терпелыха, якои й не бувало!

— Бійтесь вы Бога! я старуха, маты трехъ сынивъ, я буду ахтёркою? Да я изъ стыда сгорю, я на вулыцю не выйду; да мене й Катька (кухаркина дочь, дѣвочка лѣтъ 6) засміе....

Тѣмъ не менѣе Марья Самойловна играла Терпелыху, и играла безподобно. Дядько Панасъ на колѣни становился, цѣловалъ руки, кричалъ, угрожалъ, просилъ, опять цѣловалъ руки—и уломалъ.

Мыколу игралъ Юрко З..., мой репетиторъ, гимназистъ 5-го класса. Это былъ чудный, сильный, бархатистый баритонъ. Пѣлъ онъ, усвоивъ манеру народную, открыто, свободно, съ громадною эксперсіею.

И вотъ на репетиціи дядько дирижируетъ оркестромъ и режиссируетъ играющими. Тишина на сценѣ; это не говорливая репетиція весёлыхъ аматёровъ, результатомъ которой всегда бывали или свадьба, или мордобитіе,—нѣтъ, это какое то священнодѣйствіе. Выходитъ Мыкола и начинаетъ пѣсней; дядько весь въ голосѣ, въ оркестрѣ. Въ мѣстахъ *форте*—онъ выростаетъ, лицо грозное, брови нависли, руками машетъ, стучитъ, но вотъ *піано*, и дядько весь присѣлъ, лицо доброе, руки и палочка въ рукахъ едва, едва движется, вся его фигура затихла, замерла, весь онъ собою увлекаетъ оркестръ и пѣвца.

Юрко кончилъ и уже въ объятіяхъ дядьки, онъ на рукахъ несетъ верзилу Юрка по сценѣ и цѣлуетъ его. Съ каждою репетиціею дядько прибавлялъ и вставлялъ новые номера пѣнія, конечно изъ народныхъ пѣсенъ. Помню, въ одной изъ послѣднихъ репетицій Юрко пѣлъ излюбленную дядькову чудную пѣсню;—запѣлъ, голосъ его сорвался, и въ тотъ же моментъ дядько упалъ на полъ и кричалъ „убывъ, убывъ, заризавъ!" Такого энтузіазма, неподдѣльнаго глубокаго чувства и рѣзкихъ переходовъ отъ гнѣва къ похвалѣ—мнѣ никогда не приходилось встрѣчать. И всё это поразительно дѣйствовало на окружающихъ,—глубокая вѣра, искренность чувства увлекала ихъ.

Пріѣздъ дядьки въ Новгородъ-Сѣверскъ произвелъ цѣлую революцію въ обществѣ и въ гимназіи. Пѣніе мужицкихъ пѣсенъ вошло въ моду; идеализація крестьянства въ пьесахъ малорусскихъ заставила обратить вниманіе на него, взглянуть человѣческимъ окомъ,—прежде по обычаю, теперь сознательно пѣлись украинскія пѣсни и записывались; слушали пѣніе крестьянъ, отъ нихъ не невольно, какъ прежде, а сознательно заучивались эти пѣсни; костюмъ народный вошелъ въ моду, даже альбомы у барышенъ наполнялись не „черною шалью“, а стихами Шевченка, стихами пѣсенъ. Мужикофильство, какъ говорили помѣщики, сразу внесло живую струю въ общество.

Во время прогулокъ дядька Панаса, онъ всегда былъ окруженъ нѣсколькими гимназистами старшихъ классовъ. Что онъ имъ говорилъ (а онъ говорилъ много), скажутъ сами гимназисты; ихъ имена появляются подъ солидными работами въ журналѣ Кіевская Старина, я же пишу только то, что самъ лично помню. Онъ, дядько, несомнѣнно внесъ живую струю въ захолустье; ему, думаю, обязаны многіе первыми проявленіями національнаго сознанія... Несомнѣнно знаю, что въ классахъ, въ свободное отъ урока время, читались Шевченко и другіе поэты, даже Мицкевичъ по-польски; пѣлись пѣсни украинскія, русскія, сербскія. Знаю, что директоръ гимназіи Кулжинскій строго запретилъ бывать у дядька и водить съ нимъ знакомство. Это мнѣ стало извѣстно только въ 1890 г. отъ П. П. Д—о, бывшаго ученика н.-сѣв. гимназіи въ то время.

Таково было мнѣніе о значеніи Афанасія Васильевича многихъ учителей гимназіи и жителей Новгородъ-Сѣверска, а имена такихъ лицъ, какъ В. В. Порскалова, А—га, Ш—ова, Метлинскаго и друг., заставляютъ меня вѣрить этому и заносить въ эти замѣтки.

Прошло послѣ этого много лѣтъ, когда я свидѣлся съ дядькою, жилъ съ нимъ и похоронилъ его.

Это было при слѣдующихъ обстоятельствахъ: мы волею судебъ, перекочевали въ 1862 г. въ Вологду, гдѣ я учился въ гимназіи, воспитывался подъ вліяніемъ литературы и лучшихъ

людей того времени. Въ 1865 г. въ декабрѣ, далеко отъ семьи, умеръ отецъ загадочною смертью; одни говорили, отъ апоплексіи, другіе—отъ умышленнаго отравленія, но не самоубійства.

Громовой ударъ разбилъ нашу семью, и мы всѣ двинулись на югъ, въ Полтаву, а въ началѣ 1866 г. я, 18-лѣтній юноша, не окончивъ гимназіи, побрелъ въ кіевскій университетъ вольнослушателемъ.

Безъ денегъ, безъ знакомыхъ, безъ умѣнья самостоятельно жить, я очутился въ ужасныхъ условіяхъ; вмѣсто работъ въ alma mater я искалъ работы для куска хлѣба, не находилъ ея..., но это не идетъ къ дѣлу. Однимъ словомъ, потерпѣвъ полнѣйшее фіаско, проболѣвъ въ больницѣ желтухой,—я въ 1866 году, при первыхъ морозахъ, рѣшилъ ѣхать въ деревню къ сестрѣ, въ новгородъ-сѣверскій уѣздъ отдохнуть, подлѣчиться и снова начать ученье. На Подолѣ я условился съ жидомъ, почтеннѣйшимъ Мошкою, и за 30 руб. плюсъ возмѣщеніе на мѣстѣ всѣхъ тратъ его на мое продовольствіе въ пути—я залѣзъ въ „балагулу“, которая и потащила меня въ Новгородъ-Сѣверскъ.

Я вѣрю въ то, что большинство читателей лѣтъ 40 и болѣе прочтетъ эти строки не безъ удовольствія. Кто же изъ васъ не ѣздилъ съ „Мошками?“ кого изъ васъ не истязали они своею медленною ѣздою, надувательствами?—но ѣхали вы молодые, полные жизни, надеждъ, ѣхали или съ благоговѣніемъ къ храму науки, идеализируя его до безконечности, или „до дому, на село“ отдохнуть. И потому, хотя къ воспоминаніямъ объ Афанасіѣ Васильевичѣ это никакого отношенія не имѣетъ, я разскажу, какъ мы ѣхали съ Мошкою.

Какъ теперь помню, былъ сѣренькій октябрскій морозный день; вечерѣло; Кіевъ весь покрытъ былъ звуками благовѣста въ церквахъ, когда мы выѣхали на цѣпной мостъ. За мостомъ уже было темно, и назади я видѣлъ только огни, усыпавшіе свѣтлыми значками Подолъ, часть горы и всё это вдвойнѣ свѣтилось въ водахъ батька Днѣпра.

Всѣ Мойше, по непонятнымъ совершенно соображеніямъ, считаютъ нужнымъ, отъѣхавъ 5—6 верстъ (отъ Кіева), устраивать первую стоянку. На вопросъ, для чего это, онъ всегда

глубокомысленно отвѣчаетъ: „будемъ попасать“ и преспокойно, не слѣзая съ козелъ, начинаетъ переговоры съ другими извощиками, къ глубокой скорби пассажировъ, остановившимися въ 5 верстахъ подъ Кіевомъ тоже „попасать“.

Гирканье продолжается съ $^1/_2$ часа; лошади убійственно покойно, опустивъ головы чуть не до земли, стоятъ какъ статуи.

Гирканье жидовъ продолжается, и результатъ его—двѣ руки, подающія Мошкѣ деньги. Вы не понимаете этого, но утро вамъ все объяснитъ.

— Ну, цего шидите? Злазте, будемъ ноцевать.

Взвывъ негодованія моего и почтенной офицерши, моей попутчицы, не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія на Мошку; онъ въѣзжаетъ во дворъ, слазитъ, и мы идемъ въ шинокъ.

И такъ, въ 5 верстахъ отъ Кіева первая ночевка. Шинокъ полонъ жидовъ извозчиковъ; идетъ громкое гирканье, крикъ, ссора; двое Мошекъ ссорятся, слышна вначалѣ „арихан-тателе“ и „арихан-мамеле“; рѣчь ускоряется, голоса становятся крикливѣе, „арихан-тателе“—хватилъ одинъ по восходящей родственной; другой не отстаетъ: онъ вспоминаетъ предковъ женской линіи, всѣхъ предковъ, и оба заключаютъ плевками на землю и словили „ай ду шволоцъ, пашкедстве“....

Мы стоимъ, ибо сѣсть негдѣ, обратиться не къ кому, всѣ увлечены перебранкою... Сальная свѣча на стойкѣ и другая на столѣ плохо освѣщаютъ шинокъ, паръ густой, смѣшанный съ дымомъ трубокъ и папиросъ, не даетъ разсмотрѣть всѣхъ почтенныхъ Мошекъ.

Наконецъ хозяйка замѣтила насъ и повела въ другую, чистую комнату.

Обстановку ея вы знаете; небольшая комната, столъ, уставленный стекляной съ золотомъ посудой, покрытый красной салфеткой, а поверхъ — узорчатой бѣлой; двѣ кровати, наполненныя бѣлыми, громадными пирогами—подушками, съ поднятыми углами въ видѣ ушей, и два деревянныхъ дивана, покрытыхъ поганенькими ковриками.

На стѣнѣ портретъ Садогурскаго рабина и картина, изображающая столъ и на немъ массу золотыхъ свѣчей. Это ком-

ната хозяевъ, она же гостинная, и въ неё впускаютъ „благородныхъ“ пассажировъ.

Моя попутчица и спасительница офицерша оказалась дамою солидною; Мошку она держитъ строго, въ решпектѣ, и видно, что достаточно была искушена въ путешествіяхъ. За чаемъ она разсказала, что ужъ 15 разъ переѣзжаетъ, и здѣсь же привела интересную солдатскую легенду. Въ то время, а особенно въ царствованіе Николая Павловича, казармъ почти не было; всѣ войска стояли на вольныхъ квартирахъ по селамъ; переводили ихъ постоянно съ мѣста на мѣсто; каждый годъ ломали походы и при самыхъ ужасныхъ условіяхъ, ибо кому-же неизвѣстно, что, какъ только войска идутъ, то и дождь и снѣгъ идетъ и распутица? Эти постоянные походы и вызвали легенду. Однажды въ полѣ солдаты ужинали, кашу ѣли, всякій солдатъ за голенищемъ имѣлъ свою ложку; темно было; никто не замѣтилъ, какъ къ группѣ солдатъ подошелъ старичокъ безъ шапки.

„Благослови васъ Богъ! привѣтствовалъ онъ. Солдаты благодарили.

„Хлѣбъ да соль“—сказалъ онъ.—Милости просимъ, садись старичокъ, похлебай солдатской каши!—приглашали солдаты.

Старикъ сѣлъ, посидѣлъ, посмотрѣлъ: всѣ ѣдятъ, а никто ложки не предложитъ.

„Что-жъ ты не ѣшь? спрашиваютъ.

— Да ложки нѣтъ... „Нѣтъ? ну и будешь не солоно хлебавши, носи ложку съ собою.

Старикъ всталъ. „Ну, если вы такіе, если такъ страннаго человѣка принимаете, то будьте вы прокляты, чтобъ вамъ весь вѣкъ учиться и не выучиться, весь вѣкъ ходить и до мѣста не дойти“! Сказалъ и исчезъ. А былъ то не простой старикъ, а угодникъ Божій.

„Вотъ съ той поры у солдатъ вѣчно ученье, и ничего они незнаютъ, вѣчно ходятъ въ походахъ, а до мѣста не дойдутъ,—закончила офицерша.

Благодаря ей и ея одѣяламъ (пледовъ тогда еще въ модѣ не было), мы пристроились кое-какъ на диванчикахъ, но сна-

чала галдѣнье въ сосѣдней комнатѣ, а затѣмъ жиганье, жалинье, колотье и щипанье цѣлой арміи клоповъ не давали долго заснуть...

— Поѣдемъ уже!—раздался голосъ Мошки.

Мы встали. Было темно, два часа ночи; холодно, сыро,— однако, покорные волѣ нашего Мошки, влѣзли мы въ балагулу.

— Это кто здѣсь? Тебѣ чего? Вонъ отсюда!—кричитъ офицерша изъ балагулы.

— Нехай, нехай,—успокоиваетъ Мошка: ницего, пусцай шидитъ,—и по-жидовски что-то скомандовалъ. Въ балагулѣ началась возня, кто-то пересѣдалъ.

Лѣзу и я; влажу, въ темнотѣ сажусь на свое мѣсто и..... о ужасъ! чувствую что-то живое подъ собою. Я кричу: „это кто? тебѣ чего? Вонъ отсюда!

— Нехай, нехай, пусцай шидитъ; Гершъ! гейтъ!—успокоиваетъ Мошко, и что то живое толкаетъ меня, давитъ, выкарабкивается, топчетъ ногами и гдѣ-то въ темнотѣ усаживается.

Мы уже сидимъ, но Мошко исчезъ;—онъ, для угоды и удобства своихъ пассажировъ, теперь только вздумалъ идти разсчитываться съ хозяиномъ за сѣно и овесъ.

Сидимъ $^1/_2$ часа, сидимъ часъ... Наконецъ появляется Мошко, и въ балагулу влазятъ съ двухъ сторонъ сразу двѣ фигуры, влазятъ стремительно, топчутъ намъ ноги, одинъ садится между нами, другой впередъ. Офицерша кричитъ, ругаетъ Мошку, а онъ неизмѣнно: „нехай, нехай, пусцай шидитъ! влазитъ впередъ, раздается въ воздухѣ свистъ кнута и крики „вьё, вьё“!— и колымага выкатывается на шоссе.

Вчерашнія руки, платившія Мошкѣ, обнаружились: когда разсвѣло, мы увидѣли, что, кромѣ насъ двухъ, въ будѣ сидятъ еще 4 шарфа и пятый на козлахъ съ Мошкою рядомъ. Я говорю „шарфъ“ потому, что каждый изъ путешествующихъ жидовъ вполнѣ увѣренъ, что главное — это имѣть на шеѣ шарфъ; пальто легкое, сапожки безъ галошъ, но непремѣнно громадный шарфъ или просто платокъ женскій на шеѣ.

Тѣсно, неудобно, тряско, холодно въ будѣ! На всѣ протесты, ругательства Мошка хладнокровно отвѣчаетъ: „нехай,

пусцай; дорогой все улязится, усядетъ и прецудесно будетъ шидѣть". И мы привыкаемъ.

Дѣйствительно: узелъ одного изъ „шарфовъ" съ сапожными колодками какъ то вростаетъ, вдавливается въ мой бокъ; ноги другого „шарфа", столь жестоко давившія мои ноги, очутились на нашемъ сидѣньѣ, около локтя моего; крыша буды, такъ жестоко бившая по головѣ, какъ бы поднялась, и бьетъ изрѣдка и сравнительно мало и легко; „шарфы", начавшіе было облокачиватся на насъ и кунять носами въ колѣни наши, послѣ грознаго внушенія офицерши, вошли въ норму; а безпокоившее насъ галдѣнье и гирканье нѣсколько притихло, успокоилось послѣ твердаго заявленія офицерши, что она въ г. Кобельцѣ позоветъ квартальнаго и велитъ ему всѣхъ обыскать и справиться о ихъ паспортахъ. Евреи ненавидятъ паспорты и всякія законности, предпочитая беззаконія. Благодѣтельнѣйшая офицерша! Никогда ее не забуду!

Буда скрипитъ, звенитъ, стучитъ, изгибается и катится, катится черепашьимъ шагомъ.

Дальше и дальше—и всё тѣ же шинки, тѣ же ненужныя остановки, бесѣды Мошки съ встрѣчными Мошками; остановки съ заявленіемъ „будемъ попасать", т. е. онъ, Мошка, будетъ сидѣть въ шинкѣ, ѣсть гугиль или гуся, мы сидѣть въ будѣ, а лошади стоять, понуривъ головы и въ заключенье, получивъ по ведру воды, ѣхать далѣе. Рѣшительно не понимаю и по сей часъ, чѣмъ жили эти несчастные сподвижники вѣчнаго шатанья Мошки, и какъ они давно не пали? Видно, не только человѣка трудно забить на смерть, трудно и лошадь довести до того же... Черезъ недѣлю мы добрались до Сосницы и здѣсь шабашовали. Вечеромъ въ пятницу добродѣтельный Грыцько, наймытъ шинкаря, отпрегъ лошадей и ухаживалъ за ними.

Въ шинкѣ было чисто, т. е. выметено, еврейки почище одѣты; хозяинъ въ длинномъ сюртукѣ сидѣлъ около печи, обрѣзалъ ногти и бросалъ въ еще непотухшій огонь, на столѣ уже стояла масса маленькихъ сальныхъ свѣчей въ подсвѣчникахъ на ножкахъ, кварта спирту, горячія булки и тарелки. Намъ накрыли въ сторонѣ столъ и поставили супъ и еще что-то

съѣдобное. Все мое вииманіе поглощено было евреями; я въ первый разъ видѣлъ, какъ встрѣчается у нихъ суббота. Вскорѣ изъ другой комнаты и еще откуда-то появились два три мальчика, два взрослые сына, „жать“ (зять) и швагеръ. (Не видалъ я ни одного семейства евреевъ, не зналъ ни одного уголовнаго еврейскаго дѣла, гдѣ бы не былъ по меньшей мѣрѣ одинъ „швагеръ“). Все это мужское семейство сѣло за столъ. Хозяинъ началъ читать или, правильнѣе, завывать молитву и всѣ за нимъ; женщины стояли у дверей или подавали на столъ. Затѣмъ хозяинъ взялъ хлѣбъ, поцѣловалъ его, читалъ молитву, разломалъ и передалъ по куску каждому изъ сидѣвшихъ за столомъ. Потомъ выпилъ спирту и надъ нимъ читалъ молитву и угостилъ всѣхъ и даже мальчиковъ. Никто не улыбался и ничего не говорилъ. Все это было совершено торжественно и отзывало библейскимъ покоемъ. Ужинъ длился долго, и къ концу его сѣли и всѣ женщины, и между ними красавица Рухля. Ѣли они гугиль: вермишель, запеченный въ бабку на смальцѣ изъ гуся, рыбу по жидовски, (превкусная рыба, перчонная, острая!) супъ и варенаго гуся. Все это накладывалось и наливалось изъ большихъ горшковъ, которые накрывались крышкою, замазывались ржанымъ хлѣбомъ и вставлялись обратно въ печь. Мошка нашъ былъ также въ числѣ ужинавшихъ и неузнаваемъ: онъ умылся первый разъ за недѣлю. Послѣ ужина всѣ мыли руки изъ кружки съ двумя ручками и подняли всобщее козлогласованіе, всѣ на разные тоны запѣли и декламировали молитвы. Суета евреевъ, молитвы продолжались часовъ до 10, и затѣмъ все смолкло.

Утро въ субботу началось молитвами, и мужчины ушли въ школу съ мѣшками съ твилимомъ и талесами. Затѣмъ евреи цѣлый день спали, а Мошка рѣшительно не переворотился даже. Только передъ вечеромъ ко мнѣ подсѣлъ хозяинъ и сталъ разспрашивать со свойственною его націи безцеремонностью, кто я, откуда, куда ѣду, а еврейка—отчего я такой молодой и такой желтый, а, узнавъ, что я болѣлъ желтеницей, не подозрѣвая горькой ироніи, совѣтовала смотрѣть на червонцы. Узнавъ мою фамилью, еврей сказалъ, что здѣсь есть мой однофами-

лецъ акцизный надзиратель, „окружной“, какъ онъ его называлъ; я просилъ узнать, какъ его имя и отчество, и это оказался Афанасій Васильевичъ, мой дядько Опанасъ. Къ несчастью я его не засталъ и, оставивъ записочку, что былъ у него и ѣду къ сестрѣ, уѣхалъ далѣе.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Новгородъ-Сѣверску, тѣмъ бдительнѣе и усерднѣе былъ за мною надзоръ Мошки; онъ не выпускалъ меня изъ виду, когда я шелъ впередъ пройтись; чемоданчикъ мой хранился уже не въ будѣ, а на передкѣ, гдѣ Мошка сидѣлъ. Тѣмъ не менѣе мы разстались съ Мошкою друзьями, и онъ добросовѣстно посчиталъ все мною съѣденное и выпитое, получилъ деньги, а дорогою выучилъ меня нѣсколькимъ еврейскимъ пѣснямъ, которыя я и до сихъ поръ помню.

Замѣтки мои и воспоминанія о дядѣ такъ расплылись и уклонились отъ главной цѣли, задачи этого разсказа, что я долженъ отказаться отъ удовольствія вспоминать моихъ друзей, козаковъ Оснашей, титку Нянилу съ ея заговорами, леченьями и ворожбою, и перейти непосредственно къ встрѣчѣ съ Опанасомъ. Нецѣли черезъ двѣ за мной пріѣхалъ Дорошенко, пріятель Афанасія Васильевича и его помощникъ, и увезъ въ Сосницу. Дядька я засталъ въ убогой обстановкѣ; въ его распоряженіи были двѣ комнаты, въ остальныхъ помѣщалось акцизное управленіе. Эти двѣ комнаты наполнены были столами, а на нихъ масса книгъ, тетрадей и исписанныхъ листовъ, все это въ безпорядкѣ. Здѣсь лежала груда листковъ съ народными пословицами, тамъ—ноты, между ними рукописи и опять лоскутки съ записанною гдѣ-нибудь пѣснею, стихотвореньемъ, стаканъ недопитаго чаю,—обстановка столь знакомая студентамъ. Опанасъ горячо меня привѣтствовалъ и долго разспрашивалъ объ отцѣ, скоропостижно умершемъ въ Красноборскѣ, о матери, сестрахъ и среди этихъ разспросовъ разсказывалъ о Марьѣ Александровнѣ и Богдасѣ, что они бѣдуютъ въ Парижѣ, что, несмотря на посылки денегъ, они никакъ не могутъ пріѣхать, и онъ страшно тоскуетъ.

Вообще считаю нужнымъ оговориться, что, по полученіи писемъ изъ Парижа, дядя то оживлялся, немедленно бѣгалъ искать квартиру, покупалъ мебель, т. е. одну кровать или какой нибудь ни для кого ненужный столикъ или дорогую лампу безъ стекла и колпака,—и второе письмо повергало его въ печаль: онъ былъ мраченъ, столикъ отсылался обратно, лампа дарилась хозяйкѣ, и дядя твердилъ печально: „не прыидуть, не прыидуть не прыидуть, не можна!“ На мои разспросы, отчего не пріѣдутъ, онъ мрачно отвѣчалъ „не можна... богато казать, та ничого слухать“. И эти обѣщанія пріѣхать и опять отказы пріѣхать тянулись цѣлые $^1/_2$ года 1866 и 1867, все время моего совмѣстнаго житья.

Какова его обстановка, такова и вся его жизнь была. Безсребренникъ поразительный, онъ ни одного момента не задумывался, дать ли ему денегъ первому встрѣчному, заявившему ему о своей нуждѣ; онъ никогда не имѣлъ ни гроша, ибо въ день полученья жалованья все раздастъ и разошлетъ.

На утро послѣ моего пріѣзда у него было собранье служащихъ: здѣсь я увидѣлъ вновь помощника его Дорошенка, бухгалтера Быковскаго (кажется) и человѣкъ 6—7 юношей такихъ, какъ и я. Все это были старшіе надсмотрщики. Онъ устроилъ надзоръ на винокуренныхъ заводахъ такъ: старшіе надсмотрщики были юноши, или выключенные изъ гимназій и семинарій, или вышедшіе оттуда по собственному желанію; всѣ они подъ руководствомъ дядьки готовились въ университетъ; онъ возилъ имъ книги, поддерживалъ ихъ, выдавалъ черезъ годъ наградные изъ %% денегъ по 100 и 200 р. и благословлялъ идти въ науку, въ университетъ.

Заводы, по мнѣнію дяди, сближали насъ съ народомъ, знакомили насъ съ нимъ.

На заводахъ положенье наше было тягостное: всѣ ключи отъ подвала, затрубныхъ и отъ разныхъ ларей были у насъ, старшихъ, а всю черную работу несли младшіе изъ нижнихъ чиновъ, отставныхъ чиновниковъ, былъ даже одинъ маіоръ, горькій пьяница. Молодежь не сдавалась ни на какіе подкупы;

я помню, что на Лазовскомъ заводѣ предлагали плату по 15 р. въ день за самое небольшое попущеніе.

Оригинальную картинку представляло это собраніе у Афанасія Васильевича: за столомъ сидѣли почти дѣти 16—18 лѣтніе, одѣтые въ свитки или кожушки, рядомъ съ ними сѣдоусые надсмотрщики и заправскіе чины,—но ничто не напоминало, что между ними есть ихъ начальникъ. Дядько въ кожушкѣ держалъ рѣчь.

Много прошло времени съ тѣхъ поръ, но я помню, что онъ говорилъ. Обсуждался вопросъ, какъ бороться съ жидомъ винокуромъ (всѣ заводы были въ рукахъ жидовъ), какъ охранить заводы отъ хищенія спирта и выдачи его помимо надзора. Дядько вѣщалъ, а мы внимали: „казна богата — то злодіи дураки говорять. Украсты копійку у Ивана або Петра—то лыхо, а вкрасты, або пустыть крадежъ казеннои копійки—це гиршее лыхо, бо тутъ не знаешъ кому виненъ, бо виненъ милліонамъ Иванивъ-хлиборобивъ". И далѣе шла подробная, обстоятельная лекція о значеніи государственныхъ богатствъ, о производителяхъ истинныхъ и т. д. Такъ называемое совѣщаніе, т. е., пропаганда честности, любви къ народу, отечеству, сознательному служенію государству даже надсмотрщиками, тянулось далеко за полночь. За ужиномъ, достаточно бѣднымъ, много ѣлось, сыпались остроты, прибаутки, пословицы и все закончилось хоровымъ пѣніемъ малорусскихъ пѣсенъ. Въ жизни моей не приходилось встрѣчать другого человѣка, который бы съ такою устойчивостью, вездѣ, на всякомъ мѣстѣ, буквально на всякомъ мѣстѣ, проповѣдывалъ бы любовь къ народу, снисхожденіе къ нему, глубокую вѣру въ науку и знанія. Чудаковатость, рѣзкость, оригинальность, прямота и честность были основными чертами его характера. Помню одинъ случай: были мы у предводителя дворянства, нашего, однофамильца Марковича; „гостювалы", а послѣ завтрака все общество вышло провожать насъ. Дядько Опанасъ распростился и взялся руками за тарантасъ, поставилъ ногу на подножку и только что хотѣлъ сѣсть, какъ взоръ его упалъ на кучера обывательскихъ кониковъ, крестья-

нина, недовольно и неловко возсѣдавшаго, конечно, не на козлахъ, а на подножкѣ.

— А чи ты знаешъ, яке сегодня свято? спросилъ дядя.

— А хто его знае, отвѣчалъ недовольный хлиборобъ.

— Якъ? не знаешъ? и, перемѣнивъ тонъ, обратился онъ покойно къ обществу: винъ не знае, бо винъ зъ нимцивъ або зъ жидовъ.

Взрывъ смѣха смутилъ кучера, и онъ, озлившись, сказалъ: „не зъ нимцивъ я, а православный, зъ хрестьянъ, тутешній, сосницкого повиту"...

— А! А! грозно, драматически произнесъ дядько; ты тутешній и не знаешъ, хто булы св. Борисъ и Глибъ! Несчастный!—и кони дернули, и дядько упалъ. Но лошадей удержали, а дядько, яко бы къ кучеру, но всему обществу прочелъ блестящую лекцію о мученикахъ князьяхъ, ихъ значеніе для родины и мѣстнаго края, и только черезъ два часа мы вернулись обратно въ гостинную, „бо треба коней попасты, я ихъ такъ заговорывъ, що зъ двору не выидуть", заключилъ дядько, покрывая это своимъ задушевнымъ раскатистымъ смѣхомъ. Это было 2-го мая 1867 года.

Не дождался онъ пріѣзда семьи изъ Парижа: жены Марьи Александровны и сына Богдана.

Здѣсь, кажется, у мѣста будетъ сказать, что я лично посылалъ нѣсколько разъ по порученію А. В., деньги Марьѣ Асександровнѣ, и этимъ опровергнуть возложенную на его доброе имя хулу и клевету. Такъ, въ Вѣст. Евр. за 1885 г. кн. 3, стр. 36 въ статьѣ Анненкова „Переписка съ И. С. Тургеневымъ" въ письмѣ изъ Парижа отъ 12 октября 1860 г. значится: „Пристройте, т. е., помогите устроить чрезъ Е. Ковалевскаго, Марковича (мужа г-жи Марко Вовчокъ). Жена его здѣсь несовсѣмъ здорова и груститъ. Но это пройдетъ, и она оправится. А главное, она безъ гроша. Хотя мужъ ей посылать не будетъ, но если у него будетъ порядочное жалованье, такъ онъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ ее грабить".

Очевидно, идеально честнаго и геніальнаго писателя кто то ввелъ въ заблужденіе...

Мы ждали опроверженія со стороны тѣхъ, кто получалъ отъ него деньги и кому должна быть дорога память А. В., но тѣ молчали и молчатъ. И пусть на ихъ совѣсть падетъ гнетъ такого позорнаго обвиненія...

Въ годъ моего пребыванія въ сосницкомъ уѣздѣ нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и я, пошли въ университетъ и технологическій институтъ, благодаря пособію предоставленіемъ заработковъ и нравственной поддержкѣ со стороны Афанасія Васильевича.

Въ іюнѣ 1867 г. дядько заболѣлъ и переѣхалъ въ Черниговъ. Здѣсь онъ жилъ въ семьѣ Н. Гр. Загорскаго, или правильнѣе эта семья жила съ нимъ. Больной, онъ былъ постоянно истязуемъ сценами ревности и вымогательствомъ денегъ со стороны горькаго пьяницы Загорскаго. Это былъ несчастный, пропившійся, раззорившійся помѣщикъ; горбатый, уродливый, злой въ пьяномъ видѣ, онъ „владѣлъ“ женою изъ дома Ходотовъ Меланіей Авдѣевной, прекрасной, красивой, доброй и съ громадными голосовыми средствами. М. А. была украинскимъ соловьемъ.

Какъ Остапъ Вересай былъ послѣднимъ бандуристомъ, такъ и М. А. была послѣдней пѣвицей „жиночихъ писень“. Лучше ея никто не пѣлъ, знать пѣсенъ больше ея—никто не зналъ. Почти весь 3-й выпускъ народныхъ пѣсенъ Н. В. Лысенка записанъ изъ ея устъ.

Пьяные дебоши и побои Загорскимъ жены своей, въ присутствіи больного дядька, нѣжно любившаго Меланію Авдѣевну,—изводили его, и друзья его, И. Н. Дорошенко, Рашевскіе, Волки, Лавриненко и другіе перевели его въ отдѣльное помѣщеніе городской больницы, кажется, въ квартирѣ смотрителя. Въ 1-хъ числахъ августа онъ выписалъ меня и кузину Манефу Аполлоновну, по мужу Писемскую, и здѣсь, въ больницѣ, я его засталъ въ безнадежномъ состояніи.

Болѣлъ онъ туберкулезомъ кишекъ, а затѣмъ и легкихъ. Но здѣсь этотъ, якобы губитель своей семьи, надѣялся и ждалъ пріѣзда жены и сына въ особенности и не дождался...

Дня за 4 до смерти, ночью дядько подозвалъ меня и сказалъ:

— Чи ты знаешь, що я бувъ у тюрьми, якъ злодій?

— Знаю, отвѣчалъ я.

— Я *имъ* усе простывъ... прощай и ты, Дмытре; „не вѣдаютъ бо что творятъ“... Я не бувъ злодій, а отъ тоби мій приказъ.—Знаешъ ты, що я вже не житыму... Мовчи... У шкатульци бумаги есть, дай ихъ.

Я подалъ, и онъ сталъ уничтожать массу замѣтокъ, писемъ... Вынувъ конвертъ изъ твердой бумаги, онъ далъ его мнѣ.

— Оттутъ дви бумажки, тамъ напысано, чого мы хотилы, чимъ жилы, въ кого вировалы....

„Заховай, отдай Тони (моя мать) нехай сховае, а якъ можна буде, надрукуй...

Утромъ 1 сентября 1867 г., часовъ около 8, дядя Афанасій Васильевичъ скончался на моихъ рукахъ при кузинѣ Манефѣ и изступленныхъ рыданіяхъ Маланіи Авдѣевны....

Хоронили его, какъ и насъ всѣхъ служащихъ и не пріобрѣтшихъ домика на имя жены будутъ хоронить, по подпискѣ; друзья покойнаго сложились, и на Ильинскомъ кладбищѣ Чернигова сложили останки благороднѣйшаго, талантливаго, скромнаго сѣятеля добра, красоты и науки....

Димитрій Марковичъ.

Нѣкоторыя черты изъ былой жизни духовенства юго-западнаго края. [1]

(ОКОНЧАНІЕ).

II.

На основаніи представленнаго случая легко догадаться, что консисторскіе чиновники находились какъ бы въ нѣкоторой предосудительной стачкѣ съ благочинными, и въ виду этого не мѣшаетъ присмотрѣться поближе къ дѣйствіямъ этихъ послѣднихъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что веденіе священниками всякаго рода письменной отчетности являлось въ глазахъ благочинныхъ доходной статьей, откуда они по возможности старались извлекать прибыль и, благодаря разнымъ ухищреніямъ, достигали своей цѣли. Требовалось, напр., однажды доставить въ консисторію къ извѣстному сроку метрическія свѣдѣнія по всей губерніи, которыя нужны были для составленія генеральной вѣдомости. Однако въ срокъ это требованіе почти никѣмъ не было исполнено; нѣкоторые же священники метрическихъ книгъ никогда не писали, а потому и совсѣмъ отказались отъ исполненія, такъ что, для острастки, на счетъ виновныхъ, былъ командированъ къ нимъ особый чиновникъ, которому поручено было собрать на мѣстѣ необходимыя метрическія данныя. Въ то же время одинъ благочинный объяснялъ свою медленность тѣмъ, что двое десятоначальниковъ его округа

[1] См. „Кіевск. Старина“ 1893 г., № 3.

„болѣе о пріобрѣтеніе себѣ користи, нежели о исполненіи указныхъ предписаній старались". Забравъ къ себѣ формы требуемыхъ вѣдомостей, они не показывали ихъ подвѣдомственнымъ священникамъ и „сами для многихъ сочинять за деньги поохотились" [1]). Впрочемъ, въ другой разъ благочинный съ полною готовностью выдавалъ, даже безъ надобности навязывалъ формы разныхъ вѣдомостей, а когда священникъ представлялъ составленныя по этимъ формамъ самыя вѣдомости, то онъ находилъ ихъ неудовлетворительными и отказывался принимать. „Видаетъ образъ разныхъ писимъ—писалъ уже упомянутый свящ. Ендржеевичъ—потомъ здѣланній непріимаетъ, но своему дяку писать кажетъ, а ему чтобъ платить что схощетъ". Такимъ образомъ, сверхъ всякаго чаянія, и дьячекъ оказывается пособниковъ и участникомъ разныхъ незаконныхъ придирокъ, но, конечно, его роль была болѣе, чѣмъ пассивная: не трудно понять, что онъ употреблялся скорѣе для отвода глазъ.

Самый фактъ появленія священниковъ съ разными приходскими документами въ домѣ благочиннаго служилъ ему поводомъ для поборовъ. Тотъ же Ендржеевичъ пишетъ, что благочинный „по Рождествѣ за метрики отъ котораго что моглъ напрасно бралъ, я самъ ледве на рубль старій упросилъ что принялъ, а хотѣлъ конечне два дуката!" До какихъ значительныхъ размѣровъ простирались эти поборы, видимъ изъ заключительныхъ словъ прошенія этого священника. „Мой приходъ, говоритъ онъ, хотяй кажется прибольшой, но народъ убогъ. Я имѣя жену и дѣтей=8=отъ куду озму на такъ частую оплату денегъ, уже и такъ до ста злотыхъ [2]) ѿ Рождества Христова потиралъ зъ натиснутія благочиннаго моего". Всѣ эти обстоятельства предписано было изслѣдовать, обративъ особенное вниманіе на то, что благочинный съ „подсудныхъ священниковъ" производитъ денежные поборы. Но обвиняемый въ скоромъ времени умеръ, а потому дѣло, не успѣвши начаться, было прекращено и сдано въ архивъ [3]).

[1]) Арх. Вол. Дух. Консист. № 660.

[2]) Если согласимся, что злотый равнялся 15 коп.,—выходитъ 15 рублей: по тому времени деньги большія.

[3]) Арх. волын. дух. конс. № 550.

Интересно, что нѣкоторые благочинные находили неудобнымъ такой примитивный способъ увеличенія своихъ доходовъ. Извольте-ка, въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ предпринимать новую аттаку, толковать, выяснять, убѣждать. Тутъ невольно нарвешься на непріятность и попадешь иной разъ на такую непонятливую Коробочку, или на столь развязнаго Ноздрева, что послѣ и самъ не радъ будешь. Не лучше ли „нормировать“ это дѣло, придать ему строго-опредѣленный характеръ, установить разъ навсегда извѣстную таксу и этимъ самымъ санкціонировать за нимъ нѣкоторый видъ законности? Такъ и поступилъ житомирскій благочинный, протоіерей Кизимовичъ, возведенный въ это достоинство изъ уніатскихъ администраторовъ. Онъ самъ сознался, что взималъ отъ священника по 2 коп. съ каждаго двора въ приходѣ, а съ дьячка по денежкѣ. Однако въ жалобѣ, представленной священниками, добавлено, что кромѣ того онъ еще взыскивалъ съ каждаго изъ нихъ по полтинѣ. При взиманіи этихъ сборовъ, благочинный заявлялъ, что это онъ дѣлаетъ по указу консисторіи, куда будто и отсылаетъ деньги, оставляя себѣ лишь „малую часть“. Предъ начальствомъ же онъ объяснялся, будто священники сами изъявили добровольное согласіе дѣлать эти взносы, въ удостовѣреніе чего представилъ ихъ подписку отъ 31 августа 1795 г. [1]). Но въ подпискѣ есть одна необъяснимая странность: на ней значится фамилія сингурскаго священика, который тогда вовсе еще и не былъ священникомъ. Однако духовенство понимало полное беззаконіе этихъ сборовъ, и вотъ, когда въ с. Пискахъ между свящ. Михайловскимъ и его предмѣстникомъ, изъ уніатовъ, свящ. Величковскимъ возгорѣлась распря, то одинъ изъ нихъ говорилъ другому: „Пр. Кизимовичъ отвѣчаетъ за взятки, а и вы за взыманіе таковыхъ же... будете въ свое время отвѣчать“ [2]).

Помимо этого, нужно сказать, что вообще благочинные не пропускали подходящихъ случаевъ для извлеченія изъ нихъ соб-

---

[1]) Арх. волын. дух. конс. № 46.

[2]) Ibid. № 54.

ственной пользы... Въ отношеніи къ окружному духовенству они пользовались гораздо большею властью, чѣмъ теперь, а потому и подходящіе случаи представлялись довольно нерѣдко. Мы уже видѣли, что благочинный могъ, напр., подвергать священника денежному штрафу, чего теперь нѣтъ и въ поминѣ. Могъ онъ давать священнику довольно важныя командировки, сопряженныя съ большими расходами,—и тотъ не смѣлъ противиться. Такъ, уже извѣстный намъ благоч. Бакуревичъ поручилъ свящ. с. Могилянъ острожск. уѣзда Волосевичу отправиться, вмѣсто себя, въ Житомиръ за книгами. Время было осеннее, дорога прескверная... но священникъ не могъ „отговоритись“ и „за пожиченними въ церкви деньгами“ поѣхалъ на своихъ лошадяхъ и привезъ книги. Хотя благочинный раньше и обѣщалъ „за трудъ выдатокъ въ путѣ денегъ“, однако ничего не далъ, а когда тотъ же священникъ взялъ въ свою церковь книги, не заплативши за нихъ, что было положено, то благочинный публично обличалъ его въ воровствѣ и лошадь у него „заграбылъ, какъ бы въ злодѣя“ [1]). Или вотъ, напр., еще подходящій случай. По возсоединеніи уніатовъ, начались маленькія передѣлки во внутреннемъ устройствѣ приходскихъ храмовъ въ смыслѣ приближенія ихъ къ православному типу. Съ этою цѣлью вездѣ были вновь построены по извѣстному образцу престолы. Согласно общепринятому порядку, всѣ церкви должны были быть наново освящены. Этимъ дѣломъ завѣдывали благочинные, но всякій разъ требовали себѣ вознагражденія. Стали возникать жалобы, и архіеп. Викторъ Садковскій особымъ указомъ выразилъ порицаніе такимъ дѣйствіямъ, „запретивъ требовать, или брать за то каковую-либо плату, во пресѣченіе подобныхъ жалобъ, каковы уже на нѣкоторыхъ благочинныхъ отъ священниковъ и ихъ прихожанъ доходить ко мнѣ начали“ [2]).

Насколько широки были полномочія благочинныхъ, видно изъ той роли, какая была присвоена имъ при опредѣленіи священниковъ на приходъ. Для всякаго кандидата священства од-

---

[1]) Ibid. № 634.

[2]) Ibid. № 28.

нимъ изъ необходимѣйшихъ документовъ было „заручное“ или „желательное прошеніе„, или же, какъ оно еще иначе иногда называлось, „одобреніе“ отъ прихожанъ. То одинъ, то другой, то третій изъ указанныхъ терминовъ почти безразлично прилагались къ этому документу, но только взятые въ своей совокупности, они вполнѣ выражаютъ его смыслъ. Здѣсь, вопервыхъ, свидѣтельствовалась личность намѣченнаго кандидата и перечислялись нравственныя его качества, съ выраженіемъ надлежащаго одобренія; во вторыхъ, высказывалось желаніе имѣть священникомъ именно его, а не кого-либо другаго; въ третьихъ, наконецъ, здѣсь были приложены руки крестьянъ, подписывавшихся обыкновенно „знакомъ святаго креста“. Безъ этого документа никто не могъ имѣть никакихъ видовъ на извѣстный приходъ. Между тѣмъ взятіе такого „одобренія“, или „желательнаго прошенія“ всецѣло было предоставлено благочиннымъ; они же своею подписью и печатью завѣряли его подлинность. Затѣмъ дѣло шло къ архіерею, иногда чрезъ духовное правленіе, иногда чрезъ того же благочиннаго. Такъ или иначе, но кандидатъ священства долженъ былъ задобрить прежде всего ближайшее начальство. Однако нѣкоторые изъ благочинныхъ, не ограничиваясь добровольными приношеніями, вымогали и лишнее. Когда діак. Буткевичъ „промовался“ на приходъ, то при взятіи одобренія далъ благоч. Высоцкому четыре рубля, да брату его, при полученіи „презентальныхъ бумагъ“, далъ одинъ рубль, а одинъ серебряный рубль вручилъ ему же на ярмаркѣ въ м. Народичахъ. Высоцкому этого было мало и онъ потребовалъ еще три рубля, но такъ какъ Буткевичъ не имѣлъ больше, то его заставили дать росписку на эту сумму. Выведенный изъ терпѣнія чрезмѣрными требованіями, онъ пожаловался начальству. На допросѣ въ консисторіи бл. Высоцкій пробовалъ было сначала отрицать заявленіе діак. Буткевича, но сторонамъ даны были очныя ставки, и тутъ-то и выяснились существенныя черты дѣла въ томъ видѣ, какъ онѣ изложены. Удостовѣрившись въ наличности злоупотребленія, еп. Варлаамъ въ своей резолюціи писалъ: „По всему видна іерея Іоанна Высоцкаго съ другимъ іереемъ Григоріемъ Высоцкимъ постыдная стачка къ озло-

бленію невиннаго человѣка. Дабы впредь на подобное не покушалися, то велѣть взыскать съ лихоимщиковъ въ пользу обидимаго не только 4 руб., которые они отъ него дѣйствительно взяли, но и тѣ, которые по силѣ исторгнутыя подписки, взять еще хотѣли; и сіи послѣдніе взыскать въ наказаніе ихъ числомъ сугубымъ, съ перваго, т. е. три, и съ втораго три руб., а всѣхъ 10 руб.; и какъ іерей Іоаннъ Высоцкій здѣсь на лицо, то онъ и долженъ удовлетворить по вышеписанному діакона и за партизанта своего, а съ нимъ можетъ послѣ вѣдаться. Сверхъ того отрѣшить его, яко недостойнаго, отъ должности, къ коей кѣмъ онъ опредѣленъ, о томъ я освѣдомленъ быть желаю“ [1]).

Къ довершенію характеристики дѣятельности благочинныхъ съ этой стороны необходимо указать на странную попытку ихъ захватывать въ свои руки по нѣсколько приходовъ. Тѣмъ страннѣе эта попытка, что ее обнаруживали лица, отъ которыхъ меньше всего можно было ожидать этого. Такъ, когда настоятель м. Шепетовки не пожелалъ возсоединиться, то его приходъ былъ засчитанъ вакантнымъ и порученъ въ наблюденіе одному праздному священнику. Но благоч. м. Судилкова, а послѣ протоіерей заславскій Тороканъ-Тхоржевскій просилъ арх. Виктора устранить этого священника и предоставить м. Шепетовку въ наблюденіе ему. Основательныхъ причинъ для этого онъ не указываетъ, а напротивъ, самъ сознается, что онъ рукоположенъ безженнымъ, такъ какъ во время уніи такой порядокъ допускался въ подражаніе общепринятой практикѣ римско-католической церкви. Отсюда можно бы заключить, что его потребности, какъ человѣка безсемейнаго, были ограничены и что поэтому онъ долженъ былъ бы постѣсниться вступать съ подобнымъ ходатайстомъ. Но это не удержало его въ должныхъ границахъ и онъ все-таки взялся хлопотать. Однако хлопоты кончились ничѣмъ, такъ какъ ходатайство его не было удовлетворено. Бывали также благочинные, которые заявляли стремленія по своему произволу разсортировывать при-

[1]) Ibid. № 558.

ходы, но, вслѣдствіе возникавшихъ жалобъ, были благоразумно останавливаемы въ такомъ, слишкомъ неумѣстномъ, рвеніи. По крайней мѣрѣ, когда „вице-благочинный“ (т. е. исправляющій должность) Ципановскій приписалъ с. Кривичи къ приходу тестя своего, то, по жалобѣ обиженнаго, велѣно было другому благочинному изслѣдовать это дѣло, причемъ еп. житомирскій Варлаамъ мотивировалъ свое распоряженіе главнымъ образомъ тѣмъ, что эта незаконная приписка состоялась „противу желанія поселянъ“ [1]).

Покончивъ съ оо. благочинными, обратимся еще, на самое короткое время, къ кандидатамъ священства и прослѣдимъ дальнѣйшія ихъ похожденія.

Какъ уже было упомянуто, представленія объ нихъ къ архіерею шли очень часто чрезъ духовное правленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо замѣтить, что вообще каждый кандидатъ священства, по тѣмъ или другимъ поводамъ, все таки долженъ былъ являться также и въ духовное правленіе. Такимъ образомъ, если онъ счастливо разсчитался, въ лицѣ благочиннаго, съ первой стадіей испытаній, то, переступая порогъ духовнаго правленія, начиналъ готовиться къ новымъ неизбѣжнымъ посягательствамъ на свой карманъ. Нужно было, напр., Горскому получить въ староконстантиновскомъ духовномъ правленіи метрическое свидѣтельство о рожденіи,—онъ и явился за нимъ. Свидѣтельство уже было заготовлено и оставалось только подписать. Вотъ Горскій взялъ бумагу и поднесъ протоіерею Пашкевичу для подписи. Но протоіерей спросилъ:

— Уплатилъ ли ты за трудъ въ канцелярію?

— Еще дѣла своего не получилъ, то и награжденія не учинилъ, отвѣчалъ Горскій.

— Мнѣ надлежитъ наградить, ибо дѣло таковое платится три рубля.

Но Горскій доложилъ, что имѣетъ только „три злоты“ (т. е. 45 коп.)

— Поди прочь! услышалъ онъ въ отвѣтъ.

---

[1]) Арх. волын. дух. конс. № 489.

Такъ и ушелъ Горскій прочь ни съ чѣмъ.

Спустя нѣсколько дней, онъ вторично явился къ протоіерею, и тотъ велѣлъ ему идти въ канцелярію.

— А съ надеждою ль о полученіи оного? будетъ ли съ чѣмъ у архипастыря явиться?—рѣшился онъ спросить.

Вмѣсто отвѣта протоіерей обозвалъ его дуракомъ, а когда онъ заявилъ, что „отъ архипастыря своего таковой грубости не слыхалъ, онъ протоіерей безчестнымъ словомъ началъ болѣе грубыть, Горскій, выдя вымогательство и покушенія на взятокъ протоіерея, безъ свидѣтельства отъѣхалъ въ домъ“ [1]). Необходимый документъ былъ вытребованъ только путемъ оффиціальныхъ сношеній. Что касается нѣсколько удивительной въ этомъ случаѣ неуступчивости Горскаго, то она объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что собственно представленіе объ немъ зависѣло отъ заславскаго духовнаго правленія, по отношенію къ которому и должны были направляться его благодарственныя чувства; обращеніе же къ староконстантиновскому протоіерею было болѣе или менѣе случайнымъ, а потому и окончилось столкновеніемъ.

Если староконстантиновское духовное правленіе, въ лицѣ прот. Пашкевича, слишкомъ круто дѣйствовало по отношенію къ кандидатамъ священства, такъ что имъ подчасъ приходилось довольно солоно, то наоборотъ, луцкое духовное правленіе, въ нужныхъ случаяхъ, бывало очень снисходительно и допускало даже нарушеніе закона. Между прочимъ, по закону, при представленіи кандидатовъ къ рукоположенію, должны были прилагаться и выданные имъ билеты на женитьбу. Но вотъ, при представленіи Мицевича, формальность не была соблюдена и билета не оказалось. Консисторія потребовала билетъ и нашла, что онъ просроченъ. Это, конечно, мелочь, но на нее взглянули слишкомъ строго и положили оштрафовать членовъ луцкаго духовнаго прявленія 10 руб. Хотя еп. Варлаамъ уменьшилъ эту сумму до 3-хъ руб., но главный членъ, прот. Вигура, счелъ нужнымъ объясниться. Оказалось, что онъ не зналъ о суще-

[1]) Ibid. № 571.

ствованіи закона, такъ какъ былъ въ отлучкѣ, когда онъ состоялся. А между тѣмъ Мицевичъ былъ родственникъ прот. Княжинскаго, и вотъ тотъ просилъ оказать ему снисхожденіе. Вигура повѣрилъ его словамъ и, чтобы избавить просителя отъ лишней поѣздки въ г. Острогъ, написалъ представленіе. Впослѣдствіи консисторія отмѣнила штрафъ съ виновныхъ, за что они сочли долгомъ выразить ей свою „глубочайшую благодарность [1]). Такимъ образомъ, идеалы Фамусова, который старался разыскать родню ползкомъ, хоть на днѣ морскомъ, и почиталъ преступленіемъ не порадѣть родному человѣчку, были предвосхищены нѣкоторыми духовно-административными органами и уже въ давнее время высоко цѣнились въ этой средѣ.

Благополучно перешагнувши всѣ предварительныя ступени чистилища, кандидатъ священства приближался теперь къ самому входу въ него. Онъ пріѣзжалъ въ епархіальный городъ, гдѣ его ожидалъ экзаменъ, предстояли разные допросы и вообще все то, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ бывало, а отчасти и бываетъ. Поэтому слѣдовало бы намъ изобразить тѣ злоключенія, какія онъ претерпѣвалъ здѣсь. Но это задача довольно сложная, да и нѣтъ у насъ требуемыхъ матерьяловъ. Объ этихъ злоключеніяхъ мы можемъ только гадать. Нѣкоторыя немаловажныя основанія для такихъ гаданій даетъ намъ жалоба прот. Бочковскаго на староконстантиновскаго протоіерея Пашкевича. Бочковскій былъ одинъ изъ дѣятелей возсоединенія. Вызванный изъ минской епархіи, онъ былъ назначенъ въ староконстант. округу благочиннымъ, разъѣзжалъ по селамъ и занимался присоединеніемъ уніатовъ. Прихода онъ не имѣлъ и, какъ кажется, считался какъ бы прикомандированнымъ къ уѣздному собору. Когда возсоединеніе кончилось, онъ задумалъ прочнѣе утвердиться здѣсь, но мѣстный протоіерей не допустилъ его до этого. Бочковскій жалуется, что прот. Пашкевичъ даже не дозволяетъ ему служить и одинъ всѣми доходами пользуется „по причинѣ, какъ самъ проговорилъ, чтобы выбрать деньги, здержанніи нимъ при производствѣ его въ протоіе-

[1]) Ibid. № 446.

реи“ [1]). Въ протоіереи производились и производятся почтенные, заслуженные священники, выдающіеся какими-ниб. особенными достоинствами. Если для такихъ лицъ служебное повышеніе требовало спеціальныхъ расходовъ, то что же сказать о новичкахъ, едва вступающихъ на стезю священства? Не безъ основанія можно утверждать, что они представляли собою обильную жатву для тѣхъ лицъ, отъ которыхъ въ томъ или другомъ отношеніи были поставлены въ зависимость.

III.

Таковы были отклоненія отъ прямаго пути, имѣвшія мѣсто при обычномъ и нормальномъ теченіи дѣлъ. Нѣсколько иное освѣщеніе принимаютъ они и съ совершенно новой стороны выступаютъ передъ нами въ томъ случаѣ, когда естественный порядокъ нарушался, т. е. когда священникъ по тѣмъ или другимъ поводамъ подпадалъ подъ слѣдствіе. Если на него взводили ложное обвиненіе, если какіе-либо злые люди изобрѣтали чудовищную каверзу, или донимали напрасной клеветой, онъ еще храбрился, вступалъ въ честный, открытый бой, отстаивалъ, какъ умѣлъ, свою личность, ратовалъ за свою правоту и ею старался сразить врага. Онъ зналъ, что подъ ногами у него твердая почва, и потому дѣйствовалъ смѣло. Само собою понятно, что совсѣмъ не такъ чувствовалъ себя дѣйствительно провинившійся іерей. Желаніе избѣжать строгаго приговора суровой Немезиды подсказывало ему испытанное вѣками средство— подкупъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ ближайшимъ образомъ зависѣла его будущая судьба. Не всегда это средство оказывалось вполнѣ надежнымъ и кое-когда приходилось обманываться. Въ этомъ отношеніи не безъинтересенъ случай съ однимъ священникомъ с. Онацковецъ лабунскаго уѣзда. Этотъ священникъ, будучи вдовъ, „оставилъ, какъ выражается благоч. Гловачевскій, добродѣтель званія своего быть ему трезвенну на всякое время, принялъ образъ пяницы и плоды его“. Самъ архіерей, при

---

[1]) Ibid. № 95.

двукратномъ проѣздѣ, каждый разъ заставалъ его пьянымъ. Крестьяне первоначально защищали своего священника, скрывали его недостатокъ и на вопросы благочиннаго большею частью отмалчивались. Но потомъ что-то не поладили и по собственной иниціативѣ представили довольно неблагопріятныя свѣдѣнія о немъ. Даже при совершеніи нѣкоторыхъ таинствъ, напр., крещенія, онъ бывалъ въ такомъ состояніи, что воспріемники и церковно-служители, въ предупрежденіе паденія, должны были его поддерживать, „а при погребеніи проводимъ былъ подъ руки и надъ гробомъ умершаго удерживанъ, чтобы въ яму не упалъ". Однажды въ такомъ состояніи онъ зашелъ къ шляхтянкѣ Яцкевичевой, „осмѣлилъся касать за тѣло ее" и дѣлалъ извѣстныя, весьма недвусмысленныя предложенія. Проступки—все явные, очевидные; священникъ понималъ, что коли на то пойдетъ и начнется слѣдствіе, ему не сдобровать, а потому, доносилъ благ. Гловачевскій, „хотя знайти у меня мылость, покусился здѣлать меня вторымъ Іудою, да бымъ я за три червонца продалъ истенну". Оказать же въ настоящемъ случаѣ милость было тѣмъ менѣе возможно, что самъ архіерей уже имѣлъ поводъ убѣдиться въ небезупречномъ поведеніи священника. Въ своей резолюціи онъ писалъ: „Въ самомъ дѣлѣ, переѣжжая чрезъ с. Онацковцы, дважды я заставалъ священника пьянаго, и при послѣднемъ разѣ, явился онъ предо мною въ крайнемъ безъобразіи" [1]). Но, кромѣ того, есть основанія полагать, что этотъ именно благочинный, въ силу свойственныхъ ему принциповъ, не могъ за три червонца продать истину. Только высочайшій манифестъ 1801 года освободилъ священника отъ угрожавшаго ему взысканія. Итакъ, въ силу ли случайныхъ обстоятельствъ, или благодаря принципамъ, истина здѣсь все таки восторжествовала.

На ряду съ этимъ предъ нами развертываются картины другого характера, гдѣ истина терпитъ жестокіе удары и едва не подвергается самому унизительному пораженію. И здѣсь можно бы замѣтить господство нѣкоторыхъ принциповъ, но они

[1]) Ibid. № 644.

отличаются такой растяжимостью, столь слабой упругостью и крайней эластичностью, что человѣческія добродѣтели представляются въ нѣсколько извращенномъ видѣ. Когда овручскій протоіерей Янчевскій, производившій слѣдствіе надъ священникомъ Бобровницкимъ, допустилъ разныя злоупотребленія и его уличили въ нихъ, то онъ объяснялся, что сдѣлалъ все это по христіанскому человѣколюбію. Самое слѣдствіе возникло въ 1796 г. по прошенію громады с. Андреевичъ, которая выставила около десяти обвинительныхъ пунктовъ противъ священника. Здѣсь, между прочимъ, заявлялось, что, во первыхъ, онъ иногда отказывается исповѣдывать больныхъ, говоря: „еще тебя чортъ не возьметъ"; во вторыхъ, не пошелъ однажды погребать ребенка и сказалъ: „хотя брось его себѣ собакамъ, а я хоронить безъ денегъ не хощу"; въ третьихъ, женщины-родильницы, просившія прочитать въ сороковый день положенную молитву, получали такой отвѣтъ: „пойдите до жида, онъ вамъ дастъ молитву". Кромѣ прот. Янчевскаго, въ производствѣ слѣдствія участвовалъ еще и благоч. Луцкевичъ. Стремленія слѣдователей привести дѣло къ благопріятному концу не увѣнчались успѣхомъ. Видно, что священникъ дѣйствительно досадилъ крестьянамъ. Они порѣшили во что бы то ни стало выжить его и почти поголовно повторяли все то, что было написано въ прошеніи. Какъ ни хитри, какъ ни мудри, а надо писать подлинныя показанія. Такъ и было сдѣлано: такъ и въ бѣловой было написано и даже подписано благоч. Луцкевичемъ. Но когда та же бѣловая поступила на разсмотрѣніе архіерея, то оказалось, что всѣ выше перечисленныя, инкриминированныя выраженія были тщательно выскоблены ножикомъ и вмѣсто нихъ стояло слѣдующее: 1) „потерпи мало"; 2) „и самъ его погреби"; 3) „иди до дому". Эти краткія, небольшія измѣненія совершенно скрашивали слѣдственное дѣло и придавали ему совсѣмъ не тотъ грозный видъ, какой оно имѣло раньше.

Нужно быть очень патріархальнымъ человѣкомъ и слишкомъ добродушно смотрѣть на свои права и обязанности, чтобы соблазниться такой первобытной мѣрой и допустить подобный

фокусъ. Кромѣ того, надо обладать большой дозой наивности, чтобы имѣть надежду, будто все это пройдетъ незамѣченнымъ и безнаказаннымъ. Самый неопытный глазъ, при первомъ же взглядѣ на исправленныя мѣста, увидитъ, что здѣсь что-то не такъ, что-то не ладно, и весьма скоро догадается, въ чемъ собственно дѣло. Не могъ, конечно, не замѣтить этого и еп. Варлаамъ. Въ декабрѣ 1797 года онъ по этому поводу писалъ: „Во взятыхъ протоіереемъ овручскимъ и благоч. Луцкевичемъ по доносу на свящ. Бобровницкаго отъ свидѣтелей показаніяхъ во всѣхъ важныхъ мѣстахъ открыты подчистки. Какъ онѣ не могутъ быть случайны, то и должно слѣдователей подозрѣвать въ злоумышленіи. Для того взять отъ нихъ по всей строгости надлежащіе отвѣты и разсмотря оныя, представить съ мнѣніемъ". Благоч. Луцкевичу легко было объясниться. Когда онъ подписывалъ дѣло, ничего подозрительнаго въ немъ не было, никакихъ подчистокъ и поправокъ тамъ нельзя было найти. Въ такомъ видѣ оно было взято и увезено протоіереемъ въ Овручъ. Слѣдовательно, вся вина этой продѣлки подала на протоіерея. Ему одному предстояло теперь изворачиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ малую толику лукавить. Онъ не утаилъ, что именно онъ сдѣлалъ поправки и подчистки, но оправдывалъ себя тѣмъ, что сдѣлалъ это не ради какихъ-либо корыстолюбивыхъ цѣлей, а „по простотѣ своей и единственно съ человѣколюбія, видя слѣдствія священниковы непріятныя". Такимъ образомъ уже есть небольшое лукавство, но дальше къ нему прибавляется еще другое, будто протоіерей, за давностью времени, не помнитъ, какія слова стояли въ подчищенныхъ мѣстахъ. Повѣрить этому было тѣмъ труднѣе, что онъ самъ себѣ противорѣчилъ. Не далѣе, какъ въ слѣдующемъ же пунктѣ, когда ему напомнили выскобленныя мѣста, онъ сознается, что точно эти слова были раньше написаны. Новое противорѣчіе заключалось въ томъ, что протоіерей, забывъ о простотѣ и человѣколюбіи, которыми онъ сейчасъ объяснялъ свои дѣйствія, указывалъ теперь совершенно другой мотивъ для нихъ. Онъ заявляетъ, что разногласіе свидѣтелей породило въ немъ сомнѣніе въ справедливости ихъ показаній, а потому онъ сдѣлалъ

подчистки. Болѣе справедливое представленіе о побужденіяхъ, руководившихъ прот. Янчевскимъ, мы можемъ получить изъ седьмаго пункта его объясненій, гдѣ требовалось отвѣтить на такіе вопросы: „Не просилъ ли васъ кто о сдѣланіи отмѣны въ томъ и почистки, и что вы за то отъ таковаго просителя получили?“ Сознаться прямо и откровенно во всемъ какъ-то неловко, но и скрыть то, что для всѣхъ очевидно, тоже весьма затруднительно: приходится снова огородъ городить; заборъ однако такъ непрочно построенъ, что отъ одного прикосновенія разлетается въ прахъ. Спорвоначалу протоіерей твердо и громогласно заявляетъ, что ни о какихъ подчисткахъ его никто не просилъ, а онъ самъ собою все это учинилъ; но дальше говоритъ, что, по окончаніи слѣдствія, свящ. Бобровницкій пригласилъ и его, и бл. Луцкевича къ себѣ въ домъ и „далъ за труды обѣимъ по рублю“. По пріѣздѣ же домой, онъ нашелъ въ своей повозкѣ кусокъ холста, стоющаго не болѣе тридцати копѣекъ, который положила туда, совершенно помимо его вѣдома, жена обвиняемаго. „Но сіе ни малѣйше не было поводомъ такова поступка, ибо послѣ и отъ прихожанъ получилъ онъ, мимо требованія его, чрезъ десятоначальника Іерея Корнилія Войну одинъ рубль не за что иное, кромѣ только за труды въ переѣздѣ на слѣдствіе“ [1]). Не правда ли, наивность поразительная! Послѣ этого можно, пожалуй, согласиться, что злоупотребленія допущены единственно и исключительно по простотѣ. Въ самомъ дѣлѣ, подъ какую категорію прикажете подвести усиленное желаніе протоіерея опереться на количественное ничтожество полученной взятки? Вѣдь отъ той или другой суммы сущность дѣла ни на іоту не измѣняется и нисколько не оправдываетъ провинившагося, не дѣлаетъ его выше, чище, благороднѣе въ нравственномъ отношеніи. А какъ смотрѣть на то интересное явленіе, что протоіерей, нимало не стѣсняясь, съ одинаково легкимъ сердцемъ получаетъ по рублю и отъ истцовъ, и отъ отвѣтчика, и въ обоихъ случаяхъ считаетъ

[1]) Ibid. № 453.

себя вполнѣ неуязвимымъ? Болѣе того, онъ полагаетъ, что взимаетъ лишь слѣдующее ему по праву.

Не меньше простоты и патріархальности проявилъ тотъ же протоіерей и при производствѣ другого слѣдствія—надъ дьячкомъ с. Голубіевичъ Куцевичемъ. Дьячекъ „старался во священники", но мѣстный настоятель Цыбульскій донесъ, что онъ уроженецъ кіевской епархіи, а стало быть, не имѣетъ права домогаться прихода на Волыни. Въ старину же на этотъ счетъ существовали довольно строгія правила, и при переходѣ церковниковъ изъ одной епархіи въ другую соблюдалась длинная процедура: требовалось сперва испросить увольненіе [1]) у своего начальства, потомъ ходатайствовать о принятіи въ чужую епархію и тогда уже хлопотать о приходѣ. Другое важное препятствіе, мѣшавшее Куцевичу поступить въ священство и указанное его недоброжелателемъ, было то, что онъ былъ подданный гетмана Браницкаго. Во время набора въ жолнеры, ему угрожала солдатская лямка, но онъ предался бѣгству и нашелъ спасеніе и мирное успокоеніе подъ сѣнію дьячковства въ глухомъ захолустьи волынскаго села. Наконецъ, въ отношеніи нравственныхъ качествъ Цыбульскій выставилъ противъ него обвиненіе въ воровствѣ. Вотъ по этимъ то пунктамъ и поручено было прот. Янчевскому совмѣстно съ благочиннымъ Кондратовичемъ произвести разслѣдованіе. Когда дѣло было сдѣлано и въ декабрѣ 1797 года представлено еп. Варлааму, то по нѣкоторымъ даннымъ можно было заключить, что „слѣдователи старались не открыть истину, но угодить Куцевичу". Потребовали отъ заподозрѣнныхъ лицъ надлежащихъ объясненій. Оба были одинаково заинтересованы въ угожденіи Куцевичу, но роль благочиннаго была подчиненная,—онъ только второй членъ коммиссіи; главный же заправила слѣдственнаго дѣла—протоіерей, и на него-то и валитъ всю тяжесть подозрѣній его

[1]) Не всегда просьбы этого рода удовлетворялись. Напр., нѣкто Чернишевскій, волынскій уроженецъ, просилъ дать ему увольненіе и дозволить перейти въ кіевскую епархію, пот. что тамъ дядя уступалъ ему приходъ. Но еп. Варлаамъ отказалъ, дозволивъ искать прихода на Волыни, особливо въ луцкомъ и ковельскомъ уѣздахъ. Арх. волын. дух. конс. № 595.

собратъ, стараясь не только выгородить себя, но выставить въ нѣкоторомъ родѣ добрымъ геніемъ, нашептывавшимъ протоіерею слова правды и направлявшимъ его на путь истины. Не его вина, если эти внушенія не были приняты во вниманіе, не принесли пользы и остались втуне.

При допросѣ свящ. Цыбульскій показывалъ подъ присягою, что Куцевичъ „воръ и любодѣй, а о подданническомъ званіи отъ людей слыхалъ". Послѣ этихъ словъ его выслали изъ комнаты, и протоіерей по собственному усмотрѣнію сталъ диктовать писарю показаніе. Благочинный замѣтилъ о неумѣстности такого образа дѣйствій.—„Я еще съ нимъ поговорю", отвѣтилъ протоіерей. Онъ позвалъ священника и началъ увѣщевать, чтобы тотъ лучше „рѣшился облегчить судьбу" Куцевича. Цыбульскій согласился, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Куцевичъ далъ подписку предать все забвенію и не возбуждать дѣла за безчестіе. „Кто же писалъ оную подписку, заявляетъ не безъ лукавства благочинный, совершенно не помнитъ, а кажется ему, что или самъ онъ Кондратовичъ, или же писарь, а чтобы написать оную, было повелѣніе протоіерея Янчевскаго". Сей послѣдній отрицаетъ, впрочемъ, свое участіе въ этомъ дѣлѣ и изображаетъ весь ходъ такимъ образомъ, будто и обвинитель, и отвѣтчикъ „сами между собою въ сѣняхъ говорили"; плодомъ этихъ взаимныхъ переговоровъ и явилась будто бы подписка, какъ вполнѣ добровольная обоюдная сдѣлка. Отрицаетъ прот. Янчевскій и то, чтобы онъ имѣлъ какое-либо „наклоненіе къ оправданію Куцевича". А между тѣмъ его соратникъ, благоч. Кондратовичъ, твердо заявляетъ, что „когда примѣтилъ онъ таково протоіерея наклоненіе къ отмѣнѣ показанія священника", то говорилъ ему:

— „Допустивши священника Цыбульскаго къ присягѣ, должно уже и показаніе по словамъ его написать".

Протоіерей на это отвѣчалъ:

— „Вы бо еще въ такомъ дѣлѣ не бывали, вотъ я ему здѣлаю увѣщаніе".

Подписался же онъ Кондратовичъ на слѣдствіи болѣе по неосмотрительности, за скоростью, поелику слѣдствіе сіе болѣе

не производилось какъ часа два, почему онъ въ такъ короткое время разсудить не могъ, въ какую цѣль сіе протоіерея было наклоненіе".

Но въ чемъ оба слѣдователя въ своихъ показаніяхъ совершенно сходятся, такъ это въ томъ, что собственно отъ Куцевича ни тотъ, ни другой ничего не получили. „Отъ самаго Куцевича, говоритъ Кондратовичъ, не взялъ онъ ничего", а протоіерей на вопросъ: „Почему таково было ваше къ оправданію Куцевича наклоненіе, не за подарки ль?"—отвѣчаетъ: „Къ оправданію онаго К. не чинилъ онъ наклоненія за подарки да и не получалъ оныхъ отъ него". Во вторыхъ, оба слѣдователя согласно утверждаютъ, что еще задолго до слѣдствія, недѣль за шесть, протоіерей получилъ одинъ червонецъ золотомъ, но, поясняетъ онъ, деньги эти присланы были ему чрезъ Кондратовича тещей обвиняемаго „за почтеніе къ пособію въ случаѣ по дѣлу зятя ея Куцевича".* Темна вода во облацѣхъ, а все таки смыслъ этого выраженія можно отчасти уловить. Но какъ согласовать его съ прежнимъ утвержденіемъ, что никакіе подарки не имѣли мѣста? Очевидно, протоіерей невольно проговаривается и съ головой выдаетъ себя. По окончаніи слѣдствія, и протоіерей, и благочинный также не остались безъ вознагражденія. Проѣзжая черезъ с. Базаръ, они были приглашены той же злополучной тещей къ обѣду и затѣмъ получили отъ нея по серебряному рублю, да отъ зятя ея по столько же. Но, прибавляетъ смиренно протоіерей, какъ приглашеніе и угощеніе, такъ и вознагражденіе состоялись съ цѣлью поминовенія умершей недавно дочери этой самой тещи. Послѣ всего этого онъ и еще разъ съ невиннымъ видомъ утверждаетъ, что „отъ Куцевича не получалъ онъ ничего ни вещьми, ни деньгами, а еще самъ подарилъ его однимъ злотымъ", когда тотъ отправлялся въ г. Острогъ съ представленіемъ.

Нечего и говорить, что всѣ эти злоупотребленія не остались безнаказанными. Слѣдователи, за пристрастія при производствѣ дознанія, были удалены изъ духовнаго правленія и дали подписки, гдѣ каждый обѣщалъ, что „впредь своимъ поведеніемъ стараться загладить подозрѣніе и представлять себя

во всѣхъ случаяхъ беззазорнымъ". Эти подписки вытребованы были отъ слѣдователей вмѣсто угрожавшаго имъ штрафа, отъ котораго они были освобождены въ виду манифеста [1]). Но въ данномъ случаѣ не это для насъ важно и не эта сторона дѣла достойна вниманія. Насъ больше интересуетъ та откровенность, съ какою въ подобныхъ случаяхъ выяснялись требуемыя подробности. При другихъ обстоятельствахъ, для раскрытія ихъ, нужно было бы снаряжать новое слѣдствіе, а въ старое время заподозрѣннаго въ какомъ-либо проступкѣ обыкновенно призывали къ отвѣту, и онъ прямо, безъ утайки разсказывалъ все, въ чемъ былъ виноватъ. Даже если онъ пробовалъ истолковать свои дѣйствія въ благопріятномъ для себя смыслѣ, то дѣлалъ эту операцію такъ неловко, неумѣло, неискусно, что сразу видна была вся фальшь. Такимъ образомъ, прибѣгать къ косвеннымъ уликамъ не было надобности; онѣ могли бы только запутать и усложнить дѣло, которое само по себѣ до очевидности было ясно. Напр., здѣсь, когда благочинный Кондратовичъ старается въ благородномъ свѣтѣ изобразить свои дѣйствія, и въ то же время заявляетъ, что онъ получилъ рубль „за трудъ, понесенный въ переѣздкѣ и при самомъ слѣдствіи", то сразу понятно, что это не совсѣмъ гармонируетъ съ приписываемою имъ себѣ благородною ролью. Или, когда протоіер. Янчевскій тщится доказать, что „не чинилъ наклоненія за подарки", и тутъ же начинаетъ перечислять всѣ эти подарки, то не ясно ли, что первое только lapsus linguae и, что вся суть дѣла именно въ подаркахъ?

Окидывая однимъ взглядомъ всѣ изложенные факты, мы должны сказать, что здѣсь пріоткрытъ самый ничтожный край завѣсы, скрывающей отъ насъ прошедшее. Это только маленькій уголокъ большой картины, столь же широкой и необъятной, какъ сама жизнь. Мы имѣли возможность разсмотрѣть и разсказать лишь то немногое, что нашли въ оффиціальныхъ до-

---

[1]) Дѣло это находится въ декабрьской связкѣ 1796 г. № его неизвѣстенъ, такъ какъ начала нѣтъ, а сохранилась только вторая половина дѣла.

кументахъ, при томъ за очень короткій промежутокъ времени. Но какъ ни маловажно это немногое, оно можетъ послужить нѣкоторымъ базисомъ для вѣроятныхъ заключеній о такихъ сторонахъ картины, которыя скрыты отъ насъ. Ученый палеонтологъ, по найденной полуистлѣвшей челюсти, съ удивительною точностью опредѣляетъ строеніе допотопнаго животнаго. Конечно, было бы большою смѣлостью требовать подобнаго же научнаго, можно сказать, подвига отъ того, кто стремится проникнуть въ нравственную область и опредѣлить тѣ или другія стороны въ прошлыхъ судьбахъ хотя бы и самой незначительной общественной группы. Но во всякомъ случаѣ, и здѣсь позволительно дѣлать нѣкоторыя вѣроятныя заключенія и строить болѣе или менѣе достовѣрныя гипотезы.

Всякое злоупотребленіе, гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было допускаемое, тщательно скрывается отъ посторонних глазъ; оно составляетъ тайну заинтересованныхъ лицъ, и если всплываетъ наружу, то лишь благодаря какимъ-нибудь особеннымъ обстоятельствамъ. Слѣдовательно, и тѣ злоупотребленія въ духовномъ быту, на которыя мы указали, только ничтожная капля изъ того, что происходило въ дѣйствительности, такъ какъ несомнѣнно, что въ оффиціальные документы попала весьма и весьма малая доля ихъ. Но и изъ этого немногаго можно заключить, что разнаго рода злоупотребленія были расположены въ извѣстной градаціи, послѣдовательныя ступени которой находились во взаимной зависимости. Если благочинный устанавливалъ таксу поборовъ, то, можетъ быть, потому, что и для него въ свою очередь также обязательно было помнить извѣстную таксу. Еще снисходительнѣе приходится взглянуть на эту сторону дѣла, припоминая, что тогда, какъ и теперь, благочинный не пользовался извѣстнымъ, присвоеннымъ этой должности, жалованьемъ. Но на это не смотрѣли и предъявляли къ нему требованія, какъ и ко всякому должностному лицу. До самаго недавняго времени благочинные на Волыни вознаграждались за свои труды такимъ образомъ, что каждый священникъ, при полугодовой получкѣ жалованья, отдѣлялъ рубль или два въ пользу благочиннаго. Не говоря уже о крайней шаткости и неопредѣ-

ленности размѣровъ вознагражденія, такой порядокъ дѣйствовалъ тягостно и удручающе какъ на дающихъ, такъ и на получающихъ. Весьма кстати поэтому явилось въ свое время распоряженіе, чтобы окружные причты на общихъ собраніяхъ оформили это дѣло и установили равномѣрное отъ всѣхъ количество взносовъ на жалованье благочинному. И теперь, дѣйствительно, вездѣ установлены на этотъ счетъ опредѣленныя правила.

При обнаруженіи злоупотребленій, высшая епархіальная власть проявляла большую строгость, но безуспѣшно. Проходило самое короткое время, и тѣ-же лица вновь совершали такія же злоупотребленія, за какія они только что претерпѣли гоненіе и получили возмездіе. Не свидѣтельствуетъ ли это о томъ, какъ глубоко и прочно коренились преслѣдуемыя дѣйствія, какую благодарную почву имѣли они для своего развитія? Самыя формы ихъ проявленія, въ большинствѣ случаевъ, отличались такимъ добродушіемъ, такой примитивностью, столько семейственной патріархальности было въ основѣ ихъ, что этимъ въ значительной степени смягчалась самая неукротимая начальственная строгость.

В. Храневичъ.

Частная переписка Григорія Андреевича Полетики.[1]

(1750—1784 г.).

17) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 23 іюня.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 28 маія получилъ я сего іюня 18. На оное отвѣтствую вамъ слѣдующимъ. Въ первыхъ, благодарю васъ за всѣ ваши домашнія учрежденія и труды, и что вы ни сдѣлали или сдѣлаете, тѣмъ я доволенъ буду, а что самъ къ вамъ такъ скоро, какъ бы я желалъ и какъ вы требуете, быть не могу, тому причины писалъ я уже къ вамъ въ двухъ писмахъ, тоесть чрезъ Михайла Ивановича и чрезъ почту, сего іюня отъ 16 числа. Я думаю, вы бы и сами того не пожелали, чтобъ я пріѣхавши къ вамъ на мѣсяцъ или на другой, опять бы заразъ сюда бѣжалъ, и только бы то и дѣлалъ, что въ проѣздахъ и въ здѣшнемъ прожитьѣ терялъ здоровье и денги, которыхъ уже и такъ немало издержано, а теперь Богъ знаетъ кому ихъ и платить будетъ. Лучше уже разъ пріѣхавши, стараться такъ, чтобъ либо никогда сюда самому не ѣздить, либо по необходимости хотя и поѣхать, но не скоро и не надолго, а сверхъ того, извольте увѣрены быть, что безъ васъ уже, сюда, одинъ никогда не поѣду. Съ посылкою за инспекторомъ вы немного, душенька, опоздали. За нимъ надлежало было еще предъ святами или на святахъ послать, чтобъ онъ могъ быть уже въ домѣ нашемъ, когда другій выѣзжать намѣренъ былъ. Да и посылать было за

[1]) См. Кіевск. Стар, 1883 г., № 3.

нимъ не мужика, но Мишку или Малярчука, давъ наставленіе, какъ онъ и за чтобъ съ учителемъ рядится могъ, а въ такомъ случаѣ онъ бы могъ договориться и безъ брата, а Лысый, какъ вы видите, и столько ума не прибралъ, чтобъ поѣхать обратно къ Ульянѣ Ѳедоровнѣ, которая не хотящаго ѣхать инспектора могла бы увѣрить письмомъ или чрезъ человѣка о жалованьѣ. Но быть такъ, дай Богъ, чтобъ уже хотя за другимъ разомъ его привезли. Пуще всего жаль, какъ дѣти, пробывши уже и такъ долгое время безъ ученья, еще и цѣлое лѣто пробудутъ.

О холстѣ московскомъ я давно уже и самъ думалъ; дай Богъ только, чтобъ остались денги, купить не премину, или еще лучше напишу въ Ярославль, къ Василевскому. Для избѣжанія лишней тягости на почтѣ, вздумалъ я, чтобъ въ вашемъ же писмѣ отвѣтствовать и на писмо Данила Осиповича, чего однако не начну, не попенявши ему, что онъ ваше и свое писмо запечаталъ въ одномъ только ковертѣ и подписалъ оный на имя Василія Александровича, видно не понявши моего прежняго писма, въ которомъ написано было, чтобъ онъ ваши писма отправлялъ такъ, какъ тѣ писма отправлены были, тоесть, чтобъ мой ковертъ вкладывать въ ковертъ Шарапова и надписывать мой на мое, а его на его имя, а то и теперь онъ, получа, распечаталъ было, и увидѣвъ, что не къ нему писма, заразъ припечатавъ своею печатью, ко мнѣ прислалъ. И на что таки до того доводить, чтобъ другіе, хотя и пріятели, могли куріозничать въ нашихъ перепискахъ. Впредь, естьли не будетъ чего секретнаго, пожалуйте прикажите подписывать писма на мое одно имя, а чтобъ отдавать мнѣ ихъ въ его домѣ; и сіе для случая моего отсюду отъѣзду, а секретныя велите подписывать и на его, и на мое имя. Теперь отвѣтствую на его писмо. 1) Мѣдныя досталныя три горшки пускай дѣлаетъ Гротъ, которому велѣть у сихъ трехъ горшковъ и притрубки подѣлать полуциркулныя такія, какія онъ сдѣлалъ было къ кубу, который я видѣлъ у Шкляревича, а сіе для того, что ежели сіи притрубки будутъ помощію болшой трубѣ въ скорѣйшемъ выкуриваніи вина, то и другіе можно будетъ передѣлать. Да не забудьте, теперешнимъ лѣтнимъ временемъ, велѣть выкрасить трубы такъ, какъ

видѣлъ выкрашенныя у него Мишка, для того, чтобъ не столько въ водѣ ржавѣли. Росплатиться съ нимъ давно пора и для того прикажите пожалуйте съ нимъ росплатиться, а и то не худо, что ему школу за школу выдали. Только для расплатки поѣзжайте сами, Данило Осиповичъ, и Мишку съ собою возмите, чтобъ напрасно не платить за его перевѣсъ. Мѣдь на сіи и на прочія подѣлки, я уже писалъ къ вамъ, взять изъ Николаевки. 2) Хлѣба, что столько есть, слава Богу; увѣдомте меня, что еще теперь въ Юдиновѣ и въ Чеховкѣ съ поля снято будетъ и что дастъ вымолоту. 3) Чеховское озеро спустивъ и вычистивъ, велите немного пошарить и гребли, и привесть ее въ такое доброе состояніе, какъ юдиновскую. 3) Весма бъ вы хорошо сдѣлали, когдабъ постарались о косачевомъ прикащикѣ, ибо такой намъ необходимо нуженъ будетъ, естьли я подряжусь на поставку вина. 4) Горѣлку надѣюсь на Бога, что всю заведу въ продажу, только надобно, чтобъ именно знать сколько будетъ ее полугарной, а въ то число считайте и вышполугарную, чтобъ одна другую поправляла. Я объявляю вамъ, душенька, и управителю, а вы сего никому не объявляйте, что сыскалъ я дружбу, только жаль весма, что поздо, тоесть въ маіѣ мѣсяцѣ, съ такимъ человѣкомъ, у котораго въ рукахъ всѣ откупщики, и который мнѣ сказалъ, что естьли бъ я ето зналъ въ генварѣ мѣсяцѣ, я бы вамъ хотя сто тысячъ вѣдръ продалъ; я де симъ услужилъ Неплюеву и прочимъ, и вамъ де я симъ услужу, только не ранѣ какъ будущею зимою. Я чтобъ лучше его къ сему заохотить, сдѣлалъ съ нимъ уговоръ, что я, у кого только могу, буду скупать дешевою цѣною горѣлку, а онъ чтобъ старалъся здѣсь дорожшею продать, а барышами будемъ дѣлиться пополамъ, на что онъ весма охотно согласилъся. И для того то я къ вамъ и писалъ, чтобъ вы велѣли подъ рукою провѣдать сколько у Лобысевичевъ есть въ наличности горѣлки, а хотя и у другихъ, гдѣ можете, велите провѣдывать и мнѣ давать знать, а къ Борковскому я также о семъ писалъ. У сего жъ человѣка и подряды на поставку вина въ рукахъ, въ чемъ онъ мнѣ также обѣщается помогать. 5) На наливы тоже буду искать охотниковъ. 6) Доски, что на

огорожу двора внутри порѣзаны, то хорошо, велите ихъ скласть куда нибудь подъ крышку до моего пріѣзду, и не худобы, чтобъ подъ крышкою были и купленныя всѣ и свои доски. 7) Въ амбарѣ есть неисправность не въ томъ, что поздо сдѣланъ (ибъ сего за глаза судить не можно), но въ томъ, что засѣки съ обоихъ сторонъ перегорожены, а я велѣлъ, и кажется въ запискѣ написалъ, чтобъ только одинъ засѣкъ перегородить, а другаго ненадобно; но что сдѣлано, то сдѣлано, теперь старайтесь, чтобъ другій амбаръ безъ ошибки былъ сдѣланъ, а дерева можно навозить, что съ повали, а что съ новаго. 8) Горѣлку велите почаще, тоесть черезъ 2 а покрайнѣй мѣрѣ черезъ 3 недѣли, доливать, то смотрите, что не столько будетъ убытку. 9) О чеховской винокурнѣ отпишите ко мнѣ, что дѣлается и что сдѣлано. 10) Въ покояхъ малыхъ дѣтей велите переставить печку и естьли свои не сумѣютъ, то хотя нанять, съ тѣмъ однако, чтобъ съ нее дымъ никогда немогъ выхватываться. Обращаюсь, матушка, къ вамъ съ тѣмъ, что всеусердно желаю васъ вскорѣ и въ добромъ здоровьѣ съ дѣтьми, которыхъ благословляю, видѣть и есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Иванъ Михайловичъ Скоропадскій, сейчасъ будучи у меня, приказалъ вамъ засвидѣтельствовать свое почтеніе.

18) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 14 іюля.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 24 іюня ко мнѣ писанное, получилъ я сего іюля 10 числа. Сперва было онымъ обрадовалъся, начитавъ, что Павлуша, слава Богу, выздоровѣлъ; но когда дочиталъся до пронесшагося слуха о моей смерти и оттого воспослѣдовавшаго всему нашему дому, а особливо вамъ, сѣтованія и печали, и чрезъ то поврежденія въ вашемъ здоровьѣ, то радость моя превратилась въ горькую печаль, а притомъ въ досаду, и негодованіе на тѣхъ злыхъ людей, которые такъ васъ встревожили. Можетъ быть имъ смерть моя надобна, но она не прійдетъ мнѣ по ихъ желанію, но по воли Того, который далъ мнѣ жизнь, и ее, когда захочетъ, взять отъ меня можетъ, въ чемъ я и всѣ мы Ему повиноваться

должны. Я думаю, что слухъ сей непріятели наши, а можетъ быть и неразсудливые люди пронесли по причинѣ смерти брата Стефана Андреевича, которую они за мою вмѣнили, а вы, душенка, не боялись Бога, чтобъ вдругъ, не изслѣдовавъ и не роспросясь, толь скоропостыжнымъ и пустымъ слухамъ повѣрить и убивать себя на здоровьѣ, которое, естьли бы я и умеръ, должны бы вы щадить для тѣхъ же самыхъ малолѣтныхъ дѣтей нашихъ, нежели сокрушая себя безвременно, естьли бы, чего недай Богъ, вамъ самымъ приключилась смерть, то вы бы и меня, и ихъ погубили. Боже васъ сохрани впредь отъ такихъ сокрушителныхъ вѣстей, а я, хотя при обыкновенныхъ моихъ слабостяхъ, однако еще въ живыхъ нахожусь, и уповаю на Его благость, что умирать къ вамъ пріѣду. Я уже писалъ къ вамъ въ прежнихъ писмахъ обстоятелно о тѣхъ причинахъ, которыя меня здѣсь задерживаютъ и велятъ дожидаться рѣшенія дѣлъ нашихъ, а теперь еще и новая явилась причина, чтобъ въ другій разъ безъ васъ умирать сюда не ѣздить. Дѣла наши компромисныя всѣ изготовлены къ слушанію и въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ можетъ быть бы и выслушаны были, но та бѣда, что одинъ сенаторъ въ отпуску на сей мѣсяцъ, а одинъ только въ сенатъ ѣздитъ и дѣлъ никакихъ дѣлать не принимается, третій же Тепловъ, которому бъ должно ѣздить, по своимъ болѣзнямъ почти никогда не ѣздитъ, ...[1]) наши не прежде, какъ въ будущемъ мѣсяцѣ . . .[2]) и, уповаю на Бога, что выслушаютъ и рѣшатъ, и я въ сентябрѣ мѣсяцѣ, посмотря чемъ подрядъ на вино кончится, буду стараться непремѣнно къ вамъ выѣхать, а дотого часто васъ увѣдомлять буду, какъ подряды пойдутъ. Саранчею вы меня не повесели. Пожалуйте, во всякомъ писмѣ пишите, какъ она съ хлѣбомъ обходится, и въ которыхъ мѣстахъ она есть и въ которыхъ нѣтъ, какъ дорого съ новины хлѣбъ продаватся станетъ, сколько онаго у насъ съ поля снимется и прочая. Въ подрядѣ я на людей смотрѣть буду, которые не смотря на всѣ трудности, рядится однако же будутъ съ надеждою прибыли, а я вслѣдъ за ними пойду. Лучше

[1]) Вырѣзана часть письма.

имѣть маленкіе, но всегда извѣстные барыши, чемъ курить вино и незнать, гдѣ его дѣвать. Что чеховская винокурня до сихъ поръ не начата строиться, то приписываю я неосмотрению и во всѣхъ дѣлахъ продолженію Данила Осиповича. Мнѣ ето удивительно, чтобъ дожидаться три мѣсяца отказу Соболевскаго [1]), всесвѣтнаго плута. Мнѣ кажется, доволно бы было одинъ мѣсяцъ дать сроку на плутовство, а тамъ, отобравши свой задатокъ, или послать вездѣ искать другихъ, или, хоть помаленку, и своими начинать; а теперь, какъ я вижу отсюду, дѣло съ сею винокурнею до того доведено, что въ нынѣшнее лѣто ничего съ нею не будетъ, ибо хотя мошенники прежніе плотники и наняты будутъ, то они намъ ее въ одинъ годъ не сдѣлаютъ, но будутъ ее и насъ года два или три мучить. По сей необходимости, вотъ какое мое о семъ мнѣніе: 1), естьли плотники на строеніе сей винокурни наняты и въ работу вступили, а притомъ роскидали и старую винокурню, то старайтесь, Данило Осиповичъ, чтобъ новая непремѣнно совсѣмъ поспѣла къ сентябрю, ибо чемъ ранѣ начнется винокуреніе, тѣмъ лучше а естьли бы чоповъ рубленыхъ и неуспѣли сдѣлать, то на сей годъ можно оставить хотя и старые чопы, потому что за симъ непоспѣхомъ и винокуреніе въ Чеховкѣ должно будетъ оставить на старомъ основаніи, тоесть чтобъ курить на шесть котловъ и по двѣ кадки пятиведерныхъ въ день, а куба не вмазывать; почему выбравши для него удобное мѣсто, оставить, а горѣлку курить на тѣхъ же котлахъ; варовый же котелъ вмазать желѣзный; однако подъ него занимать такое мѣсто, чтобъ не менше было волотынскаго, чтобъ, когда привезется, и новый могъ свободно вмазанъ быть; печки же всѣ, несмотря что по старому будетъ винокуреніе производится, дѣлать съ трубами, и трубницу такую какъ въ Волотынѣ, только поширѣ; 2) естьли жъ до полученія сего писма старая винокурня не роскидана, а новая не начата, или хотя и начата, то лучше старой не роскидывать и въ ней, когда прійдетъ время, продолжать винокуреніе, а

[1]) Войск. тов. Григорій Семеновичъ. О немъ см. Опис. Стар. Малороссіи, I, 237 и 241.

новую отдѣлывать сколько можно, а вино въ ней курить развѣ, дастъ Богъ, начнемъ на будущій годъ, почему, мнѣ кажется, и печекъ въ ней клясть ненадобно. Естьли поѣдете, душенька, въ Николаевку, то напишите, что тамъ дѣлается. Также побывайте и въ Ромнѣ, и что тамъ видѣть и слышать будете, ко мнѣ отпишите. Желая васъ въ добромъ здоровьѣ видѣть, а дѣтей благословляя, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

19) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 10 августа.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше отъ 19 іюля писанное, получилъ я чрезъ курьера, а не чрезъ почту, сего августа 9 числа, въ подагрѣ, которою я немогу и изъ дому не выѣзжаю другую недѣлю, послужило оно мнѣ къ немалому обрадованію тѣмъ, что изъ онаго увѣдомилъся, что вы и дѣти наши, слава Богу, здоровы, о чемъ я много сомнѣвалъся, чрезъ три почты отъ васъ не получая писемъ. Теперь на оное писмо вамъ отвѣтствую. Вы ошиблись, душенка, что не послали сахару къ брату Ивану Андреевичу, считая будто закуски [1]) въ Кіевѣ продаются по 13 рублей пудъ за все, въ томъ числѣ и за сахаръ; но братъ Иванъ Андреевичъ ко мнѣ, а я къ вамъ писалъ такъ, что по 13 рублей требуютъ только за работу, за фрукты и за стекло, а сахаръ надлежитъ дать свой, и я пишучи къ вамъ, чтобъ послали сахаръ, думалъ, что симъ убавлю лишнюю передачу денегъ за оныя, ибо, естьли припомните, прошлаго году купленъ для насъ пудъ закусокъ въ Кіевѣ по 28 рублей, а теперь положа сахару самую вышшую цѣну, тоесть по 10 рублей пудъ, да за работу и за прочее 13 рублей, обошлися бы онѣ намъ по 22 рубли, слѣдовательно на каждомъ пудѣ было бы выигрышу 5 рублей. Человѣку жъ тамъ дожидаться закусокъ нѣдлячего было, ибо оныя всѣ немогли бы инако поспѣть какъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, и такъ вѣрно братъ человѣка бы нашего не удержалъ, а сыскалъ бы случай—какъ оныя въ свое время въ домъ нашъ доставить. Но быть такъ, когда не послали, то теперь уже ни сахару, ни денегъ посылать не надобно, а прошу только

[1]) Рѣчь идетъ, по видимому, о кіевскомъ вареньи.

васъ прибавить Михайловской полъпуда сахару на сухія конфекты и просить ее, чтобъ сдѣлала, ибо извольте знать, что ее дѣланыя конфекты обходятъся намъ менше 17 рублей, а здѣсь ихъ почитаютъ ничемъ нехуже французскихъ. Лимоновъ и померанцовъ, естьли только сыщу чрезъ кого прислать, то пришлю, хотя они нынѣшній годъ и недешевы. За увѣдомленіе о дѣтяхъ, чему учатъся, покорно вамъ благодарствую. Я о семъ для того болше спрашивалъ, что непрестанно думаю и промышляю, въ какія бы то школы и пенсіоны ихъ отдать. Вѣсти ваши о саранчѣ попортившей во многихъ мѣстахъ хлѣбъ, весма меня не веселятъ, жаль, что не написали вы, поѣла ли она хлѣбъ и въ въ нашемъ владѣніи. Слава Богу, что не залѣзла она въ украинскія мѣста, съ которыхъ пишутъ сюда, что урожай весма хорошъ, хлѣбъ очень дешевъ, а горѣлка ни почему. По сей то причинѣ, душенька, я принужденъ буду попытаться, не удастъся ли мнѣ подрядиться на поставку оныя. Лучше маленкій барышъ взять, только чтобъ былъ всегдашній збытъ. Люди на то не смотрятъ, что впредь будетъ, а рядятъся на волю Божію и кромѣ замотайловъ, никто еще отъ поставки не разорилъся. Здѣсь уже, какъ слышу, много наѣхало подрядчиковъ и подаютъ о желаніи своемъ рядиться въ сенатъ доношенія, что и я учиню, какъ, дастъ Богъ, стану выѣзжать. Буду, по вашему совѣту, стараться, чтобъ рядиться на ближайшія мѣста, тоесть на Трубчевскъ, Брянскъ, Карачевъ, Путивль и Рыльскъ; но когда въ тѣхъ мѣстахъ получить не могу, то рядиться буду и подалѣ, напримѣръ въ Орелъ, Мценскъ и Курскъ, гдѣ чуть ли еще и несходнѣе будетъ, потому что и цѣну въ тѣхъ мѣстахъ должно взять болшую, и отвезши вино, на тѣхъ поводахъ можно привезть хлѣбъ. Что жъ Данило Осиповичъ пишетъ, чтобъ рядиться по 1 руб. 50 и по 1 руб. 20 копѣекъ, то пишетъ онъ то, чего въ русскомъ царствѣ небывало и въ самыхъ труднѣйшихъ и отдаленнѣйшихъ мѣстахъ, ибо не знаю почему состоится ряда въ Петербургѣ, а знаю то, что въ Новгородской губерніи, какъ мнѣ самъ намѣстникъ сказывалъ, въ самыя далнія мѣста порядились по рублю, въ Новгородъ по $69^3/_4$ коп. Лозовскій вмѣстѣ съ барыномъ на карточку вашу отвѣтствуетъ, что повелѣваемыя вами гребешки оба

куплены будутъ, но прежде васъ увѣдомляютъ, что гребешковъ уже нигдѣ не носятъ, а подвязываютъ шеньоны лентами, и для того будутъ они ожидать отъ васъ повторительнаго извѣстія, прикажите ли тѣ гребешки покупать или нѣтъ. На что таки, душенька, такія комплименты, не могли бъ ли вы ко мнѣ прямо и безъ Лозовскаго о семъ написать. Пожалуйте впередъ сего не дѣлайте, а о всемъ вамъ нужномъ пишите ко мнѣ. Мѣрочки съ дѣтей присылать сюда не надобно, потому что я когда сыщу докупить сукна противъ образчика, платье и тамъ сшить можно. Дѣла наши готовы къ слушанію, но до выздоровленія и выѣзду моего не могутъ быть слушаны, а когда выѣду, то всякій день о томъ кучить буду. Взаимно препоручая себя вашей любви, а дѣтей благословляя, есмь вамъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

20) Къ управляющему, изъ Петербурга, 1777 г., 10 августа.

Государь мой Данило Осиповичъ! На писмо ваше отъ 19 іюли ко мнѣ писанное, симъ отвѣтствую: 1) я требовалъ отъ васъ о хлѣбѣ увѣдомленія, сколько онаго всего, считая и розданный на людей, можетъ остаться къ будущему винокуренію, и вы мнѣ писали въ прежнемъ вашемъ писмѣ, что его будетъ 800 слишкомъ четвертей, а теперь пишете объ одномъ только наличномъ въ домѣ, а о розданномъ ничего, почему я, что принадлежитъ до винокуренія, ничего и заключить не могу. Я прошу васъ, безъ присылки особливыхъ вѣдомостей, написать ко мнѣ краткими словами, сколько въ домѣ нашемъ наличной, и сколько по людямъ розданной ржи, да сколько съ юдиновскаго и чеховскаго полей сняго копъ, и оныя по сколку даютъ вымолоту хотя напримѣръ, ибо не всякая дастъ ровно, анъ тутъ развѣ я не вразумлюсь ли. 2) Горѣлочная вѣдомость ваша также для меня не вкусна, потому, что догадочная, ибо когда ни вы, ни Езерскій не знаете сколько точно есть какого вина, то можно было сіе увѣдать чрезъ обжиганіе [1]), тоесть отжегши особливо

[1]) Въ старину, говорятъ, вмѣсто спиртомѣровъ употребляли такой способъ опредѣленія крѣпости вина: наливъ извѣстную мѣру водки, зажигали ее и затѣмъ

волотынскую, а особливо чеховскую, или особливо зимную, а особливо другую, какъ волотынскую такъ и чеховскую, или же всю обще смѣшавъ и беручи половину лучшей, а половину худшей, чрезъ десять бочекъ, отжигать, и такъ однимъ изъ сихъ способовъ и явилось бы точно, сколько есть какой горѣлки, а напослѣдокъ и то не великаго бы труда и убытку стояло, естьли бы и каждую буту и бочку отжиганіемъ спробовать и меня увѣдомить; а то, по вашей вѣдомости, мнѣ нетолько на 2000, но ни на одно вѣдро прямо полугарнаго вина съ надеждою рядиться невозможно; и такъ, пожалуйте, отвѣдайте ее какимъ нибудь изъ вышеписанныхъ способовъ и меня увѣдомьте, а я васъ между тѣмъ увѣдомляю, что я здѣсь въ продажу заводить буду своего полугарнаго вина 5000 вѣдръ, съ тѣмъ что ежели не явится много полугарнаго, то можно и пѣнное все потребить на роздачу нижеполугарнаго, чтобъ его сдѣлать прямо полугарнымъ, а естьли можно сыскать у другихъ поцѣнно купить съ тѣмъ, чтобъ продать хотя съ неболшимъ барышомъ, то я бы рядился и на гораздо болшее число, тоесть на 10 или на 20 тысячъ вѣдръ, да то бѣда, что отъ васъ самыхъ нужнѣйшихъ о семъ не получилъ увѣдомленій, то есть по чему какая въ нашихъ мѣстахъ продается горѣлка, естьли у сосѣдей нашихъ въ запасѣ оная, также и у другихъ помѣщиковъ, и коликое число, а сіи справки взять, кажется мнѣ, естьли не самымъ вамъ, то и чрезъ другихъ бы, не трудно; и для того, хотя теперь, сіе, пожалуйте, найскорѣе сдѣлайте, и меня увѣдомьте. Сверхъ того, пока покупщики приѣдутъ брать вина, а именно неранѣ генваря, до тѣхъ поръ у насъ нѣсколько и новаго накуритъся. 3) За винокурню вы отнюдь не можете быть правы, потому что дожидались три мѣсяца, чтобъ бездушные люди праводушными стали, а они таковыми быть не могутъ ни въ 300 лѣтъ; но теперь, когда уже оную начали, то и продолжайте по предписанію прежняго моего писма, тоесть естьли не скоро надѣетесь сію новую поспѣшить, а старой до

опредѣляли мѣру и крѣпость—по количеству выгорѣвшей воды. Отсюда названіе—*полугаръ*, какъ обозначеніе водки средней крѣпости, *выгорѣвшей* наполовину.

полученія моего писма не розбирали, то лучше винокуреніе начинать въ старой, а сію отдѣлывать деревянымъ строеніемъ для будущаго года и завременно туда повтаскивать брусье для трубницы нужное, чтобъ не тогда съ нимъ таскаться, когда втаскать нѣкуда будетъ; когда жъ старую розобрали, то всемѣрно поспѣшать новую и отдѣлывать въ ней печки и прочее все такъ, какъ я въ томъ моемъ писмѣ писалъ. Но я въ превеликомъ отчаяніи нахожусь, чтобъ вы оною поспѣшили до Покрова, во первыхъ, потому что работы не мало, во вторыхъ, что работники плуты, втретьихъ, что вы еще и съ Гротомъ не роздѣлались и досталной мѣдной посуды не заказали, а сіе то все вмѣстѣ съ другими причинами собравшись, доведетъ, что сія наша винокурня около Рождества Христова закуритъся; а мое было мнѣніе такое, чтобъ въ обѣихъ винокурняхъ зачинать винокуреніе съ начала сентября мѣсяца, чего когда съ обѣими доказать не можете, то доказывайте хотя съ одною, тоесть съ волотынскою, и велите Езерскому, чтобъ онъ бралъ все полугарную настоящую горѣлку, а о пѣнной бы и не думалъ, ибо оная намъ впредь почти вовсе не нужна будетъ, тожъ дѣлать и въ другой винокурни, когда поспѣетъ. Сверхъ сего, прикажите Езерскому, чтобъ онъ кадки три, четыре или пять выкурилъ слѣдующимъ заторомъ для пробы: положить въ заторъ 10 пудъ ржаной муки, 7 пудъ ржаного солоду, $2^1/_2$ пуда ячнаго солоду (который велѣть сдѣлать, естьли нѣтъ готоваго) $1^1/_2$ пудъ овсяной муки, а всего хлѣба, чтобъ было 21 пудъ, и посмотрѣть, сколько изъ такого затору выйдетъ горѣлки; а здѣсь у одного изъ моихъ пріятелей выходитъ самой доброй полугарной 15, а рѣдко весма 14 вѣдръ; и естьли бы намъ такъ удалось, то бъ съ Божіею помощью и мы такъ закурили; однако не сего года, потому что у насъ неможно достатчить такого числа солоду, а развѣ на будущій годъ. Сіе можетъ быть и вамъ, и Езерскому покажется удивительно, но извольте знать, что въ Лифляндіи, какъ меня увѣрялъ одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, что съ такого жъ числа пудовъ, съ тѣмъ еще различіемъ, что муки берутъ болше, а солодъ кладутъ все ячный, берутъ горѣлки по 17 вѣдръ. 4) Озеро и греблю чеховскія,

когда станете прибирать, то прибирайте такъ, чтобъ было за что поблагодарить, и пожалуйте не велите запускать криницъ; да не худо бы и въ Юдиновѣ также отдѣлать криницы, одну ту, что въ Селищѣ, а другую, что у мельника Петрока, ибо уже вонючая вода и такъ доволно наскучила. 5) Чеховскій прикащикъ, когда проплутовалъся, вы можете его и перемѣнить, сыскавъ другаго, а и на Езерскаго мѣсто, дастъ Богъ, сыщется, а когда не сыщется, то будемъ и своими мужиками обходится. 6) Съ рыбою, видно, на ярмонку опоздали; лучше было ее по 3 рубли да обтомъ продать, нежели пускать въ роздробь, которому можетъ быть въ нѣсколько лѣтъ не будетъ конца. Развѣ не можно было изъ Стародуба велѣть провезть въ почепскую ярмонку. 7) Дегтю, когда накурили, то оставя для дому нужное число, досталный продать, а лучше было его не курить и не давать каналіямъ портить гаю [1]); да помнится, третьяго году курили они съ половины, а не съ третьяго вѣдра, а теперь, когда кора [2]) вездѣ рѣдка становится, отдано съ третьяго. 8) Постарайтесь, сколько возможно, прибавить ямъ для хлѣба [3]). 9) Къ строенію винокурни и печекъ чеховскихъ отъ времени до времени приглашайте Потурая или Егора, и съ ними по совѣту велите дѣлать, а ихъ хотя чемъ зато и подарите. 10) Трубницу въ новой винокурни чемъ возможно шире велите сдѣлать, чтобъ трубы почти всѣ въ водѣ были. Впрочемъ, естьли что написалъ не по вашему вкусу, простите, подагра то и скука здѣшная дѣлаетъ, а я есмь и пребуду всегда вашъ, государя моего, вседоброжелателный слуга Г. Полетика.

PS. Пожалуйте, Данило Осиповичъ, постарайтесь, чтобъ завременно прикащики сочтены были и чтобъ книги щетные у васъ въ порядкѣ были, чтобъ мнѣ осталось только ихъ повѣрить, а не мучиться надъ ними послѣ здѣшняго мученія; такожъ и долговые реестры, чтобъ были въ исправности, естьли останутъся

[1]) Лѣсъ.

[2]) Березовая, изъ перегонки которой получается деготь, называемый въ Малороссіи — „добрымъ“, въ отличіе отъ „возоваго“, получаемаго изъ сосновой смолы.

[3]) Въ Малороссіи встарину, да и теперь еще — у крестьянъ, хлѣбъ сохранялся въ ямахъ, которыя для этого роются преимущественно на глинистомъ грунтѣ; въ такихъ ямахъ рожь, даже сыромолотная, можетъ сохраняться понѣсколько лѣтъ.

которыя долги недоправленныя. Езерскій, кажетъся мнѣ, чуху вамъ поретъ, увѣряя васъ, что муки молоть не надобно для того, что слягаетъся. Я не знаю, почему она у людей не слягается, которые на свои винокуренные заводы на цѣлый годъ ею запасаются. Напишите ко мнѣ: была ли саранча и въ нашемъ владѣніи, и много ли пакости и надъ которымъ хлѣбомъ сдѣлала?

21) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 21 августа.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Увѣдомляю васъ, что я, слава Богу, немного отъ подагры освободилъся, которая меня болше двухъ недѣль мучила, и изъ дому выѣзжать не допускала. Теперь, выѣхавши, ѣзжу я и прошу, чтобъ представлены и выслушаны были дѣла мои, и уповаю, не дастъ ли Богъ, что оныя въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ начнутъ слушать, а въ будущемъ окончатъ; со всѣмъ тѣмъ зависитъ сіе отъ Божьей и отъ господъ, дѣлали нашими управляющихъ воли. Наканунѣ Успенья Богоматери, пріѣхалъ сюда изъ Вѣны братъ Григорій Ивановичъ, который вамъ свидѣтельствуетъ свое почтеніе. Онъ пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ исправивши свои дѣла, ѣхать вмѣстѣ со мною въ Малую Россію, но естьли онъ до окончанія моихъ дѣлъ своего дѣла не окончитъ, то я не дожидаясь и его, одинъ поѣду, а онъ, когда захочетъ, послѣ пріѣхать можетъ. Я пишу, когда захочетъ, потому что ему, хотя еще пожилъ здѣсь малое время, такъ всѣ здѣшнія обращенія не нравятъся, что онъ естьли бы можно, все бы въ состояніи бросить и ѣхать назадъ хоть сейчасъ, а икъ женидьбѣ болшой склонности не оказываетъ. Василій Андрѣевичъ Борковскій пишетъ ко мнѣ, что въ скорости хотѣлъ къ намъ отпустить столарей, и такъ естьли отпуститъ, то не худо бы, чтобъ они досталное что нужнѣйшее поотдѣлывали. Прикажите, матушка, управителю, чтобъ по полученіи сего, заразъ отправилъ въ Николаевку двухъ мужиковъ изъ Юдинова или изъ Чеховки, изъ небогатыхъ дворовъ, съ тѣмъ, чтобъ они надъ николаевскимъ овиномъ смотреніе имѣли [1]),

[1]) Въ южной Малороссіи рожь молотятъ сырую, а въ „Литвѣ“ (т. е. въ сѣверныхъ уѣздахъ черниговской губерніи) рожь сначали сушатъ въ овинѣ. Какъ видно, для сушки ржи, по „литовскому“ способу, въ Николаевку посылались стародубскіе „литвины“.

когда станутъ рожь молотить, и вмѣстѣ бы съ николаевскими мужиками молотили, а за то будутъ ихъ дворы освобождены отъ пригону въ Литвѣ, а тамъ получатъ они такую жъ, какъ и другіе молотники, коробку. Я думаю, что на такомъ основаніи и много охотниковъ сыщетъся, чтобъ ити въ Николаевку; однако, мнѣ кажется, болше двухъ туда бы ихъ отправлять не надобно, потому что ихъ главная должность состоять будетъ въ томъ, чтобъ имѣть смотреніе за топкою печей и укладкою сноповъ, а прочее все дѣло тамошніе мужики исправлять могутъ; а въ прочемъ, естьли вы и управитель заблагоразсудите и болше ихъ отправить, то можете учинить, я пишу сіе, потому что и дома люди надобны. Наконецъ, желая васъ въ скорости видѣть въ добромъ здоровьѣ съ дѣтьми, которымъ мое благословеніе даю, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

22) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 4 сентября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Отъ 12 августа писанное выше писмо получилъ я вчерашняго дня, а сегодня, не упуская времени, на оное отвѣтствую. Видно, что добрые то люди были изъ знатныхъ, которые, не имѣя никакой подлинности о моей смерти, подтверждали и увѣряли васъ въ оной. Однако ложныя ихъ увѣренія смерти никому не принесутъ, но только несносно досадно и жалко, что вамъ много здоровья убавили, которое, чтобъ Богъ вамъ сторычно наградилъ желаю. Вы можетъ быть и отгадали бы, что я рѣшивъ мои дѣла, пріѣхалъ бы къ вамъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, естьли бы не случилось съ онымі нечаянное препятствіе. Когда всѣ екстракты по дѣламъ нашимъ изготовлены и нѣкоторые изъ нихъ набѣло переписаны были, и только оставалось доложить ихъ сенату, выслушать и рѣшить, какъ вдругъ производившій оныя наши и прочія малороссійскія дѣла секретарь Туманскій, отъ оныхъ отрѣшенъ, и изъ третіяго сенатскаго департамента переведенъ въ первый, а на его мѣсто опредѣленъ другій секретарь. Сіе произошло, какъ отъ другихъ малороссіянъ, подававшихъ на него подозрѣнія по болшей части плутовскія и недѣлныя, такъ и отъ повѣреннаго Левандовскаго, такогожъ плута и мошен-

ника, какъ онъ самъ, который подалъ челобитну, прося отрѣшить Туманскаго отъ дѣлъ нашихъ, потому что покойный братъ Стефанъ, будучи здѣсь въ 1764 году, съ братомъ Туманскаго Осипомъ и будто и съ нимъ имѣлъ ссору, и въ самомъ дѣлѣ ето правда, что ссорилъся съ Осипомъ, но ложь, чтобъ онъ когда нибудь съ меншимъ Туманскимъ ссорилъся, и сей меня увѣряетъ, что онъ не помнитъ,—и видѣлъ ли онъ когда нибудь покойнаго брата. Со всѣмъ тѣмъ, понеже сего хотѣлось и надобно было одному изъ болшихъ людей, чтобъ его вывесть изъ третіяго департамента, то впору ябедники поспѣли и онъ выведенъ; но вмѣсто того, чтобъ они ему испортили, они направили ему много, ибо за нѣсколько предъ симъ дней, отъѣхавшій отсюду графъ Румянцовъ, изъ дороги прислалъ представленіе въ сенатъ, чтобъ Туманскій произведенъ былъ въ надворныя совѣтники и опредѣленъ въ Малороссійскую коллегію членомъ, что по его представленію и учинено [1]). Между тѣмъ видѣлъся я съ опредѣленнымъ вновь секретаремъ и просилъ его о нашихъ дѣлахъ, но онъ напротивъ того просилъ меня, чтобъ я ему далъ время на пріемъ дѣлъ отъ Туманскаго, а какъ де прійму, то потребно де мнѣ еще время на высмотреніе вашихъ дѣлъ и екстрактовъ, а высмотрѣвъ де, я не замедлю доложить; и такъ пока кончится тотъ пріемъ и высмотреніе дѣлъ, то пройдетъ нѣсколько недѣль, а другія нѣсколько недѣль пройдутъ, пока выслушаютъ, рѣшатъ и подпишутъ. Итакъ, я бы вседушно желалъ, чтобъ сіе все сдѣлалось въ сентябрѣ, но весма сомнѣваюсь, а дай Богъ, чтобъ хотя въ октябрѣ кончилось. Сверхъ же сего и подряды на вино, не прежде, какъ въ первыхъ числахъ октября кончатъся, въ который хочется попытаться, чтобъ вступить съ ползою, а безъ того не вступлю. Мнѣ только жаль, что Данило Осиповичъ не пишетъ, почему какая горѣлка продается, чтобъ мнѣ можно было на всякій случай взять свои предъосторожности и мѣры. Ошибку вашу о покупкѣ въ Кіевѣ конфектовъ я уже въ прежнемъ моемъ писмѣ

[1]) Рѣчь идетъ объ Иванѣ Григорьевичѣ Туманскомъ, старшій братъ котораго Василій Гр—чъ, сначала генер. писарь, а потомъ членъ малороссійск. коллегій, пользовался большимъ довѣріемъ у гр. Румянцова.

вамъ изъяснилъ, а между тѣмъ получилъ отъ брата Ивана Андрѣевича писмо, что онъ, не дождавшись нашего сахару, далъ свой на вареніе конфектовъ; однако нужды нѣтъ отдавать ему сахаромъ, а лучше заплатимъ деньгами. Я его просилъ, чтобъ онъ ихъ переслалъ въ Николаевку на своихъ подводахъ, а когда не случатся, то велѣлъ Бартошу туда нарочнаго послать и отискавъ къ вамъ отправить. Прикажите, матушка, управителю, чтобъ онъ не поздалъ съ винокуреніемъ, но тѣмъ лучше, чѣмъ ранѣе начиналъ бы, и велѣлъ бы до моего пріѣзду на обоихъ винокурняхъ курить по двѣ кадки въ день, но стараться, чтобъ горѣлка была самая добрая, полугарная. Въ Чеховкѣ, естьли не роскидана старая винокурня, то сей годъ пускай курятъ въ старой и постарому. Впрочемъ, желая васъ и дѣтей, которыхъ благословляю, скоро и въ добромъ здоровьѣ видѣть, есмь вашъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

23) Къ женѣ, изъ Петербурга, 1777 г., 11 сентября.

Матушка, душа моя, Елена Ивановна! Писмо ваше чрезъ людей г. Лобысевича получилъ я сего сентября 6 дня, которымъ я весма обрадовалъся, что вы и дѣти наши, слава Богу здоровы. Меня, напротивъ того, опять подхватила было подагра и подержавъ нѣсколько дней, опять отпустила. Обрадовали вы меня и тѣмъ, что въ хозяйствѣ нашемъ все хорошо идетъ и что хлѣбъ уцѣлѣлъ отъ саранчи. Не пишите ко мнѣ, что бывши въ Ярцовѣ [1]), были ли вы и у дяди Ивана Ивановича Бороздны, а не худо бы было, бывши такъ близко, побывать. Данилѣ Осиповичу скажите, чтобъ винокуреніе въ Чеховкѣ велѣлъ производить въ старой винокурнѣ, а новую отдѣлывать совсѣмъ одною плотничною работою, надсматривая надъ плотниками, чтобъ не плутовали. Крышка на ней, чтобъ была какъ можно поострѣе, и чтобъ бруски, которыми притягиваетъся доръ, такъ были сдѣланы, чтобъ по-подъ ними свободно вода проходила, окошки слуховыя, чтобъ были такъ, какъ на волотынской или какъ на амбарѣ, который тѣмижъ плотниками въ дворѣ сдѣланъ, двери

[1]) Село стародубскаго уѣзда.

въ винокурню, чтобъ были къ той сторонѣ, что къ греблѣ, а не посерединѣ сдѣланы; а пуще всего, чтобъ брусья на трубницу заволочены были теперь, какъ можно подлиннѣе, чтобъ для нихъ не пришлось опять роскидывать или стѣны пробуравливать въ винокурнѣ. У мужиковъ, какъ своихъ, такъ и чужихъ, пускай хлѣбъ доправляетъ весь, обнадеживая своихъ, что я по пріѣздѣ моемъ опять велю ихъ ссудить. Въ списываніи горѣлочной вѣдомости толь великой, напрасно Данило Осиповичъ трудилъся, а я его просилъ, чтобъ онъ мнѣ самую краткую, но обстоятелную прислалъ, а то хотя она и велика, но не безъ ошибокъ. По сей его вѣдомости все я могу заводить въ продажу пять тысячъ вѣдръ, ибо хотя бы за продажею чего и нестало, такъ накуритъся вновь. Естьли только Богъ пощаститъ, то я надѣюсь не только свою всю горѣлку продать, но хочется еще и у сосѣдовъ искупить и продать съ барыша. Павелъ Кириловичъ [1]) пишетъ ко мнѣ, что у его еще и прошлогодской много, а я напротивъ того пишу къ нему, что я можетъ быть буду на нее купецъ. Приложенная при писмѣ вашемъ карточка много меня опечалила, однако благодарствую вамъ, что вы меня о семъ произшествіи увѣдомили, и ещебъ было лучше, естьли бъ вы то учинили чрезъ почту. Теперь они [2]) не такъ страшны и важны здѣсь, чтобъ ихъ опасаться. Вотъ что вы писали ко мнѣ, что будто одинъ полковникъ сіе купитъ, а я давно уже зналъ, что они всѣ на сіе согласны; однако я на одного Бога полагаюсь и ихъ отнюдь не боюсь, а боюсь только того, чтобъ братья [3]) не вошли въ дурачество и меня не завели въ новыя хлопоты. Я для того пишу къ нимъ писмо, и оное не запечатавъ при семъ къ вамъ посылаю. Вы оное прочитавъ, можете своею печатью запечатать и имъ отдать, а копію онаго у себя оставить; а отдайте сіе писмо пригласивъ ихъ къ себѣ, и просите, чтобъ они ко мнѣ на оное отписали, а если не отпишутъ, то, по крайнѣй

[1]) Кажется, Лобысевичъ, бунчук. тов., жившій въ с. Гримячомъ.

[2]) Братья Корсаки?

[3]) Т. е. Гамалѣи, къ которымъ Гр. А. П—ка писалъ вслѣдъ за симъ помѣщенное письмо.

мѣрѣ, отпишите вы что они говорить будутъ. Увѣрьте ихъ между тѣмъ, что мнѣ, при справедливости дѣла, не только сіи покупщики, но и никто другій, хотя бы ихъ еще силнѣе былъ, нестрашенъ. Еще жъ васъ хочу увѣдомить, что вчерашняго числа начавшись съ ночи, такое здѣсь наводненіе было, какого еще почти никто не запомнитъ. Оно здѣсь сдѣлало превеликія бѣдствія и разоренія людямъ: избы поуносило, людей потопило довольно, мости почти всѣ поламало, барки и прочія суда премногія поразбивало, въ гостинномъ ряду товары поподмочивало и проч. и проч. Однако въ той сторонѣ, гдѣ я живу, слава Богу, не было. Дѣла наши еще все въ такомъ же состояніи, какъ я писалъ къ вамъ въ недавно отправленномъ моемъ писмѣ, а теперь опять носится слухъ, что еще другаго хотятъ опредѣлять (секретаря), потому что сей нашихъ дѣлъ ничего не смыслитъ и не понимаетъ. Усердно желая васъ въ скорости въ добромъ здоровьѣ съ дѣтьми, которыхъ благословляю, видѣть, а Аграфенѣ Григорьевнѣ кланяясь, есмь вамъ вѣрный другъ и мужъ Г. Полетика.

P. S. Не пишите вы, душенка, ничего—получили ли вы и отдали ли писмо мое писанное къ Андрею Богдановичу Енгельгарту. Естьли получили и отдали, и онъ еще сюда не поѣхалъ, то скажите ему, въ прибавокъ къ тому писму, что уже по ихъ дѣлу и докладъ отъ сената государынѣ поданъ и что де большая часть сенаторовъ въ ползу соперника его, а не его, представили, и хотятъ де такъ, чтобъ имѣніе брегадиршѣ [1]) и подполковнику раздѣлено было пополамъ, а посему онъ уже съ женою безъ ничего останетъся. Утверждаютъ же и то, что оный докладъ, по старанію подполковничьихъ благодѣтелей, скоро и выйдетъ; и такъ естьли хочетъ не потерять того, что въ рукахъ имѣетъ, пускай все оставивъ, сюда ѣдетъ и предъупредитъ рокъ свой. Вы когда сами къ нимъ не ѣздите, то пошлите хотя Данила Осиповича, чтобъ онъ имъ сіе переказалъ. О горѣлкѣ опять пишу къ вамъ, чтобъ вы не сомнѣвались и за

[1]) Говорится о вдовѣ бригадира Степана Витковича, выходца изъ Сербіи, которому въ 1743 г. были пожалованы села Березовка, Михновка и Казиловка. На племянницѣ (?) Степана В—ча былъ женатъ Энгельгардтъ. См. письмо № 10.

безцѣнокъ ее, продавать не спѣшили, въ надежѣ на Бога той, что она осенью вся продана будетъ, только, чтобъ была она прямая полугарная и вышполугарная или пѣнная, а что болше ея будетъ, то лучше, а сколько ее можетъ быть въ обтовой продажѣ, пускай по окончаніи винокуренія о томъ Данило Осиповичъ такъ, какъ и о прочемъ, о чемъ писано, въ прежнемъ писмѣ, какъ найскорѣе увѣдомитъ. Хотя я и отъ себя писалъ, однако и вы потвердите отъ себя Ѳедору, чтобъ николаевскій и коровинскій прошлогодскій хлѣбъ перемолоченъ, высушенъ и въ амбары или въ ямы спрятанъ былъ, чтобъ между тѣмъ, когда не присмотренъ будетъ, не осталъся онъ жертвою гнилости и снѣдію мышей. Естьли будете писать ко мнѣ писма, то велите надписывать въ С.-Петербургѣ, въ домѣ надворнаго совѣтника Василія Александровича Шарапова, а онъ уже мнѣ ихъ доставлять будетъ, ибо хотя я стою и въ домѣ Николая Николаевича, но сей домъ далеко, а Шарапова ближе, и его лучше знаютъ всѣ почтиліоны розвозящіе писма.

24) Къ Лаврентію, Василію и Григорію Григорьевичамъ Гамальямъ, изъ Петербурга, 1777 г., 11 сентября [1]).

Милостивые государи, мои брятци, Лаврентій Гр—чъ, Василій Гр—чъ и Григорій Гр—чъ. Увѣдомился я, что его превосходителство Петръ Васильевичъ Заводовскій приглашалъ васъ къ себѣ и склонялъ васъ къ миру съ г. г. Корсаками о доискуемыхъ мною наслѣдныхъ вашихъ имѣніяхъ. Не знаю какія были его предлагаемаго вамъ мира условія, а знаю то что какъ скоро вы мнѣ дѣло свое повѣрили и записью утвердили, чтобъ оное судомъ или миромъ окончить, то я предъпочитая миръ тяжбѣ, чрезъ три честныя лица, а іменно: чрезъ старого Івана Івановича Бороздну [2]), чрезъ Івана Андреевича Миклашевскаго [3])

---

[1]) См. письмо № 14.

[2]) Ив. Ив—чъ Бороздна—генер. бунчужный въ отставкѣ (съ 1762 г.), называется *старымъ* въ отличіе отъ сына своего Ивана Ив—ча, бунч. товарища, женатаго на Настасьѣ Крыжановской.

[3]) Бывшій въ 1783—84 г. г. новгородсѣверскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.

и чрезъ Василія Васильевича Христачевскаго [1]), дѣлалъ гпдамъ Корсакамъ предъложеніе о мирѣ, уповая, что оный могу заключить на выгодныхъ для насъ и для ихъ кондиціяхъ, но какъ на то неполучилъ отъ ныхъ никакого о склонности ихъ отвѣта, то питался я отвѣдать еще одинъ разъ и въ прошломъ 1775 г., изъясняя обстоятелно все наше дѣло, писалъ къ Петру Васильевичу Заводовскому и просилъ его, чтобъ онъ вошолъ въ сіе миротвореніе, естли не самъ собою, то чрезъ брата своего Івана Васильевича. На сіе мое писмо не получилъ я отъ его превосходителства никакого отвѣта, а напротивъ того, отъ надежныхъ людей увѣдомленъ былъ, что все содержаніе писма моего гпда Корсаки знали. Не заключая изъ сего, чтобъ между нами могъ воспослѣдовать миръ, принялся я за дѣло, которое въ малороссійской колълегіи и рѣшено въ ползу нашу, изъключая одно то, что за просроченнную гпдами Корсаками аппельляцію невелѣно учинить раздѣлъ, за что одно я теперъ въ правительствующемъ сенатѣ аппельлюю. По пріездѣ моемъ въ С. Петербургъ, былъ я нередко у Петра Васильевича и надѣялся, что онъ что нибудь со мною о семъ нашемъ дѣлѣ заговоритъ, но онъ, принимая меня въпротчемъ ласково и учтиво, не говорилъ о томъ ниодного слова, во уваженіи видно томъ, что о немъ заговорю, но я такъ же ниоднимъ словомъ къ нему не отзивался; а между тѣмъ съ разныхъ сторонъ слыхалъ, что сіе наше дѣло, въ предосужденіе мнѣ, самимъ несправедливымъ и безъчестнымъ оглашаемо было. Смѣялся я и презиралъ всѣ таковыя разглашенія, не будучи въ совѣсти моей изобличаемъ чтобъ я по человѣколюбію, по свойству, по бѣдъности и по прозбѣ вашей, вошедши въ ваше дѣло, сдѣлалъ тѣмъ какій либо поступокъ честности и справедливости противный. Но какое мое было обрадованіе, когда услышалъ я, что гпда Завадовскіе, признавъ видно сіе наше дѣло небезъчестнимъ и несправедливимъ, сами во оное входятъ и стараются васъ мирить съ гпдами Корсаками, двоекратно васъ къ себѣ при-

[1]) Сынъ новгородсѣверскаго сотника Василія Христачевскаго, владѣлецъ части с. Кременидовки.

глашая. Но какъ судъ и миръ по сему дѣлу, записью вашею, поручилы вы мнѣ, такъ похваляю вашу честность и постоянство, что вы безъ меня на то не согласились и отъ обовязательства вашего не отступили, чего отъ васъ и въпредъ ни подъ какимъ видомъ не надѣюсь, ибо пускай кто хочетъ васъ увѣряетъ, что бы безъ меня въ какія нибудь здѣлки, презрѣвъ первую вашу запись, войти можете, то законы все инное скажутъ и васъ никто, такъ какъ и меня, отъ взаимныхъ обовязателствъ отвести и оныя уничтожить не можетъ; а какъ я ничего съ моей стороны противнаго моимъ обязателствамъ не дѣлалъ, такъ надѣюсь, что вы своимъ тоже ничего противнаго не сдѣлаете. Я слыхалъ, что вы, при послѣднемъ васъ приглашеніи, требовали, чтобъ миръ сей утвержденъ былъ отдачею половини вашихъ имѣній, на таковый миръ и я бы въмѣстѣ съ вами согласился, но слышу, что хотятъ оный купить денгами; хорошо бъ взять и денги да такія, которыхъ имѣніе наше стоитъ, а я цѣню оное во сто двадцять тысячъ; пускай сію цѣну дадутъ, такъ можно будетъ и на денги согласиться. Однако все сіе должно дѣлать съ общаго вашего со мною согласія; естьли жъ хотятъ сіе ваше имѣніе достать..... такъ какъ у насъ говорятъ гроши, то мнѣ кажется, что не будетъ противно и совѣсти, и чести, чтобъ употреблять бѣдность и безъсиліе ваше себѣ въ ползу; сверхъ сего, имѣнія сего, хотя бы вы оное получили, никому вы продать не можете кромѣ меня и естьли вамъ денги, а не имѣніе надобны, то я иду съ мирящими и мирящимися въ . . . . . [1]) и надъ всякую цѣну, которую оны вамъ давать станутъ, даю шесть тисячъ рублей, тоесть естьли оны вамъ давать (?) будутъ 30000, я дамъ 36000 рублей, естьли 40000, я дамъ 46000 рублей и такъ далѣ. При всемъ томъ я твердо надѣюсь, что вы лучше захочете взять имѣнія нежели денги, которихъ надѣюсь на Бога и на правосудіе, никто у насъ не отсудитъ. Въпротчемъ пребываю съ истиннимъ къ вамъ усердіемъ и почтеніемъ вашъ, милостивыхъ государей моихъ, покорный слуга Григорій Полетика.

---

[1]) Вирвана часть письма.

P. S. Естьли вы, милостивые государи, братци, возмете во уваженіе и разсудите хорошо сіи четири пункта вашей, данной мнѣ записи, то я надѣюсь, что никакія обнадеживанія и ухищренія не склонятъ васъ къ соглашенію съ кѣмъ бы то ни было, безъ моего согласія. 1) Вы мнѣ поручили судиться и мириться по дѣлу вашему съ Корсаками, слѣдовательно вы ни того, ни другаго безъ меня учинить не можете; 2) въ имѣніи вашемъ я такій же участникъ, какъ и вы, до четвертой части, почему есть ли бы вы и могли за свои части мириться, то за мою уже не имѣвъ отъ меня полномочія, никакъ мириться не можете, а гпда ваши миротворци, уповаю, васъ за все помирить хотятъ. 3) Что вы имѣнія вашего, поручивъ мнѣ оное къ дохожденію, а слѣдовательно и не имѣя онаго въ рукахъ, никому онаго продать не можете, но хотя бы вы и въ свои руки получили, въ силу вашей записѣ, никому кромѣ меня, продать не можете. 4) Я думаю мириться съ вами хотятъ не токмо за недвижимое, но и за движимое имѣніе, а вы знаете, что движимаго половину вы мнѣ уступили, и такъ за мою половину можете ли вы мириться? Еще прибавлю и 5) пунктъ: есть ли вы загляднете въ запись и увидите, какими заруками [1]) вы обязались, естли въ чемъ противъ записи своей со мною поступите, то и сіе уповаю предъхранитъ васъ отъ всякихъ противъ меня съ другими соглашеній, но я болше на честность, на постоянство, на свойство и дружбу вашу ко мнѣ, нежели на все сіе, надѣюсь. А впротчемъ, изволте быть увѣрены, что дѣло наше своитъ на хорошемъ весма основаніи и въ правости оного никого я не боюсь. (*Съ копіи*).

[1]) Неустойками.

Отрывки изъ записокъ Автонома Акимовича Солтановскаго.[1)]

Въ содовскіе лѣса около Луцка проникла откуда то небольшая банда. 20 крестьянъ и 5 солдатъ, обходя лѣсъ, случайно открыли ее. Повстанцы иные спали, а другіе варили кашу. Замѣтивъ крестьянъ и солдатъ, кашевары подняли крикъ. Повстанцы, съ просонья побросавъ оружіе, стали удирать въ кусты. Испуганные крикомъ крестьяне и солдаты бросились въ другую сторону въ разсыпную. Унтеръ-офицеръ, приблизившись къ бандѣ, сдѣлалъ выстрѣлъ! На тревогу прискакали казаки и явилась рота пѣхоты. Унтеръ говоритъ, что разбилъ большую банду, но преслѣдовать ее съ горстью людей очень неблагоразумно. Отрядъ нашелъ костры, повозки и оружіе и, обыскавши лѣса, захватилъ 120 безоружныхъ повстанцевъ.

---

5 августа. Сегодня изъ Ровно посланы въ Цумань казаки, гдѣ появилась какая то банда, пытавшаяся собирать съ крестьянъ на народову справу по 60 коп. съ души. Говорятъ, что это не военная банда, а кинжальщики.

Гдѣ-то около Ивангородской крѣпости разбитъ русскій отрядъ, состоявшій изъ роты саперъ и роты гарнизона, каза-

---

[1)] См. Кіевск. Стар, 1883 г., № 3.

ковъ и пушки. Отрядъ изъ крѣпости провожалъ арестантовъ и денежный ящикъ. Поляками офицерами извѣщена была большая повстанская банда. Отрядъ двигался безъ предосторожностей и разъѣздовъ. Вступивъ въ небольшой лѣсокъ, расположенный на холмѣ, отрядъ былъ осыпанъ пулями и мгновенно окруженъ. Пробилось весьма немного и то раненныхъ. Арестанты дрались вмѣстѣ съ солдатами противъ поляковъ. Казна и пушки перешли къ полякамъ.

Виленскій предводитель дворянства Домейко, который представилъ адресъ за подписью 235 помѣщиковъ, изъявившихъ вѣрноподданническія чувства и просившихъ помиловать ихъ, подвергся нападенію кинжальщика въ собственномъ кабинетѣ и раненъ кинжаломъ.

Черезъ Ровно и ведутъ, и везутъ инсургентовъ: все молодые паны въ черкескахъ, свиткахъ и великолѣпныхъ штыфляхъ.

---

30 августа. Сегодня въ церкви читалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ Даніилъ Клюковскій, ровенскій протоіерей; послѣ прочета манифеста онъ произнесъ крестьянамъ слово, въ которомъ прежній бытъ крестьянъ сравнилъ съ египетскимъ рабствомъ, а государя освободителя Александра II назвалъ вторымъ Мойсеемъ. У васъ теперь нѣтъ пановъ! Теперь вы сами паны! заключилъ онъ свое слово.

Кокошкинъ, сотрудникъ газеты „День“, сегодня посѣщалъ гимназію и осматривалъ фундаментальную и ученическую библіотеки. Его сопровождали директоръ и инспекторъ. Исправникъ весьма ухаживаетъ за Кокошкинымъ: пригласилъ его на обѣдъ и возитъ на прогулку въ Шпановъ.

Арестованъ въ Житомірѣ нѣкій Др—кій. Это молодой человѣкъ, помѣщикъ подольской губерніи и кандидатъ въ миро-

вые посредники. Его арестовалъ на 5-й верстѣ отъ Житомира частный приставъ, который слѣдилъ за нимъ еще въ Житомирѣ. Изъ документовъ, найденныхъ у Др—каго, выяснилось, что купцы, евреи бердичевскіе и кіевскіе, взялись перевезти изъ Одессы въ три югозападныя губерніи порохъ и оружіе и внесли революціонному комитету залогъ, равняющійся стоимости товара; что одинъ бердичевскій банкиръ состоитъ главнымъ агентомъ комитета; что даже въ штабѣ генералъ-губернатора устроено агентство, которое извѣщаетъ революціонный комитетъ о всѣхъ распоряженіяхъ власти и движеніи войскъ; что въ Кіевѣ существуетъ лабораторная школа для обученія учениковъ и студентовъ поляковъ приготовлять порохъ и оружья; устраиваются почты, команды жандармовъ вѣшателей, на которыя возлагается повсемѣстный принудительный сборъ денегъ въ пользу возстанія и истребленія лицъ, мѣшающихъ возстанію, и наконецъ, что всѣ поляки, занимающіе разныя должности на государственной службѣ, принесли присягу агентамъ революціоннаго комитета всѣми мѣрами содѣйствовать успѣху революціи.

Родной братъ управляющаго акцизными сборами Р—ъ, служившій совѣтникомъ при Радзивиловской таможнѣ, арестованъ и преданъ суду. Во время сраженія въ Радзивиловѣ жена его стрѣляла изъ окна въ проходившихъ казаковъ и убила казака и одну лошадь. Ее и мужа арестовали; но по ходатайству графа Эстергази генералъ Семякинъ нашелъ возможнымъ ихъ освободить. Впрочемъ, кѣмъ то изъ служащихъ при таможнѣ сдѣланъ былъ на Р—а доносъ. При обыскѣ у него нашли много компрометирующихъ бумагъ, и выяснилось, что черезъ него повстанцы сносились съ Галиціей. Его, наконецъ, предали суду, уволивъ отъ должности.

15 сентября. Поляки распустили слухъ, что въ городѣ Луцкѣ было сраженье. Слухъ оказался ложнымъ. Онъ былъ, кажется, распущенъ, чтобы помѣшать пріѣзду Анненкова на ревизію. Анненкова ожидаютъ завтра. Квартира для него отве-

дена въ помѣщеніи директора гимназіи. Анненковъ въ Ровно будетъ смотрѣть войска.

На другой день съ утра было пасмурно, а потомъ показалось солнце. Въ 2 часа объявленъ пріѣздъ Анненкова. У крыльца поставили двѣ караульныя будки. Улицу посыпали бѣлымъ песочкомъ. Собрались всѣ власти, и пріѣхалъ генералъ Іорданъ. Все это съ 2-хъ часовъ расхаживало по улицѣ около дома, скучало, курило папиросы или сидѣло въ пріемной. Исправникъ уѣхалъ на встрѣчу; его помощникъ караулилъ на дрожкахъ на заставѣ. За нѣсколько верстъ отъ города разставлены были махальные казаки на лошадяхъ. Стало темнѣть, а генералъ-губернаторъ не пріѣзжалъ. Послышались предположенія: не попалъ ли онъ въ руки какой нибудь банды. Зажгли свѣчи. Въ 8 часовъ прискакалъ жандармъ и сообщилъ, что если къ 9 часамъ не пріѣдетъ Анненковъ, то власти могутъ разойтись, за исключеніемъ военныхъ и полиціи. Въ $9^1/_2$ часовъ пріѣхалъ чиновникъ Анненкова, а въ 11 часовъ явился самъ онъ. Съ ранняго утра квартальный и десятскіе ходили по улицѣ, удаляя все, что могло мѣшать сну Анненкова: прогоняли коровъ, свиней, куръ, гусей, и не позволяли ѣздить по улицѣ. Въ 8 часовъ утра стали отворять ставни. Въ 9—Анненковъ вышелъ на улицу съ папиросой и прошелъ къ гимназическому зданію. Обошелъ его кругомъ въ сопровожденіи инспектора. Затѣмъ представлялись ему начальственныя лица. Въ распоряженіе Анненкова князь Любомирскій прислалъ свой фаэтонъ въ національной краковской упряжи и три верховыя лошади. Изъ клеванскаго имѣнія, принадлежащаго князю Чарторыйскому, явились крестьяне съ жалобою на управляющаго М—скаго, съ которымъ исправникъ въ отличныхъ отношеніяхъ. Онъ сейчасъ распорядился мужиковъ упрятать въ кутузку, а евреевъ, явившихся къ Анненкову съ разными прошеніями, приказалъ отгонять прочь. Вотъ подъѣхалъ къ крыльцу фаэтонъ, выскочили впередъ на лошадяхъ два казака, отворились въ фаэтонѣ дверцы, и Анненковъ уѣхалъ на смотръ. Уѣзжая, Анненковъ обѣщалъ директору, что прямо со смотра пріѣдетъ въ гимназію. Директоръ все время въ мундирѣ кара-

улилъ его въ гимназическихъ воротахъ. Около директорской квартиры поставленъ былъ караулить пріѣздъ Анненкова надзиратель, а далѣе около квартиры исправника гимназическій сторожъ. Въ часъ стали возвращаться со смотра роты. Въ 2 часа кончились въ гимназіи занятія, но учениковъ удержали въ классахъ. Анненковъ поѣхалъ со смотра въ лазаретъ, тюрьму, а затѣмъ на завтракъ къ князю Любомирскому. Въ три часа примчался помощникъ исправника, затѣмъ самъ исправникъ съ инвалиднымъ начальникомъ, и наконецъ показался фаэтонъ съ Анненковымъ. Казаки впереди и фаэтонъ неслись стрѣлою. Анненковъ приказалъ собрать въ гимназическій залъ и учителей, и учениковъ.

Не обративъ вниманія на общій поклонъ учителей, Анненковъ направился къ ученикамъ. „Здравствуйте“! сказалъ онъ. „Здравія желаемъ ваше высокопревосходительство“, отвѣчали ученики. „Вы должны цѣнить милости правительства, которое на ваше образованіе тратитъ много денегъ“, продолжалъ Анненковъ. „Вы должны дѣлать свое дѣло—учиться. Ваше доброе поведеніе будетъ оцѣнено правительствомъ. Безъ ученія нельзя быть полезнымъ ни правительству, ни себѣ, ни обществу, ни семейству. Патріотизмъ выкиньте изъ головы. Нѣкоторые патріоты бунтовали. Бунтовать противъ правительства все равно, что сражаться съ вѣтряными мельницами. Кто не будетъ исполнять своихъ обязанностей, того, какъ дурную траву, вонъ съ корнемъ“! и обратившись къ директору прибавилъ: „безъ послабленія“! Затѣмъ повернулся и пошелъ къ выходу, но остановившись, сказалъ, обращаясь къ ученикамъ: „не пеняйте, что задержалъ васъ лишнее время“! Учителя опять отвѣсили поклонъ, на который Анненковъ опять не обратилъ вниманія, и вышелъ. По полутемной лѣстницѣ онъ пробрался въ физическій кабинетъ, а затѣмъ въ библіотеку: „Книгъ достаточно! а хорошъ ли выборъ?“ Директоръ похвалилъ.

Директоръ удивленъ небрежностью, съ которою Анненковъ обошелся съ учителями, и думаетъ, что причиною рекомендація княгини Любомирской, недовольной тѣмъ, что ея дру-

зей, учителей поляковъ, замѣняютъ русскими. Пообѣдавъ у князя Любомирскаго, Анненковъ уѣхалъ вечеромъ въ Дубно.

Поляки о самыхъ секретныхъ распоряженіяхъ власти знаютъ скорѣе, чѣмъ тѣ лица, которыя эти распоряженія должны приводить въ исполненіе. Такъ, помощникъ исправника шелъ изъ полиціи на обѣдъ и повстрѣчался съ полякомъ, подсудкомъ К—скимъ. „Что у васъ новаго?"—спросилъ послѣдній. „Ничего!"—отвѣчалъ тотъ. „А развѣ вы не получили еще распоряженія объ уменьшеніи контрибуціи съ 10 на 6 процентовъ, и что время взысканія продолжено на 3 недѣли". Дѣйствительно, такое распоряженіе было получено, но только спустя недѣлю. Эта милость была слѣдствіемъ ухаживаній за Анненковымъ старикомъ польскихъ пановъ и пань.

17 сентября. Военный начальникъ города Ровно маіоръ В—скій получилъ отъ революціоннаго комитета предписаніе выйти въ отставку. Онъ полякъ. Не знаю, что онъ сдѣлалъ съ этимъ предписаніемъ—представилъ ли его своему начальству или не представилъ, знаю только, что онъ обращался къ доктору поляку съ просьбою написать въ комитетѣ, что у него 3 сына на содержаніи правительства въ кадетскомъ корпусѣ и, сверхъ того, дома куча дѣтей. Впрочемъ онъ готовъ повиноваться комитету, если послѣдній вполнѣ обезпечитъ его семейство. Докторъ отвѣчалъ, что онъ никакого комитета не знаетъ и сношеній съ нимъ не имѣетъ. Говорятъ, будто въ Житомірѣ въ высокоторжественный день у губернатора Друцкаго во время оффиціальнаго обѣда, послѣ тоста за государя, русскіе чиновники предложили тостъ за Муравьева и послали ему телеграмму. Друцкой предложилъ тостъ за Анненкова; поляки охотно выпили; но между русскими послышалось: „не стоитъ; Анненковъ заботился не о русскихъ интересахъ!"—„Онъ *теперь* заботится!"—сказалъ будто Друцкой. Обо всемъ этомъ поляки сейчасъ довели до свѣдѣнья Анненкова. Теперь, проѣзжая черезъ Житоміръ и принимая русскихъ чиновниковъ, онъ всѣхъ распушилъ, а нѣкоторымъ предложилъ убираться вонъ. „Мнѣ съ такими служить неудобно"! объявилъ имъ.

Изъ 2-го этажа съ балкона дома графа Замойскаго брошена была въ экипажъ намѣстника Берга орсиньевская бомба. Экипажъ пробитъ въ 17 мѣстахъ; убито среди черкескаго конвоя 2 лошади и одинъ черкесъ; намѣстникъ и его адъютантъ уцѣлѣли. Домъ Замойскаго навсегда конфискованъ въ военное вѣдомство. Виновники покушенія скрылись.

Пришелъ въ Ровно кременчугскій пѣхотный полкъ; направляется въ Люблинъ. Это уже третій пѣхотный полкъ идетъ въ царство черезъ Люблинъ.

Разсказываютъ, будто дочь русскаго генерала П., получившая воспитаніе въ варшавскомъ институтѣ, вступила въ банду и состоитъ адъютантомъ при одномъ изъ предводителей.

Польскій революціонный комитетъ въ особой прокламаціи объявилъ всѣхъ русскихъ офицеровъ, дѣйствующихъ въ царствѣ, сѣверо-и югозападномъ краѣ, состоящими внѣ закона и въ случаѣ плѣна подлежащими повѣшенію.

Октябрь 1863 года. Маіоръ В—скій говорилъ ученикамъ, будто западныя державы уже объявили войну Россіи. Это разнеслось по городу. Исправникъ по этому поводу имѣлъ какое то объясненіе съ В—скимъ.

Евреи говорятъ, что около Томашполя граница совсѣмъ открыта, и везутъ оттуда безпошлинно всякіе товары. Въ Каменцѣ ученики побили надзирателя гимназіи и инспектора. Въ подольской губерніи организовалось польское тайное правительство, и начальникъ города Каменца за своею псевдонимною подписью и печатью съ бѣлымъ одноглавымъ орломъ прибилъ ночью на столбахъ и стѣнахъ объявленія, чтобы никто не смѣлъ покупать имущества помѣщиковъ, которыя будутъ продаваться съ аукціона за невзносъ контрибуціи.

Въ Европейской гостинницѣ въ Варшавѣ кинжальщики закололи какого то доктора Германа. Гостинница конфискована.

въ военное вѣдомство. Военный отрядъ сопровождаетъ пинскую почту отъ Ровно до Колокъ. Оставшіеся учителя поляки еще настолько сильны по составу, что въ совѣтѣ рѣшаютъ принятіе обратно въ гимназію учениковъ, завѣдомо выбывшихъ для поступленія въ банды или побывавшихъ уже въ бандахъ.

1 Ноября. Поляки по случаю праздника всѣхъ святыхъ толпятся въ гимназической каплицѣ. Не смотря на крики исправника, все еще облечено въ трауръ. Поляки проповѣдуютъ, будто въ Пруссіи возстаніе и будто французскія войска уже на Рейнѣ. Говорятъ также, будто вторгшаяся изъ Галиціи банда дралась на прошлой недѣлѣ подъ Порѣцкомъ.

Въ сегодняшнемъ 238 № С.-Петербургскихъ Вѣдомостей напечатана тронная рѣчь Наполеона III. Не обѣщаетъ она покою. Наполеонъ хочетъ помочь Польшѣ путемъ обще-европейскаго конгресса, гдѣ бы обсуждены были всѣ требующія перемѣнъ дѣла; если же конгрессъ не состоится—тогда война.

Помѣщикъ Кондаковскій, возвратившись изъ люблинской губерніи, разсказывалъ у учителя Скальскаго, что по дорогѣ въ лѣсахъ встрѣчалъ банды польскихъ уланъ, драгунъ и косиньеровъ. Гдѣ русскихъ войскъ нѣтъ,—тамъ царитъ ржондъ. Вездѣ по дорогамъ виднѣются черные кресты съ терновыми вѣнками. Въ радзивиловской таможнѣ поляки потеряли мѣста.

Пріѣхалъ изъ Берлина прусскій подданный князь Радзивиллъ и былъ вчера у исправника. Онъ говорилъ, что за границей общее убѣжденіе въ неизбѣжности весною большой войны. На таможнѣ арестовали его багажъ и бумаги и отправили въ Кіевъ. Въ каменецкой гимназіи исключенъ съ оповѣщеніемъ одинъ ученикъ, а во 2-ой кіевской—11-ть, въ томъ числѣ 5 учениковъ VII класса. Когда Ружицкій проникъ изъ Галиціи до Теофильполя, онъ оставилъ на попеченіи доктора Гартмана и аптекаря Гласки троихъ раненыхъ богатыхъ галиційскихъ паничей. Теофильпольскій становой приставъ, полякъ Л—цкій, посѣщалъ раненыхъ и ничего не доносилъ начальству. Но вотъ онъ получилъ предписаніе по выздоровленіи немедленно аре-

стовать раненыхъ. Становой, захвативъ какія возможно было казенныя деньги, арестовалъ раненыхъ и увезъ ихъ прямо въ Галицію.

Какой-то молодой галиційскій графъ, крѣпко раненый въ радзивиловской битвѣ, посаженъ въ тюремную больницу. Его нашли на мѣстѣ битвы безъ чувствъ и совершенно обобраннымъ. Предводитель дворянства кременецкаго уѣзда Могильницкій прислалъ ему дюжину тонкихъ рубахъ. Графчикъ не принялъ подарка, говоря, что онъ привыкъ носить только шелковыя рубахи, а нѣтъ шелковыхъ, такъ лучше безъ рубахи.

22 Ноября вечеромъ пріѣхалъ на ревизію попечитель округа Федоръ Федоровичъ Витте.

23 Ноября. Еще ночью бѣгалъ по учителямъ гимназическій сторожъ и передавалъ приказаніе въ $7^1/_2$ часовъ въ полной мундирной формѣ быть въ инспекторской. Въ 8 часовъ явился въ инспекторскую со звѣздою на груди Витте. Директоръ представлялъ учителей, и каждому Витте старался сказать какую нибудь любезность. Учителю польскаго языка Гродецкому сказалъ, что въ Государственномъ Совѣтѣ теперь обсуждаютъ упраздненіе польскаго языка въ гимназіяхъ, но что онъ, Витте, постарается дать Гродецкому другое мѣсто. Учителю словесности Солтановскому сказалъ, что изъ ровенской гимназіи получается въ Округѣ много хорошихъ сочиненій ученическихъ. Учителю законовѣдѣнія Невгадову—что этотъ предметъ тоже будетъ упраздненъ въ гимназіяхъ, и учитель получитъ другое мѣсто; при этомъ Витте прибавилъ, что самъ онъ докторъ законовѣдѣнія. Протоіерея Клюковскаго просилъ пораньше завтра служить обѣдню и отслужить молебствіе за успѣшный объѣздъ округа. Затѣмъ предложилъ учителямъ переодѣться въ вицмундиры, которые они принесли съ собою въ платкахъ, согласно предварительному указанію. Прежде всего Витте былъ у старика Епифановича на латинскомъ языкѣ въ VII классѣ и остался очень доволенъ. Старикъ Епифановичъ, который еще не совсѣмъ оправился отъ недавней простудной болѣзни и всегда привыкъ тепло одѣваться, пробывши нѣсколько

часовъ въ вицмундирѣ въ холодной классной и корридорной атмосферѣ, сейчасъ послѣ уроковъ серьезно заболѣлъ. Доктора Богуцкій и Ляндсбергъ уже были у него на консиліумѣ. Затѣмъ Витте посѣтилъ урокъ физики Лапицкаго, который былъ заранѣе отрекомендованъ Витте директоромъ 2-й кіевской гимназіи Вилуевымъ, съ которымъ Лапицкій служилъ въ Бѣлой-Церкви. Вилуевъ же—товарищъ Витте по педагогическому институту. По окончаніи урока, Витте, обращаясь къ ученикамъ сказалъ: „Г. Лапицкій своимъ преподаваніемъ дѣлаетъ честь ровенской гимназіи. Вамъ можно позавидовать, что у васъ такой учитель"! Дѣйствительно, Лапицкій отличный учитель и весьма способный человѣкъ, но крайній нигилистъ. Лапицкій блондинъ, высокаго роста, съ голубыми глазами и богатырски сложенъ. Витте посѣтилъ еще уроки: словесности, законовѣдѣнія, естественныхъ наукъ и польскаго языка. Послѣ уроковъ осматривалъ двѣ ученическія квартиры: Сушинской и Корженевской. Осматривалъ еще одну учительскую квартиру въ зданіи оранжереи, гдѣ предполагается устроить православную церковь. Церковь и до сихъ поръ (1885 г.) не устроена.

24 ноября. Витте былъ въ церкви на богослуженіи, посѣтилъ еврейское училище и ѣздилъ въ Шпановъ для ревизіи приходскаго училища. Обѣдалъ у исправника. На обѣдѣ были: какой-то офицеръ, назначенный мировымъ посредникомъ, бывшій мировой посредникъ, помѣщикъ Яновицкій, Дворжанскій, директоръ, инспекторъ и учитель Лапицкій. Дворжанскій завелъ разговоръ объ освобожденіи крестьянъ и считалъ его обременительнымъ для помѣщиковъ и вреднымъ для самихъ крестьянъ. Лапицкій горячился, доказывалъ противное. Витте говорилъ въ примирительномъ духѣ.

25 ноября. Попечитель не былъ въ гимназіи: у него нарывъ на щекѣ. Изъ Каменца депеша, требующая безотлагательнаго пріѣзда попечителя. Разсказываютъ, что уволенный учитель польскаго языка Коперницкій собралъ въ гимназію въ торжественный залъ всѣхъ учениковъ и сказалъ имъ такую патріотическую прощальную рѣчь, что на другой день, когда надзиратель предложилъ ученикамъ разойтись по классамъ и

не толпиться въ корридорѣ, ученикъ V класса ударилъ его 2 раза по лицу. Инспекторъ хотѣлъ арестовать ученика; но его выгнали ученики изъ класса. Послали за полиціймейстеромъ. Между тѣмъ въ гимназіи ученики стали буянить до крайности. Рѣшили убить надзирателя. Въ его квартирѣ переломали всю мебель. Искали его въ учительскихъ квартирахъ.

По требованію шефа жандармовъ Долгорукаго, попечитель уволилъ учителей кіевскихъ гимназій: Малерба, Шумовскаго, Рупневскаго и Козловскаго. Рупневскій и Козловской сверхъ того назначены въ приходскія училища въ Малороссію. Между учениками 2-й гимназіи распространился слухъ, будто эти увольненія состоялись по доносу директора 2-й гимназіи Вилуева. Они стали кричать въ корридорѣ и требовали Вилуева. Когда явился Вилуевъ, въ него пущены были книги и сапоги.

28 ноября. Попечитель былъ все утро на урокахъ въ гимназіи. Вечеромъ въ квартирѣ директора—засѣданіе подъ предсѣдательствомъ попечителя. Потомъ чай. Попечитель благодарилъ директора, учителей: Лапицкаго, Епифановича, Солтановскаго, Тышецкаго. Полякамъ учителямъ запретилъ въ гимназіи говорить съ учениками по-польски. Требовалъ, чтобъ всѣ безъ исключенія учителя содѣйствовали директору въ поддержаніи порядка въ гимназіи. Къ 1865 г. обѣщалъ прибавку къ жалованью До засѣданія былъ у князя Любомирскаго и завтра у него обѣдаетъ.

29 ноября. На 3-мъ урокѣ попечитель распрощался съ учителями и учениками, и, согласно просьбѣ учениковъ 7 класса, позволилъ у нихъ прекратить уроки съ 15 Марта, дабы они могли приготовиться къ окончательному испытанію.

7 декабря. Въ домѣ покойнаго мироваго посредника—помѣщика Калиновскаго, въ сараѣ, въ шкафу случайно открыли большой складъ золотыхъ грамотъ, которыя распространялись мировыми посредниками.

11 декабря. Ученикъ VI класса Б., квартировавшій у учителя В—а, женатаго на дочери польскаго эмигранта, отпросился домой въ кременецкій уѣздъ, а оттуда съ братомъ, тоже

бывшимъ ученикомъ VI класса, ушелъ въ Австрію къ инсургентамъ. В.—лютеранинъ, уроженецъ остзейскихъ губерній, воспитывался въ педагогическомъ институтѣ. Онъ былъ уже прикосновенъ къ дѣлу, о раздачѣ въ костелѣ запрещенныхъ гимновъ во время панихиды по убитымъ въ Варшавѣ.

1864 годъ.

4 января. Арестовано много помѣщиковъ острогскаго, староконстантиновскаго и кременецкаго уѣздовъ. Нѣкоторые арестованы за распростаненіе фальшивыхъ ассигнацій.

Ксендзы запрещаютъ католичкамъ браки съ православными, а тѣмъ, которыя уже замужемъ, толкуютъ, что такого рода бракъ недѣйствительный, что онѣ не въ брачномъ союзѣ, а въ простомъ сожительствѣ, а измѣнять сожителю, мѣнять сожителей не грѣхъ, особенно если сожитель схизматикъ, врагъ католицизма и короны. Недавно, исповѣдывая жену одного чиновника, клеванскій прелатъ утверждалъ ее въ этихъ мысляхъ и лишилъ причастія. Мужъ жаловался. Прелатъ объяснилъ, что она налгала на него за лишеніе ея Евхаристіи, а лишена она за то, что призналась ему въ крайне развратной жизни: имѣла десятки любовниковъ.

31 января. Пришло распоряженіе около почтовой конторы ставить на ночь караулъ, почту денежную сопровождать конвою, осматривать проѣзжающихъ и вообще принять всевозможныя мѣры предосторожности. На дняхъ исправникъ съ офицеромъ, козаками и понятыми обыскивали костелы въ Клевани и Тайкурахъ, но ничего не нашли. Сегодня на подводахъ куда-то повезли роту пѣхоты и поѣхалъ самъ исправникъ.

6 февраля. Послѣ обѣда исправникъ, военный начальникъ, рота пѣхоты и масса крестьянъ съ заступами и топорами оцѣпили весь гимназическій дворъ. Произвели обыскъ на чердакахъ, въ библіотекѣ, въ кабинетахъ, въ классныхъ комнатахъ,

лазили на печки. Конечно, ничего не нашли въ зданіи, гдѣ администрація русская, а служителя — отставные русскіе солдаты.

Обыскъ въ гимназіи произведенъ по слѣдующему случаю. Командиръ своднаго баталіона, квартирующаго въ Корцѣ, полковникъ Мясоѣдовъ увѣдомилъ эсаула Гроховскаго, квартирующаго въ Ровно, что по секретнымъ слухамъ ему сдѣлалось извѣстнымъ, что въ г. Ровно въ дворянской школѣ хранятся боевые припасы. Командиръ предлагалъ Гроховскому объявить объ этомъ военному начальнику Ѳедорову, секретно развѣдывать и, если слухи окажутся вѣрными, то немедленно приступить къ военно-полицейскому обыску. Какъ только Гроховскій сообщилъ Ѳедорову письмо Мясоѣдова, то этотъ маіоръ сейчасъ собралъ 20 козаковъ, 80 человѣкъ пѣхоты, и явился въ 11 час. утра къ исправнику, требуя немедленно произвести обыскъ. Домскій, помощникъ исправника, едва успѣлъ убѣдить Ѳедорова подождать окончанія уроковъ. Козаковъ и пѣхоту спрятали во дворѣ исправника, и какъ только ученики стали выходить изъ гимназіи, сейчасъ оцѣпили весь кварталъ, гдѣ находится гимназическое зданіе, и начали обыскъ. Такъ какъ директоръ и учителя дѣлали все возможное, что-бы противиться мятежному теченію въ гимназіи, то поляки посредствомъ жидовъ факторовъ въ отместку устроили русскимъ этотъ скандалъ. Ѳедоровъ при обыскѣ грубилъ заступающему мѣсто директора, инспектору Коленку, и русскимъ учителямъ. Донесено объ этомъ Генералъ-Губернатору и Попечителю. Дѣйствительно, при прежнихъ капелланахъ носились слухи, что въ гимназической каплицѣ гдѣ-то прячутъ разные документы и даже оружіе. Но тогда власти не обратили своевременно на это вниманіе, да и теперь почему-то, роясь въ песочницахъ въ классныхъ комнатахъ, оставили безъ обыска каплицу, стоящую отдѣльно среди вѣковыхъ липъ на гимназическомъ дворѣ.

Говорятъ, что начальникъ кинжальщиковъ, молодой помѣщикъ Б., встрѣтивъ на улицѣ въ Дубно судью Голубовскаго,

старика хромого лѣтъ 70-ти, сбросилъ ему палкою съ головы шапку, и когда Голубовскій нагнулся поднимать шапку, онъ топорикомъ разсѣкъ ему пополамъ черепъ. Б. схваченъ и преданъ военному суду. Голубовскій, состоя предсѣдателемъ коммиссіи въ Дубно для разбора дѣлъ по разнаго рода манифестаціямъ, безпощадно приговаривалъ обвиняемыхъ къ тюрьмѣ и огромнымъ денежнымъ штрафамъ. За это его и приговорилъ ржондъ къ смерти.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Раскопки на Княжей Горѣ въ 1892 г.

Систематическія раскопки городища на Княжей горѣ, начатыя въ 1891 г., продолжались и все лѣто 1892 г. Въ первый годъ раскопокъ была изслѣдована верхняя часть городища, а неизслѣдованными оставались бока горы; въ 1892 г. послѣдовательными траншеями пройдена вся юго-восточная сторона и часть сѣверо-западной. Сосредоточены раскопки были на юго-восточной сторонѣ, главнымъ образомъ потому, что въ прошлый годъ сторона эта оказалась найболѣе богатой находками, да къ тому же, въ виду сравнительно меньшей крутизны ската, производить раскопки здѣсь было удобнѣе.

Съ юго-восточной стороны раскопки начались сейчасъ же внизу вала и доведены до самаго обрыва къ Днѣпру. Культурный слой залегалъ здѣсь неравномѣрно: ближе къ вершинѣ горы онъ былъ толще (1—2 метра), спускаясь внизъ по склону горы, онъ становился все мельче и мельче, наконецъ совсѣмъ прекращался, такъ что въ нижнихъ частяхъ этого склона почву составлялъ песчаный суглинокъ, занимавшій на городищѣ положеніе подпочвы. Что касается того, какъ далеко внизъ, къ подошвѣ горы, распространялся культурный слой, то въ этомъ отношеніи особой правильности не замѣчалось: въ однихъ мѣстахъ слой спускался довольно низко, образуя нѣчто въ родѣ мысовъ, въ другихъ прекращался довольно скоро; если взять началомъ гребень горы, то отъ него культурный слой спускался внизъ въ среднемъ на 25—30 метровъ; только ближе къ обрыву на Днѣпръ, и особенно, у самого обрыва, слой залегалъ довольно низко, приблизительно метровъ на 50—60 отъ гребня, и имѣлъ значительную толщину даже въ самомъ низу. На сѣверо-западномъ склонѣ, гораздо болѣе крутомъ, чѣмъ юго-восточный, культурный слой залегалъ довольно равномѣрно, толщиной въ 1—2 метра, и въ проти-

воположность юго-восточному склону мощность его книзу увеличивалась; раскопками здѣсь пройдена въ длину приблизительно половина горы, въ ширину же, т. е. по направленію отъ вершины къ подошвѣ, площадь, занятая раскопками, имѣла 15—20 метровъ. Но этимъ протяженіемъ культурный слой не исчерпывался, онъ продолжался дальше и занималъ подошву горы, которая ближе къ валу городища имѣетъ видъ бугристой, покрытой многочисленными углубленіями, поверхности, отлого и неровно спускающейся къ обрывистому оврагу болѣе поздняго происхожденія; мѣстность эта раньше вспахивалась и во время вспахиванія, по разсказамъ крестьянъ, встрѣчались предметы, аналогичные съ находимыми на самомъ городищѣ; это подтвердили произведенныя здѣсь пробныя раскопки. Пробная траншея была также заложена и въ мѣстности, лежащей къ юго-западу отъ городища, за рвомъ, отдѣляющимъ это послѣднее отъ поля, и здѣсь найдены, хотя и не въ такомъ большомъ числѣ, разныя вещи, указывающія на то, что жизнь поселка распространялась, по крайней мѣрѣ въ мирное время, за предѣлы собственно городища.

Всѣ предметы, добытые раскопками 1892 г., распадаются, какъ и предметы изъ раскопокъ 1891 г., главнымъ образомъ, на двѣ группы, и относятся къ каменному вѣку и великокняжеской эпохѣ; кромѣ предметовъ этихъ двухъ подраздѣленій, на этотъ разъ найденъ, хотя лишь въ единственномъ числѣ, предметъ, несомнѣнно относящійся къ промежуточной эпохѣ, но о немъ ниже.

Въ виду того, что въ отчетѣ о раскопкахъ на Княжей горѣ 1891 г. [1]) было помѣщено подробное описаніе найденныхъ вещей и такъ какъ раскопки 1892 дали матеріалъ, служащій лишь дополненіемъ къ добытому въ первый годъ, то въ настоящемъ отчетѣ, избѣгая повтореній, я упомяну только о предметахъ, раньше не встрѣчавшихся, и приведу нѣсколько свѣдѣній объ общихъ результатахъ раскопокъ.

Издѣлія каменнаго вѣка найдены въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ 1891 г.; распадаются онѣ на кремневыя отбивныя, шлифованныя каменныя, костяныя и глиняныя. Самый многочисленный видъ кремневыхъ орудій составляютъ пилы; на этотъ разъ ихъ найдено 5; самый совершенный экземпляръ изъ нихъ—пила изъ сѣраго кремня, въ видѣ хорошо отдѣланной серповидной пластинки, выгнутый и, главнымъ образомъ, вогнутый край которой снабженъ

[1]) „Кіевск. Стар." 1892 г., январь.

неправильными, мелко отбитыми, зубьями; въ нѣсколькихъ мѣстахъ на зубьяхъ замѣтны слѣды полировки, образовавшейся вѣроятно отъ работы инструментомъ; къ сожалѣнію настоящій экземпляръ сломанъ и сохранилась только половина, имѣющая 9 стм. длины и $5^1/_2$ ширины при 8 мм. толщины въ самой толстой части. Другой экземпляръ, не такъ искусно отдѣланный благодаря дурному качеству кремня, найденъ вполнѣ цѣлымъ; одна сторона его такъ же, какъ и на предыдущемъ, выгнута и зазубрена, другая въ противоположность первому не вогнута, а прямая или скорѣе даже немного выгнута, представляетъ собою острый край, носящій признаки скребка, такъ что одна сторона даннаго орудія служила для пиленія, другая для сдиранія мяса и очистки кожъ; длина этого экземпляра $12^1/_2$ стм., ширина $4^1/_2$ стм.; онъ немного тоньше предыдущаго. 3 остальныя пилы имѣютъ видъ неправильной формы продолговатыхъ кусковъ кремня въ 9, 7 и 4 стм. длиной, у которыхъ одна изъ длинныхъ сторонъ представляетъ рядъ мелкихъ зубьевъ. Изъ кремневыхъ орудій найдено также нѣсколько разной формы скребковъ. Оружіе представлено однимъ наконечникомъ дротика и двумя наконечниками стрѣлъ; первый сдѣланъ изъ куска сѣраго кремня посредствомъ отбивки съ двухъ сторонъ, такимъ образомъ, что края и верхъ заострены, средина же и низъ представляютъ утолщеніе, верхъ и низъ закруглены, и весь наконечникъ имѣетъ вытянутую овальную форму; длина его $7^1/_2$ стм., ширина $2^1/_2$ и толщина 1 стм.; наконечники стрѣлъ очень миніатюрны—въ 2 и 4 стм. длиной, у одного нижній край имѣетъ выемку и два рожка по бокамъ, у другого рожки также есть, но вмѣсто выемки выдается стержень, который всаживался въ древко; приготовлены стрѣлочки очень изящно. Общее число кремневыхъ издѣлій, добытыхъ двухлѣтними раскопками, немногимъ превышаетъ 20 штукъ; такое небольшое количество этихъ предметовъ сравнительно съ общимъ числомъ предметовъ, относящихся къ каменному вѣку, можно объяснить усовершенствованіемъ техники въ обработкѣ другихъ матеріаловъ, изъ которыхъ доисторическій человѣкъ приготовлялъ себѣ орудія, именно, разныхъ породъ камня и кости, кремень же сохраняется для тѣхъ орудій, гдѣ раковистый изломъ его былъ наиболѣе пригоденъ,—такими и являются скребки и пилы. Что касается послѣднихъ, то такой большой процентъ ихъ среди другихъ кремневыхъ орудій указываетъ на потребность именно въ этомъ инструментѣ, служившемъ для обработки дерева, кости и по всей вѣроятности камня, что въ свою очередь говоритъ за распростра-

ненность орудій изъ этихъ послѣднихъ матеріаловъ и объясняетъ малочисленность кремневыхъ издѣлій. Отбойниковъ, служившихъ для приготовленія кремневыхъ орудій, найдено въ этомъ году четыре; всѣ они изъ песчаника, два имѣютъ форму сплюснутыхъ шаровъ въ 8 и 6 стм. діаметромъ, третій неправильнаго квадрата въ 6—7 стм. въ поперечникѣ и 2—3 стм. толщины съ однимъ краемъ болѣе тонкимъ,—эта сторона предназначалось для нанесенія ударовъ, четвертый въ видѣ продолговатаго квадратнаго столбика 8½ стм. длиной. Всѣхъ вообще шлифованныхъ каменныхъ орудій найдено до 70 шт. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ найденныхъ въ 1892 г. На первомъ мѣстѣ стоятъ топоры—молоты, всего ихъ найдено до 25 штукъ, и притомъ все половины или обломки. По формѣ ихъ можно подраздѣлить на три вида: первый составляютъ небольшіе молотки, съ расширеніемъ въ срединѣ и съуживающіеся къ острію и тылью; они всегда хорошо отшлифованы, изваяны вполнѣ симметрично и имѣютъ иногда изящную форму, которой способствуютъ нерѣдко помѣщаемыя украшенія въ видѣ полосокъ; они разной длины и ширины, но толщина ихъ остается всегда незначительной—2½—3½ стм.; у одного изъ найденныхъ молотковъ этого вида (тыльная половина) въ средней части, тамъ гдѣ дыра, по бокамъ сдѣланы два выступа въ видѣ выдающихся кружковъ, что придаетъ своеобразную форму молотку; ко второму виду относятся молотки гораздо массивнѣе первыхъ, сохраняя приблизительно ту-же длину, они шире и толще, именно—толщина ихъ въ срединѣ 4—6 стм., въ общемъ они далеко уступаютъ въ изяществѣ первымъ, за то болѣе удобны для работы; единственный представитель третьяго вида отличается отъ второго громадными размѣрами и удлиненнымъ, вытянутымъ остріемъ; молотъ сломанъ на дырѣ, сохранилась передняя часть, напоминающая формой утюгъ, длина сохранившейся части 18 стм., ширина 7½ стм. и толщина 6½ стм., діаметръ дыры 3½ стм. Къ единственному найденному цѣлымъ шлифованному орудію, именно найденной въ 1891 г. булавѣ, въ этомъ году присоединилась еще половина булавы своеобразной формы: по сторонамъ ея выступаютъ четыре выдающихся кружка, отверстіе булавы въ 6 стм. длиной сдѣлано въ два пріема. Изъ найденныхъ въ этомъ году пестовъ или зернодробилокъ, особенныхъ формъ, отличныхъ отъ описанныхъ въ первомъ отчетѣ, не оказалось; всѣхъ пестовъ (цѣлыхъ и сломанныхъ) 25 штукъ. Для шлифованія употреблялись камни двоякаго вида: одни—*на которыхъ* производилась шлифовка, другіе—*которыми* шлифовали; первыхъ

вида былъ найденъ одинъ камень, къ сожалѣнію разбитый рабочими, размѣры его весьма значительны—приблизительно 35 стм. длины, 20 ширины и 25 высоты; верхняя плоскость представляла ровную, шероховатую поверхность, о которую и производилась шлифовка изготовляемыхъ орудій; другой видъ небольшіе камни разной формы, ихъ брали въ руку и шлифовали; имѣютъ они одну или нѣсколько зашлифованныхъ плоскостей, приготовлены изъ песчаника или изъ твердыхъ породъ; въ одномъ случаѣ шлифовальнымъ камнемъ служитъ простой валунъ, на одной изъ сторонъ его видны слѣды шлифовки; всѣхъ такого рода камней найдено 6 На одномъ изъ топоровъ можно прослѣдить за процессомъ шлифовки: топоръ былъ приготовленъ вчернѣ, такъ что поверхность его не гладка, а шероховата, затѣмъ въ немъ продѣлана дыра, и послѣ этого приступили къ шлифовкѣ; уже была отшлифована нижняя часть, но тутъ молотокъ сломался и шлифовка брошена. На нѣкоторыхъ сломанныхъ топорахъ, въ мѣстѣ излома замѣчаются слѣды шлифовки, а у одного зашлифовано въ плоскость и остріе—быть можетъ такіе испорченные экземпляры служили для шлифовки другихъ орудій. Замѣтимъ кстати, что топоры ломались, главнымъ образомъ, вслѣдствіе неправильнаго сверленія—дыра продѣлывалась не на срединѣ топора, а немного всторону, отсюда происходило неравномѣрное распредѣленіе тяжести при ударѣ. Въ этомъ году найдено очень много костяныхъ орудій, распадающихся главнымъ образомъ на двѣ большія группы: острія и долота; первыхъ, считая съ прошлогодними,—100 штукъ; за немногими исключеніями сдѣланы онѣ изъ продольно расколотыхъ полыхъ костей, и притомъ самой разнообразной величины, только около 10 экземпляровъ приготовлены изъ цѣлой плотной кости съ сохраненіемъ даже у нѣкоторыхъ сочлененной головки, да около 5 штукъ изъ полой, но нерасколотой кости. Способъ приготовленія этихъ орудій очень простъ—посредствомъ тренія о камень заострялась верхняя часть костяныхъ обломковъ; характеръ собственно острія различенъ: большинство экземпляровъ заострены очень тонко, такъ что вполнѣ могли служить шилами, у меньшинства—заостреніе грубо и неправильно и кость у этихъ послѣднихъ обыкновенно длиннѣе и толще; долота, которыхъ найдено 17, сдѣланы изъ расколотыхъ толстыхъ костей или рога (такихъ 2) путемъ стачиванія въ сравнительно широкое остріе одного или двухъ концовъ; есть два долота изъ цѣлыхъ полыхъ костей и одно изъ нихъ изъ птичьей кости. Интересъ представляютъ два ножа или скребка—одинъ изъ плоской

кости, другой изъ клыка дикаго кабана; посредствомъ шлифовки у нихъ образованы рѣжущіе края. Изъ другихъ костяныхъ издѣлій отмѣтимъ 5 костяныхъ трубочекъ со слѣдами отдѣлки, около 10 костяныхъ конусовъ, неизвѣстнаго назначенія, нѣсколько черепаховыхъ пластинокъ, тоже неопредѣленнаго назначенія, и 8 костяныхъ бабокъ, съ продѣланными въ бокахъ грубыми сквозными отверстіями, хотя, быть можетъ, эти бабки относятся къ болѣе позднему времени; въ этомъ году найдено около 10 костяныхъ стрѣлъ въ видѣ длинной пластинки, срѣзанной на 4 грани, и, въ противоположность такимъ стрѣлкамъ изъ раскопокъ 1891 г., прекрасно сохранившихся; это обстоятельство и затѣмъ слѣды на нихъ повидимому металлическаго инструмента, которымъ онѣ изготовлялись, заставляетъ насъ, какъ это и сдѣлано въ прошломъ отчетѣ, не причислять эти стрѣлы къ предметамъ каменнаго вѣка; относятся онѣ по всей вѣроятности къ одной изъ промежуточныхъ эпохъ между каменной и великокняжеской. Число найденныхъ въ этомъ году черепковъ отъ сосудовъ очень велико; доставили они прекрасный подборъ разнообразнѣйшихъ орнаментовъ, но опять, и въ этотъ годъ раскопокъ, цѣлаго сосуда, относящагося къ каменному вѣку, не найдено; только по одному куску, составляющему половину сосуда, можно возстановить форму—это былъ небольшой горшочекъ 9 стм. высоты и 6—9 въ діаметрѣ со скошенными на двѣ грани боками; найдена еще часть оригинальной плошки, покрытой съ внутренней стороны орнаментомъ веревочкой, но найденная часть недостаточна для возстановленія формы; нѣкоторые изъ сосудовъ были очень мелки—у одного изъ найденныхъ черепковъ край поднимается надъ дномъ только на 2 стм. Коллекція глиняныхъ грузовъ увеличилась многими экземплярами разной формы и съ различнымъ орнаментомъ. Слѣдуетъ упомянуть еще объ интересныхъ подѣлкахъ изъ глины—это миніатюрные глиняные топорики, сдѣланные по формѣ каменныхъ, съ дырочками по срединѣ, ихъ 2 цѣлыхъ въ 4 и 5 стм. длиной и половинка; имѣли они, вѣроятно, значеніе дѣтскихъ игрушекъ. Скажу въ заключеніе объ украшеніяхъ и амулетахъ, относящихся къ каменному вѣку; ихъ всѣхъ найдено три—одна небольшая, въ 2 стм. длины, плитка зеленоватаго камня съ дырочкой для привѣшиванія и 2 зуба; эти послѣдніе можно считать скорѣе амулетами, чѣмъ простыми украшеніями; одинъ изъ нихъ цѣлый—это медвѣжій клыкъ съ продѣланной кругомъ конца корня бороздкой для прикрѣпленія шнурка или ремешка, отъ другого сохранилась только часть, въ которой замѣтны слѣды круглой

дыры. Общій выводъ, къ которому можно прійти на основаніи разсмотрѣнія найденныхъ предметовъ каменнаго вѣка и обстоятельствъ ихъ находки, заключается въ слѣдующемъ: поселеніе на Княжей горѣ, какъ мѣстоположеніемъ, такъ и характеромъ предметовъ, отличается отъ т. н. стоянокъ первобытнаго человѣка, расположенныхъ на песчаныхъ береговыхъ дюнахъ, и, въ противоположность этимъ послѣднимъ, по большей части служившимъ лишь временнымъ мѣстопребываніемъ для доисторическаго человѣка, поселеніе это было постояннымъ; въ немъ сосредоточивалось производство глиняныхъ, костяныхъ, кремневыхъ отбивныхъ и каменныхъ шлифованныхъ орудій; благодаря главнымъ образомъ послѣднему обстоятельству, поселокъ получилъ большое развитіе, такъ какъ можно предположить, что производство послѣдняго рода носило промышленный характеръ; умѣнье сверлить и прекрасно шлифовать камень, хорошее приготовленіе гончарныхъ издѣлій и небольшое число кремневыхъ отбивныхъ орудій указываетъ на то, что поселокъ на Княжей горѣ относится къ самому концу каменнаго вѣка [1]). Слѣды каменнаго вѣка обнаружены еще въ мѣстахъ, прилежащихъ къ Княжей горѣ, именно — на береговой террасѣ, составляющей подошву т. н. Малого Городыща, лежащаго немного выше Княжей горы; тутъ при земляныхъ работахъ найденъ діоритовый топоръ, 10 костяныхъ орудій и цѣлый глиняный сосудъ. Мѣстность эта по находкамъ вполнѣ схожа съ Княжей горой; кромѣ того, на высокой горѣ, называемой Великимъ Городыщемъ и лежащей рядомъ съ Малымъ Городыщемъ на песчаной выдувной полянѣ найдено много черепковъ отъ сосудовъ, приготовленныхъ безъ гончарнаго круга.

Въ отчетѣ о раскопкахъ въ 1891 г. я указывалъ на тотъ фактъ, что на Княжей горѣ отсутствуютъ предметы промежуточныхъ эпохъ между каменной и великокняжеской, фактъ, дававшій поводъ предположенію о перерывѣ на довольно продолжительный періодъ жизни на горѣ; указывалъ я также, что къ промежуточной эпохѣ могутъ быть отнесены найденные тамъ бронзовые браслетъ и кольцо архаическаго стиля; но въ виду того, что такого рода браслеты сохранились довольно долго и встрѣчаются въ могилахъ, относящихся ко времени, близкому къ историческому, вопросъ этотъ оставался открытымъ; во время раскопокъ 1892 г. найденъ бронзовый наконеч-

[1]) Совершенно аналогичное поселеніе каменнаго вѣка съ обширнымъ производствомъ каменныхъ шлифованныхъ орудій изслѣдовано К. Н. Мельнику, с. Волошское, екатеринослав. губ. и уѣзд., въ урочищѣ, называемомъ „Стрельча Скеля“.

никъ стрѣлы, принадлежащій къ одной изъ недостающихъ эпохъ; онъ имѣетъ видъ небольшой тонкой бронзовой пластинки въ видѣ вытянутаго ромба съ закругленными углами; такого типа наконечники относятся къ бронзовому вѣку, на югѣ же Россіи они встрѣчаются нерѣдко въ могилахъ, гдѣ каменные, бронзовые и желѣзные предметы находятся вмѣстѣ, и на основаніи чего въ русской археологіи существуетъ мнѣніе, что въ средней Россіи вслѣдъ за каменной эпохой наступила прямо желѣзная культура безъ промежуточной бронзовой. Совершенно такой экземпляръ стрѣлы, только побольше, происходящей съ Княжей горы, находится въ коллекціи проф. Д. Я. Самоквасова (въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ, таб. 285, № 4240) [1]).

Переходя къ предметамъ великокняжеской эпохи, отмѣтимъ прежде всего между ними два, болѣе или менѣе датированные. Это, вонервыхъ, небольшая мѣдная византійская монета, очень дурного чекана, имѣющая видъ чашечки, относится она къ XIII в. и чеканена въ царствованіе одного изъ династіи Комненовъ. Другой предметъ заслуживаетъ большого вниманія—это вислая свинцовая печать; къ сожалѣнію, въ томъ мѣстѣ, гдѣ проходилъ шнурокъ, служившій для привѣшиванія печати, она разломана и сохранилась только одна ея часть, правда бо̀льшая; на одной сторонѣ печати изображена Божія Матерь съ поднятыми руками и съ ликомъ Спасителя на груди, справа, въ трехъ строкахъ, помѣщена, идущая сверху внизъ надпись—НІ|Е|РА; оборотъ печати занятъ надписью въ пяти продольныхъ строкахъ—+ КУРІ... | МОNАХО...|ѲУ|АРХІЕП... | ТНС|МРО...ѡС|Рѡ..., такимъ образомъ вслѣдствіе отсутствія части печати не сохранились и концы строкъ надписи; но къ счастью, помочь горю можетъ совершенно цѣлая печать съ Княжей горы, находящаяся въ той же коллекціи Д. Я. Самоквасова и битая повидимому даже однимъ и тѣмъ же штемпелемъ, надпись на ней слѣдующая—+ КУРІЛЛОС| МОNАХОС|ЕЛЕѡ|ѲУ|АРХІЕПІСКОПОС|ТНС|МРОПОЛЕѡС|РѡСІАС[2]),

---

[1]) Кстати приведу справку, относящуюся къ исторіи изслѣдованія Княжей горы; еще въ 1877 г. проф. Д. Я. Самоквасовымъ были произведены раскопки на городищѣ Княжей горы; по словамъ проф. Самоквасова, надъ самымъ обрывомъ къ Днѣпру въ то время еще оставалась часть городка съ площадью не болѣе какъ въ 30 кв. саж.; въ настоящее время нѣтъ уже никакихъ слѣдовъ этого городка; во время раскопокъ проф. Самоквасовымъ были добыты различныя украшенія и бытовые предметы, въ томъ числѣ печать митрополита Кирилла и каменный образокъ св. Николая (см. „Антропологическая выставка 1879 г.“ т. 3, стр. 182 и 350).

[2]) „Кириллъ монахъ милостью Божіей архіепископъ митрополіи Русской“.

печати эти, съ большой долей вѣроятности, можно считать принадлежащими кіевскому митрополиту Кириллу Греку (1225—1233).

Раскопками 1891 г. обнаружены многочисленные слѣды жилищъ въ видѣ разрушившихся печей, расположенныхъ по бокамъ раздѣльнаго бугра. Въ 1892 г. такихъ разрушившихся печей найдено еще нѣсколько, найдена также и одна печь почти цѣлой, обнаружена она самымъ валомъ, отдѣлявшимъ городище отъ поля на довольно значительной глубинѣ; она глинобитная, конусообразной формы со срѣзаннымъ верхомъ—вышина ея 0,7 стм., діаметръ основанія 14 м., діам. вершины 0,7 стм., отверстіе сдѣлано при самомъ основаніи на сѣверо-востокъ, высота его 0,4 ширина 0,6; внутри печи видны въ глинѣ отпечатки кольевъ, поставленныхъ наклонно—колья эти служили основой, на которую накладывалась глина, со временемъ они уничтожились отъ огня; въ вершинѣ печи находится отверстіе, но въ виду того, что въ этомъ мѣстѣ печь немного разрушена, трудно сказать, сдѣлано ли оно нарочно или образовалось уже впослѣдствіи. Не ограничиваясь только самой вершиной горы, жилища были расположены и въ другихъ мѣстахъ, немного въ сторону, гдѣ это позволяла поверхность, такъ напр: съ юго восточной стороны приблизительно на половинѣ горы и метровъ 15 внизъ отъ бугра открыта ровная площадка, вырытая въ желтой подпочвѣ на глубину 1,7 м.; сдѣлана она полукругомъ въ 3,6 м. въ поперечникѣ, по бокамъ земляныхъ стѣнокъ замѣтны слѣды истлѣвшаго дерева, полъ состоитъ изъ убитой и гладко смазанной глины, ближе къ внутреннему краю находятся остатки печи; такимъ образомъ въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ жилищемъ, носящимъ всѣ признаки землянки. Но еще яснѣе можно возстановить жилище по остаткамъ его, найденнымъ съ той же стороны у самого обрыва къ Днѣпру и метровъ на 50 внизъ отъ вершины; въ довольно крутомъ обрывѣ горы сдѣлана выемка въ 1,8 м. высотой, выемка полукруглая въ 3,3 м. въ поперечникѣ у наружнаго края, въ глубь горы она простирается на 2,5 м., у внутренней стѣны видны по угламъ двѣ ямы съ сохранившимся истлѣвшимъ деревомъ отъ столбовъ, поддерживавшихъ крышу, тутъ же находится и вполнѣ сохранившаяся печь, но она другого устройства, чѣмъ выше описанная; она состоитъ изъ узкаго (0,7 м.) и длиннаго (1,4 м.) продолженія той же выемки въ бокъ горы; если загородить наружную сторону и сдѣлать крышу, то получится довольно просторная землянка; на уступѣ горы сейчасъ же надъ этой землянкой устроена совершенно такимъ же образомъ другая, немного больше пер-

вой, съ такой же печью. Для храненія разныхъ припасовъ и другихъ вещей служили вырытыя въ землѣ ямы; нѣсколько такихъ было открыто въ 1891 г.; онѣ описаны въ предыдущемъ отчетѣ. Въ 1891 г. ямъ обнаружено около 30—всѣ съ юго-восточной стороны; тянутся онѣ длиннымъ рядомъ на различномъ другъ отъ друга разстояніи, приблизительно на 5—7 метровъ ниже вершины горы, и соотвѣтствуютъ ряду остатковъ жилищъ, расположенныхъ по бокамъ раздѣльнаго бугра; при расчисткѣ ямъ почти въ каждой изъ нихъ были найдены различныя вещи—земледѣльческія орудія, посуда, мелкіе предметы домашняго обихода, украшенія, оружіе и наконецъ истлѣвшіе или обгорѣвшіе хлѣбные запасы; я не привожу подробнаго описанія содержимаго каждой ямы, такъ какъ надо полагать, что найденныя вещи попали въ ямы по большей части случайно, во время разгрома поселка, и не составляютъ отдѣльныхъ хозяйствъ.

Привожу описаніе болѣе замѣчательныхъ вещей, добытыхъ раскопками 1892, придерживаясь порядка предыдущаго отчета. Предметъ, несомнѣнно указывающій на существованіе богослуженія въ поселкѣ на Княжей горѣ—это каменная печать для просфиръ; она круглая въ 5 стм. діаметромъ, въ кругѣ помѣщенъ четвероконечный крестъ, въ срединѣ котораго вырѣзанъ другой маленькій крестъ съ аканфами, а по угламъ еще 4 крестика, по сторонамъ креста—буквы IC, N, K, въ одномъ углѣ кусочекъ печати съ буквами откололся, тамъ вѣроятно помѣщались буквы XC, всѣ эти изображенія сдѣланы вглубь, въ печати продѣланы 4 сквозныя отверстія. Уже раскопками 1891 г. добытъ прекрасный подборъ древнѣйшихъ образковъ и крестовъ; въ 1892, подборъ этотъ пополненъ новыми экземплярами, именно: каменный четыреугольный образокъ $4^1/_2$ стм. длины и $3^1/_2$ ширины съ рельефнымъ изображеніемъ св. Николая во весь ростъ, по бокамъ идутъ надписи сверху внизъ—АГНѠС| NHKOЛАЕ, вверху образка въ углахъ двѣ дырочки для шнурка; въ 1891 г. была найдена нижняя половинка каменной иконки съ изображеніемъ воина въ панцырѣ, въ правой рукѣ держащаго копье, а лѣвой опирающагося на ромбовидный щитъ; въ 1892 г. отъ этого образка найденъ еще кусочекъ верхней части, на которомъ вырѣзана голова въ нимбѣ и сбоку, въ двухъ строкахъ, надпись—ГЕОРГН, въ цѣломъ видѣ образокъ $3^1/_2$ стм. длиной и $2^1/_2$ шириной; мѣдный образокъ въ 5 стм. длины и 4 ширины съ погрудным изображеніемъ высокимъ рельефомъ Божіей Матери со Спасителемъ на рукахъ; такой же величины образокъ-складень, на немъ въ средней части помѣщено

рельефное распятіе съ предстоящими Божіей Матерью и Іоанномъ, а на лѣвой створкѣ воинъ во весь ростъ съ копьемъ, сверху надъ нимъ можно разобрать надпись—ГЕОР..., правой створки не сохранилось; часть мѣднаго образка съ рельефнымъ изображеніемъ стоящей фигуры съ правой рукой, положенной на грудь, и лѣвой, отставленной всторону, голова отломана, на другой сторонѣ образка вырѣзанъ крестъ съ развѣтляющимся нижнимъ концомъ (аканфы). Очень много и въ этомъ году найдено крестовъ; есть нѣсколько типовъ новыхъ; на первомъ мѣстѣ стоитъ серебряный складной крестъ (энколпіонъ) единственный среди многочисленныхъ мѣдныхъ; онъ $5^1/_2$ стм. длины, на одной сторонѣ его распятіе, на другой Влахернская Божія Матерь, по угламъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны небольшіе крестики съ аканфами въ кругахъ, всѣ изображенія сдѣланы очень тонко рѣзцомъ и чернью; затѣмъ слѣдуютъ: часть односторонняго креста, вверху его изображена на перекладинѣ одежда, за ней крестъ, копье и губка, по бокамъ верхней части 2 прорѣзныхъ ангела, въ боковыхъ частяхъ креста по 2 фигуры святыхъ, пространство между боковыми частями заполнено надписью изъ четырехъ строкъ, идущихъ сверху внизъ, въ нижней части помѣщенъ крестъ; верхняя часть большого энколпіона въ $9^1/_2$ стм. длины, углы креста гладки, чего не встрѣчалось на прежнихъ экземплярахъ; послѣ отчистки одного изъ мѣдныхъ энколпіоновъ оказалось, что онъ былъ позолоченъ; кромѣ большихъ энколпіоновъ найдено еще 3 маленькихъ, 2 прорѣзныхъ распятія съ придѣланными гвоздями, 2 крестика тѣльника изъ сланца и одинъ изъ глины—всѣ размѣрами въ 2 стм., янтарный тѣльникъ въ 3 стм. и нѣсколько мѣдныхъ и серебряныхъ; къ группѣ предметовъ, относящихся къ религіи, можно присоединить, найденные въ 1892 два такъ называемыя змѣевика, занимающихъ среднее мѣсто между образками и амулетами; отъ одного, большаго, сохранилась только часть и весь онъ сильно попорченъ огнемъ; на одной сторонѣ рельефомъ изображенъ архангелъ Михаилъ, какъ это можно заключить по сохранившимся сбоку буквамъ—ІЛО, въ ободкѣ по краю идетъ надпись—...ГНОСА ГНОСА...., на оборотѣ голова съ расходящимися отъ нея змѣями и также остатки надписи—...СНЛНЕКОСЪ РКУ-МОР..., змѣевикъ былъ позолоченъ; другой змѣевикъ—поменьше, цѣлый; на одной сторонѣ его двѣ стоящія фигуры святыхъ, между ними внизу крестъ съ аканфами, вверху скорпіонъ, по ободку надпись— + АГОС АГОС АГОС КССА....СО. РАНО. М. Г..., на оборотѣ такая же голова со змѣями. Я только сдѣлалъ поверхностное описаніе

нѣкоторыхъ крестовъ и образковъ; въ виду древности, какую они представляютъ, коллекція ихъ, заключающая большой и разнообразный подборъ, заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія. Въ 1892 г. найдено около тысячи разнообразныхъ бытовыхъ предметовъ; большинство уже имѣетъ представителей, но есть нѣсколько и новыхъ, есть нѣсколько новыхъ типовъ замковъ, нѣсколько мѣдныхъ литыхъ оковокъ отъ ларцовъ и сундуковъ, мѣдныя чашечки разныхъ величинъ, мѣдный колокольчикъ 8 стм. длины и 10 стм. при отверстіи, часть деревянной точеной чашки съ 3 параллельными рельефными бороздками, части мѣдныхъ тазовъ и чашекъ изъ листовой мѣди—(тазъ имѣлъ приблизительно 24 стм. въ діаметрѣ и 11 стм. высоты, чашка 10 стм. діам. и 3 стм. высоты); изъ глиняной посуды укажу на плоскій, оригинальной формы горшочекъ; есть, кромѣ того нѣсколько крошечныхъ горшечковъ, служившихъ игрушками, хотя цѣлый отдѣлъ ихъ со слѣдами поливы, быть можетъ, имѣлъ назначеніе чернильницъ, одинъ горшокъ найденъ съ пережженной пищей, повидимому горохомъ, и т. д. Изъ инструментовъ найдена большая наковальня, разные молотки, кузнечныя щипцы, маленькія ножницы, одинъ изъ ножиковъ найденъ съ двумя серебряными оковками отъ истлѣвшей деревянной ручки, отъ другого ножика сохранилась костяная орнаментированная ручка; очень интересна небольшая шиферная формочка для отливки украшенія въ видѣ кружка съ звѣздочкой; форма состоитъ изъ двухъ частей и, будучи сложена, представляетъ собой усѣченную пирамидку. Украшеній и въ этомъ году найдено довольно много; такъ, найденъ кладъ (5-ый по числу), состоящій изъ браслета въ видѣ согнутой полоски, серьги замкообразной формы съ чернью и ажурнымъ ободкомъ, 21 продолговатая пластинка отъ ожерелья или повязки и 8 серегъ кіевскаго типа; всѣ вещи серебряныя, завернуты онѣ были въ холщевую тряпку, части которой сохранились. Кладъ найденъ надъ самымъ обрывомъ къ Днѣпру. Въ одной изъ ямъ найдены локтевая и лучевая кости съ сохранившимся на нихъ витымъ стекляннымъ браслетомъ; найдено также нѣсколько перстней, на щиткѣ одного изъ нихъ вырѣзанъ крестъ, помѣщающійся на подставкѣ въ формѣ буквы П; изъ многочисленныхъ бусъ укажу на двѣ мѣдныя ажурныя; найдены остатки холста, выдѣланной кожи, нѣсколько разной формы серебряныхъ нашивокъ на одежду, игральныя кости [1]). Изъ монетныхъ знаковъ къ

[1]) По поводу вообще бытовыхъ предметовъ съ Княжей горы приведу фактъ, интересный для сравнительнаго ихъ изученія; въ коллекціи, полученной Москов-

пяти прежде найденнымъ прибавились еще двѣ шестиугольныя гривны въ 38¹/₄ и 39 золот. вѣсомъ. Изъ художественныхъ произведеній (къ которымъ относятся и всѣ украшенія) заслуживаетъ вниманія мѣдная, къ сожалѣнію обломанная пластинка, на которой выгравированы четыре воина съ копьями и щитами; сохранились они по грудь, лица круглыя безбородыя, волосы острижены въ кружокъ, воины стоятъ подъ зубчатой аркой, которая соединяется съ трехъэтажной башней, въ башнѣ 3 окна, слѣва башни остатки орнамента; величина пластинки 10 стм. длины и 7 и 4 стм. ширины.

Антропологическій матеріалъ пополнился нѣсколькими десятками череповъ; на одномъ изъ нихъ видѣнъ слѣдъ сабельнаго удара; найдено нѣсколько костей со сросшимися переломами, причемъ сростаніе очень неправильно, что указываетъ на плохое состояніе хирургіи въ то время; въ двухъ или трехъ случаяхъ сохранились на костяхъ куски кожи и сухожилій, сохранились они благодаря мѣдной окиси отъ находившихся по сосѣдству кусковъ мѣди; благодаря этому же обстоятельству у одного черепа, у затылочной кости, сохранился пучекъ волосъ, волосы темнорусые.

И въ эпоху великокняжескую поселокъ распространялся за предѣлы Княжей горы; у подошвы Марьиной горы, сосѣдней Княжей, на береговой терассѣ встрѣчаются такіе же какъ и на Княжей предметы; въ 1892 г. тамъ найдено нѣсколько бусъ и проволочныхъ серегъ, а также перстень со вставленнымъ круглымъ зеленоватымъ стекломъ.

Вся добытая масса предметовъ довольно полно характеризуетъ жизнь порубежнаго поселка, слѣды котораго обнаружены на городищѣ Княжей горы; вмѣстѣ съ предметами, происходящими изъ разныхъ другихъ мѣстъ, они представляютъ богатыя данныя для исторіи матеріальной культуры великокняжеской эпохи, данныя, еще ожидающія систематической обработки.

Ник. Бѣляшевскій

скимъ Историческимъ Музеемъ изъ раскопокъ въ Херсонесѣ, цѣлую группу составляютъ предметы, совершенно тожественные даже въ мелочахъ таковымъ съ Княжей горы, изъ Кіева и др. мѣстъ Кіевской земли, относящимся приблизительно къ половинѣ XIII ст., но что главнымъ образомъ интересно, это то обстоятельство, что заимствованіе въ этотъ періодъ совершалось Херсонесомъ у Кіева, такъ какъ напр. среди херсонесскихъ вещей есть энколпіонъ съ изображеніемъ Бориса или Глѣба.

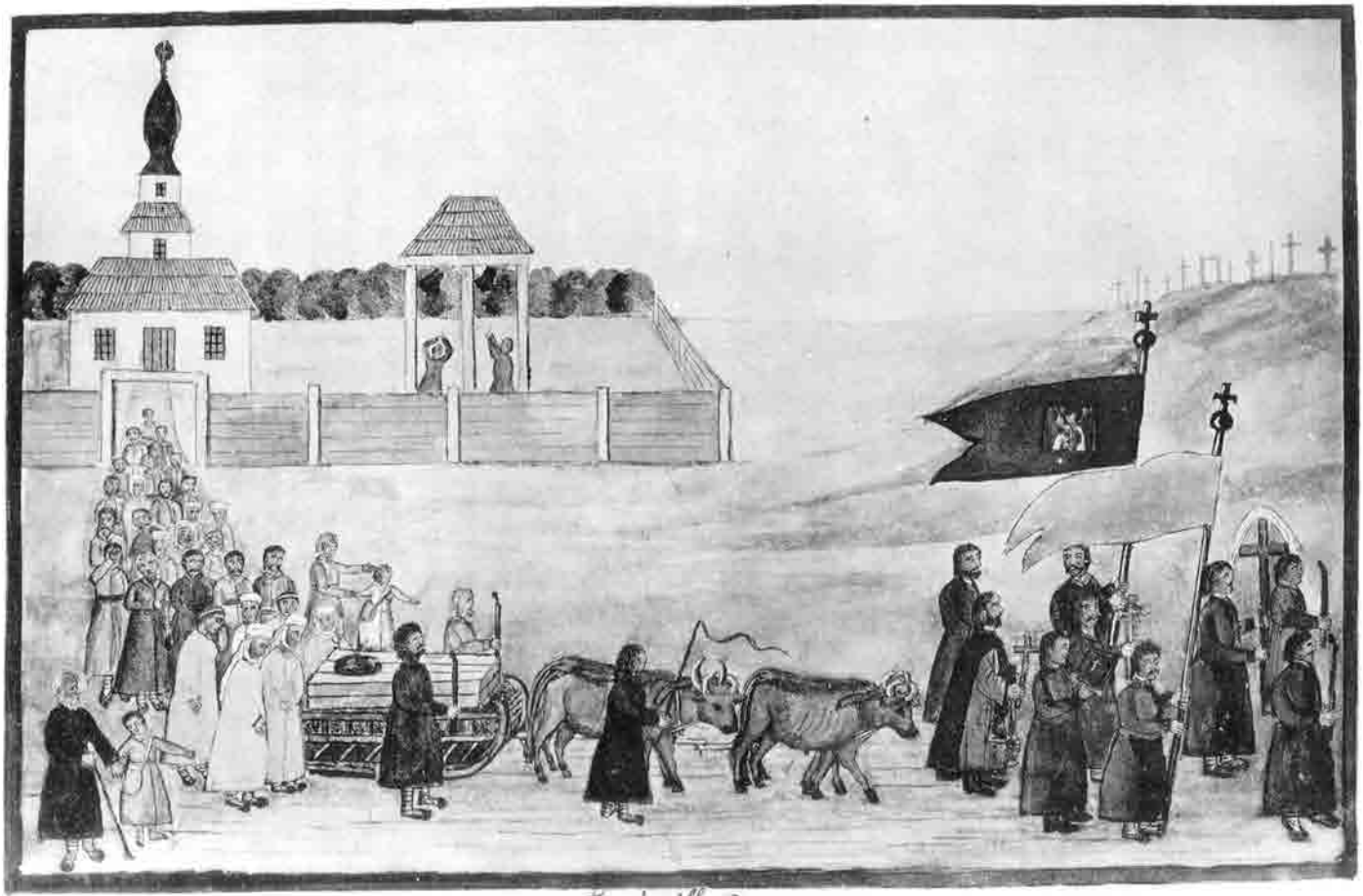
САНИ ВЪ ПОХОРОННОМЪ ОБРЯДѢ.

(КЪ РИСУНКУ).

Однимъ изъ „пережитковъ“ глубокой старины, бытующимъ еще иногда среди малорусскаго народа, является употребленіе саней въ похоронномъ ритуалѣ, независимо отъ времени года. Извѣстія о такомъ употребленіи саней восходятъ къ XI вѣку въ примѣненіи, главнымъ образомъ, къ погребенію князей; затѣмъ мы имѣемъ указанія на этотъ обычай въ послѣдующіе вѣка вплоть до XVII в. и особенно много въ XVII в. въ царскихъ похоронахъ. Страннымъ, поэтому, кажется игнорированіе его прежними изслѣдователями русскаго быта; такъ напр., А. Котляревскій, въ своемъ изслѣдованіи „о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ“ (М. 1868 г.), упоминаетъ объ употребленіи саней только мелькомъ (стр. 222), не придаетъ этому факту особаго значенія и склоняется въ объясненіи его къ мнѣнію, высказанному Успенскимъ [1]), что подъ санями здѣсь нужно понимать „родъ особой повозки, покойной и небольшой“; такое отношеніе къ данному вопросу можно объяснить, пожалуй, мифологическимъ направленіемъ тогдашнихъ этнографовъ, къ школѣ которыхъ принадлежалъ и покойный Котляревскій; сани давали имъ очень мало мѣста для мифологическаго толкованія. Совершенно другое отношеніе мы находимъ въ недавно вышедшей монографіи проф. Д. Н. Анучина „Сани, ладья и кони, какъ принадлежности похороннаго обряда“ [2]); здѣсь цѣ-

[1]) Успенскій, „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“, Харьк. 1818 г.

[2]) Древности, труды Имп. Моск. Арх. Общ. т. XIV, 1890 г. и отдѣльный оттискъ.



Funérailles des paysans.

Dans le district de Radomysl, les paysans ont la coutume d'exporter le corps au cimetière, sur un traîneau traîné par des bœufs, même en été.

Крестьянское Погребение.

лый отдѣлъ занимаютъ сани, и проф. Анучинъ, путемъ сравнительно-этнографическимъ, устанавливаетъ вполнѣ реальное основаніе употребленія ихъ въ похоронномъ ритуалѣ.

Въ этой работѣ проф. Анучинъ подробно разбираетъ извѣстія нашей первоначальной лѣтописи о перенесеніи и перевозкѣ умершихъ въ саняхъ, отмѣчаетъ при этомъ фактъ неупотребленія до позднѣйшаго времени гробовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и замѣны ихъ обертываніемъ тѣла матеріями, останавливается на обычаѣ выноса покойника не въ обыкновенный выходъ изъ жилища (обычай, сохранившійся и въ Малороссіи), приводитъ по этому поводу данныя сравнительной этнографіи и объясняетъ обычай боязнью по отношенію къ покойнику. Затѣмъ идетъ рядъ выписокъ изъ описаній царскихъ похоронъ, гдѣ сани являются обычной принадлежностью. Переходя къ объясненію употребленія саней при погребеніи проф. Анучинъ разбираетъ прежде высказанныя по этому поводу мнѣнія (Успенскаго, Котляревскаго, Труворова) и доказываетъ ихъ несостоятельность, приводитъ затѣмъ факты употребленія саней при свадьбѣ, указываетъ случаи пользованія санями, какъ лѣтнимъ экипажемъ, причемъ даетъ характеристику тогдашняго ссстоянія путей сообщенія и экипажнаго искусства. Далѣе въ трудѣ проф. Анучина мы находимъ массу данныхъ, касающихся употребленія саней въ похоронномъ обрядѣ, какъ въ древнее, такъ и новое время, у народовъ дикихъ и культурныхъ; тутъ указывается, между прочимъ, на существованіе этого обычая и въ настоящее время въ Малороссіи и Угорской Руси, причемъ отмѣченъ фактъ впряганія въ сани воловъ предпочтительно предъ лошадьми. Въ концѣ отдѣла проф. Анучинъ доказываетъ происхожденіе саней изъ „волокушъ“, волочащихся по землѣ стволовъ и жердей, и употребленіе саней ранѣе повозокъ на колесахъ, помѣщаетъ по этому поводу приведенныя Чубинскимъ малорусскія повѣрья, напр., что „съ самого початку свита люде не малы возивъ, а йздылы литомъ и зимою на саняхъ“, что возъ и колеса выдумалъ чортъ или „завезлы воза до людей и далы его имъ святы Петро и Павло“ или возъ былъ изобрѣтенъ Соломономъ.

Послѣ этого краткаго и бѣглаго перечня содержанія первой части работы, не останавливаясь на другихъ двухъ, какъ не имѣющихъ прямого отношенія къ интересующему насъ вопросу, приведемъ тѣ общіе выводы, къ которымъ пришелъ проф. Анучинъ; они слѣдующіе: „Сани (дровни) развились изъ волокуши и были древнѣйшей повозкой. Впослѣдствіи ихъ смѣнили телѣги, колы, колесницы, развившіяся, въ свою очередь, изъ двухколесной арбы съ вращающеюся осью, составлявшею одно цѣлое съ вырѣзанными изъ цилиндрическаго ствола сплошными колесами.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, особенно въ Россіи, сани продолжали еще долго играть роль найболѣе распространенной повозки, которою пользовались и лѣтомъ, особенно въ болотистыхъ, лѣсистыхъ и гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ сани употребляются мѣстами, въ лѣтнее время года еще и теперь. Кромѣ того, при несовершенствѣ (тряскѣ) колесныхъ экипажей и ихъ дороговизнѣ санями продолжали пользоваться лѣтомъ еще долго и въ городахъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, кода требовалось болѣе покойное и солидное, хотя и медленное, передвиженіе. Употребленіе саней при похоронномъ обрядѣ могло обусловливаться, кромѣ того, большею древностью ихъ, чѣмъ колесницы, а равно практиковавшимся ранѣе обычаемъ оставлять сани на могилѣ, что въ примѣненіи къ телѣгѣ или колесницѣ было менѣе удобно вслѣдствіе ея большей цѣнности и рѣдкости въ прежнее время, хотя иногда колесницы также полагались въ могилу. Особенность русскихъ (по крайней мѣрѣ великокняжескихъ и царскихъ) похоронъ состояла еще въ томъ, что сани служили и носилками для несенія тѣла (и гроба умершаго), а иногда и для несенія сопровождавшей гробъ вдовы покойнаго“. Такимъ образомъ, употребленіе саней при похоронахъ проф. Анучинъ объясняетъ большей ихъ древностью сравнительно съ колесными экипажами, а также обычаемъ оставлять сани на могилѣ; такое объясненіе, главнымъ образомъ въ первой части, является вполнѣ удовлетворительнымъ и находится въ связи съ другими такого рода фактами; очень часто разнаго рода пріемы, служившіе для удовлетворенія въ одно и тоже время мірскихъ и

религіозныхъ цѣлей, впослѣдствіи, по изобрѣтеніи новыхъ способовъ удовлетворенія, сохранились лишь въ религіозныхъ обрядахъ въ силу освященія ихъ религіей; укажемъ для примѣра на вызываніе священнаго, „живаго“, „божьяго“ огня посредствомъ тренія двухъ кусковъ дерева у римлянъ, славянъ, германцевъ, на употребленіе каменныхъ ножей въ религіозныхъ обрядахъ мексиканцевъ, египтянъ, евреевъ, и т. д.; такого рода „пережитковъ“ сравнительная этнографія даетъ много.

Прилагаемый къ настоящей книжкѣ „Кіев. Стар“. рисунокъ изображаетъ похоронную процессію въ радомысльскомъ у. кіевской губ., въ которой не смотря на лѣтнее время тѣло покойника отвозится на кладбище на саняхъ, запряженныхъ волами; рисунокъ этотъ сдѣланъ въ 50-хъ годахъ съ натуры докторомъ Де-ла-Флизомъ и взятъ изъ рукописнаго этнографическаго альбома его, хранящагося въ Кіевскомъ Церковно-Археологическомъ Музеѣ [1]).

Приводимъ за одно указаніе на существованіе такого же употребленія саней на Волыни въ XVII в., взятое изъ одного документа, вообще характеризующаго нрава польской шляхты того времени [2]).

---

[1]) Краткій перечень содержанія этого альбома, а также и другихъ работъ д—ра Де-ла Флиза помѣщенъ нами въ „Кіевск. Стар“. 1889 г. № 7 и 1891 г. № 3. Въ „Русской Старинѣ за 1891 и 1892 г. напечатаны записки Де-ла-Флиза о походѣ въ Россію въ 1812 г. Къ этимъ запискамъ предпослана замѣтка сына д—ра Де-ла-Флиза („Русск. Стар“. 1891 г. № 9), изъ которой мы заимствуемъ здѣсь нѣкоторыя біографическія данныя. Де-ла-Флизъ служилъ военнымъ медикомъ въ гвардіи Наполеона I; въ 1812 г., во время сраженія подъ Краснымъ, былъ взятъ въ плѣнъ и принятъ въ домъ генералъ-лейтенанта графа Гудовича; женившись на племянницѣ графа и купивши имѣніе въ кіевской губ., Де-ла-Флизъ до конца жизни оставался въ Россіи; въ 1843 году онъ поступилъ на государственную службу старшимъ врачемъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ кіевской губ. и былъ на службѣ до 1858 г.; затѣмъ, выйдя въ отставку и продавъ имѣніе, переселился къ сыну въ г. Нѣжинъ, гдѣ былъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища; умеръ онъ 1861 г. Во время службы по вѣдомству государственныхъ имуществъ Де-ла-Флизъ на основаніи личныхъ наблюденій и составилъ вышеуказанныя медико-топографическія и этнографическія работы по кіевской губ.

[2]) Кіевск. Центр. Арх., акт. кн. № 4, л. 475; документъ этотъ любезно указанъ намъ О. И. Левицкимъ.

Въ ноябрѣ 1690 г. хорунжій житомирскій Михаилъ Ставецкій подалъ въ судъ „протестацію“, въ которой жаловался на жену своего покойнаго брата чашника овруцкаго. Обвиненіе его состояло въ томъ, что жена брата, пользуясь любовью и имуществомъ послѣдняго, отплачивала неблагодарностью, питая къ нему недоброжелательсто и желая даже его смерти, хотя на виду этого и не показывала; особенно такое отношеніе къ мужу она выказала уже послѣ его смерти, такъ какъ вопреки благородному положенію „имѣя оставшіяся (послѣ мужа) лошади, волами, на простыхъ саняхъ въ маѣ мѣсяцѣ 1690 г..... велѣла отвезть тѣло мужа до Овруча [1]).“ Видя въ такомъ поступкѣ поруганіе божескихъ и человѣческихъ законовъ, Ставецкій проситъ учинить вдовѣ Ставецкой должное наказаніе. Въ свою очередь вдова Ставецкая подала „репротестацію“ противъ Михаила Ставецкаго и привлекла въ качествѣ обвиняемыхъ еще и другихъ лицъ; въ этой „репротестаціи“ она утверждаетъ, что, напротивъ, оказывала мужу всякое почтеніе, заботилась о немъ во время его болѣзни, покупала лѣкарства и т. п., что, когда онъ умеръ, то, привезши тѣло въ Овручъ (о способѣ перевозки Ставецкая умалчиваетъ), она не жалѣла денегъ на церковную службу и колокольный звонъ, устроила дубовый склепъ въ костелѣ ксендзовъ іезуитовъ, и вообще хотѣла какъ слѣдуетъ [2]) справить погребальный обрядъ. Далѣе Ставецкая заявила, что обжалованныя ею лица пользовались ея добромъ и даже во время отсутствія ея, по случаю погребенія мужа въ г. Овручѣ, ночной порой „какъ непріятель“ напали на ея домъ и разграбили имущество. Мы не знаемъ, чѣмъ кончилась тяжба, такъ какъ въ дѣлѣ указаній на это нѣтъ. Изъ этого интереснаго въ бытовомъ отношеніи документа видно, что обычай употребленія саней въ похоронномъ обрядѣ въ XVII в. въ данномъ случаѣ на Волыни, а по всей вѣроятности и въ другихъ частяхъ

---

[1]) „cadaver mariti sui extra decentram status nobilicaris, maiąc konie pozostale, volami, prostymi saniami, w miesiącu main teraznieyszego roku 1690.... do Owrucza odwiesc kazała“..

[2]) „bez oslawienia ludzkiego“, какъ она выражается.

Украины, въ противоположность Московской Руси, сохранился лишь среди народа, и примѣненіе его по отношенію къ лицамъ высшаго сословія даже могло служить однимъ изъ поводовъ для возникновенія судебнаго процесса.

Ник. Бѣляшевскій.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Къ исторіи начальнаго обученія въ Харьковѣ, въ нач. этого вѣка. Въ Кіевск. Старинѣ за 1891 г. помѣщенъ былъ обстоятельный очеркъ педагогической дѣятельности даровитаго и образованнаго И. Ф. Тимковскаго, (р. 1773 † 1853), написанный по бумагамъ семейнаго архива Н. В. Шугуровымъ. Изъ этого очерка мы знаемъ, что Тимковскій, занимая должность визититора учебныхъ заведеній харьковскаго учебнаго округа, былъ правою рукою тогдашнего попечителя гр. Потоцкаго во всѣхъ распоряженіяхъ, касавшихся устройство учебнаго дѣла въ округѣ.—Въ январской книжкѣ К. Стар. за настоящій годъ сообщены и менѣе интересныя свѣдѣнія о другомъ образованномъ малороссѣ—В. Гр. Полетикѣ (р. 1765 † 1845), въ которомъ предполагается даже авторъ «Исторіи Руссовъ». Получивъ заботливое воспитаніе, при неусыпныхъ о томъ стараніяхъ отца, Василій Григорьевичъ П—ка, какъ видно, очень заботился о воспитаніи и своихъ дѣтей. Отыскивая ту первоначальную школу, въ которую можно было бы помѣстить восьмилѣтняго своего сына [1]), В. Гр. П—ка обратился за совѣтомъ къ И. Ф. Тимковскому, какъ человѣку, который по своему служебному положенію, хорошо былъ освѣдомленъ о положеніи начальнаго обученія въ новомъ центрѣ южнорусскаго просвѣщенія, замѣнившемъ прежній Кіевъ,—Харьковѣ. Печатаемое здѣсь письмо Тимковскаго и есть отвѣтъ на просьбу Полетики.—Кромѣ свѣдѣній, касающихся интересовавшаго Полетику вопроса, письмо Тимковскаго интересно еще и по особому его тону предупредитель-

[1]) Повидимому, забота идетъ авторомъ сынѣ Василія Гр—ча Полетики, Василій же (род. 1802 г.), такъ какъ старшему, Григорію, въ это время было уже 17-ть лѣтъ.

ности, указывающему на то уваженіе, которымъ пользовался среди мѣстной интеллигенціи предполагаемый авторъ «Исторіи Руссовъ».

А. Л.

М. Г. Василій Григоровичъ! Случаемъ приходитъ мнѣ то, что приобрѣсть издавна уже было въ пріятнѣйшихъ моихъ исканіяхъ, почтеннѣйшее ваше знакомство. Велико щастіе встрѣтиться желаніемъ съ такою взаимностью, какъ изъявляютъ выраженія писма вашего, которое я имѣлъ честь получить, въ минувшемъ мартѣ. Сугубо мое удовольствіе, что предлогомъ сего есть требованіе услуги моей. И обязанностью, и честію себѣ навсегда поставляю соотвѣтствовать внимательному ко мнѣ благопріятству вашему, въ оном писмѣ оказанному. Тѣмъ болѣе надѣюсь нынѣ быть вамъ угоденъ въ доставленіи свѣденія, которого требовать отъ меня и самое званіе мое даетъ вамъ властное право. Искренно будетъ мое мнѣніе предъ вами. Нѣтъ при здѣшнемъ университетѣ никакого пенсіона, кромѣ самаго малаго числа мѣстъ занимаемыхъ при студентахъ казеннаго иждивенія совокупно студентами вольными, которые пользуются всѣми выгодами содержанія наравнѣ съ первыми, взнося въ общую сумму по 250 рублевъ; а для учениковъ учреждено подобное заведеніе при гимназическихъ питомцахъ, съ положеніемъ по 150 р. ежегоднаго взноса, которое однако не воспріяло должнаго своего дѣйствія, по причинѣ начатой обстройки зданій гимназіи. И такъ, поступаю къ частнымъ. Лучшій пенсіонъ здѣсь есть иностранца Гилейна, въ который платятъ по 400 р. съ лица, Подлинно и между столичныхъ онъ въ своемъ родѣ подостаточнѣе и предметами, и присмотромъ. Но найпаче предъ вами не постояла бы утайка, еслибы я и допустилъ ее, что успѣхи въ немъ крайне скудны. Гдѣ ученье и уроки не разложены порядкомъ по классамъ, тамъ смѣсь многоразличныхъ возрастовъ и способностей оставляетъ однихъ, останавливаетъ другихъ, и едва чѣмъ богатитъ старшихъ. Впрочемъ ежели вы наклонны отдать сына вашего въ пенсіонъ, то судя по его лѣтамъ, рано было бы обратиться вамъ къ пенсіону московскаго университета; и года на два пенсіонъ Гилейна можетъ занять его. Упоминаю здѣсь для соображенія и о пенсіонѣ при полтавской состоящемъ гимназіи. Но какъ искуснѣйшимъ способомъ, по всеобщему оправданію, тотъ признается, чтобы дѣти, живучи подъ вѣденіемъ и руководствомъ домашняго учителя, отъ него или и отъ другихъ по урокамъ приходящихъ пользовались ученьемъ, либо приуготовясь, получали оное въ обще-

ственныхъ училищахъ; то здѣсь таковыхъ воспитателей домашнихъ изъ иностранцевъ и россіянъ изрядно находить можно. Для сего представляется въ выборѣ и судѣ столько подробностей, что личнымъ только усмотрѣніемъ опредѣлить можно; а затѣмъ качества назначаютъ цѣну и сами цѣною назначаемы бываютъ. При такихъ уваженіяхъ и учитель новгородсѣверской гимназіи, именно швейцарецъ, кандидатъ богословіи, при наукахъ знающій отлично языки французской и нѣмецкой, живущій лѣтъ 30 въ Россіи, Вернетъ [1]), о которомъ вы разполагались писать къ батюшкѣ Ивану Ивановичу [2]), если только согласится принять на себя трудъ воспитанія, о чемъ и при опредѣленіи его туда были мои совѣты, и нынѣ продолжаются, можетъ надежнѣйшимъ быть для васъ прибѣжищемъ; между тѣмъ же уединеніе тамошней гимназіи, устроенной какъ и другія, болѣе благопріятствуетъ начальной наукѣ.—Съ истиннымъ почтеніемъ и отличною преданностью имѣю честь быть, милостивый государь мой, вашимъ покорнѣйшимъ слугою Илья Тимковскій [3]).

1810. Апр. 2. Харьковъ.

Изъ уголовной хроники XVIII в. (*Мотивы двухъ убійствъ*).—I. Отцеубійца Ничипоръ Ленепко, житель с. Березовой Луки, (миргородскаго уѣзда), при допросѣ о причинѣ преступленія, показалъ: «Случилось де отцеви моему въ старосты тамошнего березолуцкого подпить, а я зъ молодиками тожъ подпивъ, и когда отецъ мой подпилий, пришовъ до господи [4]) увечору, въ тое время, якъ товаръ [5]) зъ поля поприходивъ, я изъ жалю своего, что самъ и корови дою, и все домашное господарство, принадлежащое жонкамъ, нораю, (исполняю), промовивъ отцеви: албо самъ женися [6]), албо мене ожени!—И отецъ за тое оскорбившися, вхвативши рубель тотъ, що платте

---

[1]) Конечно, этому Вернеру принадлежитъ напечатанная въ Украинск. Журналъ 1825 г., № 13, статья—„Весенняя прогулка по Валковскимъ окрестностямъ“, изъ которой напр. читаемъ: „Окрестности валковскія пріятны и для меня, жившаго на прелестныхъ берегахъ Рейна и Неккера“...

[2]) Иванъ Ивановичъ Халанскій,—тестъ И. Ф. Тимковскаго, тогдашній директоръ новгородсѣверской гимназіи.

[3]) Съ подлинника, наход. въ собраніи В. В. Тарновскаго.

[4]) Домой.

[5]) Скотъ.

[6]) Видно, что отецъ преступника былъ вдовецъ.

качаютъ, началъ мене быти въ хатѣ, и я, вирвавши тотъ рубель зъ рукъ, вдарилъ и его отца разъ, по плечахъ и кинувъ подъ лавку оний рубель, и пошовъ на дворъ. И за другое, когда увойшолъ я въ хату, знову отецъ вхвативши сокиру, сталъ мене обухомъ бити, который я отнявши зъ рукъ, вдарилъ его, отца, тимъ же обухомъ одинъ разъ повишше уха, и болше не былъ, одъ которого удару впалъ де отецъ на землю и захрупъ [1]), и вскорѣ, якъ бы у годину, и умеръ. *(Показаніе дано въ 1728 г.).*

II. Чумакъ с. Свинарной (гадяцкаго уѣзда) Грицко Тихенко, убившій въ дорогѣ другаго чумака, жителя м. Опошни Назара Макаренка, причину преступленіе такъ объяснилъ: «Когда прибыли въ Переволочную [2]), тамъ я Соляникового наемного хлопця вдарилъ трийчи батогомъ за тое, что онъ бранилъ матерно; а Назаръ Макаренко, называючи того хлопця сродникомъ своимъ, пришолъ пяний до нашихъ возовъ и ухватя мене за волоса, бючи ногами и нощокамъ, окривавилъ; за который бой хотѣлъ я тамже Макаренка люшнею вдарить, но Дмитро Осиченко, опошанскій житель, воспятилъ тому моему намѣренію. И якъ Макаренка отведено до другого огня, въ ту пору молодики въ той компаніи будучіе, походившись до возовъ, бранили мене за тое, что я не йшолъ бить Макаренка, а Салниченко за тоежъ мене и по щоцѣ вдарилъ и; я съ тоей ихъ намови, пошедши до другого огня, вдарилъ люшнею Макаренка по головѣ, который отъ едного разу упавши на землю, не сталъ говорить и на другій день безъ рѣчи померъ». *(Показаніе того же 1728 г.).*

Челобитная монаха К. Печерской Лавры (1773 г.). Изъ архивныхъ дѣлъ прошлаго вѣка видно, что К. Печерская Лавра, ревниво оберегая всякаго рода свои «права и привилегіи», не допуская вмѣшательства другихъ властей въ тѣ дѣла, которыя подлежали исключительно ея вѣдѣнію, нерѣдко приходила по этому поводу въ непріязненныя столкновенія съ гражданскими учрежденіями и лицами [3]). Особенно непріятны, конечно, были для мона-

---

[1]) Захрапѣлъ.

[2]) Въ полтавск. губ. есть двѣ Переволочныхъ, одна въ прилуцкомъ уѣздѣ, а другая—въ кобеляцкомъ.

[3]) Вообще надо имѣть въ виду, что К. Печерская Лавра вела чрезвычайно обширную переписку со всѣми правительственными учрежденіями и лицами. Владѣя обширными помѣстьями, ближайшее управленіе которыми ввѣрялось

стырскаго начальства тѣ случаи, когда гражданская власть вмѣшивалась такъ или иначе во внутреннюю жизнь монастыря, въ его домашнія, такъ сказать, дѣла и отношенія. А такіе случаи бывали и поводъ для нихъ нерѣдко подавали сами же монахи, обращаясь къ гражданской власти съ «неподлежащими разсмотрѣнію» этой послѣдней просьбами. Такую именно просьбу представляетъ приводимая ниже любопытная челобитная монаха Іеремія, поданная на Высочайшее имя и въ кіев. губернскую канцелярію. Челобитная эта, найденная мною въ обрывкѣ совершенно истлѣвшаго «дѣла», даетъ нѣсколько интересныхъ черточекъ изъ домашней, такъ сказать, жизни монастыря.

Изъ перваго пункта ея видно, что монахъ Іеремія, убоясь насильственнаго со стороны своего начальства «безвиннаго заключенія и заточенія», обратился 4-го генваря 1773 г. съ челобитной на Высоч. имя въ кіев. губ. канц., прося выдать ему паспортъ для проѣзда въ С.-Петербургъ, гдѣ онъ намѣренъ былъ жаловаться Св. Синоду на причиненныя ему обиды и просить опредѣленія въ «россійскіе монастыри». К. Губ. Канцелярія не только приняла эту обидную для Лавры челобитную, но и приняла по ней крайне оригинальную, дѣйствительно обидную, мѣру: для охраненія монаха предоставила ему солдата... Получивъ такое «защищеніе», монахъ Іеремія, два мѣсяца спустя, недовольный тѣмъ, что монастырское начальство не принимаетъ отъ него имѣвшихся у него денежныхъ суммъ, вновь обращается къ «правосудію» Губ. Канцеляріи и подаетъ новую челобитную, въ которой и набрасываетъ довольно густую тѣнь на картину «братскихъ» отношеній въ монастырѣ. Эту челобитную К. Г. К. препроводила уже въ Лавру при письмѣ генералъ-губернатора къ архимандриту. Въ челобитной этой Іеремія писалъ такъ:

По оному учиненному мнѣ милосердіемъ В. И. В. отъ К. Г. К. защищеніи устремились [1]) на меня въ Лаврѣ Печ. тягчайшіе и ожесточеннѣйшіе ненависти и съ самого того времени

особымъ управителямъ и „городничимъ“ изъ монаховъ, Лавра вела дѣла по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, снабжая для „хожденія“ по нимъ особыми довѣренностями своихъ же монаховъ, свѣдующихъ въ юриспруденціи. При трудности строгаго разграниченія „вѣдомствъ“ неизбѣжно возникали постоянныя пререканія между монастырскимъ начальствомъ и гражданскими учрежденіями и лицами.

[1]) Защищеніемъ онъ называетъ предоставленіе ему отъ К. Г. К. солдата для его охраны.

употребляетъ Лавра всевозможныя искательства, какъ бы меня удержать въ своей власти, и за тѣмъ состоящей въ вѣдѣніи моемъ денежной суммы понынѣ отъ меня не принимаетъ, выискивая при томъ средства, какъ бы еще чѣмъ и опорочить и вмѣсто покаянія привести въ отчаяніе, и для того учинила всей лаврской братіи запрещеніе, чтобъ всякъ меня чуждался со всякимъ презрѣніемъ.

По симъ обстоятельствамъ, будучи я убѣждаемъ всегдашнимъ душевнымъ неспокойствіемъ и унынiемъ и не имѣя ни отъ кого спасительнаго окормленія, пребываю въ Лаврѣ, какъ заблуждающая въ горахъ овца, и къ душевному тутъ миру надежды крайне не предвидится, и тщетно, паче же и со вредомъ на душу преходитъ краткая сія покаянія моего ожидающая временность, поелику нѣтъ нынѣ въ сей святой обители благопризрѣнія и попеченія о тѣхъ, кои вѣрно служатъ въ послушаніяхъ и благочинно себя ведутъ и желаютъ въ простотѣ и покаяніи монашествовать, но всѣ таковые презрѣнны со осмѣяніемъ отъ самихъ же старѣйшихъ духовныхъ предводителей, о ихъ высокопреподобіяхъ, какъ бы они не поступали и какіе бы непристойности и обиды и увѣчья братіи и бѣднымъ людямъ ни дѣлали, и добро общее монастырское какъ бы расточительно ни обращали, бѣдной братіи ни думать, ни говорить, кольми паче писать, отнюдь невозможно, братія бо у нихъ именемъ только, а вещію какъ бы послѣдніе ихъ рабы, и если кто съ братіи хотя мало что погрѣшитъ, такъ уже не исправятъ, но паче въ отчаяніе приведутъ своимъ ожесточеніемъ, какъ уже многіе чрезъ то и бѣжать изъ Лавры принуждены были, а иные, съ поруганіемъ и немилосердіемъ въ заключеніяхъ сидя и отчаясь, сами себя умертвили, нѣкоторые жъ, будучи въ заперти поброшени, безъ исповѣди и причастія св. таинъ холодомъ уморены; такъ по симъ и по прежде показаннымъ въ первой моей челобитной причинамъ и мнѣ къ дальнѣйшему въ Лаврѣ пребыванію не остается никакой доброй надежды, кромѣ чаянія, чего Боже сохрани, такой же погибели, и затѣмъ нужда належитъ, остая многочисленнымъ и многомощнымъ въ Лаврѣ святой властямъ всякое спокойство и давъ гнѣву ихъ мѣсто, удалиться заблаговремено въ безмолствующіе монастыри россійскіе.

И дабы высоч. В. И. В. указомъ повѣлено было сіе мое вторичное челобитье въ К. Г. К. принять и не оставить сообщить въ К. Печ. Лавру о немедленномъ отъ меня пріемѣ имѣющейся въ моемъ вѣдѣніи денежной лаврской суммы, и какъ оная принята будетъ, то

поелику Лаврѣ дѣла до меня уже не остается, дать мнѣ о пропускѣ въ С.-Петербургъ до Св. Пр. Синода паспортъ, а ежели что Лавра святая имѣетъ на меня писать, то разсудитъ между Лаврою и мною послѣднѣйшимъ Св. Синодъ, какъ главное духовное правительство».

По поводу этой челобитной К. Г. К—ія опредѣлила написать въ Лавру, чтобы просьба монаха Іереміи о принятіи отъ него денежной суммы была исполнена «безотрицательно, дабы онъ не имѣлъ больше причинъ къ нарѣканію и жалобы упождать».

Въ отвѣтъ на письмо генералъ-губернатора Архимандритъ К. Печ. Лавры прислалъ обстоятельное объясненіе, сущность котораго сводится къ тому, что де челобитная монаха Іереміи и написана не толь со включеніемъ бранныхъ и къ дѣлу, о чемъ прошеніе есть, непринадлежащихъ словъ, но и съ немалымъ на Лавру пасквильнымъ поношеніемъ», указомъ же Пр. Сената 13-го Сентября 1764 г. такія челобитныя подавать и принимать строжайше запрещено, а потому де и Лавра, получивъ изъ К. Г. К. эту челобитную, не находитъ нужнымъ «чинить по ней какое бы то ни было производство». Выразивъ мнѣніе, что и первой челобитной», которая въ Лавру не препровождена, не слѣдовало К. Г. К. принимать въ силу упомянутаго выше указа Пр. Сената, архимандритъ писалъ въ заключеніе. «Еликомъ принадлежитъ до непорядочнаго обхожденія и бродяжества онаго Іереміи и произносимыхъ Лаврѣ поношеній, я о томъ отъ 28 февраля хотя В. В. Пр—ву и объяснилъ въ письмѣ, и какъ всѣмъ тѣмъ заслуживаетъ онъ таковому объ немъ быть опредѣленію, сходному съ законами и духовными правилами, силою которою воздержанъ бы онъ былъ отъ всего того, то и просилъ я надлежащаго разсмотрѣнія и увѣдомленія, однако и понынѣ не снабдѣнъ я отъ В. В. П—ва на то сообщеніемъ, а помянутый Іеремія, симъ случаемъ въ его развращенности пользуясь, отважился уже сочинять нарочито пасквильные о Лаврѣ и пребывающихъ во оной стихи и посылать чрезъ имѣющагося при немъ отъ К. Г. К. опредѣленнаго солдата, и самъ, выходя изъ Лавры, разсѣялъ сіи клеветные плевелы по окресностямъ и болѣе умножаетъ въ посмѣяніе, изъ чего Лавра чувствуетъ крайную и неудобостерпимую обиду.

Къ сожалѣнію, письмо архимандрита сохранилось въ такомъ видѣ, что возстановить его цѣликомъ невозможно, невозможно извлечь и свѣдѣнія о той денежной суммѣ, которая находилась на рукахъ монаха Іереміи. По видимому, у него хранились разныя сборы за 1771 и 1772-й годы, слѣдуемые въ войсковой Скарбъ съ вотчинъ

Лаврскихъ, находившихся въ Кіевской сотнѣ, а также деньги (въ суммѣ 388 р. 50 к). за «взыманное въ 769 годѣ на казенныхъ воловъ сѣно». Въ Октябрѣ 1772 г. Іеремія, согласно его желанію, былъ опредѣленъ на жительство въ Китаевскую пустынь и прослъ разрѣшенія положить имѣвшіяся у него деньги въ церковное хранилище. По видимому, Лавра хотѣла получить отъ него не деньги, а квитанціи о внесеніи этихъ денегъ въ комиссаріатство.

Въ письмѣ архимандрита весьма ясно видно, что «защищеніе», оказанное монаху Іереміи со стороны Кіев. Губ. Канц., представляя обидное и незаконное вмѣшательство этой послѣдней въ монастырскія дѣла, послужитъ поводомъ для жалобы монастыря на Кіев. Губ. Канц. къ высшей власти.

По всей вѣроятности, въ этомъ 1773 году особенно обострились отношенія К. Печ. Лавры къ Губ. Канц. Къ этому же году относится одно дѣло, которое встрѣчалось мнѣ въ архивѣ К. Губ. Пр., но изъ котораго я въ свое время не сдѣлалъ извлеченія «дѣло о произведеніи въ силу указа Пр. Сената, по доносу К. Печерскія Лавры монаха Епифанія о провезенномъ изъ Польши безъ пошлинъ венгерскомъ винѣ.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что монахъ Епифаній, по всей вѣроятности, тоже поссорившись со своимъ начальствомъ, донесъ, что онъ, по порученію К. Печерской Лавры, купилъ въ Польшѣ венгерскаго вина, которое и провезъ на подводахъ, нанятыхъ у польскихъ мужиковъ, въ сѣнѣ, не уплативъ надлежащихъ пошлинъ. Дѣло дошло до Пр. Сената, который и предписалъ изслѣдовать его самому кіевскому генералъ-губернатору, «такъ какъ изъ показанія Епифанія не видно, чьимъ несмотрѣніемъ таковой изъ-за границы пропускъ учиненъ т. е. отъ таможенъ ли и ихъ заставъ или по случаю затворенія оныхъ отъ бывшихъ по границамъ карантинныхъ смотрителей, которые состоятъ въ губернаторскомъ вѣдомствѣ».

Имя монаха Епифанія почему-то встрѣчается и въ упомянутомъ выше письмѣ архимандрита къ генералъ-губернатору. Къ нему какъ будто бы приравнивался и взятый К. Г. Канц. подъ защиту монахъ Іеремія. Объ этомъ Епифаніи раньше производилось въ Губ. же Канц. слѣдствіе о его блудодѣяніи, какъ видно изъ имѣвшагося у меня «Экстракта изъ дѣла Кіев. Губ. Канц. о непристойныхъ поступкахъ бывшаго въ расколѣ, обратившагося потомъ въ православіе и принятаго въ К. Печ. Лавру монаха Епифанія».

Но еслибы даже монахъ Іеремія былъ подобенъ Епифанію, о которомъ въ Губ. Канц. имѣлись такія неодобрительныя свѣдѣнія,

который и доносъ свой сдѣлалъ, обвинивъ какъ бы монастырское начальство въ корчемствѣ, по своей развращености, все же челобитная Іереміи и вмѣшательство по ней гражданской власти въ домашнія дѣла монастыря представляла фактъ крайне непріятный для К. Печ. Лавры.

А.

Жалованная грамота гр. Ф. К. Браницкому на Бѣлоцерковское староство (1774 дек. 13). Среди многочисленныхъ дѣлъ К. Ц. Архива «объ ищущихъ вольности» едва-ли не преобладающее мѣсто занимаютъ дѣла объ ищущихъ вольности «съ подъ владѣнія гр. Ф. К. Браницкаго», а впослѣдствіи вдовы его гр. А. В. Браницкой. Самыя раннія изъ этихъ дѣлъ относятся къ первымъ годамъ XIX ст. (намъ попадались дѣла 1800 г.), позднѣйшія къ 40—50 годамъ. Такое обиліе дѣлъ, относящихся къ владѣніямъ одной фамиліи, объясняется съ одной стороны громадною территоріею этихъ владѣній, съ другой своеобразнымъ характеромъ ихъ. Большую часть владѣній гр. Браницкихъ составляли бывшія староства Бѣлоцерковское и Богусловское, уступленныя сеймомъ королю на извѣстныхъ условіяхъ, а имъ на тѣхъ же условіяхъ переданныя въ частное владѣніе. Надѣясь впослѣдствіи возвратиться къ этому вопросу, имѣвшему въ свое время громадное значеніе въ исторіи мѣстнаго землевладѣнія и душевладѣнія, находимъ небезполезнымъ издать пока важный документъ, на который ссылались обыкновенно обѣ стороны и копіи котораго встрѣчаются поэтому чуть не въ каждомъ дѣлѣ объ ищущихъ вольности. Это—жалованная грамота гр. Ф. К. Браницкому на Бѣлоцерковское староство. Въ дѣлахъ, которыми мы пользовались, встрѣчается и латинскій текстъ грамоты, и оффиціальный переводъ ея на русскій языкъ, который, для удобства читателей, мы и приводимъ (съ нѣкоторыми необходимыми поправками по латинскому тексту).

«Станиславъ Августъ Б. М. Король Польскій, Великій Князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Мазовецкій, Самогитскій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Подлясскій, Ливонскій, Смоленскій, Сѣверскій и Черниговскій—объявляемъ настоящею нашею грамотою всѣмъ и каждому въ особенности, кому о семъ знать слѣдуетъ, что по елику мы, обративъ вниманіе на заслуги Великаго Короннаго Гетмана Франца Ксаверія Браницкаго съ молодыхъ лѣтъ въ разныхъ случаяхъ намъ и Республикѣ оказанныя съ опасностью жизни и потерею

всего почти имѣнія своего, защищая всегда благосостояніе Царскаго Трона нашего и Республики, и все то какъ нынѣ при трудныхъ обстоятельствахъ за защищеніе Республики и на предбудущее время для поощренія къ дальнѣйшему оказанію таковыхъ услугъ [1]), желаемъ пополнить, для того освобождая любезнѣйшую намъ Республику и насъ самихъ полагаемъ учинить на то (faciendum esse duximus), что ему и наслѣдникамъ его староство или имѣніе Бѣлоцерковъ съ его принадлежностями въ кіевскомъ воеводствѣ состоящее намъ и наслѣдникамъ нашимъ по силѣ права въ Варшавскихъ Гродскихъ Актахъ 5 числа сего года и мѣсяца посредствомъ явки записаннаго, наслѣдственнымъ вотчиннымъ правамъ (какое на другія имѣнія дворянъ и помѣщиковъ сего королевства распространено) съ другими тремя староствами [2]) Республикою предложенное, нами же съ объявленіемъ соблюсть до временъ жизни дѣйствительныхъ зависимыхъ (actualium modernorum) владѣльцевъ обоего пола принятое— тѣмъ же наслѣдственнымъ вотчиннымъ земскимъ правамъ вмѣстѣ съ правомъ дожизненнаго настоящаго владѣльца въ отношеніи доходовъ, имъ обыкновенно получаемыхъ, даемъ и дарствуемъ, а именно: настоящею Дарственною Грамотою нашею оное наслѣдственное имѣніе наше, то есть мѣстечко Бѣлоцерковъ съ замкомъ, укрѣпленіемъ и предмѣстьями и селенія Шемраевку, Дулицкое, Руду, Матюши, Трутки, Безпечну, Пищики, Адвокацію, Безугляки, Каменку или Фурсы, Напрасники, Дрозды, Мазепинцы, Великую Половецку, Малую Половецку, Краснолѣсъ, мѣстечко Трилѣсы, Пивни, Королевку, Пилановку, Кищинцы, Кожанки, Зубары, Яхны, Полянычинцы, Коваліовку, Устимовку, Сыдоры, Гребіонки, Саливоньки, Пинчуки, Храпачи, Глушки, Скребеши, Палочи, Великую Ольшанку, Тростынку, Барахты, Кодакъ, Мытницу, Погребы, Гусачевку, Матьяшовку, Грегоровку, Блащинцы, Острійки, Тамиловку, Ново-яновъ, Бируки, Клочки, Коженники, Насташку, Севериновку, Плоску Долину, Потіевку, Поправку, Боярку, Погибляки, Рѣдкодубы, Каменный Бродъ, Жидовскую Греблю, Куровинцы, Побережье, Долгую Греблю, Сушковку, Шубинные Ставы,

---

[1]) Такъ переведена эта фраза оффиціальнымъ переводчикомъ. Въ латинскомъ подлинникѣ она изложена слѣдующимъ образомъ: nec in praesenti propter augustias Thes uri Reipublicae, nec in futurum propter Legem subsequentem ademptionis Nobis gratiae distributivae quenntes compensare (какъ нынѣ при трудныхъ обстоятельствахъ финансовыхъ, такъ и въ будущемъ по случаю изданія закона, отнимающаго у насъ право пожалованія – не имѣя возможности вознаградить),

[2]) Богуславское, Каневское и Хмельницкое.

Волнянку, Косяковку, Товстороги, Березянку, Журавлиху, мѣстечко Ставище, селенія Попружну, Федюховку, Станиславчикъ, Гейсиху, Розумыху, Мнишкову, Скибину Греблю, Городище, Снижки, Войнаровку, Братчину Греблю, Остру Могилу, Яништовку, Бриліовку, Яблуновку, Хвесюры, Щербаки, Фастовку, Сорокотягы, Бокалы, Глубочку, Пилипчу, Малую Ольшанку, Коржовку, Черкасъ, Озерну, Бехову Греблю, Городище другое, и новопоселенія, слободами называемыя: Чупиру, Ружки, Тетерову, Рипки, Нагорну, Бастечки, Красиловку, Краснополье, Виноградъ, Базовку, Поповку, Вотылевку, Чанлинку, Волнянку, Ясіоновку, Веселый Кутъ, а также селенія на подобіе мѣстечка Сыняву (tum vilas: Szeniawa, quondam oppidum, Puhaczówka etc), Пугачовку, Суховцы или Сухолѣсы, Сиротынцы, Островъ, Прусы, Саварку, Крыве, Улашовку, Буды, Саловку, Чернинъ, Троцкое и новопоселенія, слободами называемыя: Янковку, Антоновку, Камёнку, Чепеліовку, Слуповъ, Юзефовку, Городище и Сельскій Хуторъ—со всѣмъ того имѣнія правомъ, владѣльчествомъ, собственностью, принадлежностью и правомъ наслѣдства, прибыльми [1]), владѣніями, замками, укрѣпленіями, строеніями, зданіями, полями, лугами, сѣнокосами, лѣсами, кустарниками, озерами рыбными, прудами, рѣками, водною силою, воднымъ обращеніемъ, мельницами, мельниками, фабриками, фабрикантами, мѣщанами, крестьянами, простолюдинами, садовниками и жителями въ вышесказанномъ имѣніи находящимися и гдѣ-либо отыскаться могущими, рогатымъ скотомъ, лошадьми и со всею того имѣнія домашнею рухлядью, данями, податьми, сборами, рабочими днями, сторожами и со всякимъ повиновеніемъ крестьянъ, обыкновенно ими выполняемымъ, а также и съ правомъ одобрять вступающихъ всякихъ священниковъ обоего исповѣданія, и со всѣми наконецъ принадлежностями, подъ какимъ бы то ни было именемъ и названіемъ числящимися и къ оному старосту или недвижимому имѣнію Бѣлоцерковскому относящимися, ничего ни для насъ, ни для наслѣдниковъ нашихъ (единокровныхъ) не исключая, но въ таковой ширинѣ, долготѣ и окружности, какъ нынѣ въ своихъ межахъ и границахъ состоятъ и такъ какъ настоящій дожизненный владѣлецъ по праву владѣетъ—означенному Великому Коронному Гетману Ф. К. Браницкому и его наслѣдникамъ наслѣдственнымъ вотчиннымъ земскимъ и никогда не нарушимымъ

[1]) Въ подлинникѣ: utilitatibus, usibus fruetibus, profentibus, comodis et obfentionibus.

правомъ во всей самоточнѣйшей формѣ Статута даемъ, даримъ и на вѣчныя времена уступаемъ. По силѣ каковой дарственной нашей оный Вел. Кор. Гетм. Ф. К. Браницкій и наслѣдники его помянутое наслѣдственное вотчинное имѣніе Бѣлоцерковъ со всѣми принадлежностями посредствомъ урядоваго ввода приняться имѣемое (apprehendenda) содержать и владѣть будетъ, а доходами изъ того имѣнія настоящимъ дожизненнымъ владѣльцемъ обыкновенно получаемыми не прежде какъ по смерти онаго доживотнаго владѣльца распоряжать будетъ, съ полною властію и наслѣдственнымъ правомъ помянутое имѣніе дать, даровать, продать, замѣнять уступать и во всякую свою и наслѣдниковъ своихъ пользу сообразно волѣ и желанію своему обратить. Объявляемъ же при томъ, какъ со стороны Насъ, такъ и со стороны рода Нашего, что часторѣченному Вел. Кор. Гетману и его наслѣдникамъ въ спокойномъ наслѣдственнаго означеннаго имѣнія владѣніи и непосредственномъ полученіи доходовъ препятствія чинить не будемъ, ниже кого либо другого къ тому не допустимъ, равно наслѣдники наши препятствовать не будутъ, ниже препятствія чинить не дозволятъ; но напротивъ того еще какъ его самого, такъ и наслѣдниковъ его въ правѣ и наслѣдственномъ владѣніи соблюдать, поддерживать и защищать будемъ, равно и наслѣдники наши соблюдать, поддерживать и защищать будутъ. Наконецъ, соизволяя Мы, дабы вышеписанное всѣмъ, кому слѣдуетъ, а особливо тѣмъ урядамъ и судебнымъ мѣстамъ королевства нашего, вѣдомству коихъ означенное имѣніе подлежитъ, извѣстно было, повелѣваемъ: вышеозначенное имѣніе В. К. Г. Ф. К. Браницкому въ законное владѣніе урядово отдать и настоящую Жалованную Грамоту нашу во всемъ привесть въ исполненіе и оную какъ сами почитать должны, такъ и другихъ почитать и соблюдать заставить обязаны для признательности нашей и по долгу своей обязанности. Во увѣреніе чего сію собственноручно нами подписанную печатью нашею утвердить повелѣли. Дано въ Варшавѣ 13 декабря 1774 года, царствованія же нашего 21 года. На подлинномъ подпись такова: Король Станиславъ Августъ. Пожалованная непремѣнная грамота на староство или имѣніе Бѣлоцерковъ со всѣми принадлежностями въ кіевскомъ воеводствѣ состоящее В. К. Г. Ф. К. Браницкому дается. Королевства статсъ-секретарь Реентъ канцеляріи королевской Камергеръ Гіяцинтъ Огродскій».

Приведенный документъ представляетъ тотъ интересъ, что 1) точно опредѣляетъ объемъ уступаемаго староства (извѣстный впрочемъ и изъ люстраціи 1765), 2) заключаетъ въ себѣ перечисленіе всѣхъ

существовавшихъ въ моментъ пожалованія поселеній (не вполнѣ совпадающее съ мостраціею) и, наконецъ, 3) опредѣляетъ права владѣльца по отношенію къ населенію имѣній: съ данями, податьми, сборами, рабочими днями, сторожами и со всякимъ повиновеніемъ крестьянъ, *обыкновенно ими выполняемымъ*». Въ дополненіе къ этому опредѣленію считаемъ не лишнимъ привести слѣдующее мѣсто изъ «Volumina legum», которымъ опредѣлялись права короля на уступленныя ему постояннымъ сеймомъ четыре староства, въ числѣ которыхъ было и Бѣлоцерковское: «My Krol przez takowe Nam oddanie w dziedzictwo wzwyż rzeczonych starostw, nie więcey sobie przywlaszczać będziemy nadto co dzisieysi possessorowie prawnie posiadaią: mieszczan zoś y chłopow w tychże starostwach w dziedzictwo dla Nas obroconych, *przy tych prawach y wolnosciach, ktorych do tych czas wżywali, zachowuiemy na zawsze* (Vol. leg. VIII, 209).

В. Щербина.

Ѳеофилъ Ленартовичъ. *(Некрологъ)* [1]). Въ недавнее время польская поэзія лишилась одного изъ самыхъ вдохновенныхъ своихъ представителей: 22 января (3 февраля) текущаго года умеръ во Флоренціи на 71-мъ году жизни Ѳеофилъ Ленартовичъ. Родился онъ 15 (27) февраля 1822-го года въ Варшавѣ, но дѣтство провелъ въ деревнѣ. Сынъ бѣдныхъ родителей, онъ едва окончилъ уѣздное училище. На 14-мъ году отъ роду нужно было уже думать о кускѣ хлѣба и поступить писцомъ въ контору одного изъ варшавскихъ адвокатовъ. Въ 1837-мъ году Ленартовичъ перешелъ на службу въ Варшавскій Сенатъ, гдѣ и получилъ 30-го октября 1842 г. штатное канцелярское мѣсто въ X-мъ департаментѣ съ жалованьемъ въ 120 рублей въ годъ. Во время варшавской службы онъ старался пополнить свое скудное образованіе изученіемъ польской литературы и общеніемъ съ болѣе образованными пріятелями. Здѣсь онъ примкнулъ къ литературному кружку молодежи, издававшему альманахъ *Nadwiślanin*, гдѣ

---

[1]) Источниками при составленіи настоящаго некролога служили статьи о Ленартовичѣ въ словаряхъ Губернатиса (Dizionario biografico, Firenze, 1879, p. 625—626—съ портретомъ), Оргельбранда (Encyklopedyja powszechna, t. VII, 1884, str. 128), въ исторіи польской литературы Здановича и Совинскаго (Rys dziejów literat. polskiej T. III, 1876, str. 642—654), въ журналѣ „Kraj“ 1893, № 5, str. 16—17 и библіографическія указанія въ книгахъ: Эстрейхера—Zestawienie przedmiotów zawartych w 136 tomach Biblioteki Warszawskiej, 1875, и Напроцкаго—Wiadomości bibliograficzne warszawski 1882—1886 гг.

и появились первыя его стихотворенія. Въ 1848-мъ году Ленартовичъ эмигрировалъ за границу и прожилъ нѣсколько лѣтъ по очереди въ Краковѣ, Бреславлѣ и Познани. Потомъ онъ отправился въ Парижъ и поселился въ Фонтенебло. Въ 1854-мъ году онъ перебрался въ Италію и жилъ сначала въ Римѣ, но нездоровый для его слабыхъ легкихъ римскій климатъ заставилъ его переѣхать во Флоренцію, гдѣ онъ основался окончательно и дожилъ до смерти. Съ 1861 г. онъ былъ женатъ на сестрѣ жены Мицкевича Софіи Шимановской, извѣстной своимъ талантомъ въ живописи, но потерялъ ее послѣ десятилѣтняго счастливаго супружества. Умерло и единственное дитя его отъ этого брака. Утѣшенія отъ семейныхъ горестей онъ искалъ въ музыкѣ, въ поэзіи и въ скульптурѣ, которой онъ со страстью предался подъ вліяніемъ жены и чудныхъ скульптурныхъ собраній Италіи. Произведенія его рѣзца пользуются у итальянскихъ художниковъ значительной славой.

Поэтической дѣятельности Ленартовича трудно дать сейчасъ обстоятельную и вѣрную оцѣнку, такъ какъ произведенія его частью не изданы, частью разсѣяны на протяженіи болѣе пятидесяти лѣтъ (1841—1892) въ газетахъ и журналахъ, полные экземпляры которыхъ могутъ найтись только въ большихъ библіотекахъ. Это сдѣлается возможнымъ только тогда, когда появится полное собраніе всѣхъ его сочиненій, какъ обнародованныхъ въ печати, такъ и оставшихся въ рукописяхъ. Для любителей библіографіи отмѣтимъ, что значительная часть стихотвореній Ленартовича сороковыхъ, пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ была помѣщена въ журналѣ *Biblioteka Warszawska*. Здѣсь напечатаны стихотворенія: Złota kaczka, Strzelec, Niema modlitwa (1843), Wspomnienie, Urywek, Rzeźbiarz, Wiersz do poezyi, Laokoon (1844) Obrońca Boski, Italia (1845), Zachwycenie, Wiochna, Mały światek, Widzenie (1853), Pasterz i rybak (1855), Paproć, Dzieci, Książę na Ostrogu (wyjątki z baśni), Ruskie piosnki ludowe: Trzy kukułki, Dwie zorze (1856), Karpacki dudarz, Z powrotem (1858), Niech będzie pochwalony Iezus Chrystus (1863), Historya o pani, co pana zabila, Moja kochanka (1869), Niemcy a Ghrobaty (u stępy z poematu—1870), Wiersz do Kornelego Ujejskiego (1871). Въ восьмидесятыхъ годахъ Ленартовичъ не имѣлъ опредѣленнаго органа, гдѣ онъ печатался-бы, а появлялся изрѣдка въ самыхъ различныхъ изданіяхъ. Изъ этого времени намъ извѣстны слѣдующія его стихотворенія: 1883 г.—Czarne ziele (Kuryer Warszawski № 5), Ustępyz poematu dramatycznego Socrates (Kronika rodzinna № 13,

Tygodnik illustrowany № 31), Chudoba poety (Kuryer warszawski № 232), Wiersz w albumie pani H. Kuczkowskiej (Tygodnik illustrowany № 36), Pani B. W. przesełając fotografię (Gazeta Lubelska № 279); 1885 г.—Nie zagroda a nagroda (Kronika rodzinna str. 673), Z nad morza (Kuryer warszawski № 1), Wyjątki z poematu dramat. Socrates (Bluszcz str. 9); 1886 г.—Modlitwa (Tygodnik illustrowany str. 862), Na wigilię (Kraj № 26), Preludyum Szopena (Echo muzyczne str. 131). Были и отдѣльныя изданія стихотвореній Ленартовича: мы знаемъ сборники—Szopka (Бреславль 1849), Lirenka (Познань 1851), Nowa Lirenka (два изданія—Познань 1857 и Варшава 1859), Poezye (два изданія—Варшава 1858 и Познань 1863), Album włoskie (1863) и отдѣльную брошюру—N. M. P. Studzieniecka, Warszawa 1857 in 16⁰. Въ словарѣ Губернатиса упоминается еще собраніе стихотвореній 1878 г., но мы нигдѣ не нашли точнаго его заглавія.

Въ общихъ чертахъ поэтическая дѣятельность Ленартовича распадается на два періода. Въ первомъ онъ былъ преимущественно народнымъ поэтомъ, писалъ народнымъ языкомъ и стремился обрабатывать темы изъ устной народной словесности. Любимой книгой его за это время былъ сборникъ народныхъ пѣсенъ Жеготы Паули (Pieśni ludu polskiego w Galicyi—zebrał Żegota Pauli, Lwów 1838, 8⁰, str. 240). Съ шестидесятыхъ годовъ Ленартовичъ погрузился въ прошедшее и сталъ заимствовать темы изъ исторіи—польской, славянской и классической. Были напечатаны отрывки изъ его поэмъ: Янъ Собѣскій, Косцюшко, Ванда, Сократъ и т. д.

Поэзія перваго періода дѣятельности Ленартовича оказала вліяніе на творчество малорусскаго поэта Степана Руданскаго, который скорѣе подражалъ родственному по духу Ленартовичу, нежели поэтамъ совершенно другой среды—Кольцову и Некрасову, какъ это предполагаетъ Н. И. Петровъ [1]). Приведемъ здѣсь одно изъ переведенныхъ Руданскимъ стихотвореній Ленартовича, которое прекрасно характеризуетъ первую манеру этого поэта [2]).

Ластивка.

Иде дивчына—сыротына,
Тяженько здыхае,
А ластивка по-надъ нею
Кругамы литае;

---

[1]) См. Очеркъ исторіи Украин. Литературы, Кіевъ 1884, стр. 444 и замѣтки Ивана Франка „До студій надъ Ст. Руданьскимъ“ въ галицкомъ журналѣ „Зоря“ 1892, №№ 1 и 16.

[2]) См. Основа, 1861, мартъ, стр. 51—52.

И литае и щебече,
По-надъ нею вьется,
Мало-мало крылечками
У косы не бьется.
„Чого вьесся, чого бьесся?
Покынь мене, пташко,
Покынь мене, моя пташко,
Бо й такъ мени важко“!
— Не покыну, не покыну,
А буду литаты:
Буду тоби за братыка
Твого щебетаты;
Бо твій братыкъ що-день Божый
Плаче у темныци:
Навидайся, мыла пташко,
До моій сестрыци:
Чы ще вона свого брата
Добромъ спомынае?
Чы ще вона по братови
Слёзы пролывае!

А. Стороженко.

Библіографія.

Опытъ русской исторіографіи В. С Иконникова, профессора университета св. Владиміра. Кіевъ. 1891—1892. Томъ I часть первая стр. VIII+882+CCXXII. Томъ I часть вторая отъ 883 по 1539 стр.+отъ CCXXIII по CCLXXI+149 стр.

«Кіевская Старина»—въ большомъ долгу предъ читателями, не познакомивъ ихъ до сихъ поръ съ самымъ выдающимся явленіемъ нашей историографической литературы за послѣднее время, трудомъ профессора кіевскаго университета В. С. Иконникова, *Опытъ русской исторіографіи* [1]).

Трудъ этотъ вышелъ въ свѣтъ почти уже годъ тому назадъ и долго ожидался съ большимъ нетерпѣніемъ всѣми, заинтересованными развитіемъ исторической науки въ Россіи. Изрѣдка о немъ проникали слухи въ печать: казалось, мы наканунѣ выхода книги; къ сожалѣнію только, разныя побочныя обстоятельства и служебныя занятія автора отвлекали его отъ главнаго дѣла, принуждали надолго прерывать работу и тормозили, такимъ образомъ, выходъ книги, такъ что вмѣсто того, чтобы явиться въ свѣтъ къ 50-лѣтнему юбилею университета св. Владиміра (1884 г.). которому она и посвящена, какъ университету, воспитавшему автора и въ которомъ онъ состоитъ профессоромъ—книга явилась много лѣтъ спустя. Но отъ этого, конечно, ни достоинство книги, ни ея значеніе для русской исторіографіи нисколько не умалились, какъ это можно было предполагать и раньше, имѣя въ виду, что за дѣло взялся такой человѣкъ,

[1]) Въ одной изъ ближайшихъ книжекъ редакція „Кіевской Старины“ надѣется помѣстить обстоятельную статью о значеніи труда проф. В. С. Иконникова спеціально для малорусской исторіографіи. Ред.

какъ проф. В. С. Иконниковъ, отличающійся замѣчательною, щепетильной, сказали бы мы, добросовѣстностью въ своихъ научныхъ трудахъ. Не смотря на то, что книга проф. Иконникова печаталась много лѣтъ, она *нисколько* не устарѣла при своемъ выходѣ, въ ней сдѣланы соотвѣтствующія измѣненія, добавленія и поправки, и книга, по вѣрному выраженію академика К. Н. Бестужева-Рюмина, *является доведенной, такъ сказать, до вчерашняго дня.*

Нечего и говорить о томъ, сколько затрудненій пришлось преодолѣть автору, подготовляя свой трудъ. Можно даже сказать, что рѣшиться предпринять такой трудъ, какъ *«Опытъ русской исторіографіи»* и удовлетворительно выполнить его могъ только проф. Иконниковъ, съ его замѣчательнаго начитанностью, съ его удивительной усидчивостью, съ его добросовѣстностью въ научныхъ трудахъ, сказали мы, доходящей до щепетильности.

О происхожденіи своей книги, задачахъ ея и о тѣхъ трудностяхъ, которыя пришлось преодолѣть при ея составленіи В. С. Иконниковъ говоритъ слѣдующее. «Въ теченіе своей преподавательской дѣятельности автору не однократно приходилось излагать курсъ *исторіографіи* или спеціальные отдѣлы его. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ интересомъ библіографа онъ слѣдилъ за текущей литературой своего предмета; а во время поѣздокъ на археологическіе съѣзды (до 1881 г.) ему удалось собрать и не мало библіографическихъ рѣдкостей или мѣстныхъ изданій, не всегда проникающихъ въ другіе концы Россіи. Такъ, постепенно составился тотъ матеріалъ, который послужилъ основаніемъ для настоящаго труда. Въ этомъ отношеніи автору приходилось работать еще въ то время, когда значительная часть новѣйшихъ библіографическихъ изданій и описаній архивовъ и библіотекъ не появлялась въ свѣтъ. Впрочемъ, заботясь о библіографической полнотѣ, онъ далекъ былъ отъ мысли придавать своему труду подобное значеніе и вовсе не думаетъ замѣнять имъ необходимость въ другихъ библіографическихъ справкахъ. Такое исключительное значеніе настоящаго труда и немыслимо было бы даже по самому положенію его автора. Хотя онъ могъ располагать довольно полными отдѣлами старинной литературы, которыми богата мѣстная университетская библіотека, и не менѣе систематически подобранной собственной библіотекой, но все таки не рѣдко онъ не въ состояніи былъ воспользоваться своевременно справками въ томъ или другомъ изданіи, а иногда вынужденъ былъ и вовсе отказываться отъ нихъ, не находя необходимыхъ пособій на мѣстѣ, вслѣдствіе этого ему

приходилось замедлять свою работу или подвергать ее разнымъ другимъ неудобствамъ. При существованіи въ Петербургѣ такихъ библіотекъ, какъ Императорская Публичная и Академическая, а въ Москвѣ Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ, указанныя неудобства легко устраняются.

Съ другой стороны, служебныя, литературныя и т. п. обязанности постоянно отвлекали автора отъ главнаго предмета его занятій. Прочитавъ вновь вышедшее изслѣдованіе, въ особенности, по вопросу его интересовавшему, авторъ не всегда могъ остаться на столько равнодушнымъ, чтобы не высказаться по поводу его, а получивъ любопытное собраніе матеріаловъ,—не составить иной разъ монографіи или очерка. Впрочемъ, такое отвлеченіе въ сторону являлось иногда даже потребностью для него среди однообразія и тягостей настоящей работы. А между тѣмъ, благодаря указаннымъ обстоятельствамъ, ему приходилось нерѣдко оставлять эту послѣднюю на нѣсколько мѣсяцевъ и ожидать болѣе или менѣе благопріятнаго настроенія, которое такъ необходимо въ ученой работѣ, но которое, какъ часто бываетъ, уже не возвращалось къ нему (см. Эристика А. Шопенгауэра стр. VII).

Такимъ образомъ явилась надобность въ *дополненіяхъ*, помѣщенныхъ въ концѣ каждой части, въ которыя авторъ внесъ потомъ и нѣкоторыя другія подробности. Быть можетъ, если бы онъ предвидѣлъ всѣ эти трудности, то и не рѣшился предпринять настоящій свой трудъ, а занялся бы другими вопросами, болѣе или менѣе имъ обработанными, представивъ собраные имъ матеріалы болѣе счастливому изслѣдователю. Вотъ почему авторъ предпочелъ назвать этотъ трудъ только «опытомъ», даже болѣе: онъ готовъ считать его лишь «матеріаломъ» для будущей исторіографіи. Тѣмъ не менѣе онъ позволяетъ себѣ думать, что трудъ его можетъ имѣть еще и другое значеніе, помимо чисто библіографическаго интереса. При внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи, на основаніи его можно составить сводъ данныхъ о многихъ малоизвѣстныхъ памятникахъ, о переводной русской литературѣ въ древній и новый періоды нашей письменности, или установить принадлежность нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ извѣстнымъ писателямъ. Точно также, на основаніи сообщаемыхъ данныхъ можно прослѣдить, какіе умственные интересы господствовали въ русскомъ обществѣ въ ту или другую эпоху или какіе умственные или литературные вкусы существовали въ средѣ представителей и общественныхъ дѣятелей. Но, предлагая въ своей

книгѣ библіографическія указанія потому или другому вопросу, о томъ или другомъ памятникѣ, авторъ считалъ уже излишнимъ сообщать перечень всѣхъ сочиненій и статей, если они указаны въ одномъ изъ позднѣйшихъ изслѣдованій, приведенныхъ у него». (Предисловіе стр. V—VII).

Авторъ понимаетъ *исторіографію* какъ «критическое изученіе источниковъ и литературы исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи». Такъ онъ понимаетъ и задачу своего труда. «Вначалѣ онъ думалъ ограничиться только небольшимъ очеркомъ тѣхъ вопросовъ, которымъ посвященъ настоящій (первый) томъ; но предпринятыя у насъ обширныя и многочисленныя изданія, заключающія въ себѣ описанія и извлеченія матеріаловъ, хранящихся въ различныхъ архивахъ и библіотекахъ—правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ, а въ связи съ этимъ—систематическая разработка архивныхъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Россіи, побудили автора дать настоящей части его труда вполнѣ самостоятельное значеніе. Такимъ образомъ послѣдняя, по плану автора, заключаетъ въ себѣ какъ обозрѣніе основнаго матеріала, рукописнаго и печатнаго, такъ и трудовъ тѣхъ изслѣдователей и труженниковъ, которые содѣйствовали собиранію и обнародованію этого матеріала, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣдко и главными двигателями въ его разработкѣ. Систематическій обзоръ источниковъ русской исторіи и исторія развитія ея науки составятъ вторую часть предпринятаго труда». (стр. 258).

Первый томъ *Опыта* проф. Иконникова распадается на два отдѣла. Большая часть перваго отдѣла посвящена изложенію, такъ сказать, теоретической стороны исторической науки и ея вспомогательныхъ знаній: авторъ приводитъ здѣсь массу мнѣній, принадлежащихъ болѣе или менѣе авторитетнымъ ученымъ. Касаясь вопроса о предметѣ исторіи, авторъ излагаетъ взгляды на нее въ различныя эпохи и отношеніе въ различныя эпохи къ историческому матеріалу; касается затѣмъ общаго хода исторической критики въ его историческомъ развитіи; положенія исторіи въ ряду другихъ наукъ; вопроса объ оцѣнкѣ свидѣтельствъ, разнообразіи историческаго матеріала, относительнаго значенія источниковъ, преданій и миѳовъ; указываетъ на значеніе скептицизма въ разработкѣ исторической науки и въ заключеніе *первой главы* говоритъ объ условіяхъ разработки русской исторіи. *Вторая глава* посвящена вспомогательнымъ знаніямъ и способамъ ихъ примѣненія къ исторической критикѣ; архивнымъ матеріаламъ и ихъ изданіямъ; письменнымъ и ве-

щественнымъ памятникамъ и ихъ практическому изученію. *Третья* занимается вопросами внутренней исторической критики: авторъ касается вопроса о воспроизведеніи фактовъ, о причинахъ и слѣдствіяхъ, о сравнительномъ методѣ, гипотезахъ, культурной исторіи, философіи исторіи, вопроса о значеніи личности въ исторіи, о единствѣ въ исторіи, историческомъ законѣ, статистическомъ методѣ, прогрессѣ, субъективизмѣ; вліяніи времени, національныхъ чертахъ— и указавъ затѣмъ на качества, требуемыя отъ историка и на значеніе исторіи, въ заключеніе главы дѣлаетъ обзоръ трудовъ по русской исторіографіи. *Четвертая глава* посвящена исторіи книжнаго дѣла въ Россіи до XIX столѣтія: читатель найдетъ здѣсь довольно подробныя свѣдѣнія о началѣ книжнаго дѣла въ Россіи: о перепискѣ и собираніи рукописей, о московской библіотекѣ и царскомъ архивѣ, о книгопечатаніи, о заботахъ Петра о сохраненіи матеріаловъ и памятниковъ древности. Глава оканчивается обзоромъ распоряженій правительства и частныхъ разысканій до конца XVIII вѣка.

Пятая глава посвящена находкамъ и открытію матеріаловъ въ первой четверти XIX вѣка, причемъ дѣятельность гр. Н. П. Румянцева и его сотрудниковъ разсмотрѣна такъ подробно, что эта часть представляетъ изъ себя цѣлую монографію. Въ главѣ же пятой читатель найдетъ свѣдѣнія объ ахреографической экспедиціи, устроенной при участіи Румянцева, и описаніяхъ библіотекъ и архивовъ. Въ *шестой главѣ* изложена исторія дѣятельности археографическихъ экспедицій и коммиссіи; мѣстныхъ коммиссій для описанія и изданія актовъ и памятниковъ древности и трудовъ статистическихъ комитетовъ.

Глава седьмая занята обзоромъ ученыхъ обществъ въ Россіи и иностранныхъ ученыхъ обществъ, касающихся Россіи; а затѣмъ обзоромъ періодическихъ изданій и сборниковъ матеріаловъ и библіографіей изданій.—Этимъ и заканчивается первый отдѣлъ перваго тома.

Второй отдѣлъ посвященъ исключительно обзору архивовъ и библіотекъ. *Въ первой главѣ* авторъ высказываетъ взглядъ на архивное дѣло въ Россіи въ разное время, и дѣлаетъ обзоръ правительственныхъ и центральныхъ архивовъ, ихъ описаній и изданныхъ матеріаловъ. *Вторая глава* занята архивами губернскими, областными, городскими, войсковыми и сословными; а *третья* обозрѣваетъ епархіальные, монастырскіе и церковные архивы и библіотеки; раскольничьи собранія рукописей; архивы и библіотеки римско-католической церкви и протестанскихъ общинъ въ Россіи.

Четвертая глава касается библіотекъ духовнаго вѣдомства—Синодальной и типографской, духовныхъ академій, духовныхъ семинарій и училищъ. *Пятая* посвящена правительственнымъ и общественнымъ библіотекамъ: Императорскому Эрмитажу; Дворцовой библіотекѣ въ г. Павловскѣ; Императорской Публичной библіотекѣ; Московскому Публичному и Румянцевскому музеямъ и мѣстнымъ публичнымъ библіотекамъ. *Шестая* обнимаетъ библіотеки, архивы и музеи Импер. академіи наукъ, университетовъ, учебныхъ заведеній и ученыхъ обществъ; коллекціи статистическихъ комитетовъ, археографическихъ коммиссій, археологическаго института и коллекціи губернскихъ ученыхъ архивныхъ коммиссій. *Седьмая глава* дѣлаетъ обзоръ фамильныхъ и частныхъ архивовъ и библіотекъ въ Россіи, а *восьмая*—музеевъ, какъ хранилищъ памятниковъ вещественныхъ, древностей и искусствъ. Читатель найдетъ здѣсь свѣдѣнія о музеяхъ правительственныхъ, общественныхъ, церковныхъ и частныхъ въ Россіи, объ оружейной палатѣ, московскомъ Историческомъ музеѣ; Эрмитажѣ; Академіи художествъ, о музеяхъ разныхъ вѣдомствъ, городскихъ, церковныхъ, частныхъ.

Послѣдняя *девятая* глава содержитъ въ себѣ свѣдѣнія объ иностранныхъ архивахъ, библіотекахъ и музеяхъ, касающихся Россіи: правительственныхъ, церковныхъ и частныхъ Италіи, Австріи, Саксоніи, Пруссіи и др. нѣмецкихъ земель, а также Швеціи, Даніи, Голландіи, Англіи, Франціи, Испаніи, Бельгіи и Швейцаріи, славянскихъ земель, Востока, Аѳона и патріархатовъ.

Таково въ общемъ содержаніе труда проф. Иконникова. Изъ одного этого голаго перечня, сдѣланнаго нами, читатель можетъ видѣть, какую массу свѣдѣній сообщаетъ авторъ и какое, поэтому, значеніе можетъ имѣть его книга для всякаго интересующаго исторіей русской исторической науки, не говоря уже о спеціалистахъ, для которыхъ трудъ проф. В. С. Иконникова долженъ сдѣлаться прямо такъ необходимой, настольной книгой. Нужно имѣть при этомъ въ виду ту полноту и обстоятельность, которая на каждомъ шагу поражаетъ читателя книги нашего автора: лучшій знатокъ нашей исторіографіи академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ говоритъ, что онъ умышленно старался найти пропуски, старался заподозрить книгу въ неполнотѣ, но его подозрѣнія оказались неосновательными. Такое достоинство придаетъ, конечно, книгѣ еще большее значеніе.

Чтобы оцѣнить значеніе труда проф. Иконникова въ русской исторіографіи, не нужно забывать, что ему приходилось работать на

пути почти новомъ. Мы этимъ не хотимъ сказать, что у профессора Иконникова совсѣмъ не было предшественниковъ, занимавшихся исторіографіей. Они были; но ихъ было съ одной стороны слишкомъ мало, а съ другой труды ихъ носили частичный характеръ, были посвящены то отдѣльнымъ эпизодамъ въ исторіи развитія исторической науки, то даже отдѣльнымъ лицамъ или группамъ лицъ и далеко не охватывали предмета во всемъ его объемѣ, какъ дѣлаетъ это трудъ проф. Иконникова, задачей котораго, какъ мы сказали, было «критическое изученіе источниковъ и литературы исторіи въ ихъ постепенномъ развитіи» (стр. 258).

Начало русскихъ библіографическихъ и историческихъ трудовъ нужно отнести ко времени царствованія Петра, съ именемъ котораго тѣсно связано начало разработки русской исторіи. Первыми учеными, занимавшимися изученіемъ и описаніемъ источниковъ русской исторіи и литературы были иностранцы—академикъ Коль и датчанинъ Ад. Селій. Но особенно библіографическій интересъ пробудился въ царствованіи Екатерины II, какъ то показываютъ труды Бакмейстера, Новикова, Шторха, Аделунга, Сопикова. Въ это же собственно время начинаютъ появляться и труды, посвященные историческимъ вопросамъ. Извѣстный Г. Ф. Миллеръ въ своемъ *«Опытѣ новѣйшей исторіи Россіи»* говоритъ о лѣтописяхъ, хронографахъ, архивныхъ и др. документахъ, которыми ему пришлось пользоваться; а знаменитый Шлёцеръ далъ во введеніи къ своему *Нестору* обзоръ *источниковъ* и *исторію русской исторіи* по 1800 г. включительно.

Въ началѣ XIX ст. профессоръ московскаго университета Буле поднимаетъ вопросъ о необходимости критическаго обзора источниковъ русской исторіи и въ первомъ томѣ своего *Versuch einer kritischen Literatur der russischen Geschichte* разсматриваетъ литературу древнѣйшей сѣверной исторіи. Почти въ то же время въ «Вѣстникѣ Европы» появляются знаменитыя статьи Каченовскаго *«Объ источникахъ для русской исторіи»*, гдѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ и критику лѣтописей, хронографовъ и книгъ родословныхъ.

Въ 1827 году неудачную попытку историческаго труда сдѣлалъ Зиновьевъ въ своей диссертаціи, признанной неудовлетворительною: *«О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской исторіи»*. «Авторъ подробно говоритъ объ исторической критикѣ, о происхожденіи Русскаго государства, объ источникахъ вообще, ссылаясь въ своихъ сужденіяхъ о нихъ, главнымъ образомъ, на мнѣнія Шлё-

цера; дѣлаетъ перечень писателей, впрочемъ почти безъ всякой критики и считаетъ свое время счастливѣйшею эпохою для нея; но все это изложено кратко и поверхностно». (Стр. 260—261). Нѣсколько шире труда Зиновьева по объему и систематичнѣе является диссертація А. Ѳ. Ѳедотова (проф. Демид. лицея). *«О главнѣйшихъ трудахъ по части критической русской исторіи»*. Авторъ начинаетъ свой обзоръ съ Байера, Миллера и Шлёцера и доводитъ до своего времени (1839 г.), вкратцѣ говоря о систематическихъ сочиненіяхъ до Карамзина и подробнѣе о Карамзинѣ и современныхъ ему изслѣдователяхъ (Лербергѣ, Эверсѣ, Кругѣ).

Въ 1834 году отмѣтимъ трудъ П. М. Строева *«Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія, до начала XVIII ст.*, а въ 1836 году докторскую диссертацію Устрялова *О системѣ прагматической русской исторіи*, въ которомъ разсмотрѣны, главнымъ образомъ, труда Карамзина и Полеваго.

Къ 1845 году относится книга А. В. Александрова *«Современные историческіе труды въ Россіи»* (Каченовскаго, Погодина, Устрялова и др.)—рядъ писемъ къ издателю *Маяка* въ защиту *славянской школы*, безъ всякой системы и обработки. Къ тому жъ времени (40—50 годамъ) относятся и труды А. В. Старчевскаго *«Очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина»*, *Н. М. Карамзинъ. «Русская историческая наука въ первой половинѣ XIX ст.*, *«О заслугахъ Румянцева, оказанныхъ отечественной исторіи.* Труды эти представляютъ изъ себя обзоръ источниковъ, сочиненій, изданій; замѣчанія же автора носятъ скорѣй библіографическій и біографическій характеръ и мало касаются критической стороны дѣла.

Инымъ характеромъ отличается трудъ Н. Иванова, бывшаго сначала казанскимъ, а затѣмъ дерптскимъ профессоромъ. Трудъ этотъ напечатанъ только отчасти. «Въ началѣ его идутъ общія теоретическія понятія объ идеѣ исторіи и ея обработкѣ, изложенныя въ славянофильскомъ направленіи. Затѣмъ онъ разсматриваетъ источники русской исторіи въ такомъ порядкѣ: monumenta illiterata, куда входятъ памятники вещественные и бытъ народа (миѳологія, пѣсни, праздники и пр.) и monumenta literata. При обозрѣніи послѣднихъ авторъ съ особою подробностью останавливается на лѣтописяхъ, разсматривая какъ печатные, такъ и рукописные списки, хранившіеся тогда въ разныхъ библіотекахъ. Изъ другихъ источниковъ онъ касается: степенныхъ книгъ, хронографовъ, сказаній, записокъ, государственныхъ актовъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма кратко, а также

иностранныхъ писателей о Россіи: византійскихъ, восточныхъ и западныхъ. Послѣдніе указаны хотя не всѣ, но съ достаточною полнотою.

Гораздо подробнѣе изложена часть, посвященная обработкѣ русской исторіи (пособія для отечественной исторіи), начиная съ первыхъ попытокъ въ этомъ родѣ (ранѣе Татищева) до XIX в. включительно. Обозрѣніе ея раздѣляется на общія сочиненія, причемъ болѣе подробно говорится о Карамзинѣ, Полевомъ и Устряловѣ, и на спеціальные труды по части русской исторіи. Въ числѣ послѣднихъ нашли подобающее мѣсто: дѣятельность археографической экспедиціи и коммиссіи и ученыя общества (Москов. истор., общества Остзейскаго края и Одесское истор. о-во), наконецъ скептическая школа и ея противники (Погодинъ, Бутковъ)» (стр. 263—264).

С. М. Соловьеву принадлежатъ слѣдующіе труды по исторіографіи: 1) *Писатели русской исторіи XVIII вѣка*—обзоръ дѣятельности Манкіева, Татищева, Ломоносова, Тредьяковскаго, кн. Щербатова, Болтина, Эмина, Елагина и м. Платона (арх. Калачова) 2) *Ѳ. И. Миллеръ* (современникъ). 3) *Шлецеръ* (Рус. Вѣст.) и *«Шлецеръ и антиисторическая критика»* (Ibid). 4) *Карамзинъ и его литературная дѣятельность.* (Отеч. Зап.). 5) *М. Т. Каченовскій* (Біогр. слов. моск. у—та). 6) *Очеркъ исторіи Малороссіи* (От. Зап.), гдѣ критически разсмотрѣны нѣкоторыя источники, относящіеся къ исторіи послѣдней.

Спеціально же источникамъ Малороссіи посвящено и изслѣдованіе Г. Э. Карпова *«Критическій обзоръ разработки главныхъ источниковъ, до исторіи Малороссіи относящихся»* (М. 1870).

П. В. Знаменскій сдѣлалъ оцѣнку «трудовъ русскихъ источниковъ XVIII вѣка» Татищева, Щербатова и Болтина,—главнымъ образомъ, «въ отношеніи къ русской церковной исторіи», но въ связи съ общимъ направленіемъ литературы того времени (Труды кіев. дух. акад. 1862); а И. В. Ланюковъ въ своихъ *Очеркахъ русской исторіографіи* далъ «систематическій, хотя и не полный обзоръ *источниковъ и обработки* исторіи». (Кіев. ун. изв. 1869).

Одно изъ видныхъ мѣстъ въ исторіографіи послѣдняго времени принадлежитъ безспорно академику К. Н. Бестужеву-Рюмину, болѣе или менѣе обстоятельныя рецензіи котораго сопровождаютъ появленіе почти всѣхъ значительныхъ трудовъ по русской исторіи, главнымъ образомъ, до-Петровскаго времени. Изъ болѣе крупныхъ библіографическихъ и историческихъ трудовъ г. Бестужева-Рюмина проф.

В. С. Иконниковъ перечисляетъ слѣдующіе: 1) *Современное состояніе русской исторіи, какъ науки* (Моск. обоз.)—статья, написанная по поводу исторіи Соловьева и представляющая очеркъ развитія исторической науки русской исторіи отъ Щербатова; причемъ авторъ особы вниманіе удѣляетъ представителямъ историко-юрид. школы Соловьеву, Тюрину, Кавелину, Чичерину. 2 и 3) рядъ статей по поводу сочиненій Соловьева, Устрялова, Погодина, Арцыбашева. 4) Обзоръ историко-юридическихъ сочиненій Кавелина, Дмитріева Чичерина. 5) *Славянофильское ученіе и его судьба въ рус. литературѣ* (по поводу соч. К. Аксакова, Кирѣевскаго, Хомякова). 6) *Біографіи и характеристики* (Татищевъ Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ, Соловьевъ и Ешевскій). 7) *О составѣ русскихъ лѣтописей до к. XIV в.* 8) *Очеркъ русской исторіографіи* въ I т. «Русской исторіи» и 9) Лекціи по исторіографіи, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ 1881—1882 гг.

Самымъ важнымъ изъ историческихъ трудовъ К. Н. Бестужева-Рюмина, безъ сомнѣнія, является для насъ *«Очеркъ русской исторіографіи»* въ I т. «Русской исторіи». Представляя изъ себя обзоръ источниковъ и исторію литературы, трудъ этотъ сопровождается обширными библіографическими указаніями и являлся произведеніемъ единственнымъ въ своемъ родѣ, нѣсколько напоминающемъ *Опытъ русской исторіографіи* проф. Иконникова, хотя, само собой разумѣется, ни по полнотѣ, ни по обстоятельности разработки онъ не можетъ сравниться съ послѣднимъ, на что ужь указываетъ число страницъ, посвященныхъ однимъ и тѣмъ же вопросамъ—у г. Бестужева ок. 200, у проф. Иконникова ок. 2000.

Послѣ труда К. Н. Бестужева вплоть до появленія книги В. С. Иконникова не появлялось болѣе или менѣе значительныхъ трудовъ по русской исторіографіи. Объемистый трудъ М. О. Кояловича *«Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ»* —является скорѣй историческимъ памфлетомъ, чѣмъ ученымъ трудомъ: «слѣдя главнымъ образомъ за развитіемъ общаго взгляда, выраженнаго въ самомъ заглавіи сочиненія, авторъ впадаетъ въ крайній субъективизмъ, послѣдователемъ котораго (въ извѣстномъ направленіи) онъ и объявляетъ себѣ. Эта основная точка зрѣнія особенно сказывается въ отношеніи къ нѣкоторымъ писателямъ, оказавшимъ, однако, несомнѣнныя услуги русской исторіи (Миллера, Шлецера и др.). Опредѣленія разныхъ направленій въ русской исторіографіи и ихъ характеристики не всегда точны и еще

менѣе вѣрны. Библіографія вопросовъ, входящихъ въ названный трудъ, также страдаетъ значительною неполнотою. Прибавимъ, наконецъ, что въ свое время этотъ трудъ вызвалъ со стороны русскихъ историковъ рядъ замѣчаній и возраженій, отличающихся рѣдкимъ въ спорныхъ вопросахъ единомысліемъ» [1]).

Инымъ характеромъ отличается статья П. Н. Милюкова «*Юридическая школа въ русской исторіографіи*», представляющая довольно обстоятельную оцѣнку значенія трудовъ Соловьева, Чичерина, Кавелина и г. Сергѣевича въ исторіи развитія русской исторической науки (Рус. Мысль). Она является, безъ сомнѣнія, цѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ области русской исторіографіи.

Кромѣ всѣхъ названныхъ трудовъ и въ другихъ сочиненіяхъ: Карамзина, Татищева, Костомарова, Порфирьева, Срезневскаго, Замысловскаго и пр. можно найти болѣе или менѣе обстоятельные указатели и обзоры литературы и источниковъ, относящихся къ извѣстному періоду, эпизоду, лицу и пр.; есть и труды, посвященные критическому разбору, болѣе или менѣе обстоятельному, отдѣльныхъ трудовъ или ихъ серій, какъ критическія замѣтки проф. М. Ф. Владимирскаго-Буданова, Н. П. Загоскина, М. М. Ковалевскаго и др.; но въ трудахъ этихъ въ рѣдкихъ случаяхъ, да и то мимоходомъ, указывается на исторію разработки извѣстнаго вопроса и къ нимъ поэтому, не примѣнима та мѣрка, съ которой мы должны подходить къ труду проф. В. С. Иконникова и вообще къ подобнаго рода трудамъ, имѣющимъ цѣлью «критическое изученіе источниковъ и литературы исторіи въ ихъ *постепенномъ* развитіи», т. е. къ трудамъ *исторіографическимъ* въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Если мы припомнимъ теперь содержаніе книги проф. В. С. Иконникова и тотъ краткій очеркъ развитія исторіографической литературы, который мы привели выше—намъ станетъ ясна заслуга автора *Опыта русской исторіографіи*, какъ самостоятельнаго труженника въ этой области и вполнѣ опредѣлится все громадное значеніе его труда».

Трудъ кіевскаго профессора рѣзко вообще отличается не только отъ библіографическихъ обзоровъ, но и отъ всего, что до него было сдѣлано, собственно въ области исторіографіи. Онъ не является простою сводкою всего предыдущаго, только съ дополненіями автора; сводкою онъ и быть не могъ, ужъ по одному тому, что въ той области, которую

[1]) В. С. Иконниковъ. Опытъ русской исторіографіи стр. 258—269.

затрогиваетъ первый вышедшій томъ труда, мало, почти ничего не было сдѣлано. Автору, поэтому, приходилось самому подолгу останавливаться надъ многими вопросами, входить въ ихъ детальное разсмотрѣніе и давать въ своемъ трудѣ главы, которыя, по своей обстоятельности, и полнотѣ могутъ прямо таки назваться отдѣльными монографіями. Къ числу такихъ, напримѣръ, главъ принадлежитъ глава вторая перваго отдѣла, посвященная вопросу о вспомогательныхъ знаніяхъ, особенно малоразработанному у насъ, въ Россіи: археологіи съ ея подраздѣленіями, палеографіей, дипломатикой, сфрагистикой, геральдикой, нумизматикой, древностями искусствъ и быта; генеалогіи, хронологіи, исторической географіи и др. Авторъ сообщаетъ читателю теоретическія и практическія свѣдѣнія для пользованія каждымъ изъ этихъ вспомогательныхъ знаній, и свѣдѣнія эти имѣютъ особую цѣну потому, что у насъ, вѣдь, въ Россіи нѣтъ ни палеографическихъ атласовъ, ни палеографическихъ, дипломатическихъ руководствъ. Даже такой, напр., предметъ, какъ хронологія, съ которой приходится постоянно возиться изслѣдователямъ русской и западнорусской исторіи, не вызвалъ спеціальнаго пособія, какое имѣется, напримѣръ, въ Германіи, въ видѣ Handbuch der Chronologie Grotefend'a. Поэтому особенно цѣнны 145—152 стр. труда г. Иконникова, посвященныя спеціально русской хронологіи, такъ какъ смѣна мартовскаго года сентябрьскимъ, вліяніе католическаго счета на с.-з. Русь, особенность новгородскаго счета времени часто таки вносили путаницу въ историческія изслѣдованія.

Изъ другихъ обстоятельнѣйшихъ и вполнѣ самостоятельныхъ главъ назовемъ обширную главу, посвященную роли Н. П. Румянцева въ исторіи русской исторіографіи, гдѣ авторъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ знакомитъ читателя съ замѣчательнымъ эпизодомъ въ исторіи развитія русской исторической науки. Не менѣе важны и обстоятельны главы о дѣятельности археографической экспедиціи и коммиссіи, а также о дѣятельности русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществъ по отношенію къ разработкѣ науки русской исторіи. Обзоръ дѣятельности обществъ—опять таки новость, которая почти не затрогивалась въ прежнихъ историографическихъ трудахъ.

Но что придаетъ особенную цѣну труду В. С. Иконникова и что особенно заставляетъ цѣнить заслугу его, какъ автора *Опыта русской исторіографіи*, такъ это обзоръ нашихъ архивовъ и библіотекъ, о которыхъ русская публика, даже и ученая, имѣла въ большинствѣ случаевъ только смутное представленіе. Обзору этому посвя-

щена большая часть перваго тома (съ 377 стр.). Изложивъ вообще исторію архивнаго дѣла въ Россіи и взглядъ на него у представителей науки и администраціи въ разное время, авторъ начинаетъ свое обозрѣніе съ правительныхъ архивовъ, а именно съ *архива м—ва иностранныхъ дѣлъ* въ Москвѣ, переходя затѣмъ къ ученымъ учрежденіямъ и пр. Говоря о томъ или другомъ архивѣ, авторъ сообщаетъ исторію его возникновенія, называетъ лицъ, работавшихъ въ немъ, архивныя научныя изданія, описанія документовъ и пр. Такимъ образомъ, читатель не только знакомится съ содержаніемъ архива, но имѣетъ возможность опредѣлить роль того или другаго архива въ исторіи развитія русской исторической науки. Если смотрѣть та вопросъ съ этой послѣдней точки зрѣнія, то книга проф. Иконникова даетъ богатый уже матеріалъ для болѣе основательнаго рѣшенія архивнаго дѣла, которое до сихъ поръ рѣшалось въ большинствѣ случаевъ путемъ простыхъ разсужденій, почти безъ фактовъ.

Въ отдѣлѣ объ архивахъ особенное вниманіе привлекаетъ глава о частныхъ архивахъ и библіотекахъ (глава VII 2 го отд.). Глава эта представляетъ совершенную новость въ нашей исторіографіи, такъ какъ до сихъ поръ никто кажется не рѣшался взяться за такую трудную и вмѣстѣ съ тѣмъ такую неизвѣстную задачу. Правда, изрѣдка появлялись въ печати извѣстія о томъ или другомъ собраніи книгъ и рукописей. но извѣстія эти, конечно, были случайными, о многихъ же собраніяхъ почти никто не вѣдалъ или зналъ только ближайшій кругъ знакомыхъ. Заслуга проф. В. С. Иконникова заключается въ томъ, что онъ собралъ и свелъ воедино всю печатную литературу о частныхъ архивахъ и затѣмъ самъ ужъ путемъ сношеній съ частными лицами, путемъ разспросовъ старался собрать свѣдѣнія о всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ частныхъ книго и бумагохранилищахъ. Что это былъ за трудъ—легко догадаться, зная, что проф. Иконникову приходилось имѣть дѣло съ людьми русскими, отличающимися часто халатностью, эгоизмомъ, неуваженіемъ чужаго труда или невниманіемъ къ нему, а потому и не легко откликающимися на подобнаго рода просьбы. Можно, конечно, и даже можетъ быть, даже отчасти, поэтому, сказать, а priori, что въ главѣ о частныхъ архивахъ у проф. Иконникова будутъ пропуски; но это понятно, нисколько не умалить его громадной заслуги предъ русской исторической наукой. Все, что мы говорили сейчасъ о частныхъ архивахъ, можно сказать, и о частныхъ музеяхъ, о которыхъ тоже знали мало, да и то въ

большинствѣ случаевъ только по наслышкѣ. Профессоръ Иконниковъ и здѣсь тѣми же путями собралъ довольно обстоятельныя свѣдѣнія.

Не менѣе главъ о частныхъ библіотекахъ, архивахъ и музеяхъ заслуживаютъ вниманія главы объ архивахъ губернскихъ, областныхъ, сословныхъ (III глава 2-го отдѣла) и затѣмъ объ архивахъ духовнаго вѣдомства, епархіальныхъ, монастырскихъ, семинарскихъ, духовныхъ училищъ (главы II, III и IV того же отдѣла). Здѣсь опять читатель встрѣчается съ массой новыхъ кропотливо собранныхъ данныхъ, свѣдѣнія о которыхъ были или затеряны въ массѣ другихъ или же совсѣмъ неизвѣстны. Прежніе историографическіе труды совсѣмъ не касались этихъ отдѣловъ русскаго архивнаго дѣла, и проф. Иконникову поэтому и здѣсь пришлось взяться за дѣло, не имѣя предшественниковъ.

Мы не станемъ утомлять читателя перечисленіемъ всего, что далъ новаго трудъ В. С. Иконникова: для этого пришлось бы самымъ подробнѣйшимъ образомъ пересказать всѣ 2000 страницъ, такъ какъ одни вопросы, разработанные въ трудахъ его предшественниковъ, имъ освѣщены подробнѣе, дополнены; другіе переработаны вновь; третьи, прежде только намѣченные, разработаны, и затѣмъ, какъ мы видѣли, поставлено множество незатронутыхъ прежде вопросовъ и имъ дано самое широкое освѣщеніе. Отмѣтимъ еще, въ заключеніе, одинъ только вопросъ, на который проф. Иконниковъ обратилъ серьезное вниманіе—это вопросъ объ иностранныхъ архивахъ, которымъ посвящена послѣдняя глава его книги. Вопросъ этотъ, правда, и прежде затрогивался въ трудахъ Adelung'а, г. Бестужева-Рюмина, г. Брикнера, но, конечно, только въ частностяхъ и, само собой разумѣется, совсѣмъ ужъ не съ той полнотой и подробностью, какъ это сдѣлано у проф. Иконникова, который больше 100 страницъ посвятилъ обзору архивовъ почти всѣхъ европейскихъ странъ и христіанскаго Востока.

Намъ кажется, все сказанное до сихъ поръ даетъ понятіе читателю, какое значеніе трудъ проф. В. С. Иконникова имѣетъ въ исторіи русской исторіографіи, съ одной стороны, и въ практическомъ отношеніи для спеціалиста съ другой. *Опытъ русской исторіографіи*, какъ говоритъ и самъ авторъ, вовсе не является исключительно библіографическимъ трудомъ. Напротивъ, онъ является цѣннымъ вкладомъ въ исторію умственнаго развитія русскаго общества, знакомя насъ съ богатымъ матеріаломъ для рѣшенія вопроса о томъ, какъ, какими путями и усиліями русское общество вообще и ученая публика, въ частности,

стремилась къ созданію и развитію у насъ въ Россіи одной изъ важнѣйшихъ общественныхъ наукъ—исторіи; какой прогрессъ сдѣлала эта наука, какія ошибки. Трудъ г. Иконникова, думается намъ, даетъ возможность оглянуться назадъ, выдвинуть, а, можетъ, и быть рѣшить вопросъ, нормаленъ ли тотъ путь, которымъ движется наука русской исторіи; можно ли работать такъ несистематично, такъ частично, какъ работаютъ наши историки въ настоящее время, вслѣдствіе чего одни, существенно важные вопросы, едва затронуты, (напр. вліяніе татарскаго ига на экономическое положеніе Руси, исторія Малороссіи и пр.) о другихъ же, второстепенныхъ, пишется цѣлая масса работъ (напр. варяжскій вопросъ, исторіи отдѣльныхъ княжествъ), а въ цѣломъ никто ничего толкомъ не знаетъ, что сдѣлано, что слѣдуетъ сдѣлать, какіе вопросы слѣдуетъ разсмотрѣть детальнѣе и пр. Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, на которые наталкиваетъ трудъ г. Иконникова теперь и на которые еще больше долженъ натолкнуть второй его томъ, который будетъ заключать въ себѣ систематическій обзоръ литературы,—естественно должно выдвинуть и вопросъ о русскихъ историческихъ школахъ и коллективности историческаго труда. Данныя о дѣятельности нашихъ ученыхъ обществъ, напр., сообщенныя В. С. Иконниковымъ (стр. 290—374), думается намъ ясно показываютъ, что организація историческихъ обществъ, какъ она сложилась у насъ—явленіе ненормальное. Общество предполагаетъ общій, коллективный трудъ, коллективную разработку вопросовъ, обмѣнъ мнѣній по поводу этихъ вопросовъ и *установленіе* болѣе вѣрнаго изъ этихъ мнѣній; а у насъ дѣятельность общества свелась къ пустой формалистикѣ—чтенію калейдоскопа рефератовъ, неизвѣстно для чего и зачѣмъ, и затѣмъ печатанія этихъ рефератовъ въ трудахъ обществъ, т. е. чисто къ матеріальной складчинѣ, что съ успѣхомъ могли бы дѣлать и люди не ученые. На много еще и другихъ вопросовъ, перечислять которые не мѣсто въ рецензіи, наводитъ трудъ нашего автора. Но однимъ этимъ все же не исчерпывается значеніе его труда. Авторъ тысячу разъ правъ, когда говоритъ, что «при внимательномъ и послѣдовательномъ чтеніи, на основаніи его (труда) можно составить сводъ данныхъ о многихъ малоизвѣстныхъ памятникахъ, о переводной русской литературѣ въ древній и новый періоды нашей письменности, или установить принадлежность нѣкоторыхъ изъ этихъ памятниковъ извѣстнымъ писателямъ. Точно также на основаніи сообщаемыхъ данныхъ можно прослѣдить, какіе умственные интересы господствовали въ русскомъ обществѣ въ ту или другую эпоху и какіе ум-

ственные и литературные вкусы существовали въ средѣ его представителей и общественныхъ дѣятелей». (Предисловіе, стр. VI—VII).

Что касается практическаго значенія книги проф. В. С. Иконникова, какъ справочнаго указателя для спеціалистовъ, то и въ этомъ отношеніи авторъ оказалъ громадную услугу людямъ науки. Не нужно забывать полноту, точность, щепетильную добросовѣстнось библіографическихъ указаній автора. Каждая глава его книги содержитъ массу указаній, а въ концѣ приложенія, обыкновенно, библіографія вопроса, который трактуется въ той или другой главѣ. Не нужно, при этомъ, упускать изъ виду, что книга снабжена громаднымъ (149 стр. въ два столбца), подробно составленнымъ именнымъ и географическимъ указателемъ, который даетъ возможность дѣлать самыя мелкія справки; «къ сожалѣнію, говоритъ авторъ, онъ не могъ приложить, сверхъ именнаго и географическаго указателей, указателя предметовъ, который онъ успѣлъ составить лишь для перваго отдѣла настоящаго тома» (стр. VII). Какъ ни значительно облегчилъ бы подобный указатель справки спеціалистовъ, но отсутствіе его мы никакъ не можемъ поставить въ вину автору и даже нѣсколько удивляемся щепетильной добросовѣстности его, рѣшившагося сдѣлать даже попытку такого труда; намъ кажется, что составить подобнаго рода указатель — значитъ написать второй *Опытъ русской исторіографіи*, только въ алфавитномъ порядкѣ вопросовъ въ немъ затронутыхъ: такая масса *предметовъ* въ немъ затрогивается.

Въ своей рецензіи мы, понятно, не могли исчерпать всего содержанія книги, ни указать на всю заслугу автора и значеніе его книги; но и изъ того, что сказано, думаемъ, читатели поймутъ, что такое *Опытъ русской исторіографіи*. Книга эта такого рода, что о ней можно говорить только вообще, оцѣнивать ея общее значеніе, не вдаваясь въ детальную критику. Пусть будутъ въ ней даже мелкіе пропуски (крупные врядъ ли встрѣтятся), кой-какая частичная неполнота все это ни на одну іоту не можетъ умалить всеобщаго значенія гигантскаго труда, выполнять который началъ проф. Иконниковъ. Дай только Богъ ему поскорѣй довести его до конца. Мы съ нетерпѣніемъ будемъ ждать второго тома.

Н. В.

Сборникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Томъ IV-й. Харьковъ. 1892 г.

Обозрѣвая почти каждую вновь выходящую книжку «Сборника», служащаго органомъ историко-филологическаго общества при харьковскомъ университетѣ, и слѣдя такимъ образомъ изъ года въ годъ за дѣятельностью этого почтеннаго общества, мы съ удовольствіемъ можемъ отмѣтить фактъ увеличенія числа его научныхъ силъ и произведенныхъ ими изслѣдованій, главнымъ образомъ, въ области исторіи и этнографіи; мы можемъ, кажется, также считать и «Сборникъ» правильнымъ ежегоднымъ изданіемъ общества, что при его скудныхъ матеріальныхъ средствахъ составляетъ большую заслугу.

О развитіи дѣятельности харьковскаго общества свидѣтельствуетъ *отчетъ* за истекшій 1891—92 учебный годъ (отчетъ составленъ секретаремъ Н. Ѳ. Сумцовымъ); изъ него мы узнаемъ, что въ указанномъ году Общество имѣло 11 засѣданій, въ которыхъ было прочтено 23 научныхъ доклада и 2 некролога; доклады могутъ быть распредѣлены такъ: къ политической исторіи относилось 4 доклада, къ бытовой—1, въ исторіи церкви и монастырей—2, къ исторіи русской литературы и языка—4, къ исторіи колонизаціи—1, къ мѣстной археологіи и археографіи—3, къ греческимъ древностямъ—3, къ древней миѳологіи—1, къ этнографіи—1, къ славянской литературѣ—1, къ педагогикѣ—1 и къ библіографіи—1; нѣкоторые изъ распредѣленныхъ по этимъ группамъ докладовъ могутъ быть относимы одновременно въ одну и въ другую группу, а также и къ области права. Въ личномъ составѣ общества нельзя не отмѣтить какъ крупный фактъ, перемѣну предсѣдателя; на мѣсто отказавшагося по болѣзни отъ этой должности покойнаго А. А. Потебни, служившаго обществу въ теченіе 12 лѣтъ, вступилъ проф. М. С. Дриновъ. Въ дѣйствительные члены избрано десять лицъ, между которыми встрѣчаются имена, знакомыя читателямъ «Кіев. Старины» по серьезнымъ работамъ въ области мѣстной исторіи, печатавшимся въ ней. Съ особеннымъ интересомъ и удовольствіемъ мы останавливаемся на той части отчета, въ которой говорится о заботливости общества о своемъ краевомъ архивѣ и увеличеніи въ немъ количества историческихъ матеріаловъ; заботы эти принялъ и продолжаетъ нести на себѣ проф. Д. И. Багалѣй, положившій основаніе Архиву и теперь завѣдывающій имъ; въ отчетномъ году въ Архивѣ работало 12 лицъ, то съ научной цѣлью, то съ цѣлью розысканія фамильныхъ документовъ.

Свѣдѣній о трудахъ новоучрежденнаго при Обществѣ *педагогическаго отдѣла* мы еще не находимъ; напечатанъ пока уставъ его, утвержденный г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 25 февраля 1892 г.

Если справедливо мнѣніе, что только со смертью человѣка обнаруживается его истинное значеніе для общества, то *смерть проф. А. А. Потебни* показываетъ, насколько велико было его вліяніе при жизни, какъ ученаго и человѣка, и насколько поэтому тяжела его потеря для харьковскаго университета и для историко-филологическаго общества, для русской науки, вообще, и для его учениковъ, въ частности. Въ настоящей книжкѣ «Сборника» напечатано все, что сказано было о покойномъ не только во всѣхъ концахъ Россіи, но и на далекомъ западѣ Европы. Вездѣ помянули А. А. добрымъ словомъ. Миръ праху этого, неутомимаго труженика науки! Историко-филологическое Общество для увѣковѣченія памяти А. А. Потебни выработало проектъ, теперь Высочайше утвержденный, преміи имени покойнаго за лучшія сочиненія по исторіи русскаго языка и русской словесности; къ подпискѣ на эту премію «Кіев. Старина» приглашала уже своихъ читателей въ декабрьской книжкѣ за прошлый годъ. Пожелавъ полнаго успѣха полезному начинанію, перейдемъ теперь къ обозрѣнію статей и матеріаловъ въ этомъ IV-мъ томѣ «Сборника».

Первой по мѣсту и времени, котораго она касается, и наиболѣе интересной по содержанію мы находимъ статью г. *Н. Бакая*: *«Къ исторіи колонизаціи лѣвобережной Украины въ XV и XVI вв.»* Авторъ на основаніи напечатанныхъ до сихъ поръ матеріаловъ, излагая исторію заселенія территоріи лѣваго берега р. Днѣпра, начинаетъ ее съ мнѣнія проф. В. Б. Антоновича относительно мнимаго запустѣнія кіевской области послѣ татарскаго нашествія, затѣмъ пересматриваетъ лѣтописныя данныя и, въ концѣ, приходитъ къ тому же выводу, какъ и проф. Антоновичъ, т. е. что и лѣвобережная Украина не запустѣла послѣ татарскаго погрома, а лишь ослабѣло ея политическое значеніе; населеніе, сначала рѣдкое, становится болѣе густымъ въ этой мѣстности къ половинѣ XVI в.; заселеніе авторъ приписываетъ не правительственнымъ мѣрамъ сосѣднихъ государствъ, а «вольному переходу на жительство гонимаго силою религіозныхъ, соціальныхъ и экономическихъ причинъ народа юго-западнаго края».

Къ исторіи колонизаціи также южной окраины Московскаго государства относится статья г. *М. Плохинскаго*: *«Гетманъ Мазепа въ*

роли великорусскаго помѣщика»; она составлена по матеріаламъ фамильнаго архива князя А. В. Барятинскаго. Авторъ характеризуетъ Мазепу, какъ весьма дѣятельнаго колонизатора степей и дикихъ полей въ рыльскомъ уѣздѣ, которые онъ частью скупалъ, частью получалъ отъ государя по пожалованію; основываемыя села и слободы онъ заселялъ преимущественно великороссами, выдавая ихъ за «черкасовъ», которыхъ обязывался переводить сюда на жительство; между поселенцами Мазепа старался распространить занятія промыслами и ремеслами. Къ статьѣ приложенъ и матеріалъ: «опись, составленная въ 1708 году для вотчинной конторы князя А. Д. Меньшикова», которому за «батуринское взятье», послѣ измѣны Мазепы были пожалованы всѣ имѣнія послѣдняго.

Продолжая изслѣдовать міровоззрѣніе крестьянскаго населенія купянскаго уѣзда, г. *П. Ивановъ* останавливается въ настоящее время на *«народныхъ разсказахъ о Долѣ»*. Изъ изученія этихъ разсказовъ онъ приходитъ къ заключенію, что Доля понимается не какъ простое олицетвореніе отвлеченнаго понятія, а считается, во 1-хъ, душей предковъ, умершихъ родителей и вообще близкихъ людей, составляя такимъ образомъ отраженіе древняго культа предковъ, покровителей семейнаго очага; во 2-хъ, разсматривается, какъ ангелъ хранитель, который въ періодъ утробной жизни человѣка научаетъ его всему, что необходимо знать въ жизни; въ 3-хъ, опредѣляется, какъ душа человѣка или двойникъ его, предчувствующій горе и радость, долю и недолю, въ созданіи которыхъ участвуетъ и личная воля человѣка, кромѣ судьбы или воли Божіей; въ этой смѣси народныхъ представленій о Долѣ г. Ивановъ различаетъ три идеи: идею предопредѣленія, идею прирожденности и идею случая; но такъ какъ эти идеи не вполнѣ слились и сохраняютъ свою древнюю окраску, то въ разсказахъ и пѣсняхъ можно найти указаніе на существованіе трехъ долей: Божьей (соотвѣтствующей идеѣ предопредѣленія), материнской (соотвѣтствующей идеѣ прирожденности) и отцовской (соотвѣтствующей идеѣ случайнаго счастія); они управляютъ жизненными явленіями, вообще, и главными актами человѣческой жизни (рожденіемъ, бракомъ и смертью), въ частности, и такимъ образомъ, по мнѣнію автора, сближаются съ парками, дѣвами судьбы, судицами и рожаницами; таковы интересныя и вполнѣ вѣроятныя главныя положенія статьи по вопросу о Долѣ; изложеніе ихъ авторомъ заставляетъ желать большей ясности и болѣе прочнаго обоснованія.

Далѣе, весьма значительная часть настоящаго тома занята матеріалами для бытовой исторіи южно-русскихъ монастырей. *А. А. Русовъ* сообщаетъ *«нѣкоторые документы, касающіеся Густынскаго и Мгарскаго монастырей»*, извлеченные имъ изъ архива харьково-полтавскаго управленія государственными имуществами; по числу ихъ одиннадцать; по содержанію эти универсалы гетмановъ (Мазепы и Скоропадскаго), генеральной и полковой старшины, а также акты частныхъ лицъ (купчія, завѣщанія и проч.), данныя монастырямъ на право владѣнія недвижимымъ имуществомъ—селами и хуторами; по времени они относятся къ первой половинѣ XVIII в., именно къ 1700—1735 гг. Этимъ документамъ г. Русовъ предпосылаетъ нѣсколько словъ, въ которыхъ кратко очерчиваетъ внѣшнюю жизнь монастырей и ихъ хозяйственную дѣятельность, давая такимъ образомъ читателю возможность уяснить себѣ связь этихъ документовъ съ другими, напечатанными уже раньше; существеннѣйшій вопросъ о времени возникновенія монастырей, хотя и затронутъ авторомъ, но не опредѣлено отношеніе ихъ къ степени заселенія этого края, успѣхи котораго авторъ всецѣло приписываетъ князьямъ Вишневецкимъ, бывшимъ скорѣе устроителями, чѣмъ колонизаторами лѣвобережной Украины.

«Вотчиннаго быта монастырей Курскаго-Знаменскаго и Бѣлгородскаго-Николаевскаго» касаются документы—всѣхъ ихъ 54,—сообщаемые г. *А. Лебедевымъ*; они извлечены имъ частью изъ Москов. архива министерства юстиціи, частью же найдены въ самыхъ монастыряхъ; документы эти относятся къ половинѣ XVIII вѣка, къ 1730—1760-мъ гг. и по содержанію своему представляютъ, главнымъ образомъ, акты вотчиннаго управленія; расположены они по особой, весьма неудобной для справокъ, системѣ,—въ порядкѣ изложенія предисловія, предшествующаго этому матеріалу. Тѣмъ не менѣе и этотъ послѣдній и предисловіе къ нему весьма интересны и цѣнны; если въ предисловіи г. Русова рельефнѣе представляется лицевая, такъ сказать, сторона монастырской жизни—«размноженіе хвалы Божой» поминовеніе сорокоустное, дорочное и вѣчное по усопшимъ жертвователямъ, то въ предисловіи г. Лебедева—обратная: ихъ хозяйничанье въ селахъ, ничѣмъ не отличающееся отъ частнаго землевладѣнія, безнедоимочные сборы натуральныхъ и денежныхъ повинностей, строгое требованіе барщины, а рядомъ съ тѣмъ жестокій и немилостивый судъ надъ крестьянами, кровавыя вооруженныя столкновенія съ сосѣдними помѣщиками, печальныя злоупотребленія своей

властью со стороны монаховъ—управителей и грубое нарушеніе ими обѣта цѣломудрія; для знакомства съ содержаніемъ, какъ матеріаловъ такъ и предисловія къ нимъ, достаточно, кажется намъ, привести заключательные, но полныя выразительности и силы слова автора, составляющія, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его окончательный выводъ: «монашество, вдавшееся въ круговоротъ мірской жизни, гоняющееся, по образцу мірянъ, за наживой, тяжущееся, бьющее и побиваемое, и въ другихъ состояніяхъ, иноческому званію совсѣмъ несвойственныхъ, обрѣтающееся, должно было терять всякій престижъ въ глазахъ мірянъ»... Реформа монастырскаго быта становилась дѣломъ настоятельной необходимости.

Тѣмъ же авторомъ, но отдѣльно отъ указанныхъ выше монастырскихъ документовъ, сообщенъ для характеристики суроваго тогоременнаго епископскаго управленія *«синодскій указъ отъ 11 октября 1766 г. по поводу самовластія епископа Бѣлогородскаго и Обоянскаго Порфирія»*, которое послѣдній проявилъ по отношенію къ двумъ архимандритамъ монастырей Бѣлогородскаго-Николаевскаго—Матѳею и Курскаго-Знаменскаго—Гедеону.

Этнографическій матеріалъ, занимавшій видное мѣсто въ предшествовавшихъ томахъ «Сборника», мы находимъ и въ настоящемъ; въ немъ помѣщены теперь исключительно заговоры, именно: «Черноморскіе заговоры» г. П. П. Короленка; «заговоры изъ городищанскаго и черниговскаго уѣздовъ черниговской губерніи», переданные П. С. Ефименкомъ; «Сборникъ И. А. Семенцовой, доставленный изъ села Будищъ кролевецкаго уѣзда черниговской губерніи». Но важнѣе, конечно, всего этого матеріала «Библіографическій указатель» заговоровъ, составленный Н. Ѳ. Сумцовымъ и дополненный въ концѣ тома какъ имъ самимъ, такъ и г. А. Деревицкимъ, потому что поможетъ не только изслѣдователю разобраться въ массѣ этого матеріала, но избавитъ также издателей отъ печатанія одного и того же по нѣскольку разъ. Приводимыя г. Сумцовымъ цифры количества сборниковъ заговоровъ у насъ и въ западной Европѣ (русскихъ—110, нѣмецкихъ—38, польскихъ—7, французскихъ—5, чешскихъ—8, англійскихъ—3, болгарскихъ—2 и сербскихъ—2), показываютъ, какъ охотно печатается у насъ всякій вздоръ, стоитъ только назвать его именемъ излюбленннымъ этнографами; наши издатели не пришли еще, кажется, къ мысли о необходимости дѣлать строго научный выборъ и цѣлесообразный подборъ этнографическаго матеріала, потому что рядомъ съ дѣйствительно важными вещами, весьма впрочемъ рѣдкими, ха-

рактеризующими древнее народное міросозерцаніе, печатается огромное количество такихъ, которыя если и свидѣтельствуютъ о чемъ либо, то развѣ только о глубокомъ невѣжествѣ народа и искаженіи имъ въ доходящихъ до него религіозныхъ и научныхъ истинъ.

Особнякомъ стоятъ рефераты *Н. Ѳ. Сумцова и М. Халанскаго.* Первый дѣлаетъ обзоръ служебной и учено-литературной дѣятельности (по случаю сорокалѣтняго юбилея его) академика *М. И. Сухомлинова*, близкаго г. Харькову, какъ его уроженецъ, и университету, какъ его воспитанникъ, не прерывающій добрыхъ отношеній къ своей alma mater и до сихъ поръ; второй, на основаніи сообщенія профессора Великой школы въ Бѣлградѣ П. С. Сречковича, разъясняетъ отношенія между собой «*Пушкина и г-жи Ризничъ*», и устанавливаетъ фактъ, что только этими дружескими отношеніями были вызваны три лучшія произведенія Пушкина: «Подъ небомъ вѣчно голубымъ страны своей родной», «Для береговъ отчизны дальней» и «Заклинаніе».

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго выше о Харьковскомъ историко-филологическомъ обществѣ и разобранномъ нами его органѣ, мы можемъ видѣть, что общество при разработкѣ исторической науки не замыкается въ узкую сферу лишь этой науки и судебъ своего края, но затрогиваетъ и другія времена и народы; что по характеру имѣющагося въ распоряженіи общества матеріала научныя силы его сами собой обращаются къ изслѣдованію главнымъ образомъ мѣстной народной жизни и міросозерцанія; что при незначительности матеріальныхъ средствъ, благодаря лишь энергіи и пожертованію трудомъ со стороны своихъ членовъ, общество упрочиваетъ свой «Сборникъ» и по серьезности своихъ рефератовъ справедливо занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди другихъ ученыхъ провинціальныхъ обществъ. Пожелаемъ же ему въ заключеніе преуспѣянія и развитія своей дѣятельности на будущіе годы.

И. Каманинъ.

Петровъ Н. И. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I. Собраніе рукописей московскаго митрополита Макарія (Булакова), Мѣлецкаго монастыря на Волыни, Кіево-братскаго монастыря и Кіевской Духовной Семинаріи. Москва. 1891. 8°. VIII+321 стр. [1]).

Митрополитъ Макарій (Булгаковъ) при ревизіи Кіевской Духовной Академіи, въ 1874 г., высказалъ, между прочимъ, мысль о полезности сосредоточенія при академіи всѣхъ тѣхъ собраній рукописей, которыя непроизводительно лежатъ въ монастырскихъ и церковныхъ библіотекахъ, причемъ сообщилъ, что въ своемъ духовномъ завѣщаніи онъ завѣщалъ свою небольшую коллекцію рукописей, преимущественно раскольническихъ, въ родную ему кіевскую академію. Мысль свою м. Макарій тутъ же привелъ въ исполненіе, представивъ Синоду о передачѣ въ К. академію книгъ и рукописей изъ монастырей и церквей кіевской и волынской епархій. Представленіе это Синодомъ было тогда же утверждено, вслѣдствіе чего мѣстнымъ, духовнымъ начальствомъ были сдѣланы соотвѣтственныя распоряженія, на основаніи которыхъ и поступили въ библіотеку К. академіи книги и рукописи изъ нѣкоторыхъ монастырей и церквей Волынской епархіи, какъ напр., изъ Почаевской Лавры, Мѣлецкаго монастыря и Межиричской церкви г. Острога.—Вмѣстѣ съ ними поступили въ академическую библіотеку согласно завѣщанію и рукописи митрополита Макарія, умершаго въ 1882 г.—Описаніемъ поступившихъ такимъ образомъ въ К. академію рукописей занялся Н. И. Петровъ, котораго «Описаніе рукописей церковно-археологическаго музея при Кіевской духовной академіи» служитъ ручательствомъ точности и надлежащей полноты новаго его описанія, начало котораго и представляетъ настоящая книга. Кромѣ рукописныхъ собраній, поступившихъ въ академію, Н. И. Петровъ имѣетъ въ виду описать вмѣстѣ и «рукописныя собранія кіевскихъ неописанныхъ еще книгохранилищъ, начиная съ менѣе извѣстныхъ и имѣющихъ несовсѣмъ точные и подробные каталоги ихъ». Планъ своего описанія авторъ располагаетъ въ такомъ видѣ: въ первый выпускъ (составляющій настоящую книгу) вошло описаніе рукописей м. Макарія, Мѣлецкаго и Кіево-братскаго монастырей и Кіевской духовной семинаріи; во

[1]) Отдѣльные оттиски изъ Чтеній въ Общ. Ист. и Древн. Россійск. при Моск. универс.

второй выпускъ войдетъ описаніе рукописей Кіевскихъ монастырей Пустынно-Николаевскаго, Златоверхо-Михайловскаго и Кіево-Печерской лавры. «Что же касается», говоритъ авторъ, «рукописей и документовъ Выдубицкаго монастыря, то объ ученой разработкѣ ихъ, по слухамъ, заботится самъ настоятель этого монастыря архимандритъ Евлогій. Рукописи же Кіево-Софійскаго собора, представляющія самую большую по количеству коллекцію, довольно подробно описаны въ каталогѣ, составленномъ покойнымъ кафедральнымъ протоіереемъ собора И. М. Скворцовымъ, потому болѣе другихъ доступны для изученія и могутъ войти въ послѣдній, заключительный выпускъ изданія».—Остается пожелать, чтобы планъ этотъ былъ выполненъ по возможности скорѣе, такъ какъ до настоящаго времени изъ кіевскихъ рукописныхъ собраній спеціалистамъ хорошо извѣстно только собраніе церковно-археологическаго музея, благодаря обстоятельному описанію его, составленному Н. И. Петровымъ. Прочія собранія извѣстны большею частью лишь по слухамъ...

Изъ четырехъ собраній, описаніе которыхъ составило настоящій выпускъ [1]), южно-русскіе памятники вовсе отсутствуютъ въ собраніи м. Макарія, имѣются въ незначительномъ количествѣ въ собраніи Мѣлецкаго и Кіево-братскаго монастырей и въ значительномъ количествѣ—среди рукописей К. духовной семинаріи. Памятники эти составляютъ почти исключительно учебники прошлыхъ временъ К. академіи, начиная съ перв. полов. XVII в. Такъ въ рукописяхъ Мѣлецкаго монастыря сохранились курсы: діалектики и логики, читанные въ 1639—40 гг., профессоромъ Іосифомъ Горбацкимъ, и философіи, читанный въ 1646—47 гг. извѣстнымъ Иннокентіемъ Гизелемъ, тогдашнимъ ректоромъ академіи. Въ рукописяхъ К.-Братскаго монастыря сохранились академическія лекціи богословія, читанныя во втор. пол. XVIII в. Георгіемъ Конисскимъ, Самуиломъ Миславскимъ и Кипріяномъ Лехницкимъ. Обильное количество учебниковъ, исключительно на латинскомъ языкѣ, сохранилось въ рукописяхъ К. духовной семинаріи, причемъ межъ ними не мало есть учебниковъ и римско-католическихъ школъ. «Учебники К. академіи, говоритъ авторъ описанія, вообще важны въ томъ отношеніи, что, сохранившись въ разныхъ библіотекахъ въ громадномъ количествѣ, доставляютъ матеріалъ какъ для характеристики преподававшихся въ академіи въ раз-

[1]) Въ числѣ ихъ, изъ К. братскаго монастыря въ академію поступило всего пять рукописей.

ное время наукъ, такъ и для установленія преемственности профессоровъ и даже студентовъ академіи, такъ какъ заключаютъ въ себѣ не только указанія на время преподаванія и на преподавателей тѣхъ или другихъ учебниковъ, но и списки студентовъ, и въ этомъ отношеніи могутъ служить канвою для исторіи К. академіи, особенно съ XVIII в. Не безъинтересны встрѣчающіяся иногда въ этихъ рукописяхъ указанія на школьные порядки, существовавшіе въ старой К. академіи, напр. на публичную защиту тезисовъ, на ежемѣсячныя диспутаціи, на школьные катехизисы и проч.» Историческіе южнорусскіе памятники встрѣчаются въ рукописяхъ лишь въ видѣ крупинокъ... Напр.—«плачъ малой Россіи о ляхолюбцахъ» (л. 246—249 въ рук. № 252, стр. 283), «О войнѣ и побѣдѣ Хмельницкаго (л. 182—183, въ рук. № 258, стр. 285)... Имѣются еще рѣчи, говоренныя на латинскомъ языкѣ студентами изъ дѣтей козацкой старшины, въ присутствіи Мазепы, напр. Oratio impressa dedicatoria conclusionis oblatae illustrissimo domino Ioanni Mazepae duci magno Rossiae a domino Wladimiro Lomikowskj (стр. 280) и друг.—Интересны нѣкоторыя отрывочныя выписки и замѣтки, разбросанныя по рукописямъ; такъ въ одной рукописи, принадлежавшей Варлааму Ясинскому записаны слѣд. стихи на взятіе Каменца-Подольскаго турками въ 1670 г.

Смутныи трены свѣтѣ ся справуютъ,
Же остатънѣи лѣта наступуютъ.
Земля спусъ тѣла.
Турецкого племѣя купала (?)
Всего свѣта панства Подоля ревъ не здихаетъ,
Украино тяжко здихаетъ
О тимъ камьянче городе славънимъ
Тоже бувавъ же на весь свѣтъ славънимъ.
Тепера въ тобѣ зостаютъ турки и съ татары.
Где твоя слава Камянче славний? (стр. 275). **А. Л.**

Списокъ книгъ, касающихся юга Россіи и вышедшихъ въ концѣ 1892 года.

Александровъ В. С. Складка. Альманахъ. Року Божого. 1892. № 2. Хар. in-8. 2 нен. + 116 стр.

Bienemann F. Werden und Wachsen einer deutschen Kolonie in Süd-Russland. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde zu Odessa. Od. 1893. in-8. X + 460 стр.

Біографія Григорія Федоровича Квитки-Основьяненка. (100 лѣтній юбилей былъ 18 ноября 1878 г.) Александрія. 1892. in-8. 12 стр. Ц. 5 к.

Бюллетень одесской земской управы. № 1. Сентябрь и Октябрь 1892. Сост. статист. бюро одес. земск. управы. Од. 1892. in-8. 14 стр.

Вольтеръ Э. А. А. А. Потебня 1835 $\frac{10 \text{ сент.}}{29 \text{ нояб.}}$ 1891. Библіографическіе матеріалы для біографіи А. А. Потебни. Спб. 1892. in-8. 34 стр.

Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ Черниговскаго полка. (1729—30 г). Черн. 1892. in-8. 196 стр.

266 засѣданіе Имп. одесскаго общества исторіи и древностей 25 сент. 1892 г. Од. in-8. 22 стр.

Збирнык народних украинськихъ писень. Зибравъ и для хору уложывъ М. Лисенко. 5-й десятокъ. К. in-8. 19 стр. Ц. 50 к.

Збирнык украинськихъ писень. Зибравъ и уноты завивъ М. Лисенко. 5-й вып. К. in-4. 84 стр.

Каманинъ И. Александръ Алексѣевичъ Ѳедотовъ-Чеховскій (1806—1892) Некрологъ. К. 1892. in-8. 10 стр.

К—въ И. Историческое описаніе Кіево-Печерской Лавры въ г. Кіевѣ. Изд. 2-е. Губанова. М. in-8. 48 стр.

Котляревскій И. П. Наталка—Полтавка. Малор. опера въ 2 дѣйств. Изд. Ф. Іогансона. К. in-64. 173 стр.

Коципинскій Антонъ. Писни, думки и шумки руського народа на Подоли, Украини и въ Малороссіи. Полный сборникъ Малор. Народ. пѣсенъ для пѣнія съ акомп. фортепьяно. Изд. 2-е, просм. и исправ. Г. К. Ходоровскимъ. М. in-8. 2 нед. + 81+97 стр. Ц. 4 р.

Кудрицкій М. Таблицы метеорологическихъ и почвенныхъ наблюденій, производившихся при коростышевской учительской семинаріи. (Отт. изъ „Зап. Кіев. общ. естеств.“) К. 1892. in-8. 24 стр.

Левицкій О. И. Тревожные годы. Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и Юго-зап. края въ 1811—1812 г. г. К. 1892. in-8, 95 стр.

Лонгиновъ А. В. Историческое изслѣдованіе сказанія о походѣ сѣверскаго князя Игоря Святославича на половцевъ въ 1185 г. Од. 1892. in-8. 261 + II стр. Ц. 2 р.

Ляскоронскій Вас. Археологическія раскопки близъ г. Лубенъ, полт. губ. въ урочищѣ Лысая гора. Изд. ж. „Кіев. Ст.“ К. 1892. in-8. 16 стр. + 2 табл. + 1 планъ.

Мѣстечко Борисполе въ XVII вѣкѣ. Акты мѣйскаго уряда 1612—1699 г. г. съ пред. А. В. Стороженка. Изд. ж. „Кіев. Старина.“ К. 1892. in-8. 112 + XVII стр.

Нельговская Е. М. Не все такъ робыться, якъ хочеться. Малор. водевиль въ 1 дѣйствіи съ пѣніемъ. К. 1892. in-8, 32 стр.

Одесскій календарь для южной Россіи на 1893 г. (Г. 7-й.) Изд. О. Федорова. Од. in-16, 64 стр. Ц. 10 к.

Осадчій Т. И. Казацкій батько Палій. Очеркъ изъ исторіи старой казацкой Украины (Кіевщины и Подоліи.) Херс. 1892. in 8. 48 стр. Ц. 15 к.

Отчетъ конотопскаго техническаго желѣзно-дорожнаго училища за 1891—92 уч. г. К. 1892. in-8. 20 стр.

Отчетъ о состояніи Кіевской 2-й гимназіи за 1891—92 уч. годъ К. 1892. in-8. 67 стр.

Отчетъ по одесскому техническому желѣзно-дорожному училищу при юго-зап. ж. д. за 1891—92 уч. г. Од. 1892. in-8. 24 стр.

Памятная книжка Кіевскаго учебнаго округа. Изд. управленія учебнаго округа. К. 1892. in-8. Ч. I. Кіевская губернія. 119 + XIX + 3 нен. стр. Ч. II. Подольская губ. 91 + XIX + 2 нен. стр. Ч. III. Волынская губ. 119 + XXIII + 2 нен. стр. Ч. IV. Черниговская губ. 155 + XV стр. Ч. V. Полтавская губ. 189 + XVI + 3 нен. стр.

Петровъ Н. И. Описаніе рукописныхъ собраній, находящихся въ г. Кіевѣ. Вып. I. Собраніе рукописей моск. митр. Макарія (Булгакова), Мѣлецкаго м—ря (на Волыни), Кіево-Братскаго м—ря и Кіевской дух. семинаріи. (Изъ чтеній въ Имп. общ. ист. и др.) М. 1892. in-8. VIII + 321 стр.

Раевскій Петръ. Сцены и разсказы изъ малорусскаго народнаго быта. Изд. 6-е иллюстр. Б. Корейво. К. 1893. in-8. 221 стр. Ц. 1 р.

Storonik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów slowianskich. Wydany pod red. B. Chlebowskiego. Tom. XII Zesz. 139. Варш. in-4. стр. 481—560. Zesz. 140. Варш. in-4 стр. 561—640.

Стороженко А. В. Земская дѣятельность въ переяславскомъ уѣздѣ полтавской губ. въ 1886—1892 г. г. К. 1892. in-8. 40 стр.

Стрѣльбицкій І., свящ. Краткій очеркъ штундизма и сводъ текстовъ, направленныхъ къ его обличенію. Од. in-8. 212 стр.

Фабриціусъ В. Кіевскій календарь на 1893 г. Съ адресъ-каледаремъ г. Кіева. К. 1892. in-8. 229 стр. Ц. 25 к.

Шевченко Т. Г. Маленкій кобзарь. Переводы И. А. Бѣлоусова. Изд. Ф. Іогансона. К. in-64. 54 стр.

Эйнгорнъ Виталій. Иванъ Андреевичъ Шматковскій, протопопъ глуховской и его сношенія съ московскимъ правительствомъ (1653—1673 г.). (Старичка изъ исторіи малор. духовенства). К. 1892. in-8. 19 стр.

Южнороссійскій народный календарь на 1893 г. Од. 1892. in-4. 54 стр.

Якъ линывыхъ учыты, та розумъ куповаты. Изд. Ф. Іогансона. К. 1892. in-16. 31 стр.

Поправка опечатокъ въ № 2-мъ.

Просимъ читателей сдѣлать слѣдующія проправки въ рецензіи В. Перетца.

Стр.	387	слѣдуетъ	*S*ušil, а не *L*ušil.
—	384	»	Racul, а не Ra*d*ul.
—	385	»	Stanka *V*rasa, а не *O*rasa.
—	—	»	*M*ittler'a а не *L*uttler,a.

городъ и были въ дому шафкалскомъ на горѣ, где збурено все, толко стѣни стоятъ, да живая вода зъ подъ горъ зъ рознихъ мѣстцъ течетъ. Ибраимъ переводчикъ росказовалъ мнѣ: 1—mo, что шафкалъ зовется шамханъ отъ города Шамхъ, которій иначе зовется Димсъ, а то для того, что прародителіе шамхановы были оного города владѣлцами подъ турецкимъ царствомъ, откуду изгнани зоставши, прійшли сюда и поселились на горахъ сихъ, на которихъ прежде жилцовъ жаднихъ не было, толко внутръ горъ тавлинци живали. 2—do, лѣтъ тому 300, якъ въ Персѣи былъ монархъ персидскій шахъ Аббасъ, отъ которого монархи послѣдніе всѣ стали називатись шахами, а прежде толко звались падшами, то есть помазанцами. 3—tio, Дербенъ, Бака и другіе мѣста, наветъ и сіе гори, были въ владѣніи турецкомъ, отъ якого помянутій шахъ Аббасъ персидскій знову въ свое владѣніе отобралъ и владѣлцовъ горскихъ въ власть шамханову опредѣлилъ, и по тому шамханъ былъ цѣлимъ комендиромъ, а усмей, чина имя, вицекомендиромъ. Отъ буднацкого владѣлца 2 чловѣка пріездило къ генералитету питаючись, что чинить повелятъ, которихъ сего жъ дня и отпущено зъ тимъ, чтобъ помянутій владѣлецъ присилалъ аманатовъ и самъ для присяги пріездилъ. Донскіе козаки татарина едного поймали, которого генерали отпустили и, чтобъ и другимъ своимъ обявилъ не боятись ничего, приказали. Перавлскій княжикъ, вчорайшого дня присягу на вѣрность виконавшій, отпущенъ сегодня зосталъ, и поехалъ въ ущелле. П. Михайло имѣлъ жестокій параксизмъ, а лѣкарство отъ мене пилъ, вино полинное зъ порохомъ.

Пятокъ. 27. Сегодня на семъ же ночлѣгу простоялисмо, а передъ вечеромъ ездилемъ до мора зъ Іваномъ Борозною и Худолѣмъ. Отъ п. Михайла листъ до генер. Матюшкина составилемъ. Получилемъ писма зъ Дербенту, апр. послѣдного числа отправленніе: 1) отъ Гаврила, въ якомъ виражаетъ, что Гудимъ зъ Архипомъ скоро сюда будутъ, а онъ 30 апр. отехалъ въ Астрахань зъ 4-ма мозурами, а 4 увойшли, которихъ взялъ на поруку капитанъ Данило Андрѣевъ синъ Буловѣнъ. Покупокъ не справилъ, понеже оніе въ Гилянѣ, а не тамъ покупаются, толко шафранъ и то у

осени продается по полъ 2 руб. и по 60 а., да прислалъ же чихиру сюда, барилецъ 3, черезъ сотника наказ. лохвицкого, Николу Кочерженка, едно вѣдеръ 8 безъ четверти, другое красного чихиру полтора вѣдра государевого; чихиру, цѣна вѣдру по 4 зол., а третее барило полковнику Еропкину, татарского чихиру 5 кутокъ, а кутка по копѣ зъ 5-ма копѣйками; еще жъ прислалъ орѣховъ волоскихъ, и цибулѣ, и яблукъ. 2) Отъ Сави Мокіенка о томъ, что Гаврило отехалъ въ Астрахань, и что допросовъ тихъ, что мозуровъ допрошувано, невидалъ и не мѣлъ видать комендантъ Юнкеръ. Колмикъ Раковичевъ Казановичъ пріехалъ въ лагеръ и привезлъ писмо отъ Дорошенка до п. Михайла, въ якомъ и до мене приписувано. Владѣлецъ буднацкій, Мадій, синъ Муртузалея, брата шафкалового, которій въ С. П. Бурху умеръ, а племѣнникъ шафкалскій, пріехалъ въ лагеръ зъ своими узденями и присягу виконавши на вѣрность ея величеству, отехалъ восвояси, и имѣетъ прислать и братовъ своихъ сюда жъ для присяги. Жена шамханова писала до генераловъ, прося на мужа своего, себе и синовъ шамхановихъ милости; такъ сказовалъ генер. Кропот.

Субота. 28. Сегодня рушилисмося зъ становиска и пойшли далѣй дорогою идучою до Дербенту, когда намъ море въ лѣвой, а гори въ правой руцѣ были, и пройшовши верстъ зъ 15, перейшли мосточокъ черезъ малий ровчакъ, которимъ течетъ вода идучая зъ ущелля того, которимъ первого походу входили въ гори, и тое жъ ущелле минувши, стали надъ-подалеку мора при рѣчцѣ малой и озерѣ солодкой води зъ горъ текучой, отъ становиска вчорайшого будетъ верстъ зъ 20. П. Михайла въ дорозѣ еще пароксизмъ взялъ и менше прежнего мучилъ его. Отъ усмея пріехалъ посланецъ, что онъ аманатовъ отдалъ уже въ Дербенъ и болшъ иншихъ давать не имѣетъ, а присягу на вѣрность виконать готовъ, когда къ нему хто присланъ будетъ, толко онъ сюда не хочетъ ехать. Зъ вечера правили всенощное и утреню.

Ст. Тройца. Неделя. 29. Сегодня рано службу Божую на вчорайшомъ становиску отправивши, обѣдалисмо, а по обѣдѣ рушивши увойшли верстъ зъ 5 и прійшли надъ рѣчку отъ Карап-

таковъ по камѣнню велми бистро текучую и перейшовши оную, стали на семъ боку. Тутъ на полѣ стало показоватись зѣлле колючее барзо, на примѣръ лопуха, что и конямъ зъ трудностю ити. Писмо отъ п. Михайла до генерала Матюшкина зъ писмомъ генерала Кропотова послано въ генералскомъ ковперту. Листъ до свѣтлѣйшого князя составилемъ отъ общества. Кубденскій князь съ узденями своими пріехалъ сюда и генералу Шереметеву коня вороного приведено. У вечеру проносное пріймалемъ лѣкарство, которое мене ляксовало разовъ зъ 5. Буйнаки село отъ сего ночлѣга нашего верстъ у 5 впередъ, подъ горою, которое отсюду добре видать у руцѣ правой, а въ лѣвой море, къ Дербенту идучи.

Понеделокъ. 30. Сегодня, на семъ же вчорайшомъ ночлѣгу, весь день простоялисмо. Обѣдали у Миклашевскихъ, еденъ Кочубей былъ. По обѣдѣ игралъ въ карти и програлъ 1 р. П. Михайло пароксизмъ имѣлъ, але напротивъ прежнего легшій. Зъ Буднакъ пріездили татаре зъ леніошками и чосникомъ на продажъ.

Вовторникъ. 31. Сегодня рано рушилисмося зъ позавчорайшого становиска, увойшли верстъ зъ 5 и прийшли надъ глубокій ровъ, въ якомъ и мостъ каменний, и перейшовши черезъ оний ровъ, ишли неподалеку отъ Буднакъ, которихъ зблизку того ради не видать было, что ишли подъ горою, на которой оное село сидитъ подъ болшою горою, а минувши Буднаки горою и низомъ ишли, але веселими мѣстцами, поневажъ у право гори лѣсомъ укритіе, а въ лѣво море Каспѣйское далеко видать было. Въ переходѣ нашемъ черезъ низкіе мѣста многое и безчисленное число видѣли на примѣръ саранчи пѣшой, которой межи пашнею и плодною землею не было. Увойшовши верстъ зъ 15, стали лагеромъ на низу, межи горами и моремъ, въ долинѣ, где и лѣсъ кущами есть и тутъ блаженной памяти его величество лагеромъ стоялъ. П. Андрѣй и я посилали своихъ машталѣровъ зъ толмачемъ въ Буднаки для покупки курей и другихъ истнихъ рѣчий, которіи тамъ никого зъ жилцевъ не застали, бо розбѣглись, а потомъ увидѣвши ихъ малое число, поприходили. Владѣлецъ Буднацкій синъ Муртузолея и братъ его пріездили на дорозѣ до генераловъ и тамъ присягали на вѣр-

ность, по своему обичаю, цѣлуючи алкоранъ и руку на оний покладаючи и имя Божее по турецку припоминаючи. Караптацкій владѣлецъ прислалъ своего аманата, малого оробіонка. Игралемъ въ карти до ночи зъ Миклашевскимъ, Hageліомъ и Григор. Гамалѣею при моемъ авантажу. Буднаки село не барзо великое, але подобное Ирпелямъ, въ якомъ жилля будетъ на 100, а хочъ болшъ мало, подъ горою болшою лѣсами окритою, сидитъ на ровнинѣ, ниже которой тако жъ равнина низшая, а нижей еще ровнина до мора, близъ которого и пашнѣ ихъ посѣянни, доситъ буйніе, а такъ зъ Буднакъ везде веселій барзо проспектъ.

Іюнь мѣсяць. Середа. 1. Сегодня на семъ же становиску передновалисмо, ожидаючи, що за отвѣтъ будетъ отъ усмея, который аманатовъ отъ себе прислать обѣцалъ. Получено писмо у генералитету отъ усмея, которій и аманатовъ дать, и подданнимъ быть ея величества не желаетъ, а хвалится описать генералитетъ до двору въ С. П. Бурхъ, если бы на оного прійшли, чего ради обявлено зде оного за непріятеля, и приказано всякую имѣти осторожность и лошадей въ день не пускать зъ лагера. Былемъ у полковника Еропкина, где полковникъ Лѣцкинъ росказовалъ про нѣкоторого Фабрицѣя, который отъ двору голштинского, за дѣда нинѣшнего герцога, посиланъ былъ посломъ въ Персѣю и привезлъ 6 пушокъ мѣднихъ, мѣрою въ 3 калибера, который въ Гиспаганъ пріехавши на верблюдахъ, тамъ немалую акцѣю имѣлъ зъ індійцами, поколь по учиненномъ трактату шахъ оного въ дворъ свой принялъ, и отпустилъ назадъ, а онъ въ возвращеніи своемъ землею черезъ гори ишолъ до Гребеней, а оттуду въ Москву и въ Голштинѣю, где и голову ему отсѣчено. Листъ до свѣт. князя написанний переписалъ Трощинскій.

Четвергъ. 2. Сегодня рано рушилисмося зъ вчорайшого ночлѣга и перейшовши черезъ гору, спустилисмося къ мору, а у право были намъ крутіе гори и пройшовши верстъ около 15, сталисмо межи горами лагеромъ, на томъ мѣстцу где его величество блаженной памяти стоялъ въ 1722-мъ году, когда походъ свой имѣлъ до Дербѣнѣ; да тутъ же нападеніе было на его величество отъ

усмея и тавлинцовъ. Въ половинѣ дороги поймани 4 человѣка салдатъ бѣглихъ, зъ Дербенѣ, вологоцкого полку. Зъ донцемъ толмачемъ, ездившимъ до усмея отъ генераловъ въ питаннюся бывшомъ, извѣстился, что усмей хочай первей и склонился былъ дать аманатовъ, однакъ тавлинци призванніе на помочъ, одраили ему тое, а будетъ ихъ сбору на килка тисячей, толко сколко именъно не знаетъ, и 8 пушокъ. Ночлѣгъ нашъ былъ противъ гори, на которой деревня и замочокъ былъ утемашовского князя, якій разоренъ еще 722-го году. Тутъ же внередъ лагера, по близу, течетъ рѣчка малая отъ тавлинскихъ горъ.

Пятокъ. 3. Сегодня рано рушилисмося зъ ночлѣга вчорайшого, перейдя рѣчку и пройшовши верстъ около 10, прійшли надъ рѣчку другую болотную и перейшовши черезъ оную, знову прійшли надъ рѣчку величиною подобную кумтаркалскимъ, толко прудшую зъ горъ текучую, ало неглибокую, и перебравшися черезъ оную, увойшли верстъ около 5 и стали лагеромъ при водѣ и лѣсахъ у право будучихъ, а въ передѣ колодязь гарачій. На дорозѣ колмики поймали одного татарина, а 4 уйшли, которій сказивалъ, что будто сеей ночи мѣютъ татаре на обозъ нашъ вдарить. Зъ Дербенту пріехалъ татаринъ, вчора оттуда увечеру виехавшій зъ писмомъ отъ наипа до генерала Шереметева и протчіими, и зъ тимъ предложеннемъ, чтобъ кромѣ сина усмеіового, жадныхъ иншихъ аманатовъ наши не принимали, поневажъ братанича своего и другихъ и Дербенъ въ аманатахъ давалъ усмей, однакъ они не принязи, вѣдаючи его непостоянство. Зъ лагера того, на которомъ сталисмо, знову рушили и увойшовши зъ версту, стали на ночлѣгъ того ради, что тутъ способнѣйшое показалось мѣсто, а ишли черезъ пшеницѣ и ячменѣ, барзо буйніе и зерномъ великіе, и такъ чистіе, что кукуля непотребного невидать было въ нихъ, толко на нивахъ тихъ каналики маліе частіе покопани для води; день былъ надъ мѣру жаркій, же мусѣлемъ ослабѣти. Передъ заходомъ слонца сдѣлалась у насъ тривога и быто въ барабани и въ шиху всѣ войска стояли, зъ тихъ мѣръ что збоялися наши нѣкоторіе отъ рекгулярнихъ Язикова за атютанта при Якобину будучого, посланного въ Дербенъ

зъ писмами, розумѣючи его здалека бити отъ сторони непріятелской, который посля и заверненъ зосталъ. Знову зъ Дербенту пріехалъ татаринъ, самъ другъ, зъ писмами, что войска въ Дербенѣ обрѣтаючіеся готови до походу въ совокупленіе съ нами обрѣтаются. Козакъ донскій убитъ зосталъ отъ татаръ и припровоженъ въ лагеръ.

Субота. 4. Сегодня рано рушилисмо зъ ночлѣга и увойшовши верстъ зъ 10, пройшли къ солонимъ озерамъ, зъ которихъ нѣкоторіи повисихали и по той землѣ якобы по ліоду ехали, а минувши оніе пріехали къ теплимъ водамъ, которіе здалеку сѣркою пахнуть; а тамъ здѣланна каменная саля, а въ серединѣ оной помянутая вода зъ правой сторони виходитъ отъ землѣ, при якомъ устѣ ей долго палця удержать нелзя, але инде можно свободно и купатись, где многіе зъ офѣцеровъ купалися, а я и протчіе зъ насъ толко парили ноги по колѣна; вода оная якъ висше упомянуто сѣркою барзо пахнетъ и въ оной якоби есть и antimonium Масъ твердилъ, а хочай оная и горачая кажется, однакъ не ворушаючись можно свободно сидѣти, а въ порушенню гарачѣйшая кажется, и потому трудно висидѣти; дѣйствіе оной води якое бы было невидно, толко тое запевне твердятъ, что посля великого поту, который, вийшовши зъ води, показоватись обыклъ, апетитъ исти великій приходитъ; въ бутилку оной води взялемъ зъ собою, которая хочай потомъ и прохолонула, однакъ паху сѣрчистого не утратила и смаку подобного яйцямъ спеченимъ. Поехавши оттуду, увойшли якобы верстъ зъ 5 и прійшли надъ рѣчку прозиваемую Ажбудамъ, величиною подобную Сулаку, але быстрѣйшую немного, и стали тутъ лагеромъ. Въ маршѣ вчорайшого дня пойманний татаринъ сказивалъ, что усмей въ собраніи своемъ имѣетъ на 8000 татаръ, тавлинцовъ 6000, а его усмеіовихъ 2000. Игралисмо въ карти своею компанѣею при нашемъ виграшѣ. У правой руцѣ видни были гори далніе снѣговіе,—черезъ двое горъ близшихъ, где ажъ порудѣли снѣги отъ давнего лежанія.

Недѣля. 5. Сегодня на вчорайшомъ же ночлѣгу служби Божой вислухавши, обѣдалъ я зъ полковникомъ Еропкинимъ, где

увѣдомился, что усмей обрѣтается въ немаломъ собраніи, а пакушинскій кади на суккурсъ ему готовъ есть, такъже и Сурхай. По обѣдѣ рушилисмося и перейшовши корпусъ весь черезъ греблѣ 2 здѣланніе на той рѣчцѣ, увойшли отъ оной зъ версту и стали лагеромъ. Татаре пріехали зъ Дербенѣ зъ тимъ, что Юнкгеръ, комендантъ дербенскій, прислалъ сюда водою лодки для перепроважування черезъ рѣчку, а тутъ 2 лодки старіе знать еще 722-го году, отъ походу государевого осталніе обискались.

Понеделокъ. 6. Сегодня рано рушивши зъ ночлѣга вчорайшого, прийшли надъ рѣчку прозиваемую „ “, собою невеликую, але прудкую и перейшовши черезъ оную, (при которой караулня отъ татаръ каменная недавно здѣланна), прийшли надъ другую малую жъ рѣчку прозиваемую Дарбахъ, отъ вчорайшого ночлѣга за 7 верстъ, и тутъ стали лагеромъ. Пріехали въ лагеръ узденѣ чловѣка зъ 20, отъ наипа зъ Дербенту до генераловъ зъ обсилкою, а у многихъ конѣ персидскіе хорошіе, все аргамаки, и зъ лисмомъ отъ наипа жъ писаннимъ. Сихъ дней владѣлецъ горскій Максимъ Табастранскій на той сторонѣ Дербенту къ Суркаю обрѣтаючійся, поддался подъ протекцѣю и въ подданство ея величества и сина своего въ аманати далъ въ Дербенъ.

Вовторникъ. 7. Сегодня рано полковникъ Еропкинъ, да подполковникъ Сомовъ, и нѣсколко насъ бунчуковихъ, поехали до Дербенѣ и ехали верстъ зъ 15, а когда мы сближилися къ городу, то стрѣтилисмо архимандриту зъ 4-ма попами грузинскими и грузинъ зъ ними зо сто, ехавшихъ до лагера нашего, а близъ города споткалъ насъ комендантъ Юнкгеръ и полковникъ фонъ-Лукей, и съ ними уехавши въ городъ середнѣй, были у наипа дому, где наипъ трактовалъ водкою. Изби у его висланніе коврами и рогожами гилянскими, а столъ и стулля подобіемъ иноземскимъ европейскимъ, посередъ двора деревъ мало есть, але барзо грубихъ, зовемихъ чинаръ, которіе будучи високіе барзо, окривають весь дворъ. Оттуду пойшовши ми пріехали до гостинніхъ дворовъ, на примѣръ астраханского здѣланніхъ, въ которихъ индийци и армене торгуютъ и продаютъ; а оттоль пріехали до квартири пана Холо-

довича, сотника воронѣжского, а оттуду у коменданта и фонъ Юнкера були, где всѣ шумни былисмо, а я мусѣлъ тамъ у фонъ Лукея и ночовать. Покупки справилъ Худолѣй на потребу мою; такъже и вина купилъ чихиру дербенского зъ кабака государевого вѣдерко по 8 гривенъ, бѣлого, а красний продается по рублю. Диспозиція города Дербенѣ таковая есть: на низу и подъ горою жылля подобіемъ Тарковъ отъ гори, на горѣ жъ городъ верхній зъ каменними стѣнами, въ которомъ живутъ рекулярніе, да въ томъ же городѣ есть студня каменная шиею здѣланная, толко пространная въ ширину сажень въ 6, а въ долготу въ 9, и глубока сажень въ 9 же, вода въ оной холодная и чистая и солодкая, въ оную студню вода зъ горъ рурами течетъ, а зъ студнѣ на весь Дербенъ въ низъ стекаетъ; середній городъ полній жилля людского, въ которомъ и самъ наинъ живетъ и гостинніе двори и другіе крами; третій городъ, въ якомъ толко живутъ люде, а дворовъ гостинних нѣтъ, есть и четвертій низшій къ мору, пустий; и всѣ сіе городи одинъ по другомъ порадкомъ отъ гори до мора поселенни и отъ мора жъ ажъ за верхній городъ округъ пойшла стѣна каменная, толстая и висока сажень въ 3; внизу при морѣ между стѣнами здѣланна вновъ земляная крѣпость, внутръ плетней землею насипанни вали, а на той сторонѣ стѣни здѣланъ тріангуломъ бастіонъ каменний, на обоихъ сторонахъ Дербенту великіе розлоги и сади по близу, а подалѣй пашнѣ, гори укритіе лѣсами; а сказиваютъ, что по горахъ отъ Дербенту ажъ до Чорного мора, стѣна каменная пошла и видать по тихъ же горахъ башнѣ, а такъ ли есть, крѣпко недостовѣрно. Дербенци отъ давнихъ повѣстей своихъ сказиваютъ, что Александръ Великій Македонскій, подъ часъ своего въ Персѣи бытія, ради болнихъ своихъ солдатъ, сей городъ заложилъ. Порту тутъ нѣтъ, поневажъ береги откритіе суть и жадного острова; конѣ въ жителей сихъ персидскіе отчасти, а всяку нужду свою отправляютъ ишаками; вина родятся тутъ подобніе волоскимъ, и привозятся лутшіе зъ Шамахи, откуду горами въ мало дней поспѣваютъ.

Середа. 8. Сегодня рано былисмо всѣ у полковника Юнкгера, а фонъ-Лукей зъ паипомъ отехалъ въ лагеръ нашъ и бувши тамъ до вечора, отехалъ назадъ въ городъ; при наипу была немалая ассистенція его подвластнихъ при яничаркахъ, а когда зсѣдалъ на коня, то въ двѣ труби, тоншую и товстую, играли нѣсякъ-нѣтакъ. А о полднѣ поехали зъ Дербенѣ и пріехали въ лагеръ. Заездилемъ до козаковъ нашихъ въ Дербенѣ обрѣтаючихся, и бѣдность ихъ видѣлемъ. Въ Дербенѣ покупки спораженни, тютюну персидского полботмана, тоесть 6 фунтовъ, за 10 зол., ведро вина по 4 гривни, мигдаловъ зъ лушпинами фунтъ по гривнѣ, родзѣнокъ по 8 копѣекъ, цукру по 20 а. фунтъ и проч., на що у Холодовича взялемъ 27 зол., а ему въ закладъ далемъ 3 червонихъ.

Четверъ. 9. Сегодня п. Михайло не имѣлъ пароксизму. Генералъ Шереметевъ и Еропкинъ, ѣздившіе въ Дербентъ, повернулись назадъ у вечеру. Игралисмо у карти при проиграшѣ моемъ. Шихъ, то есть пелгримъ наиповъ, ходилъ зъ писмами до усмея и повернулся зъ ответними листами къ генераламъ и наипу отправленними въ тоей силѣ, чтобъ ему разоренія нечинено, и аманатовъ небрато, понеже зъ того нѣчого не будетъ, ежели бы онъ схотѣлъ бить невѣрнимъ, а онъ желаетъ бить въ вѣрности, и на то смотря и протчіе народи дагистанскіе будутъ въ подданствѣ ея величества. Ехати зась опасается къ намъ, приводя удержку шафкалову, а усмей имѣетъ якоби на 25000; крѣпкій городокъ у его Башли прозивается, где бѣгліе солдати здѣлали крѣпость, а особливая великая деревня називается Кубиче; отъ Башли день ходу, въ которой многіе ремесники и тамъ израдніе яничарки дѣлаются и другіе рѣчи. Генералъ Кропотовъ прійшолъ къ намъ зъ картою, чтобъ Михайлу, хвастовскому полковнику [1]), дать що милостини и я далъ полтину, тако жъ и протчіи зъ бунчуковихъ и отъ штапъ офѣцеровъ.

---

[1]) Повидимому, рѣчь идетъ о Михайлѣ Омельченкѣ, который былъ поставленъ Бѣлоцерковскимъ полковникомъ въ 1704 г., вмѣсто Палія. См. Русск. Стар., 1876 г., № 11, стр. 623.

Пятокъ. 10. Сегодня рано пріехали зъ Дербенту наипъ, комендантъ Юнкгеръ, фонъ-Лукей, Кгарбаръ, для совѣту зъ генералитетомъ о походѣ и забавили они зде до вечора, а отехали шумни. Такожъ и Холодовичъ пріехалъ сюда, и тако жъ у вечеру отехалъ. Онъ же Холодовичъ, въ притомности п. Михайла, сказивалъ, что 1) Гаврило напрасно медлѣлъ тутъ въ Дербентѣ, хочай ему комендантъ и онъ многократно говорили, жебы ехалъ въ Баку; 2) что позно пріехалъ въ Дербенъ; 3) за рибу за 100 лоховъ, хочай давано ему по 25 р., однакъ онъ непродавши, мусѣлъ потомъ по 12 р. продать и то на масло; 4). продали они, за первого своего битія, барило и куфу гор., 5) тютюнъ продавали папушу по 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 и 10 копѣекъ; 5) лодки, виехавши на берегъ, не зволокли на сухо, чего ради розбилась ноччю; 6) до Баки зъ Якимомъ можна было лодкою ехать зъ гор. и за то требовалъ онъ толко 6 р., да не похотѣли; 7) за допросомъ неходилъ до коменданта часто. Степанъ Назаренко, наказний лубенскій, зъ Дербенту пріехавши, просилъ себѣ помощи на Григораша, что онъ его горѣлки куфу продалъ, который за оную тутъ ему далъ 100 зол., а 130 зол. въ Сулаку же отдастъ, на томъ карту далъ. Игралисмо въ карти зъ проиграшомъ моимъ, зъ вчорайшимъ трорублнимъ. По учинившомся консилѣумѣ, посланъ знову шихъ до усмея зъ требованіемъ о присилку аманата, якого наипъ требовать радилъ.

Субота. 11. Сегодня рано былъ я у генерала Кропотова и визичилъ у него 20 р. денегъ, а закладъ черезъ Фридрика послалемъ до Неклюдова писара его, 10 червонихъ. У Еропкина зъ нимъ, Сомовимъ и Мерзлюкинимъ, игралемъ въ карти и 1 р. програлъ. Грузинецъ отъ усмея війшолъ, а зъ Казанишъ шамхалова жена писма прислала черезъ татаръ къ генераламъ и полковникамъ, Лѣцкину и Еропкину. Худолѣй ездилъ въ Дербенъ покупать мнѣ нѣкоторіе рѣчи и покупивши калянъ за 4 р., чаю полъ фунт. и червоніе у Холодовича обминявши, повернулъся назадъ.

Неделя. 12. Сегодня зъ Сулаку писма поприходили, между которими и до нашихъ товарищей были зъ якихъ вѣдомо учинилося: 1) что Леско, кухарь мой, оставленний въ Сулаку, померъ;

2) Василь Томара и Федоръ Ширай, бунчуковіе товарищи, пріехали въ Сулакъ зъ Астраханѣ; 3) генералъ маіоръ Дебриней пріехалъ въ Сулакъ же; 4) багажъ Карпѣковъ зъ домовъ ихъ пріишолъ въ Астрахань. Писма до свѣт. князя и Роппа составивши, отдали до пересилки въ Сулакъ къ Томарѣ. Обѣдалисмо сами у себе, а потомъ передъ вечеромъ и у вечеру, забавлялися гуртомъ около каляна моего. Калянъ накладивать арапъ Шереметева показалъ способъ таковій: тютюнъ висушивши на слонцѣ, руками ростерти дробно, а ростертій водою розмочивши, якъ тѣсто, тимъ обложить увесь ящикъ каменний, а напередъ въ денце уголь и стручки зъ тютюну поперекладать, чтобъ духъ ишолъ, потомъ середину винявши, наложить сухшимъ, толко мало прикропленнимъ, табакомъ и положивши наверхъ уголь, курить. Худолѣй зъ Самойловичомъ Стефаномъ гаразъ сварилися.

Понеделокъ. 13. Сеей ночи, противъ понеделка, дожчъ великій ишолъ, а рано показалися гори снѣгомъ окрити. П. Михайло поехалъ въ Дербенъ зъ Худолѣемъ, которому казалемъ нѣчто купить, где Григ. Гамалѣя продалъ простую водку ведро москов. по 2 р. съ полтиною. У Еропкина зъ нимъ, Сомовимъ и Мерзлякинимъ игралемъ въ карти зъ виграшомъ 40 а. Отъ усмея, черезъ шиха повернувшогося, принесени писма, что онъ аманатовъ тихъ, якихъ требуютъ отсюду, готовъ дать, толко бы зъ Кубечъ иннихъ дать аманатовъ, а не якихъ требовано. Шафкалской жени посланніе отправлени назадъ, зъ тимъ что генерали ради оную охраняти отъ нѣкоторихъ затѣваючихъ ей трудность. А шихъ отъ усмея повернувшійся говорилъ, что наказовалъ усмей, же синъ его присланъ будетъ на присягу къ намъ, а онъ тамъ присягти готовъ за присилкою туда офѣцера, жебы и офѣцеръ тамъ же передомъ присягъ, что усмею никакой впредь трудности не будетъ и города тутъ строити не будутъ наши, и до его никому дѣла не будетъ, зъ чего видна бридня.

Вовторникъ. 14. Сегодня передъ обѣдомъ пріехалъ п. Михайло и Худолѣй зъ Дербенѣ и цукру тамъ купили на нашу потребу 2 фунта, да вина красного шамаханского бутилокъ 10. У

Еропкина былъ я, зъ которимъ ходилъ до Сомова, Мерзлюкина и къ намъ прійшовши, играли тутъ у карти зъ проиграшомъ.

Середа. 15. Сегодня былъ я у службѣ Божой, где Федоръ Чуйкевичъ коммунѣковался, а обѣдалисмо у себе. Вчорайшого дня захоровавшимъ, сегодня рано пускалъ Масъ кровъ зъ медняни: Андрѣю Миклашевскому и Григорію Гамалѣи. П. Михайло поехалъ въ Дербенъ ждать тамъ повороту нашего отъ усмея да зъ нимъ же и Мартина слугу болного отправилемъ. Передъ вечоромъ пріехали въ лагеръ наипъ, Юнкгеръ, фонъ-Лукей зъ командою своею, которой будетъ на 1200 пѣхоти, маіоръ Гарбаръ и Холодовичъ, которіе всѣ, кромѣ послѣднего, были въ консилѣумъ и отправивши оное, отехали, а фонъ-Лукей остался. Видѣлемъ лошадь трави худой наившуюся, ногами задними и передними дрижачую, пѣнячую и падаючую. Море отъ дневнихъ штурмовъ, зипъ (зыбь?) свой зъ превеликимъ шумомъ уже третій день имѣетъ ноччю.

Четвер. 16. Сегодня рано коменда полковника фонъ-Лукея зъ Дербенѣ прійшла, полкъ пѣхотній, рекгулярнихъ 1200 чловѣка, и зъ нимъ же припроваженъ мортиръ болший вагою въ 65 пуд. и 100 бомбъ. Особливе жъ зъ Дербенѣ наипскихъ людей оружейнихъ 500, коннихъ грузинъ и дербенцовъ 500, донскихъ „ “ и малороссійскихъ команди Холодовича 600, а такъ всѣхъ нерекгулярнихъ фонъ-Лукея коменди 1200. Рушили всѣ рано зъ вчорайшого ночлѣга назадъ, перейшовши заразъ рѣчку малую Дарбахъ прозиваемую, на которой ради снаднѣйшого переходу, двѣ греблѣ здѣланни, прійшли до другой рѣчки, у которой и караулня татарская каменная, и перейшовши оную, попрежнему брудма (вбродъ?) при морѣ, остоялися мало, якъбы годинъ зо три; оттуду рушивши прійшли на прежнее мѣстце, где къ Дербенѣ идучи, стоялисмо лагеромъ 6-го юня. недоходя якбы за полверсти рѣчки Ажбудамъ и тутъ расположилисмося лагеромъ. Полковникъ фонъ-Лукей въ маршѣ зехавшись со мною, росказовалъ: 1-mo, что усмей противъ другихъ владѣлцовъ горскихъ далеко богатшій; для того, что онъ тому килка лѣтъ, согласившись зъ Сурхаемъ, Шамаху розрабовали, где много всего набрали; 2-do, а онъ въ собраніи своего войска болше

не имѣетъ якъ на 8000; 3-тіо, да зъ Кубиче города теперъ при немъ людей обрѣтается оружейныхъ на 2000; 4-то, а Кубиче городъ чили деревня великая собою, имѣетъ у себе рѣчъ посполитую, которая змежи себе вибираетъ 12 старшихъ, якіи всѣмъ людомъ правлятъ, а живутъ они ни подъ чіею державою, волніе себѣ, толко что отъ усмея туда хлѣбъ привозятъ, того ради ему мусятъ похлѣбовать, а когда востребуетъ аманатовъ, ему давать. Тамошніе кубическіе жители именуютъ себе иноземцами и отъ повѣстей давнихъ имѣютъ тое, что когда imperium римское обладало и мѣстами нѣкоторими внутръ Персѣи, тогда зъ Риму за вину нѣякую, вмѣсто силки, вислана туда колонѣя и тамъ осажена. Полковникъ Андріянъ Петровичъ Дебриней повернулся зъ Гилянѣ и пріехалъ въ Дербенъ. Былъ у насъ фонъ-Лукей, зъ которимъ ходилисмо до Кочубея, а оттуду всѣ къ нему, где гараздъ смаковали чихиръ. Тогда жъ онъ въ розговорѣ сказовалъ, что Шамаха недалече отъ Дербенѣ, а отъ Баки и велми близко, до которой моремъ Каспѣйскимъ жадного произду нимашъ, того ради, что она за горами сидитъ, якъ бы поближе Баки къ Дербенту и что рѣка Кура по за горами зъ Грузѣи течетъ въ подовжъ еи, начало кажется якбы противъ крѣпости ст. Креста, а противъ Дербенѣ, за горами жъ городъ столечній грузинскій на оной сидитъ, прозиваемій Тефлисъ, а на той же рѣчцѣ городъ славній Генже; ниже того города упадаетъ другая рѣка зовемая Араксъ, якъ бы зъ тоей сторони, где Арменѣя, совокупившись такъ зъ оною рѣка Кура, дале гараздъ Баки упадаетъ у море Каспѣйское, до якого устя отъ Баки день будетъ езди скорой.

Пятокъ. 17. Сегодня всѣ перекгулярніи знаки знову приняли для розезнанія отъ неприятелей, вѣнки зъ щитомъ на головахъ и лѣвая рука перевязаная. Стоялисмо на семъ лагерѣ теперъ для того, что въ прежнемъ переходѣ нашемъ здѣланніе греблѣ припавши вода зъ горъ отъ снѣговъ растаявшихъ, позносила, а теперъ вновъ дѣлать приказано греблѣ. Ездилисмо по обѣдѣ верстъ за двѣ къ горамъ, где видѣлъ я колодязей нѣсколко, въ якихъ нефта чорная, колодязѣ оніе копани узко, але глибоко, сажень у 7 албо

у 8 и болшъ, где зъ споду вибѣгаетъ вода холодная, а наверхъ оной, якъ устоится, нефта горпая, подобная дiогтю доброму, тонкому, якую нефту брали всѣ до лагеру мазать вози. Передъ вечоромъ рушили зъ лагера и перейшовши черезъ рѣчку Ажбугамъ, стали лагеромъ, отъ вчорайшого ночлѣга верстъ за 2. Зъ Дербенту пріехали татаре зъ писмами отъ наипа и усмея, которій противъ прежнего склоннѣй показуется и хочетъ склонитися.

Субота. 18. Сегодня рано былъ я у полковника Лѣцкина, а обѣдалисмо у себе зъ Иваномъ Миклашевскимъ; по обѣдѣ передъ вечоромъ ходилъ я до Еропкина, где зъ нимъ, зъ фонъ-Лукеемъ и зъ Бѣлобашевскимъ игралъ въ карти при своемъ проиграшѣ. Фонъ-Лукей сказовалъ, что пишутъ къ нему зъ Гилянѣ, же тамъ за полъ 9 мисяца собралось зъ купечества въ казну денегъ 80000 монетою персидскою, якая чинитъ 130000 р. Посиланние сегодня отсюду до усмея, повернулись купно зъ Узденемъ ближайшимъ усмеевимъ, башлибекъ, тоесть городка Башли первий зъ началнихъ називаючимся, и зъ писмомъ до генерала Кропотова писаннимъ, яковій уздень его предлагалъ тое, что усмей завтрійшого дня аманатовъ сюда пришлетъ и самъ на вѣрность въ подданство ея величества присягнетъ за себе и за деревнѣ Кубиче и другіе, того ради что отъ нихъ, яко отъ мужиковъ, аманатовъ давать неприлично, и что отъ Буднакъ до воротъ Дербенскихъ и едному чловѣку безопасно будетъ проехать, а если бы что здѣлалось, то онъ готовъ быть за то въ отвѣтѣ.

Неделя. 19. Сегодня по службѣ Божой кушалисмо у себе. Передъ полуднемъ зъ полковникомъ фонъ-Лукеемъ ездилъ я и Іванъ Миклашевскій къ усмею, а ехали за проводникомъ его усмеевимъ, которий насъ долго болотами ведучи, привюлъ до футора усмеіового, где овци его заганяно, близъ которого показалось мотиліокъ краснихъ такое множество якъ саранча, а когда виехали на горку, нестало онихъ въразъ. Оттуду пріехали ми къ лѣсу, где намъ посланній усмеевъ сказалъ ждать отъ Усмея вѣдомости и забавили мы тамъ, при водѣ холодной, часовъ зо два, а потомъ пріехали назадъ къ намъ посланніе къ Усмею татаре дербенскіе,

чтобъ намъ далѣй ехать, и поехали мы со всею командою, которой было рекгулярнихъ рота 1, а нерекгулярнихъ татаръ дербенскихъ 60, и уехавши верстъ зъ 8 отъ первого лѣса, а отъ лагера верстъ зъ 20 и болшъ, приближились къ деревнѣ, которой однакъ за лѣсками не видать было, где и удержалисмося, ждучи усмея, который тако жъ отъ деревнѣ къ намъ ехалъ, ажъ великій барзо пилъ учинилъся отъ нихъ за лѣсомъ; ездилъ близко туда смотрѣти переводчикъ Ібраимъ, который повернувшись, сказалъ, что видѣлъ войско великое, между которимъ было 6 корогвей и 3 бунчука, а потомъ вскорѣ и усмей, зъ своею ассистенціею, показался и прислалъ къ намъ, чтобъ мы ближей къ нему малолюдно пріехали, а такъ мы оставивши всю коменду за версту, пріехали къ нему въ 25 чловѣкахъ, а съ нимъ было зъ 500 чловѣкъ, и когда зехались полковникъ фонъ-Лукей привитался зъ нимъ и зсѣвши съ коней, подъ деревомъ посѣдали на коврѣ, усмей посерединѣ, по правой руцѣ владѣлецъ горскій, дядя шафкаловъ, а по лѣвой салтанъ Мамутъ, нападавшій въ 722 году зъ татарами на его величество блаженной памяти, а полковникъ фонъ-Лукей напротивъ, и мы при немъ; и началъ усмей себе склонного обявлять къ поддайству ея величеству и до присяги, толко отступить велѣвши всѣмъ своимъ, предлагалъ полковнику, чтобъ когда онъ присягу виконаетъ, ему нечинено трудности, владѣнія у его неотнимано тако жъ неои и соляныхъ озеръ. Окончивши тотъ свой разговоръ, проговорилъ за Ібраимомъ роту и скончивши оную, поцаловалъ куранъ, розгорнувши, и къ ротѣ печать свою приложилъ, намазавши мастю якоюсь чорною оную палцемъ; такъ же салтанъ Амутъ и потомъ два сина его, *приходившіе после для присяги и* стоявшіе передъ нимъ, присягнувши они, предложили полковнику, чтобъ и онъ взаимно присягъ, же ему якъ виговоръ имѣетъ, по тому учиненно будетъ полковникъ—инное, же такъ будетъ, а о инномъ же донесетъ генераламъ, твердилъ имъ и положеннемъ на себе знаку крестного утвердилъ и надъ тое Ібраимъ, вмѣсто его, присягъ, а за наипа и дербенцовъ всѣхъ, что впродъ жадной обиди ему не будетъ отъ нихъ, присягъ абизъ дербенскій. По окончені того

полковникъ требовалъ аманатовъ и заразъ онихъ усмей представилъ, между которими былъ синъ салтанъ Мамута маленкій, якихъ отобравши, отехалисмо назадъ, а усмей себѣ жъ къ деревнѣ повернулся, а мы отехавши отъ его передъ заходомъ слонца, пріехали въ лагеръ позно въ ночъ; противъ насъ виездилъ полковникъ Лѣцкинъ и висилано партію рекгулярнихъ и нерекгулярнихъ, думаючи, что зъ нами худо учинилося, яко жъ и можна было думать, поневажъ самохотно въ руки татарскіе далисмося малолюдно. Полковникъ фонъ-Лукей зъ розговору сказовалъ: 1-mo, что теперъ въ Персѣи шаховъ 4, правилний шахъ—синъ меншій шаха старого теперъ въ Астрабатѣ найдуется, якъбы подъ карауломъ хана астрабатского, братъ его старшій въ Аравіи, которому слишно было что mugолъ індійскій будто хотѣлъ помагать, третій Мирведса бунтовщика племѣнникъ въ Іспаганѣ, при которомъ войска въ великомъ собраніи, четвертій новий якійсь бунтовщикъ назвался шахомъ. 2-do. у хивѣйцовъ и бухарцовъ писмо употребляется чагамайское, а въ усмея кайтацкое, неинакшое отъ турецкого. 3-tio, колмики свое писмо имѣютъ отъ индійского mugола и вѣру. Пріехавши мы въ лагеръ, были у генерала Кропотова, оттуду до своей полатки прійшли, где увѣдомились, что слуга Заборовского нехотя зъ пистолета вистрелилъ и коня моего возового вороного у ногу пристрелилъ; и то фонъ-Лукей сказивалъ, что отъ Кабарди до Дербенѣ и за Дербенъ горскіе жители називаются такгистанци, тежъ саміе и тавлинци, понеже tagъ гору низшую, а тавъ гору висшую нарѣчіемъ значитъ.

Понеделокъ. 20. Сегодня кушалисмо сами у себе и зъ нами Тарновіотъ. Полковникъ фонъ-Лукей зъ командою своею рекгулярною и нерекгулярною и зъ мортиромъ, рушилъ сегодня отсюду въ Дербенъ, пожекгнавшись и зъ нами въ наметѣ нашемъ, при которомъ и я поехалъ Худолѣя зъ будкою и палубцемъ въ Дербенъ по п. Михайла. День вѣтраній былъ, а зъ вечера дожчъ черезъ всю ночъ ишолъ зъ вѣтромъ холоднимъ.

Вотторникъ. 21. Порутчикъ московского полку Григорій Прончищевъ померъ, которого тутъ же при стрелбѣ и поховано. Ездилъ [illegible] полконникомъ Еропкиномъ до теплихъ водъ и тамъ до-

(По поводу книги Гретца «Исторія евреевъ отъ эпохи Голландскаго Іерусалима до паденія франкистовъ»). (1890, № 6, 397—408).

373. **Ефименко** А. Турбаевская катастрофа. (1891, № 3, 373—401).

374. **Ефименко** П. Ссыльные малороссіяне въ архангельской губерніи 1708—1802 г. (1882, № 9, 392—412).

375. **Ефименко** П. Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору. (1883, № 5, 169—174).

376. **Ефименко** П. Шпитали въ Малороссіи. (1883, № 4, 709—727).

377. **Ефименко** П. Братства и союзы вищихъ. (1883, № 9—10, 312—317).

378. **Ефименко** П. Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ. (1884, № 4, 693—695).

379. **Ефименко** П. Экономическія замѣтки о старинѣ и матеріалы. (1888, № 4, 52—63).

380. **Z.** По пирятинскому уѣзду (Кое-что изъ прежней жизни лѣвобережнаго священства). (1887, № 4, 790—794).

381. **Залѣсскій** Аполинарій. Южно-русскіе священники, отыскивающіе права дворянства.(1885, № 5, 175—179).

382. **Изъ** временъ упадка Запорожья. (1887, № 8, 783—787).

383. **И.** Н. Чума въ сѣверной части херсонской губерніи 1813 г. (1885, № 5, 153—163).

384. **Ивановъ** П. Переселеніе запорожцевъ на Тамань. (1891, № 7, 133—141).

385. **Ивановъ** П. Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новороссію при Екатеринѣ II. (1891, № 5, 288—297).

386. **Императоръ** Александръ I и разжалованный въ рядовые генералъ Лошаковъ. (1888, № 9, 71—73).

387. **Какъ** получали Запорожцы денежное и хлѣбное свое жалованье. (1883, № 8, 751—755).

388. **Каманинъ** И. Къ исторіи международныхъ отношеній Польши и Россіи. (1882, № 7, 42—60).

389. **Каманинъ** И. Мазепа и его «прекрасная Елена». (1886, № 11, 522—535).

390. **Каманинъ** И. Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по Магдебургскому праву. (1888, № 5, 8, 9, 140—168, 157—195, 597—622)

391. **Каманинъ** И. Кіевляне и Богданъ Хмельницкій въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. (1888, № 7, 69—78).

392. **Каманинъ** И. Малоизвѣстныя историческія лица и событія конца XVIII в. (1891, № 1, 165—173).

393. **Катрухинъ** А. Изъ временъ нашествія Шведовъ на Россію. (1884, № 7, 543—545).

394. **Киричъ** Н. Память объ Антонѣ Головатомъ въ с. Слободзеѣ тираспольскаго уѣзда. (1890, № 2, 346—347)

395. **Китицынъ** П. Малоизвѣстный историческій родъ. (1884, № 6, 342—344).

396. **Китицынъ** П. Острожское имѣніе. (1888, № 4, 22—23).

397. **Китицынъ** П. Турецкое посольство въ 1793 году. (1888, № 10, 26—29).

398. **Китицынъ** П. Малороссійская губернія. (1889, № 8, 534—543).

399. **Кіевское** представительство прежняго времени. (1882, № 5, 178—192).

400. **К—къ** К. Самозванный флигель-адъютантъ солдатъ Семеновъ (1826 г.) (1882, № 12, 519—526).

401. **Кондратовичъ** Ѳ. Задунайская Сѣчь (по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ) При статьѣ

карта Задунайской Сѣчи, портретъ Ананія Иван. Коломійца, планъ Верх. Дунавца и рисун. «Верх. Дунавец.» (1883, №№ 1, 2, 4, 27—66, 269—300, 728—773).

402. **Короленко** П. П. Азовцы. (1891, № 7, 8, 53—74, 171—194).

403. **Костомаровъ** Н. Жидотрепаніе въ началѣ XVIII в. (1883, № 1, 3, 1—26, 477—492).

404. **Костомаровъ** Н. Словечко по поводу замѣчанія о федеративномъ началѣ въ древней Руси. (1883, № 4, 899—901).

405. **Кравченко** Д. О новооткрытомъ славянскомъ богѣ Раѣ.(1886, № 9, 163—171).

406. **Крыжановскій** Е. Учебныя заведенія въ русскихъ областяхъ Польши въ періодъ ея раздѣловъ (1882, № 2, 3, 262—300, 442—478).

407. **Ксендзенко** Александръ. Гетманская усыпальница. (1887, № 2, 353—359).

408. **Кудринскій** Ѳ. Цеховыя братства въ мѣстечкѣ Степани (волынск. губ., ровенскаго уѣзда). (1890, № 7, 88—104).

409. **Кулюмбашъ** И. Междуплеменныя соприкосновенія. (1887, № 12, 795—798).

410. **Къ** исторіи южно-русскихъ братствъ. (Основаніе церкви и братства при ней въ м. Срібномъ полтав. губ., прилукскаго уѣзда). (1886, № 9, 183—191).

411. **Къ** реформѣ Сперанскаго. (1889, № 4, 194—196).

412. **Къ** характеристикѣ эпохи уничтоженія козачества. (1882, № 11, 382—389).

413. **Л.** А. Къ исторіи кіевскаго паломничества. (1890, № 9, 476—497).

414. **Л.** А. Мысль Императора Александра I объ учрежденіи въ Малороссіи козачьихъ полковъ. (1890, № 1, 119—120).

415. **Л.** А. Къ исторіи Мазепиной измѣны. (1889, № 12, 645).

416. **Л.** А. Въ какой обстановкѣ гетманъ Разумовскій объѣхалъ Малороссію въ 1752 г. (1890, № 1, 117—118).

417. **Л.** О. Заботы Петра I объ овцеводствѣ въ Малороссіи. (1889, № 10, 179—182).

418. **Л.** П. Гдѣ жили первые кіевскіе митрополиты: въ Переславѣ или въ Кіевѣ. (1885, № 1, 177—182).

419. **Л.** П. Когда и гдѣ совершилось крещеніе кіевлянъ при св. Владимірѣ. (1887, № 9, 175—185).

420. **Л.** П. О началѣ христіанства въ Кіевѣ до торжественнаго принятія христіанской вѣры при св. Владимірѣ. (1888, № 6, 265—283),

421. **Л—въ** П. Баптизмъ или штунда въ Кіевской губерніи. (1885, № 3, 491—518).

422. **Л—въ** П. Двѣ поправки къ статьѣ: «Свадьба Тимоша Хмельницкаго».(1887,№6—7,583—584).

423. **Л—въ** П. Посмертный разсказъ о. Антонія Ковальскаго (Къ исторіи крестьянскихъ волненій въ кіевской губерніи 1855 г.) (1882, № 1, 2, 174—192, 386—396).

424. **Лазаревскій** А. Властная гетманша. (1882, № 1, 213—214).

425. **Лазаревскій** А. Запорожье въ концѣ XVIII вѣка (Современная записка.(1889,№ 12,628—629—637).

426. **Лазаревскій** А. Къ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. (1891, № 1, 1—18).

427. **Лазаревскій** А. Полтавщина въ XVII вѣкѣ. (1891, № 9, 357—374).

428. **Лазаревскій** А. Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. (1891, № 11, 216—231).

429. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи I. Лизогубы. (1882, № 1, (101—125).

430. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 2. Милорадовичи. (1882, № 3, 479—498).

431. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 3. Миклашевскіе, 4. Свѣчки. (1882, № 8, 243—253, 253—258).

432. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 5 Марковичи. (1884, № 1, 51—82).

433. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 6. Голубы. (1885, № 5, 1—20).

434. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 7. Крыжановскіе. (1885, № 5, 7—14).

435. **Лазаревскій** А. Люди Старой Малороссіи. 8. Кулябки. 9 Ломиковскіе. (1886, № 1, 1—16).

436. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи 12. Афендики, 13. Левенцы, 14. Лѣсницкіе. (1886, № 7, 443—455).

437. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи 15. Бороздны. (1887, № 6—7, 379—395).

438. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи 16. Раковичи, 17. Оболонскіе, 18. Мануйловичи. (1887, № 8, 627—637).

439. **Лазаревскій** А. Люди старой Малороссіи. 19. Жураковскіе, 20. Носенки-Бѣлецкіе, 21. Трощинскіе. (1888, № 11, 364—373).

440. **Лазаревскій** А. Сулимінскій фамильный архивъ. (1882, № 11, 292—327).

441. **Лашкевичъ** А. Родъ Вишневскихъ. (1887, № 5, 73—91).

442. **Лашковъ** Ѳ. Шагинъ-Гирей, послѣдній крымскій ханъ (Историч. очеркъ). (1886, № 9, 37—80).

443. **Лебедевъ** Амф. О борьбѣ духовныхъ властей въ бывшей епархіи бѣлогородской съ суевѣріями. (1890, № 1, 1—21).

444. **Л—ій** О. Потемкинъ и черноморцы. (1887, № 9, 185—190).

445. **Левицкій** О. Южно-русскіе архіереи въ XVI—XVII в. (1882, № 1, 49—100).

446. **Левицкій** Ор. Социніанство въ Польшѣ и Юго-западной Руси. (1882, №№ 4, 5, 6, 25—57 193—224, 401—432).

447. **Левицкій** О. Анна-Алоиза княжна Острожская. (1883, № 11, 329—373).

448. **Левицкій** О. Основныя черты внутренняго строя западнорусской церкви въ XVI и XVII вв. (1884, № 8, 627—654).

449. **Левицкій** О. Очерки стариннаго быта Волыни и Украины (1889, № 4, 11, 92—123, 350—368; 1891, № 1, 2, 19—39, 269—280).

450. **Левицкій** О. Транспортъ вещей Петра I, арестованный на Волыни въ 1701 г. (1890, № 10, 143—147).

451. **Левицкій** О. Тревожные годы. Очерки изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 г.г. I. Пожарныя тревоги. (1891, № 10, 11, 1—21, 169—194).

452. **Левицкій** О. Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ Южной Руси. (1891, № 12, стр. 345—360).

453. **Левицкій** О. Ганна Монтовтъ. (Историко-бытовой очеркъ изъ жизни волынскаго дворянства XVI в.) (1888, № 1, 2 и 3, 94—161).

454. **Левченко** М. Потомки Запорожцевъ на Островѣ Лети (1882, № 5, 344—345).

455. **Левченко** М. Гайдамацкій кутъ. (1882, № 5, 345—348).

456. **Левченко** М. Гдѣ именно жили запорожцы во время подчи-

ненія своего крымскому хану (1709—34 г.) (1882, № 6, 548).

457. **Лелетъ** В. Семейная драма въ Уманскомъ военномъ поселеніи. (1886, № 5, 181—186).

458. **Леонидъ** архимандритъ. Нѣсколько новыхъ замѣчаній къ нашей статьѣ «откуда родомъ была св. великая княгиня Ольга» (Русск. Стар. 1888 г. іюль)—по поводу статьи И. И. Малышевскаго «о происхожденіи великой княгини русской Ольги св.» (Кіев. Стар. (1889, мѣсяцы іюль и августъ). (1889, № 10, I—VIII).

459. **Лилеевъ** М. Изъ начальной исторіи раскола въ Стародубьѣ. (1889, № 8, 9, 376—401, 597—614).

460. **Линниченко** И. Архивы въ Галиціи. (1888, № 8, 349 — 380).

461. **Линниченко** И. Научное значеніе западно-русской исторіи. (1889, № 1, 187—203).

462. **Линниченко** И. Въ какомъ году впервые появились на Руси пушки. (1890, № 1, 132—134).

463. **Л—нко** Арк. Разсказъ о «турбаевской катастрофѣ». (1891, № 9, 493—494).

464. **Лобко** А. Попытка къ уравненію мѣръ и вѣса въ Малороссіи XVIII в. (1889, № 7, 232—239).

465. **Лопулеску**. Русскія колоніи въ Добруджѣ. (Историко-этнограф. очеркъ). (1889, № 1, 2, 3, 117—154, 314—336, 685—704).

466. **Л—скій** А. Судебная «инквизиція» въ бывшей гетманщинѣ. (1886, № 1, 195—198).

467. **Луговой** Ив. Богданъ Хмельницкій и неблагодарная исторія. (1888, № 11, 395—400).

468. **Луговой** А. Н. В. Гоголь въ Гадячской ратушѣ. (1886, № 1, 206—208).

469. **Лучицкій** И. Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. (1891, № 3, 506—508).

470. **М.** Н. Побожье въ XVII и XVIII в. Къ исторіи польскаго землевладѣнія въ Брацлавщинѣ. (переводъ съ польскаго). (1890, № 9, 11, 12, 456—476, 303—316, 412—433).

471 **М.** Н. Споры луцкихъ евреевъ съ мѣщанами во второй половинѣ XVII в. (1888, № 1, 2, 3, 30—35).

472. **Максимовъ** Евг. Страничка изъ исторіи Слободской Украйны (историческое прошлое суджанскаго уѣзда). (1886, № 3, 467—481).

473. **Максимовъ** Евгеній. Къ вопросу о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ Слободской Украйнѣ. (1887, № 9, 93—108).

474. **Малороссійскіе** чины и должности и окладъ ихъ содержанія. (1883, № 6, 381—385).

475. **Малышевскій** И. Происхожденіе русской великой княгини Ольги св. (1889, № 7, 8, 1—27, 325—353).

476 **Маркевичъ** Ал. Къ пребыванью Карла XII въ Бендерахъ. (1889, № 12, 612).

477. **Маркевичъ** А. Марковичи. (1890, № 10, 11, 1—32, 33—55).

478. **Матченко** Иванъ. Къ дѣлу о началѣ единовѣрія въ Кременчугѣ. (1885, № 6, 338—343).

479. **Миллеръ** Ор. Церковь и Византійство. (Памяти Ф. А. Терновскаго и по адресу В. С. Соловьева). (1884, № 11, 419—446).

480. **Милорадовичъ** Г. А. графъ. Родословная дворянъ и князей Кочубеевъ. (1888, № 8, 46—50).

481. **Михаилъ** Чайковскій и козакофильство. (1886, № 4, 763—777).

482. **Мищенко** Ѳ. Къ вопросу о царскихъ скиѳахъ. (1884, № 5, 55—76).

483. **Мищенко** Ѳ. Былъ ли Геродотъ въ предѣлахъ Южной Россіи? (1886, № 6, 349—355).

484. **Молчановскій** Н. Кіевское городское управленіе въ 1786 г. (по протоколамъ засѣданій городской думы). (1889, № 5, 6 и 7, 380—399, 47—63).

485. **Молчановскій.** Н. Англійское извѣстіе 1736 г. о запорожцахъ. (1889, № 11, 444—445—447).

486. **Моравскій** С. Ѳедоръ Лисовскій. 1709—1722. (Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-ой пол. XVIII вѣка. (1891, № 9—10, 427—454, 22—57).

487. **Мякотинъ** В. Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII в. въ кіевскомъ центральномъ архивѣ.(1891, № 2, 300—314).

488. **Н.** Ив. Еще объ Иванѣ ПоповичѢ. (1889, № 11, 429—439).

489. **Н—й** С. Изъ сферы кіевскаго городскаго хозяйства 2 ой половины XVIII ст. (1887, № 6—7, 578—583).

490. **Науменко** В. Стефанъ Яворскій въ двойной роли хвалителя и обличителя Мазепы. (1885, № 9, 172—175).

491. **Науменко** В. Къ исторіи учрежденія кіевскаго дворянскаго собранія. (1889, № 2, 495—499).

492. **Науменко** В. Къ исторіи землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи. (1889, № 12, 642—644).

493. **Нейманъ** Ц. Старая брацлавщина и ея люди. (1889, № 5, и 6, 532—547, № 8, 264—281, № 10, 103—120).

494. **Ни—къ** Ѳ. Какъ готовили Кременчугъ къ встрѣчѣ Имп. Екатерины II. (1883, № 2, 460—464).

495. **Ни—къ** Ѳ. Старинные поздравленія и выборы. (1883, № 2, 464—466).

496. **Николайчикъ** Ѳ. Первыя козацкія движенія въ Рѣчи Посполитой. (1591—1596) (1884, № 3—4, 423—442, 525—564).

497. **Новицкій** И. Князья Ружинскіе. (Памяти М. А. Максимовича). (1882, № 4, 58—84).

498. **Новицкій** И. Настоящее имя первой фундаторки кіевскихъ братскихъ школъ. (1885, № 8, 732—735).

499. **Новицкій** Я. Какъ готовилось Екатеринославское духовенство къ встрѣчѣ Импер. Екатерины II. (1887, № 4, 795—798).

500. **фонъ-Носъ** Ст. Изгонъ Іудеевъ начала XVII в. (1883, № 1, 214—215).

501. **О.** Н. «Бунтъ» сквирскаго магистрата. (1888, № 8, 196—245).

502. **Образованіе** ландъ-милиціи въ полтавской губерніи въ декабрѣ 1806-го года и о избраніи командующаго оною милиціею. (1888, № 10, 30—31).

503. **Оглоблинъ** Н. Воеводскія «вѣстовыя отписки» XVII в., какъ матеріалъ для исторіи Малороссіи. (1885, № 7, 365—416).

504. **Оглоблинъ** Н. Очерки изъ быта Украйны конца XVIII столѣтія. I. Сожженіе вѣдьмы. (1887, № 5, 92—124).

505. **Оглоблинъ.** Н. «Кіевскій столъ» разряднаго приказа. (1886, № 11, 536—552).

506. **Оглоблинъ** Н. Эпизодъ изъ исторіи обращенія кіевскихъ уніатовъ. (1889, № 3, 716—725).

507. **Одинъ** изъ Мазепинцевъ (прилуцкій полковникъ Дмитрій Горленко). (1889, № 10, 190—194).

508. **Онацкій** Д. Къ родословной Полуботковъ. (1887, № 2, 365—366).

509. **Очеркъ** исторіи Юго-Западной Руси. (1885, № 1—6, 19—

56, 282—307, 437—464, 678—716, 21—43, 205—218).

510. **П. Л.** Гадяцкая полковая канцелярія 40-хъ годовъ XVIII столѣтія, ея составъ и содержаніе. (1887, № 8, 780—783).

511. **П.Л.** Обезземеленные «вольные матросы» въ г. Никополѣ херсон. губ. (1888, № 12, 124—129).

512. **Петровъ** Н. Къ исторіи колонизаціи слободской Украины. (1888, № 4 и 6, 23—51, 314—340).

513. **Пишчевичъ** А. С. Бугскіе козаки и украинскіе уланы (1886, № 2, 387—394).

514. **Подолянинъ.** Старинный Южно-русскій дворянскій родъ Слупицъ и ихъ помѣстье Куна. (1886, № 7, 563—570).

515. **Познанскій** Борисъ. Императоръ Александръ I въ Бѣлой Церкви у графини Браницкой. (1889, № 4, 187—190).

516. **Познанскій** Борисъ. Замѣтки о саранчѣ, бывшей въ кіевщинѣ въ 1861 г. (1889, № 9, 752—758).

517. **Познанскій** Борисъ. Воспоминанія о рекрутчинѣ по прежнему порядку. (1889, № 11, 225—256).

518. **Поимка** Гаркуши въ Ромнѣ. (1885, № 10, 404—407).

519. **Полницкій.** А. Нападеніе гайдамаковъ на карантинъ въ Ягодной долинѣ въ 1750 году. (1889, № 5—6, 332—379).

520. **Послѣднія** домогательства Малороссійскаго шляхетства. (1884, № 1, 174—177).

521. **Преслѣдованіе** лаптей колонизаторами Новороссіи. (1886, № 8, 754—756).

522. **Происхожденіе** запорожскаго козачества. (1884, № 8—9, 580—608, 27—52).

523. **Протопопъ** Комаръ и его вторичный бракъ. (1882, № 12, 607—613).

524. **П—скій** Борисъ. Изъ письма въ редакцію о нѣмецко-хохлацкой штундѣ. (1884, № 11, 543—544).

525. **П—скій** Борисъ. Воспоминаніе изъ недалекаго прошлаго. (о школѣ и грамотности въ кіевской губерніи). (1885, № 2, 241—267).

526. **Радакова** Елена. Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора. (1891, № 6, 458—468).

527. **Раина** Могилянка, княгиня Вишневецкая. (Съ портретомъ). (1887, № 11, I—X).

528. **Раскольничьи** слободы въ черниговщинѣ въ первой половинѣ XVIII в. (1886, № 10, 398—400).

529. **Рева** И. Изъ временъ польскаго возстанія 1863 г. (1885, № 4, 790—791).

530. **Расхищеніе** церковныхъ древностей на Волыни. (1891, № 1, 183).

531. **Рудковскій** А. Свѣдѣніе о Бугскихъ козакахъ. (1882, № 11, 389—391).

532. **Русовъ** А. Осада и взятіе Очакова (1788).(1888, № 12, 543—598).

533. **С.** Н. Къ исторіи малорусскихъ церковно-общественныхъ нравовъ XVIII столѣтія. (1884, № 2, 332—333).

534. **С.** Н. Къ исторіи попытокъ сокращенія числа праздниковъ. (1891, № 3, 503—506).

535. **С.** Е. Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. (1891, № 4, 56—67).

536. **Сербы** въ Кіевѣ (1753—1754). (1885, № 2, 381—385, № 7, 505—511).

537. **С—ко.** Изъ исторіи развитія канцелярской переписки въ Малороссіи. (1885, № 5, 173—175).

538. **С—ко.** Н. В. Стороженки (Фамильная лѣтопись). (1884, № 2, 205—222).

539 **С—ъ.** 2 случая изъ борьбы крестьянъ съ евреями за аренду казенныхъ земель. (1884, № 10, 346—351).

540. **Скальковскій А.** Еврейскій плѣнъ въ Запорожьи 1770—1772 г. (1884, № 1, 159—165).

541. **Скальковскій** А. Къ исторіи Запорожья. (1882, № 7, 178—180).

542. **Скальковскій А.** Къ исторіи Запорожья. I «Порубежныя любезности». (1882, № 10, 159—166).

543. **Скальковскій** А. Еще о бугскихъ козакахъ. (См. № 531). (1882, № 12, 598—602).

544. **Скальковскій** А. Къ исторіи Запорожья. Внутренніе распорядки. (1882, № 12, 527—537).

545. **Скальковскій.** Къ исторіи бугскихъ козаковъ. (1883, № 5, 186—187).

546. **Скальковскій** А. Дунайцы. (1885, № 1, 117—132).

547. **Скальковскій** А. Какъ судили и рядили въ Сѣчи Запорожской. (1886, № 3, 604—621).

548. **Скальковскій.** А. Русскіе диссиденты въ Новороссіи. (1887, № 4, 771—782).

549. **Скальковскій А.** Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г. (Отрывокъ изъ напечатанной статьи моей подъ заглавіемъ «Первыя попытки изученія Новороссіи въ 1760—1774. г.)» (1891, № 10, 117—119).

550. **С—овъ.** Н. Ѳ. Къ исторіи цѣнъ въ Малороссіи. (1883, № 12, 696—697).

551. **С—р—ъ** И. Изъ жизни Малороссійскихъ колонистовъ на Сѣверномъ Кавказѣ. (1884, № 7, 467—484).

552. **Старинные** проповѣдническіе амвоны кіевскихъ церквей. (1887, № 5, 206—213).

553. **Старый** Прилучанинъ. Къ турбаевской катастрофѣ. (1891, № 5, 312—313).

554. **Сторожевъ** В. Н. Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в. (1889, № 11, 328—349).

555. **Сторожевъ** В. Н. Къ вопросу о южно-русской колонизаціи. (1890, № 5, 379—380).

556. **Сторожевъ** В. Н. Къ вопросу о колонизаціи лѣвобережной Украины. (1890, № 6, 544—549).

557. **Стороженко** А. Очерки переяславщины. (1891, № 11, 195—215).

558. **Стороженко** Н. В. Къ исторіи рода Свѣчекъ. (1887, № 11, 580—584).

559. **Стороженко** Н. В. Эпизодъ изъ исторіи малорусскихъ крестьянъ. (1888, № 6, 76—78).

560. **Стороженко** Н. В. Къ исторіи землевладѣнія въ эпоху Богдана Хмельницкаго. (1888, № 7, 11—13).

561. **Стороженко** Н. Къ исторіи овцеводства въ Малороссіи. (1890, № 3, 540—542).

562. **Стороженко** Н. В. Изъ исторіи нѣжинскихъ грековъ. (1890, № 6, 540—544).

563. **Стороженко** Н. В. Полуботокъ или Свѣчка? (Эпизодъ изъ исторіи малороссійскаго землевладѣнія 2-ой половины XVII в.) (1890, № 12, 434—447).

564. **Стороженко** Н. В. Реформы въ Малороссіи при гр. Румянцевѣ. (1891, № 3, 478—493, № 9, 455—465).

565. **Судьба** просвѣтительныхъ учрежденій Кіева. (1890, № 11, 317—322).

566. **Сумцовъ** Н. Къ исторіи слободско-украинскаго чумачества. (1884, № 3, 493—498).

567. **Сумцовъ** Н. Историческій очеркъ попытокъ католиковъ ввести въ южную и западную Рос-

сію григоріанскій календарь.(1888, № 5, 235—258).

568. **Т. А.** Еще о Гаркушѣ. (1886, № 11, 569—571).

569. **Т. П.** Къ исторіи польскаго театра въ Кіевѣ. (1890, № 6, 533—540, см. также поправку «К. Ст.» 1890, № 10, 152).

570. **Твердохлѣбовъ** А. Эпизодъ изъ предсмертной борьбы запорожья за цѣлость своихъ владѣній. (1886, № 12, 749—756).

571. **Теличенко** И. Очеркъ кодификаціи малороссійскаго права до введенія свода законовъ. (1888, № 9—10, 415—466, 22—63—68).

572. **Теличенко И.** Изъ исторіи финансовъ въ Малороссіи и слободской Украинѣ. (1888, № 3, 10—15).

573. **Теличенко** И. Протестъ слободской старшины и козаковъ противъ реформы 1765 г. (1888, № 1—3, 244—270).

574. **Теличенко** И. Скорбный листъ малороссійской коллегіи. (1889, № 2, 445—458).

575. **Теличенко** И. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. (1890, № 8—12, 161—191, 390—419, 94—122, 251—272, 471—493; 1891, № 1—2, 73—97, 232—254).

576. **Терновскій** Ф. Излишніе малороссійскіе монахи конца XVIII ст., какихъ они были качествъ и какъ доживали свой вѣкъ. (1882, № 5, 329—337).

577. **Туренко** М. А. Историческія записки о войскѣ Черноморскомъ. (Со времени поселенія онаго на всемилостивѣйше пожалованной землѣ до 1831 г.). (1887, № 3—7, 494—536, 721—746, 125—151, 335—378).

578. **Удѣльный** періодъ и его изученіе. (1883, № 2, 301—318).

579. **Успенскій** Ѳ. Византійскія владѣнія на сѣверномъ берегу Чернаго моря въ IX и X вѣкахъ. (1889, № 5—6, 253—294).

580. **Храневичъ** В. Обращеніе русской церкви въ латинскій костелъ. (Эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія). (1891, № 12, 391—412).

581. **Ц.** К. Движеніе народнаго образованія въ Юго-Западномъ краѣ. (1884, № 8, 725—731).

582. **Ц.** С. Второбрачіе Южно-Русскихъ священниковъ конца XVIII вѣка и его историческіе прецеденты. (По поводу протопопа Комара). (1883, № 2, 429—444).

583. **Чеважевскій** В. Право «презенты» и его значеніе въ исторіи юго-западнаго края. (1888, № 5, 50—53).

584. **Ѳедотовъ Чеховскій** А. А. Волынская полонянница XVI в. и ея «орменскій» обожатель. (1887, № 5, 200—204).

585. **Ш.** А. Дѣятели слободской Украины прошлаго вѣка. (1891, № 6, 423—445).

586. **Шафрановъ.** П. А. О статьяхъ Богдана Хмельницкаго(1654г.) (1889, № 11, 369—391).

587. **Шимановъ** А. Предсмертная поземельная борьба Запорожья (Эпизодъ изъ его пограничныхъ споровъ съ б. слободской Украиной). (1883, № 12, 609—636).

588. **Шимановъ** А. Л. Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губерніи. (Матеріалы по вопросу о старозаимочномъ землевладѣніи. (1882, № 11—12, 191—228, 401—419; 1883, №№ 1, 3, 6, 67—88, 555—594, 249—267).

589. **Шульгинъ** Я. Очеркъ Коліивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ. (1890, № 2—8, 185—220, 381—418, 22—52, 268—

—306,409—426,1—21, 192—223).

590. **Шульгинъ** Я. Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украинѣ въ половинѣ XVIII в. (1891, № 7, 97—118).

591. **Щербина** Ф. Исторія самоуправленія у кубанскихъ козаковъ. (1884, № 2, 223—246).

592. **Щербина** Ф. Бѣглые и крѣпостные въ Черноморіи. (1883, № 6, 233—248).

593. **Щербина** Ф. Колонизація кубанской области. (1883, № 12, 529—545).

594. **Щербина** В. Сѣчевая школа. (1891, № 9, 491—492).

595. **Щербина** В. Судьба одной знатной козацкой фамиліи. (1891, № 10, 122—126).

596. **Щербина** В. Савва Чаленко и Игнатъ Голый. (1891, № 10, 119—122).

597. **Щербины** В. Великорусскіе чиновники въ Кіевѣ въ двадцатыхъ годахъ XVIII столѣтія. (1891, № 11, 302—304).

598. **Эварницкій** Д. Жизнь запорожскихъ козаковъ по разсказу современника-очевидца. (1883, № 11, 497—510).

599. **Эварницкій** Д. Число и порядокъ Запорожскихъ Сѣчей. (1884, № 4, 589—608).

600. **Эварницкій.** Д. Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ. (Изъ поѣздки по запорожскимъ урочищамъ). (1886, № 1, 41—90).

601. **Эйнгорнъ** В. Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 гг.). (1891, № 11, 246—255—258).

602. **Ястребовъ** В. Домашнее воспитаніе начала нашего столѣтія. (1884, № 2, 333—336).

603. **Ястребовъ** В. Греки въ Елисаветградѣ. (Отрывокъ изъ исторіи колонизаціи: 1754—1777). (1884, № 4, 673—684).

604. **Ястребовъ** В. Въ запорожскомъ захолустьѣ. (1885, № 12, 721—729).

в) *Исторія мѣстностей и учрежденій.*

605. **А.** А. Страничка изъ прошлаго города Переяслава. (1889, № 8, 468—489—490).

606. **А.** В. Православный монастырь и его уніатская лѣтопись. (Къ исторіи сатановскаго монастыря подольской епархіи). (1882, № 2, 418—425).

607. **Андріевскій** Ал. По поводу возстановленія Кіево-Межигорскаго монастыря, нѣсколько свѣдѣній къ его исторіи. (1885, № 9, 178—183).

608. **Андріевскій** М. «Давыдова Боженка». (Изъ лѣтописной топографіи кіевскаго Полѣсья). (Съ планомъ). (1885, № 6, 184—204).

609. **Андріевскій** М. Лѣтописный Юрьевъ на Роси. (Топографическое розысканіе, съ приложеніемъ карты). (1883, № 9—10, 1—38).

610. **Андріевскій** М. Перепетовское поле (Розысканіе въ области лѣтописной топографіи, съ приложеніемъ карты). (1882, № 9, 436—456).

611. **Антоновичъ** Вл. Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе (1362—1569 г.). (1882, № 1, 1—48).

612. **Б.** Н. Десятинная церковь. (Съ рисунками). (1888, № 7, 3—8).

613. **Б.** Н. Субботовская церковь. (Къ рисунку Т. Г. Шевченка). (1890, № 9, 506—508).

614. **Багалѣй** Д. И. Три «черкассія» слободы XVIII в. по со-

временному ихъ описанію. (1887, № 6—7, 559—566).

615. **Боцяновскій Вл.** Публичная библіотека въ Житомірѣ. (По поводу ея 25-тилѣтія. (1891, № 8, 254—283).

616. **Бурачковъ** Пл. Замѣтка по исторической географіи южнорусскихъ степей. (1886, № 4, 659, 683).

617. **Бучневичъ** В. Е. Гетманскій городъ. (1885, № 3, 578—580).

618. **W.** На пути въ Іерусалимъ. (Листокъ изъ путевыхъ замѣтокъ 1744 года). (1887, № 5, 204—206).

619. **Васильевъ Михаилъ.** Преданія о лебединскомъ монастырѣ и селѣ Лебединѣ. (1887, № 4, 784—788).

620. **Г. В.** Кіевская публичная библіотека. (1888, № 8, 27—31).

621. **Г. П.** Запорожскій храмъ въ Новомосковскѣ. (Къ рисунку съ фотографіи). (1888, № 1—3, 41—46—48).

622. **Г. П.** 800-лѣтіе со дня освященія церкви Успенія Пресвятой Богородицы въ Кіево-Печерской лаврѣ. (1889, № 9, 777—779).

623. **Гаврышъ** В. Десятилѣтіе каневской публичной библіотеки. (1878—1887 г.). (1889, № 8, 544—549).

624. **Голицынъ** Н. С. Кн. Почаевская Успенская лавра въ концѣ іюля 1855 года. (1882, № 6, 365—380).

625. **Голубевъ** С. Древнія и новыя сказанія о началѣ кіевской академіи. (Къ вопросу о томъ, можетъ ли кіевская академія въ 1889 году праздновать трехсотлѣтіе своего существованія). (1885, № 1, 85—116).

626. **Голубовскій** Петръ. По поводу замѣтокъ по исторической географіи южно-русскихъ степей. (Отвѣтъ г. Бурачкову). (1886, № 5, 168—173).

627. **Горленко** В. Кіевъ въ 1799 году. (1885, № 3, 581—592).

628. **Городня**—мѣсто жидотрепанія XVIII в. (1883, № 1, 208—210).

629. **Д. Е. Владиміро-Волынскій** Мстиславовскій Соборъ XII в. и предстоящее его обновленіе. (Корреспонденція «Кіев. Ст.»). (1886, № 4, 837—839).

630. **Давно** забытая древнѣйшая кіевская святыня. (1884, № 11, 534—541).

631. **Добротворскій Н.** Изъ исторіи одного присеймскаго села. (1887, № 3, 565—571).

632. **Добротворскій Н.** Кудеяровъ курганъ. (1889, № 5—6, 607—609).

633. **Добротворскій Н.** Историческая справка о глушковской суконной фабрикѣ. (1886, № 12, 741—743).

634. **Добротворскій Н.** Къ исторіи глушковской фабрики. (1889, № 8, 532).

635. **Залюбовскій Г.** Новомосковскія учебныя заведенія. (1889, № 5—6, 595—604).

636. **Зозуля И.** Короповъ хуторъ. (1889, № 5—6, 604—607).

637. **Искорость**—древній Коростень или Скоростень. (1882, № 6, 546—548).

638. **Карпинскій И.** Къ юбилею Новгородсѣверской гимназіи. (1889, № 5—6, 633).

639. **Кіево-Печерская Лавра** въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи. (1886, № 5, 6, 7, 8, 10, 11, 26—43, 293—306, 385—409, 613—618, 252—264, 500—519).

640. **Костомаровъ Н.** Поѣздка въ Бѣлую Церковь. (1882, № 5, 241—256).

641. **Кр. Сф.** Особенности статистическаго изслѣдованія курской губерніи. (Курская губ. итоги статистическаго изслѣдованія.

Курскъ, 1887 г.). (1889, № 3, 582—612).

642. **Крыжановскій** Е. Замѣтка на замѣтку о Почаевской Лаврѣ. (1882, № 11, 373—382).

643. **Л. А.** Черниговъ 80 лѣтъ тому назадъ. (Замѣтки старожила). (1888, № 8, 55—62).

644. **Л. А.** «Тепловка». Страница изъ исторіи стараго Батурина. (Къ рисунку). (1890, № 11, 335—339—343).

645. **Л. А.** Къ исторіи церквей города Острa. (1891, № 11, 299—300).

646. **Л. О.** Кіево-Выдубецкій перевозъ на Днѣпрѣ и его неожданная политическая роль. (1882, № 11, 368—372).

647. **Л. О.** Владиміръ-Волынское братство. (По поводу его перваго годичнаго отчета). (1889, № 7, 285—291).

648. **Л. О.** Путевыя замѣтки Н. Д. Иванишева (бывшаго вице-предсѣдателя кіевской археографической коммиссіи, ректора и профессора Кіевскаго Университета). (1882, № 10, 78—88).

649. **Л. П.** Почему Десятинная въ Кіевѣ церковь извѣстна въ народѣ подъ именемъ Десятиннаго Николая? (1883, № 8, 755—757).

650. **Л. П.** Церковь св. Василія. (1888, № 7, 1—2).

651. **Л. П.** Спасъ на Берестовѣ. (1888, № 7, 8—11).

652. **Л. П.** Къ вопросу о началѣ кіевской академіи. (Отвѣтъ С. Т. Голубеву). (1885, № 2, 268—281).

653. **Л—въ П.** Историческія замѣтки о Кіевѣ. (1884, № 10, 227—253).

654. **Л—въ П.** Еще одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Кіевѣ. (1887, № 12, 779—782).

655. **Л—ій И.** Къ исторіи учрежденія семинаріи въ Переяславлѣ. (1888, № 1—3, 35—36—39).

656. **Левицкій Памфилъ.** Прошлое переяславскаго духовнаго училища (бывшей переяславской семинаріи). (1889, № 2, 424—444).

657. **Лучицкій И.** Кіевъ въ 1766-омъ году. (1888, № 1—3, 1—74).

658. **М. К.** Путевые очерки Подолія. (1884, № 5, 7, 9, 10, 1—32, 359—391, 53—81, 254—275; 1885, № 2, 12, 465—489, 651—683).

659. **Матеріалы** для исторіи кіевской духовной академіи. Письма Иннокентія 1820—1825 г. Съ предисловіемъ **Л. М.** (1882, № 3, 499—506—519).

660. **М. Н.** Отъ Случи до Буга Путевыя замѣтки Эд. Хлопицкаго. (Съ польскаго). (1890, № 5, 342—363).

661. **Матеріалы** для исторіи кіевской духовной академіи. (Письма Якова Евдокимова Михайлова (впослѣдствіи Іустина, епископа Владимір.) къ Александру Иван. Бѣлюгову) (1823—1827). (1882, № 7, 106—136).

662. **Маркевичъ Алексѣй.** Къ древней топографіи Кіева. (1887, № 12, 782—787).

663. **Мельникъ К.** На Днѣстровскомъ «Побережьи». (1887, № 8, 638—675).

664. **Миронъ.** Лѣтопись Подгорецкаго монастыря. (1890, № 7, 121—122—128).

665. **Науменко В.** Къ исторіи открытія Немировской гимназіи. (1888, № 12, 116—117).

666. **Оглоблинъ Н.** Къ вопросу о началѣ кіевской академіи. («Выпись изъ книгъ гродскихъ воеводства кіевскаго», 1593 г.) (1886, № 3, 482—494).

667. **П. Л.** Гдѣ находился кіевскій домъ Саввы Туптала сотника? (1887, № 2, 383—384).

668. **Петровъ Н.** Забытыя ино-

ческія обители. (Монастыри Холмскій и Замостьевскій въ общей судьбѣ русско-уніатскаго монашества). (1882, № 6, 8, 1—41, 199—242).

669. **Петровъ** Н. Изъ путешествія въ сѣверо-западный край. (1889, №№ 2, 3, 4, 6, 464—476, 705—716, 174—184, 314—340).

670. **Писаревъ** С. Путевыя замѣтки отъ Смоленска до Кіева. (1887, № 3, 537—544).

671. **Подольское** епархіальное церковное древнехранилище. (1890, № 6, 551—552).

672. **Романовское** старостве и судьба его жителей. (1885, № 8, 607—630).

673. **Садовскій.** Столѣтіе Кіевской первой гимназіи, какъ учебнаго заведенія. 1789—1889. (1889, № 11, 423—429)

674. **Сапожниковъ.** Къ исторіи Кіевскихъ Золотыхъ воротъ. (1886, № 5, 163—168).

675. **Свѣдѣніе** о картѣ Малороссіи полов. XVIII в., инженера Деборскета. (1890, № 8, 316—317).

676. **Смоктій** А. Городъ Умань и Софіевка. (Исторія г. Умани.—Уманская рѣзня.—Софіевка). (1882, № 12, 420—437).

677. **Соборъ** вмѣсто собора (Къ исторіи кіевскихъ соборовъ). (1882, № 2, 413—417).

678. **Стороженко** А. Михайловская и Покровская церкви въ г. Переяславѣ, полтавской губ (къ рисунк. Шевченка). (1891, № 2, 337—351).

679. **Сумцовъ** Н. Ѳ. Малорусская географическая номенклатура. (1886, № 7, 456—489).

680. **Сѣверянинъ.** Къ столѣтію Новгородъ-Сѣверской гимназіи (1888, № 9, 63—70).

681. **Т. А.** Покровская церковь въ Переяславѣ. (1883, № 7, 588—592).

682. **Т. П.** Пятидесятилѣтіе Немировской гимназіи. (1888, № 12, 101—115).

683. **Т. П.** Березенская Вознесенская церковь. (Съ рисункомъ), (1889, № 1, 225—229—231).

684. **Т—ій К. И.** Краткій очеркъ исторіи города Умани. (1888, № 8, 381—394)

685. **Тарнавскій** А. По поводу 50-лѣтняго юбилея Почаевской лавры. (1883, № 12, 681—693).

686. **Твердохлѣбовъ** А. Судьба табачной фабрики, заведенной при Петрѣ I-мъ въ Ахтыркѣ. (1886, № 9, 178—182).

687. **Твердохлѣбовъ А.** Къ исторіи Скельскаго монастыря. (1886, № 10, 392—398).

688. **Тысячелѣтіе Кіева.** *Одного изъ народа.* (1882, № 3, I—VI).

689. **Фисенко** А. Кобелякское повѣтовое училище (1808—1833). (1887, № 10, 387—398)

690. **Цѣлебныя воды** въ Константинограде. (1886, № 10, 402—403).

691. **Эварницкій** Д. Топографическій очеркъ Запорожья. (1884, № 5, 6, 7, 33—54, 177—200, 392—422).

692. **Ястребовъ** В. Херсонесъ Таврическій. (1883, № 5, 30—48),

693. **Ящуржинскій** Х. Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра и дальнѣйшая судьба города. (1888, № 7, 16—25).

III. Литература.

а) Матеріалы.

694. **Антоній** І. д-ръ. Иванъ Подкова. Историческій разсказъ (переводъ съ польскаго). (1885, № 10, 243—276).

695. **Антоній** І. д-ръ. На Шпаковомъ шляху. Разсказъ изъ быта Подоліи начала XVIII вѣка (переводъ съ польскаго). (1887, № 4, 693—720).

696. **Антоній** І. д-ръ. Страшный Іосифъ. (переводъ съ польскаго). (1883, № 9—10, 39—87).

697. **Антоній** І. д-ръ. Судьба красавицы. (Софія Глявоне-Виттe-Потоцкая). (1887, № 1, 99—138).

698. **Антоній** І. д-ръ. Украинскія женщины. (Переводъ съ польскаго). (1883, № 6, 268—309).

699. **Артемовскій-Гулакъ** П. П. Два стихотворенія. Сообщ. И. П. Сокольскій. (1887, № 12, 799—802)

700. **Артемовскій-Гулакъ** П. П. Сочиненія (съ предислов. *А. Потебни*). (1888, № 5, 184—185—208).

701. **Барвинокъ** Ганна. Молотники. (Бытовой разсказъ). (1888, № 6, 341—364).

702. **Барвинокъ** Ганна. Половинщикъ. (Этнографическій разсказъ). (1888, № 12, 478—492).

703 **Барвинокъ** Ганна. Русалка. (Этнографическій разсказъ). (1889, № 7, 64—109).

704. **Вирши** на Рождество Христово. (1882, № 11, 398—400).

705. **Вирша** о сожженіи Мліевскаго ктитора Даніила Кушнира. (Сообщ. Ѳ. Лобода). (1886, № 5, 202—205).

706. **Вирша** на Рождество Христово. (Сообщ. С. И. Пономаревъ). (1882, № 12, 624—626).

707. **Вишенскій** Іоаннъ. Неизданныя сочиненія. (Приложеніе къ стат. И. Житецкаго «Литерат. дѣятельность Іоанна Вишенскаго»). (1890, № 6, 111—112—120).

708. **Вишенскій** Іоаннъ. Сочиненіе. (Приложеніе къ стат. Мирона «Іоаннъ Вишенскій»). (1889, № 4, 21—63)

709. **Владиміра** св. Южнорусское житіе XVII в. (Съ пред. П. В. Владимірова). (1889, № 2, 11—20).

710. **«Вояжъ** по Малой Россіи г. генерала отъ инфантеріи Беклешова». (Стихотвореніе). (1890, № 3, 458—463).

711. **Вопль** Мазепы. (Сообщ. С. Н. И.) (1884, № 12, 658—672).

712. **Выдержки** изъ сборника УкраинскагоДѣвичьяго монастыря. (1883, № 8, 760—764).

713. **Голосъ Малороссіи** конца XVIII в, (Стихи, по поводу назначенія Кречетникова малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ) Съ предисл. А. Л. (1890, № 3, 454—455—457).

714. **Гребенка.** Неизданное стихотвореніе. (Сообщ. М. Комаровъ). (1886, № 9, 176—177).

715. **Двѣ Малорусскія** оды изъ эпохи Наполеоновскихъ временъ (1807—1812). (Съ предисл. О. Лев—аго). (1886, № 1, 187—195).

716. **Двѣ** южно-русскія интермедіи начала XVII в. (Сообщ. М. Т—овъ). (1883, № 12, 652—664).

717. **Дополненіе** къ Пасхальной виршѣ. (1882, № 9, 567—571).

718 **Забила** В. Н. Неизданное стихотвореніе. (Съ предисловіемъ

М. Комарова). (1888, № 4, 15—16—18).

719. **Запорожская** пѣсня, записанная нѣмцемъ отъ нѣмца. Сообщ. (А. Лазаревскій). (1883, № 9—10, 322—324).

720. **Генрихъ Іоссе**. Младшій братъ. Очеркъ изъ Галицкой жизни (перев. съ польскаго). (1889, № 10, 143—160).

721. **Каро** Я. Беата и Гальшка. Историч. разсказъ изъ польско-русской жизни XVI в. (переводъ съ нѣмецкаго Н. М.). (1890, № 1, 2, 3, 95—116, 305—319, 485—525).

722. **Квитка** Г. Ѳ. Неизданный разсказъ. (1887, № 1, 91—98).

723. **Левицкій** И. Старосвѣтскіе батюшки и матушки (повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.). (1884, № 1, 5, 6, 8, 12, 83—110, 88—116, 267—288, 655—680, 586—620; 1885, № 1, 8, 9, 11, 133—156, 630—681, 85—127 466—159).

724. **Левицкая-Пащенко** Юлія. Порченная (Бытовая повѣсть). (1888, № 8, 9, 289—314, 500—522).

725. **Лѣсковъ** Н. Печерскіе антики. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній) (1883, № 2, 3, 4, 235—268, 493—527, 691—708).

726. **Максимовичъ** М. А. Два рукописныя стихотворенія. (Сообщ. В. Науменко). (1891, № 12, 480—482).

727. **Малороссійскія** Рождественскія вирши. (Извѣстны въ окрестностяхъ с. Ксендзовки кролевецкаго у., черниг. губ.—списаны со словъ А. И. Порохонской. (Сообщ. К. В. Болсуновскій). (1889, № 1, 234—236).

728. **Малорусская** историческая шарада. (1885, № 3, 592—593).

729. **Малорусская** политическая сатира на Польшу по поводу ея раздѣла. (1885, № 4, 791—795).

730. **Марковичъ** Д. «На Вовчомъ хуторѣ». (1889, № 8, 428—435).

731. **Марковичъ** Д. «Онъ присягалъ». (1891, № 3, 422—432).

732. **Мачтетъ** Г. А. Бѣлая панна. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній неудавшагося поэта). (1889, № 1, 2, 90—116, 337—387).

733. **Миронъ**. Милліонеръ. Картинка изъ Галицкой жизни. (1890, № 5, 6, 307—326, 427—451).

734. **Миронъ**. «Слава Богу, для начала и это хорошо». (Этюдъ изъ жизни Прикарпатскаго народа). (1888, № 10, 121—148).

735. **Миронъ**. Чума. (1889, № 5—6, 400—437).

736. **На рубежѣ**. Повѣсть (переводъ съ польскаго). (1888, № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 180—243, 64—99, 209—234, 365—388, 315—348, 523—566).

737. **Находка** въ области старинной южно-русской письменности. (Сообщ. О. Левицкій). (1886, № 3, 398—601).

738. **Образцы** старо-семинарской поэзіи. (Съ предисл. П. Левицкаго). (1889, № 11, 450—451—454).

739. **Образчикъ** старинной малорусской эпитафіи. Епитафіонъ о дѣйствіяхъ въ жизни и преставленіи Николая Ивановича Тризны, бунчуковаго товарища. (р. 1694 г.+1776). (Сообщ. А. Лазаревскій). (1885, № 5, 180—181).

740. **Оржешко** Элиза. Вѣдьма. (Полѣсскій разсказъ) (перев. съ польскаго). (1886, № 2, 4, 5, 6, 8, 9, 278—326, 684—707, 79—107, 490—519, 693—726, 81—102).

741. **Остоя**. Нечистая сила. Повѣсть. (Переводъ съ польскаго К. М.). (1889, № 4, 5, 6, 7, 8, 152—173, 507—531, 188—220 491—514).

742. **Отголоски** польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни. (Стихотворный

памфлетъ въ актовыхъ книгахъ XVII ст. Сообщ. О. Л—й). (1887, № 3, 575—579).

743. **Памятникъ** украинской литературы конца XVIII вѣка.(Сообщ. Н. В.) (1891, № 1, 154—161).

744. **Панегирикъ** Кочубеямъ. (1-й половины XVIII в.) (1887, № 6—7, 495—509).

745. **Пасхальная вирша**, «говоренная черноморцами его свѣтлости великому гетману, князю Потемкину на Свѣтлый день праздника Пасхи» (въ 1786—1787 г.). (1882, № 4, 168—171).

746. **Пасхальная** вирша въ спискѣ XVIII ст (Сообщ. О. Л.). (1890, № 5, 375—377).

747. **Пекельный** Марко. (Малорусская легенда въ стихотворномъ переложеніи конца XVIII вѣка). (Сообщ. П. И. Зуйченко). (1885, № 8, 682—692).

748. **Петкевичъ** З. А. Сельскія недоразумѣнія. (Переводъ съ польскаго К. М.). (1889, № 1, 3, 155—186, 645—664).

749. **« Письмо » - Апокрифъ.** (Сообщ. Хр. Ящуржинскій). (1891, № 11, 300—302,

750. **Плачъ** дворянина. (Сатира конца XVIII в.). (1889, № 10, 194—196).

751. **Познанскій** Борисъ. «Полячка». (Видѣнное и слышанное). (1890, № 12, 361—390).

752. **Познанскій** Борисъ. Что слышалось и что видѣлось. (1886, № 5, 108—129).

753. **Политическая** сатира конца XVIII в. (Сообщ. И. К—ъ). (1890, № 5, 369—373).

754. **Правила** Погарскаго благороднаго собранія. (Рукописный памфлетъ 1817 г.). (1888, № 11, 68—72).

755. **Прокоповичъ** Ѳеофанъ. Слово въ день св. равноапостольнаго князя Владиміра. (Приложеніе къ № 7 «Кіевской Старины» за 1888 годъ). (1—14).

756. **Псальма** XVIII столѣтія. (Сообщ. П. Е.) (1887, № 8, 777).

757. **Пѣснь** на случай открытія въ Кіевѣ Университета святаго Владиміра іюля 15 дня 1834 г. (Сообщ. В. Науменко). (1885, № 7, 482—490).

758. **Разговоръ Великороссіи** съ Малороссіей (литературный памятникъ второй половины XVIII вѣка). (Съ предисловіемъ Н. И. Петрова). (1882, № 2, 313—365),

759. **Разговоръ Великороссіи** съ Малороссіей. (Дополненіе къ пред. ст. (1882, № 7, 137—148).

760. **Разсказы** старыхъ людей о старыхъ временахъ. (Сообщ. П. Л—въ). (1884, № 8, 715—725).

761. **Ростовецкій** Василій. Сочиненіе «критика Польскаго Царства». (Малорусская политическая сатира XIX вѣка). (1887, № 6—7, 510—522).

762. **Репьяхъ** Омелько. Не судилъ Богъ. Разсказъ. (1890, № 8, 282—309).

763. **Рогова** О. Сынъ Гетмана. Историческій романъ въ трехъ частяхъ изъ временъ Б. Хмельницкаго. (1890, № 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 221—254, 419—443, 53—83, 227—254, 452—477, 22—58, 224—263, 420—455, 27—48, 273—303).

764. **Рождественскія** вирши въ спискѣ XVIII ст. (Сообщ. О. Л.) (1889, № 1, 242—244).

765. **Руданскій.** Изъ неизданныхъ стихотвореній. (1883, № 2, 471—473).

766. **Руданскій.** Обманутый солдатъ. Стихотвореніе. (Сообщ. А. Я. Кременскій). (1882, № 6, 556—558).

767. **Рукописный** альбомъ Андрея Ищенка 1780—82 г.г.(Сообщ. В. Науменко).(1889,№ 2,488—495).

768. **Савченко** Иванъ (крестья-

нинъ). **Дѣдушкинъ** вексель. (Изъ дѣтскихъ воспоминаній). (1884, № 5, 158—168).

769. **Сарнецкій** Николай. Подсудокъ. Очеркъ изъ волынской хроники (переводъ съ польскаго Н. М.). (1889, № 12, 547—581).

770. **Сатира** на дворянскихъ депутатовъ. (1888, № 1, 2, 3, 25—28).

771. **Сатира** на пановъ въ началѣ 60 годовъ. (Сообщ. В. Науменко). (1890, № 3, 542—546).

772. **Скорбь кіевлянъ** о потерѣ Магдебургскаго права (1835 г.) (современное стихотвор.). (1882, № 5, 352—357).

773. **Словарь** книжной малорусской рѣчи по рукописи XVII вѣка. (Приложеніе къ ст. П. Житецкаго «Очеркъ литерат. ист. малор. нарѣчія въ XVII в. (1888, № 8, 9, 10, 12, 1—104).

774. **Смоктій** А. Картинки народной жизни. (Изъ эпохи перехода отъ козачества къ крестьянству). (1883, № 9—10, 199—236).

775. **Современные** стихи на памѣну Мазепы. (1883, № 7, 596—598).

776. **Сонъ Пресвятой Богородицы** по списку генеральнаго войсковаго судьи Савы. (1887, № 10, 357—360).

777. **Старинный** кантъ. (Сообщ. С. Н. И.) (1886, № 8, 770).

778. **Старинное** малорусское стихотвореніе. (1889, № 10, 161—172).

779. **Старицкая** Л. Живая могила. (Малорусская легенда). (1889, № 10, 70—102).

780. **Стихи** на Рождество Христово. (Сообщ. В. Н—ко). (1891, № 12, 477).

781. **Стихотворный** памятникъ нашествія Шведовъ на Украйну. (Сообщ. К А. Ставровскій). (1883, № 3, 688—690).

782. **Судъ Божій** надъ душою грѣшника. (Южно-русская религіозная драма конца XVII столѣтія. Съ предисловіемъ Ц. Г. Неймана). (1884, № 6, 289—292—305).

783. **Турчинскій**. Тарасъ изъ Ворохты. Изъ быта гуцуловъ. (Переводъ съ польскаго К. М.) (1888, № 11, 326—363, № 12, 493—542).

784. **Тяпинскій** Василій. Предисловіе къ печатному евангелію, изданному въ Западной Россіи около 1570 г. (Съпредисл. П. Владимірова). (1889, № 1, I—II—1—9).

785. **Федьковичъ** Осипъ. Довбушевъ кладъ. (Гуцульская легенда). (1886, № 8, 739—746).

786. **Федьковичъ** Осипъ. Надъ Днѣстромъ. (Разсказъ изъ народной жизни на Буковинѣ). (1890, № 7, 105—116).

787. **Целляріусъ** Б. Два типа и 2 сцены изъ минувшей жизни Южно-Русскихъ монастырей (1883, № 3, 672—680).

788. **Шевченко** Т. Г. Безталанный. (Поэма). (1887, № 11, 456—470).

789. **Шевченко** Т. Г. Близнецы. (1886, № 10, 11, 12, 199—251, 409—444, 589—626).

790. **Шевченко** Т. Г. Варнакъ (1886, № 7, 410—442).

791. **Шевченко** Т. Г. Капитанша. (1887, № 4, 5, 589—620, 1—25).

792. **Шевченко** Т. Г. Княгиня. Разсказъ 1853 года (посв. Б. Ф. Засѣцкому). (1884, № 3, 391—422).

793. **Шевченко** Т. Г. Музыканть (Повѣсть). (1887, № 12, 627—695).

794. **Шевченко** Т. Г. Наймичка. (1886, № 8, 9, 577—612, 1—36).

795. **Шевченко** Т. Г. «Никита Гайдай». (Отрывокъ изъ драмы). (1887, № 10, 277—288).

796. **Шевченко** Т. Г. Прогулка съ удовольствіемъ и не безъ морали (подпись «Дармограй»). (1887,

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЫШЛИ И РАЗОСЛАНЫ ПОДПИСЧИКАМЪ

62 и 63 выпуски

(Майоръ — Марсъ).

НАСТОЛЬНАГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ

изд. бывш. т-ва А. Гарбель и Ко.

(Москва, Большая Никитская, Долгоруковскій переулокъ, д. 8).

Въ текстѣ помѣщены: 1 рисунокъ и 12 портретовъ.

Цѣна выпуску (съ перес). на обыкновенной бум. 30 к., на лучшей бум. 40 к.; цѣна тому (14 вып.) въ переплетѣ на обыкновен. бум. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ 6 р.

Все изданіе составитъ 105—115 вып. (8 томовъ) и будетъ закончено въ текущемъ 1893 году.

Подробные проспекты для ознакомленія съ изданіемъ высылаются по требованію безплатно.

Гг. служащіе въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ пользуются разсрочкой за поручительствомъ казначеевъ.

ВЫШЕЛЪ V ВЫПУСКЪ

„ПО БѢЛУ-СВѢТУ“

Путешествія д-ра А. В. ЕЛИСѢЕВА,

съ оригинал. рисунк. В. Г. Казанцева.

Подписка на журналъ „Природа и люди“ съ приложеніями продолжается. Подписная цѣна съ пересылкою 5 руб. Контора редакціи: Спб., Вознесенскій 47.